

О. П. Маркова

Россия,
Закавказье
и
международные
отношения
в XVIII веке

9(47)
M-25

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

О. П. МАРКОВА

РОССИЯ, ЗАКАВКАЗЬЕ
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
в XVIII веке

51400

4727

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1966

MARKOVA O. P.

RUSSIA, TRANSCAUCASIA AND INTERNATIONAL
RELATIONS IN THE XVIII CENTURY

(Summary)

The monograph is based mainly on archival documents. Works both Russian and foreign are richly used here.

The core of the volume is the last quarter of the XVIII century.

It is not only the policy of Russian government in Transcaucasia that is studied here but also the relations between the peoples of Russia and Transcaucasia: Georgians, Armenians and Azerbaijanians. The liberation movement of the peoples of Transcaucasia and the political orientation of feudals are also shown in the monograph.

The influence of the so-called policy of balance of power on the Russian policy in the Near and Middle East and the interrelationship of Western and Eastern policy of great powers are also studied here.

The author dedicates the book to friendship between nations and tries to expose the obstacles the development of this friendship met with in the past — in the XVIII century.

35371

На рубеже XVII—XVIII вв. война России с Турцией, начавшаяся Азовскими походами Петра I, была прервана войной на севере за выход по Балтийскому морю в Западную Европу. Борьба с Турцией возобновилась в 1735 г. За войной 1735—1739 гг. последовали войны 1768—1774 и 1787—1791 гг.

Союзниками Русского государства в этой упорной и тяжелой борьбе были народы юго-востока Европы (Балканского полуострова) и Закавказья. Порабощенные турецкими, а на Кавказе и иранскими завоевателями, которые угрожали не только их национальному, но и физическому существованию, эти народы стремились освободиться от угнетавшего их ига с помощью России.

Черное и Каспийское моря, куда впадали главные русские реки, были для России естественным продолжением путей в Азию и Южную Европу. В течение XVI—XVII вв. Русское государство развивало торговые связи с Ираном по волжскому пути и с азербайджанцами и армянами в Закавказье. Одновременно оно создавало и политическую опору в центре Закавказья — в царствах Восточной и Западной Грузии — для распространения и укрепления своего политического влияния и противодействия натиску Турции и Ирана.

Но на Черном море безраздельно господствовал турецкий флаг. Султанское правительство считало Черное море внутренним турецким морем и ни в коем случае не допускало появления в нем иностранных судов.

Борьба против Турции вызвала к жизни так называемый восточный вопрос. Его место во внешней политике европейских государств в течение XVIII в. становилось все более значительным. В 60—80-х годах восточный вопрос был одним из наиболее важных в европейской политике. Крымские и кавказские дела, положение славян Балканского полуострова и греков, вопрос о покровительстве России христианам, проблема проливов стали его звеньями.

Обезопасить юг России от турецкой агрессии, добиться права мореплавания на Черном море и свободного выхода из него, т. е. прорубить «южное окно» в Европу и на Восток, — таково было решение восточного вопроса XVIII в. в его русской постановке.

Западноевропейская же дипломатия понимала восточный вопрос как международную проблему раздела Османской империи. Для нее восточный вопрос был «проблемой большого человека и его наследства». Львиную долю «турецкого наследства» стремилась обеспечить за собой Англия.

Восточный вопрос вызывал войны, сложнейшие дипломатические конфликты и разнообразные политические комбинации «друзей» Турции. Разрешение восточного вопроса приняло форму затяжной болезни. Однако по мере дальнейшего хода исторического развития отдельные звенья восточного вопроса постепенно выпадали из общей цепи. Упорные войны, которые вела Россия с Турцией, способствовали освобождению угнетенных народов.

В обстановке международного соперничества прочное положение России на Черном и Каспийском морях, обеспечение свободных выходов в открытые моря и безопасность южных границ государства зависели от надежности позиций Русского государства в Крыму и Закавказье. К укреплению этих позиций Русское государство приступило во второй половине XVIII в., когда экономические интересы властно потребовали внимания к Черному морю. Этого же требовал и рост соперничества европейских держав на Ближнем и Среднем Востоке после окончания в 1763 г. Семилетней войны и особенно после завершения (1783 г.) войн Англии с восставшими американскими колониями и Францией.

Центральной частью настоящего исследования является изучение политики России в Закавказье после Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.). В этот период на первый план выдвигалось стратегическое и политическое значение Кавказа. Задача заключалась в усановлении «барьера» в Закавказье в интересах укрепления позиций России на Черном и Каспийском морях и дальнейшего усиления ее политического влияния в Азии. Установление барьера предполагало создание в Закавказье под покровительством России федерации из дружественных России феодальных владений.

Правительство царской России проявляло интерес и к экономическим ресурсам Закавказья и к торговле с ним. Но эта сторона проблемы в рассматриваемое время не имела того определяющего для русской политики в Закавказье значения, какое придавалось ей в начале 20-х годов XVIII в. (Персидский поход Петра, 1722 г.).

В монографии дается также представление о внешнеполитическом положении Закавказья и о восточной политике России в 20—60-х годах, т. е. в период, предшествующий Кючук-Кайнарджийскому миру. Пользуясь ослаблением Ирана в периоды его затяжных внутренних кризисов и возобновляя свои давние притязания, правительство Османской империи предъявляло

мнимые права на все Закавказье и угрожало оружием. Эти притязания постоянно поддерживались западноевропейской дипломатией, заинтересованной в укреплении собственных позиций на Ближнем и Среднем Востоке и в развитии здесь антирусской деятельности.

Понимание политики России в Закавказье невозможно поэтому без рассмотрения проблемы международных отношений. В данном исследовании освещаются международные отношения в XVIII в., место России в них, характер англо-русских отношений с начала века, выявляется взаимосвязь восточной и западной политики держав и дается представление о том огромном значении, какое имело англо-французское экономическое и колониальное соперничество для отношений России с Ближним и Средним Востоком и для ее восточной политики. Дается представление и о той роли, какую играл в определении этой политики австро-пруссский антагонизм.

Одновременно мы стремились проанализировать и положение в самом Закавказье, внешнюю политику местных владетелей, их политические программы, выявить противоречия в их отношениях. Факт постоянного и настойчивого тяготения народов Закавказья к России и развитие взаимной заинтересованности в сближении, о чем свидетельствует множество документов, привлек наше особое внимание.

Конечная цель исследования заключается в том, чтобы проследить истоки того исторического процесса в русско-закавказских отношениях, который на рубеже XIX в. обусловил наступление нового периода в политике России в Закавказье и привел к решительным переменам в судьбах Грузии, а затем и других народов Закавказья.

Исследование проводилось на основании архивных материалов главным образом Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА). В частности, полностью использован 52-й фонд, архив фельдмаршала Г. А. Потемкина-Таврического, по описям 1/194, 2/203, 3/203. Привлечены также материалы Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), главным образом из фонда Государственного архива, разрядов XV и XXIII, содержащих документы о деятельности фельдмаршала Г. А. Потемкина и командующего на Кавказской линии генерал-поручика П. С. Потемкина, а также разрядов XI и XIX, содержащих материалы по экономике, и некоторых других. Используются также документы Архива внешней политики России (АВПР) из фондов: «Сношения России с Грузией», «Сношения России с Персией», «Сношения России с Турцией», фонд Константинопольской миссии и др.

Были использованы, кроме того, многочисленные публикации документов на русском и иностранных языках, русская и иностранная периодическая печать и литература: описания пу-

тешествий, мемуары, хроники XVII—XVIII вв., монографические работы XIX—XX вв., освещающие положение на Ближнем и Среднем Востоке и связи западноевропейских стран и России с Востоком. Незнание кавказского аспекта восточной политики России, точнее политики в Закавказье в XVIII в., и значение этой политики для развития связей России с народами Закавказья оправдывают выбор темы настоящего исследования. Нужно сказать, что неправильное освещение в зарубежной исторической литературе кавказской политики России и ее отношений с народами Закавказья нередко объясняется именно незнанием вопроса, что дает простор для всякого рода измышлений. Это делает исследование на данную тему еще более актуальным и необходимым.

В советской историографии проблеме отношений Закавказья с Русским государством в XVIII в. не уделено должного внимания, хотя кавказоведение и обогатилось многими важными и интересными работами, посвященными другим периодам и смежным проблемам. Эти работы принесли автору настоящей монографии большую пользу, позволив ему расширить и углубить общен исторический фон, ориентируя его в закавказских отношениях и расширяя возможности критического подхода к трактовке тех или иных проблем историографии.

Назовем лишь некоторые из этих работ. Необходимым пособием при изучении социально-экономических отношений Азербайджана является известное исследование И. Петрушевского «Счерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в.» (Л., 1949). Полезным пособием для изучения политической истории Азербайджана служит изданная в 1948 г. в Баку монография В. Н. Левиатова «Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке».

В 1958 г. в Баку опубликовано исследование Г. Б. Абдуллаева «Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60—80-х гг. XVIII в.». Оно помогает уяснению проблемы внутри- и внешнеполитических связей Азербайджана, раскрывая их новые стороны и анализируя их социально-экономическую базу. В этой работе использованы в основном архивные источники. Новое исследование Г. Б. Абдуллаева «Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией» (Баку, 1965) изучает те же проблемы в более широком аспекте.

Вопросы русско-армянских отношений в XVIII в. и освободительной борьбы армянского народа уже не раз освещались в трудах армянских историков. Назовем только некоторые работы, написанные на русском языке на основе архивных изысканий. Из них прежде всего необходимо отметить работы А. Р. Иоаннисяна «Иосиф Эмин» (Ереван, 1945), «Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия» (Ереван, 1947) и в особенности его более позднее исследование

«Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия» (Ереван, 1958). По постановке темы последняя работа наиболее близка к настоящей монографии¹.

Новое исследование А. Р. Иоаннисяна, результат изучения многих архивных источников, представляет собой заметный шаг вперед в изучении политической истории Закавказья и международных проблем начала XIX в. В качестве критического замечания укажем, что мы не можем признать правильным взгляд А. Р. Иоаннисяна на так называемый греческий проект как на политическую программу, якобы осуществлявшуюся в 80-х годах. По поводу ошибочности этого взгляда мы уже имели случай высказать свое мнение в исторической печати².

Укажем также на вышедшую в 1954 г. в Москве книгу П. Т. Арутюняна «Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века» и на работу М. Нерсисяна «Из истории русско-армянских отношений», кн. 1 (Ереван, 1956, с публикацией материалов по 80-м годам XVIII в.).

Из работ грузинской историографии, освещающих русско-грузинские отношения на основе архивных и литературных материалов, а также проблемы внутренней истории Грузии XVIII в., назовем следующие: Гр. Папава, «Из истории русско-грузинских взаимоотношений первой половины XVIII века» («Труды Телавского государственного педагогического института», т. II, 1957); Г. Пайчадзе, «К истории русско-грузинских взаимоотношений, 1-я четверть XVIII века» (Тбилиси, 1960); В. Г. Мачарадзе, «Русско-турецкая война 1768—1774 гг. и Грузия» (Тбилиси, 1952, автореферат; это единственная работа грузинской историографии по данной теме); Н. М. Кортава, «Западная Грузия в конце XVIII века в борьбе с турецкими захватчиками и ее присоединение к России» (Л., 1953, автореферат); Я. З. Цинцадзе, «Покровительственный трактат 1783 г.» (Тбилиси, 1960); Л. Алексидзе, «Взаимоотношения Грузии с Россией в XIV—XVIII вв.» («Труды юридического университета», т. 94, серия юридических наук, 1963); Д. В. Гвритишвили, «Из истории социальных отношений в поздне-феодальной Грузии (Сатавадо — сеньории)» (Тбилиси, 1961); Ш. А. Месхиа, «Города и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв.» (Тбилиси, 1959). Нельзя не отметить ценные труды академика Н. А. Бердзенишвили по проблемам феодальной Грузии и «Летописи дружбы» В. С. Шадури.

¹ Напомним, что в нашей монографии «Восстание в Кахетии 1812 года» (М., 1951) роли международного фактора посвящена специальная глава: «Значение Закавказья в англо-франко-русском соперничестве периода наполеоновских войн».

² См.: О. П. Маркова, О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.), — «История СССР», 1958, № 4, стр. 52—78.

Для настоящего исследования было также необходимо ознакомление с главнейшими трудами по истории Дагестана. Назовем среди них монографию Р. М. Магомедова «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков» (Махачкала, 1957).

То же следует сказать и о литературе по Северному Кавказу. Исследование Е. Н. Кушевой «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией, вторая половина XVI — 30-е годы XVII века» (М., 1963) дает представление об отношениях России, Турции и Кабарды. Эта работа привлекает внимание не только глубоким анализом материала, но и мастерством постановки проблемы и ее трактовки.

Истории внешних сношений адыгейцев и внутренней их истории советская историография уделяла и уделяет большое внимание. Об этом свидетельствуют труды Н. А. Смирнова, М. О. Косвена, М. В. Покровского, Г. А. Кокнева, Т. К. Кумыкова, Б. В. Скитского, Е. П. Алексеевой и др.

Полезными пособиями, при критическом к ним отношении, служили и коллективные труды — учебники, созданные институтами истории Академий наук Азербайджана, Армении и Грузии.

По экономическим связям России с Закавказьем и Ираном отметим статью А. И. Юхта «Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII века» («История СССР», 1961, № 1), а также статью Н. Г. Кукановой «Русско-иранские торговые отношения в конце XVII — начале XVIII в.» («Исторические записки», т. 57, 1956). Монография М. В. Фехнер «Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке» (М., 1956, 2-е изд.) дала нам возможность установить тенденцию развития торговли России с кавказскими народами.

Из работ, отчасти освещающих русско-иранские отношения, отметим монографию В. П. Лыцова «Персидский поход Петра I, 1722—1723 гг.» (М., 1951), в которой использован важный архивный материал. Не могли быть обойдены при написании настоящей монографии и интересные исследования Н. Д. Миклухо-Маклая по истории Ирана первой четверти XVIII в.

Помимо работ по закавказской тематике и востоковедению большую помощь оказали автору работы, посвященные истории международных отношений. Само собой разумеется, что многочисленные труды Е. В. Тарле по проблемам международных отношений живейшим образом способствовали разработке тематики настоящего исследования.

В советской историографии получила всестороннее освещение та система действий, которая применялась против России во время ее борьбы за Балтику. В научный оборот вошли новые важные данные, добытые многолетними архивными изы-

сканиями. Мы имеем в виду исследования М. М. Богословского, Л. А. Никифорова, Я. Я. Зутиса, Б. Б. Кафенгауза, С. А. Фейгиной, Т. К. Крыловой, Х. Сориной, А. И. Ильина, В. Д. Королюка, Г. А. Некрасова и др.

Меньше внимания в советской историографии было уделено восточному вопросу и черноморской проблеме. Блестящие статьи М. Н. Покровского, вошедшие в сборник «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» (М., 1928), не восполняют этого пробела; его высказывания по кавказским вопросам противоречивы. В «Истории дипломатии» (т. I, изд. 1941 и 1959 гг.) кавказский аспект восточного вопроса отсутствует.

Сама жизнь поставила вопрос о борьбе за выход в Черное море, за свободу мореплавания. Об этом говорится в интересном исследовании А. Н. Шебунина «Русское Черноморье 70—80-х гг. XVIII в. и Академия наук» («Труды Института истории науки и техники», серия I, вып. 8, 1936).

Обусловленность внешней политики России ее внутренним положением, процессом ее социально-экономического развития прослеживается в отношении второй половины XVIII в. в исследованиях Е. И. Дружининой «Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г.» (М., 1955) и «Северное Причерноморье в 1775—1800 гг.» (М., 1959). Эти работы выявляют экономические и военно-стратегические предпосылки продвижения России к берегам Черного моря. Следует упомянуть и монографию А. В. Фадеева «Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период» (М., 1957). Упомянем также исследования по ближневосточной политике России Г. А. Клейнман, И. Н. Мельниковой, А. С. Тверитиновой.

Единственной серьезной работой по истории русско-турецкой войны 1735—1739 гг. является диссертация Е. Б. Шульмана (автореферат, М., 1963), в которой использованы новые архивные и литературные материалы. Заслуживает внимания и другая, более ранняя диссертация, написанная Ш. Д. Вербицким («Русско-французские отношения в 1800—1803 гг.», 1950, фонд диссертаций Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина); автор ставит проблему влияния общественных кругов на внешнюю политику России; в его исследовании охвачены не только годы, отмеченные в заглавии, но и конец XVIII в. Должна быть отмечена и значительная статья Р. С. Ланина «Внешняя политика Павла I в 1796—1798 годах» («Ученые записки Ленинградского государственного университета», вып. 10, 1941 г.).

Ряд интересных работ советской историографии посвящен международным отношениям периода буржуазной революции во Франции. Отметим исследования В. Антюхиной, О. Л. Вайнштейна, А. Л. Нарочницкого, наконец, статью В. Ф. Грачева

«Ближневосточная политика Франции», опубликованную в 1960 г. в IX вып. «Ученых записок» Шуйского педагогического института.

Наиболее близкое отношение к нашей теме имеет монография А. М. Станиславской «Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798—1807 гг.» (М., 1962). Это серьезное исследование привлекает внимание солидной документальной основой и большим кругом использованной литературы. Однако не все в нем представляется нам бесспорным. Отметим наше главное расхождение с автором, касающееся оценки «греческого проекта».

А. М. Станиславская, хотя и признает, что «греческий проект» был нереален и что у царизма отсутствовали средства для его осуществления, считает, что такой проект все же был выдвинут определенной частью правящей верхушки. Но тогда возникает вопрос: что это за часть правящей верхушки и для чего она выдвигала проекты, на реализацию которых не могла рассчитывать? Общеизвестно, что внешняя политика России 70—80-х годов XVIII в. носила вполне реалистический характер, т. е. ставила лишь те задачи, которые могла разрешить.

Ответ, как нам кажется, может быть только один. «Греческий проект» действительно номинально существовал. Но он был выдвинут не частью правящей верхушки, а самой императрицей, и представлял собой не реальный замысел правящих кругов России, направленный на раздел Турции, а лишь искусный прием сложной макиавеллистической политики, имевшей целью нейтрализовать Австрию и принудить Турцию к уступкам в крымском вопросе. Недаром Г. А. Потемкин уверял императрицу, что в военном искусстве, чтобы обеспечить победу, самое главное — устроить врага. И замысел русской дипломатии блестяще удался: Крым был присоединен к Российской империи без пролития крови. «Крым отнял разумом», — писал о Г. А. Потемкине-Таврическом современник событий поэт В. П. Петров.

Однако этот прием русской дипломатии в дальнейшем обернулся против нее самой. Соперники России в борьбе против нее использовали «греческий проект» как проект установления господства России над всей Европой. В результате «греческий проект» осложнил международную обстановку не в пользу России.

Рамки предисловия не позволяют дать критический обзор всей использованной нами зарубежной литературы, посвященной международным отношениям XVIII в. Эта литература количественно почти необозрима, в то время как по вопросам кавказских отношений, наоборот, крайне скудна.

Остановимся на монографии английского профессора Д. М. Лэнга «Последние годы Грузинской монархии, 1658—

1832»³. Это единственная на английском языке книга, целиком посвященная интересующему нас периоду. Она снабжена обширным списком литературы, включающим названия малоизвестных произведений. В ней использованы публикации документов на разных языках, преимущественно на русском и грузинском. Архивы, за исключением французского архива Министрства иностранных дел, автору, по-видимому, не были доступны, так как ссылки на них отсутствуют.

В книге Д. М. Лэнга и в рецензии на нее профессора Аллена (Allen), напечатанной в «The Slavonic and East European review» (vol. 37, December, 1958), история Грузии за последние 150 лет ее политической самостоятельности трактуется главным образом в аспекте «русской агрессии». Иран и Турция, утверждают Лэнг и Аллен, на своих северных границах якобы в течение нескольких веков защищали Кавказ от русской агрессии. Восточная интервенция России началась уже в конце XVI и начале XVII в. В дальнейшем, в XVII в., она развивалась в мирных формах. Новый период военной агрессии начался в первой четверти XVIII в. при Петре I. За ним последовал период «умышленно колеблющейся» политики, направленной на ослабление Грузии и подготовку ее аннексии в 1801 г.

В ином свете рисуются английским автором грузино-иранские отношения в тот же период. По его мнению, при последних Сеферидах начались «кооперация» Грузии с Ираном и ее возрождение, установился баланс национальных элементов, так как в Иране возросло влияние Грузии. Но затем возрождению Грузии при Сеферидах воспрепятствовали вторжения афганцев, русских и турок. Дальнейшие попытки восстановления «равновесия», предпринятые Надир-шахом в середине века и Ага Мухаммед-ханом Каджаром в конце XVIII в., оказались неудачными. (Под «равновесием» автор, очевидно, понимает восстановление иранского господства в Грузии).

Попытка же Ираклия II возродить свое государство с помощью России привела, по мнению Лэнга, к установлению зависимости Грузии от России. В то же самое время Лэнг рисует внутреннее положение Грузии безнадежным, что приводит его к пессимистическому выводу о неизбежности политического краха Грузии, вызванного внутренними причинами. Утверждение Лэнга, что предоставленная самой себе Грузия едва ли могла обеспечить даже свое физическое существование, по мнению Аллена, противоречит оценке, данной Лэнгом грузино-иранским отношениям в период правления царей мухранской линии, как кооперации, которая вела к возрождению Грузии.

³ D. M. Lang, *The last years of the Georgian monarchy, 1658—1832*, New York, 1957.

Многие важные утверждения Лэнга следует объяснить, однако, прежде всего неизученностью вопроса. Так, Лэнг предполагает тяготение мусульман к единой Турции, в то время как документы свидетельствуют о том, что страх перед установлением власти Турции в Восточном Закавказье усиливал тяготение мусульман к России.

Наконец, только неизученностью вопроса следует объяснить утверждение о существовании в 80-е годы XVIII в. у русского правительства плана раздела Турции, с которым Лэнг связывает и движение России в Закавказье. Подобную наступательную политику он подвергает критике как не обеспеченную ресурсами, в результате чего Россия чувствовала себя в Закавказье, как на вулкане. Что касается враждебной России английской дипломатии, то о ней Лэнг умалчивает. По его мнению, враждебные России интриги развивала Франция, Англия же, наоборот, сочувствовала экспансионистской политике России, и так до конца века. Только с прибытием постоянного русского гарнизона в Тбилиси, следовательно, после присоединения Грузии к России, страх перед дальнейшим наступлением России на восток побудил англичан к активной политике на Кавказе, к созданию здесь барьера русскому продвижению. По мнению Лэнга, с тех пор восточный вопрос вошел в новую фазу: Грузия стала узловым пунктом восточной политики России.

О том, как английская дипломатия препятствовала появлению России в Закавказье со времени Петра I, как провоцировала войны и какой характер имело ее «сочувствие» экспансии России, — обо всем этом профессор Лэнг умалчивает. Такое умалчение приводит к неверному, фальсифицированному изображению отношений России и западных держав с Кавказом.

Ничего не говорит Лэнг и об англо-французском соперничестве, которое имело важнейшее значение для международных отношений XVIII в. и без учета которого нельзя полностью понять кавказскую политику держав. Точно так же и политику России на Кавказе нельзя рассматривать изолированно, без связи с другими сторонами ее восточной политики. Нельзя забывать, что не Кавказ, а выход в Средиземное море и установление непосредственной связи с югом Европы составляли первоочередную задачу восточной политики России.

ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ И РОССИЯ в XVIII в.

1. Роль англо-французского соперничества в международных отношениях XVIII в. Принцип «равновесия сил»

Исторический процесс нового времени характеризует борьба европейских держав за господство на морях и в колониях. «Колониальная система провозгласила обогащение последней и единственной целью человечества»¹. Внешняя политика держав, проводившаяся для достижения этой цели, носила макиавеллистический характер. Секретная дипломатия играла при этом постоянную роль.

Колониальное и торговое соперничество между Англией и Францией, раньше других держав ставших на путь буржуазного развития, приняло к концу XVIII в. яростный характер. Оно было той осью, вокруг которой вращалась международная жизнь XVIII и начала XIX в. вплоть до поражения Франции при Наполеоне I.

Англо-французское соперничество отражалось в сильнейшей степени на отношениях между державами, вызывая те или иные комбинации между ними. Эти комбинации обуславливались принципом «равновесия сил» (balance of power), или политического равновесия, который имел исключительное значение в английской политике XVIII в. Руководствуясь этим принципом, островное государство имело возможность выступать в роли третейского судьи континентальной Европы. Истинный смысл теории «равновесия сил» заключался, однако, не в защите интересов континента, а в осуществлении задач английского капитала на континенте. «Политическое равновесие», для поддержания которого предпринимались войны, означало равновесие, установленное после войны за испанское наследство в пользу Англии.

Напомним, что в силу мирных договоров — Утрехтского (1713 г.) и Раштадтского (1714 г.) — Испания должна была

¹ К. Маркс, *Капитал. Критика политической экономии*, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 764.

уступить Гибралтар и Минорку Англии. Значительная часть Италии перешла Австрии; Франция вынуждена была скрыть основное укрепление Дюнкерк, защищавшее ее от нападений Англии. Испанские Нидерланды были отданы Австрии. Устье Шельды, основной водной артерии страны, закрывалось для морской торговли. На границах с Францией в крепостях разместились голландские гарнизоны с целью наблюдения за выполнением договора.

Для поддержания баланса Европы предпринимались не только войны, но и составлялись бесчисленные союзы, особенно в первой половине XVIII в. Они создавались большей частью искусственно, путем различных махинаций и на почве неразрешенных противоречий и поэтому не были прочными.

Поддержание баланса Европы, или «равновесия сил», нередко выражалось в том, чтобы, по замечанию английского министра Джона Картерета, «сталкивать головы королей Европы и вызывать смуты, оказывая тем самым род услуги своей стране»². Проблема безопасности Ганновера давала английским политикам удобные поводы к вмешательству в дела континента. Не случайно поэтому с 1714 г. звание английского короля и курфюрста Ганновера были объединены в лице ганноверского курфюрста.

Влияние Англии обуславливалось не только бурным развитием промышленности, но и разнообразием методов политической борьбы, которую она всегда вела на континенте. Англия планировала системы союзов и посредничала при разрешении конфликтов и заключении договоров. Субсидируя континентальные державы на ведение ею же спровоцированных войн, Англия устанавливала финансовую зависимость от нее этих держав. Вступая в «дружбу» с тем или иным государством, она стремилась превратить его в орудие своей политики.

Одним из лучших примеров союзных отношений подобного рода служит союз Англии с Францией (1716—1731), который не устранил противоречий, существовавших между этими странами. Союз был связан с именами регента Филиппа Орлеанского (управлял Францией после смерти Людовика XIV), кардинала Дюбуа и статс-секретаря Жемса Стенхоупа, объединенных личной дружбой³. Его цель заключалась в поддержании условий Утрехтского мира, прежде всего в закреплении Гибралтара за Англией, а также в укреплении прав Орлеанского дома на французский престол. Ценой союза непопулярное в народе французское правительство покупало для себя

² В. Williams, *Carteret and Newcastle. A contrast in contemporaries*, Cambridge, 1943, p. 2.

³ Lord Mahon, *History of England from the Peace of Utrecht to the Peace of Paris*, vol. I, New York, 1849, pp. 105, 164.

относительное спокойствие. Только два человека защищали во Франции этот договор: сам регент и кардинал Дюбуа.

Благодаря союзу с Францией Англия окончательно завладела Гибралтаром, укрепила свои позиции в Западном Средиземноморье⁴. Это дало ей возможность во второй половине века перейти к освоению и восточной его части.

Поддержка Франции дала возможность Англии перехватить у Испании право выгодной торговли африканскими неграми-рабами в испанских колониях. Франция гарантировала Англии ее торговые привилегии в Испании. С помощью Франции Англия устранила конкуренцию и торговой компании фламандских купцов в Остенде. Уже с конца второго десятилетия торговая деятельность фламандских купцов (статут компании был утвержден императором Карлом VI в 1722 г.) в Индии и Африке возбуждала протесты английских купцов⁵. Союз с Англией противодействовал заключению франко-русского союза, так как Англия требовала принятия и ее в этот союз, на что Россия не соглашалась.

Одним из результатов «дружбы» Франции с Англией было и то, что французский флот в период «дружбы» пришел в плачевное состояние, что было, «быть может, худшим преступлением французского правительства перед нацией»⁶.

Позорная французская дипломатия секретов («секрет регента», «секрет министра», «секрет короля»), которая противоречила официальной политике, также обязана своим происхождением дружбе Орлеанского дома и кардинала Дюбуа с Англией⁷. Их темное происхождение полностью еще не раскрыто, но память о них для француза-патриота тяжела. В истории

⁴ Восхваляя «великих» Стенхоупа и Картерета и «миротворцев» братьев Уолпол, их историографы утверждают, что этот союз превратил Францию в орудие английской политики в споре с Испанией и явился для Англии источником ее сил в Европе. В. Williams, *Foreign policy England under Walpole*, — «The English historical review», vol. XV, 1900, vol. XVI, 1901; В. Williams, *Stanhope. A study in eighteenth century war and diplomacy*, Oxford, 1932; В. Williams, *Carteret and Newcastle...*; J. Edwards, *James first Earl Stanhope (1673—1721) and British foreign policy*, London, 1925.

⁵ N. Laude, *La Compagnie d'Ostende et son activité coloniale au Bengale (1715—1730)*, Bruxelles, 1944; В. Hertz, *England and the Ostend company*, — «The English historical review», vol. XXII, 1907, pp. 255—279; P. Muret, *La prépondérance anglaise (1715—1763)*, Paris, 1937, pp. 139—140.

⁶ «The English historical review», vol. XV, 1900, p. 261.

⁷ M. E. Boutaric, *Correspondance secrète inédite de Louis XV avec le comte de Broglie, Tercier etc. sur la politique étrangère...*, t. 1—2, Paris, 1866; Duc de Broglie, *Le secret du roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques, 1752—1774*, t. 1—2, 2 éd., Paris, 1878; O. Didier et M. Antoine, *Correspondance secrète du comte de Broglie avec Louis XV (1756—1774)*, t. 1, 1756—1766, Paris, 1956; E. Bourgeois, *Le secret de Dubois, cardinal et premier ministre*, Paris, 1909; E. Bourgeois, *La diplomatie secrète au XVIII siècle, ses débuts*, t. 1—3, Paris, 1909—1911; J. Dureng, *Le duc de Bourbon et l'Angleterre (1723—1726). D'après des documents inédits*, Paris, 1911.

русско-французских отношений XVIII в. «секрет короля» Людовика XV сыграл заметную отрицательную роль, что было в прямых интересах соперничества английского капитала с французским. В России это хорошо понимали: «Всеми свету известно, что сие согласие между Англией и Францией дело временное и с главными интересами обоих государств мало сходственное»⁸, — утверждало русское правительство, стремясь к союзу с Францией.

2. Россия в борьбе за морские выходы. Русско-турецко-иранские отношения до союзного договора России с Австрией 1726 г.

С конца XVII в., со времени вступления в активную борьбу за выходы в моря, Россия начала играть постоянную роль в международных делах. Со времени Ништадтского мира (1721 г.) европейские державы уже не могли с ней не считаться. Политика России все больше противодействовала возраставшему могуществу Великобритании. Актом о защите прав нейтральных держав на море (1780 г.) Россия укрепила свой престиж среди европейских держав, страдавших от тирании Англии на морях. Позиция Русского государства в конце века приобрела чрезвычайное значение для исхода англо-французского соперничества.

Основные задачи внешней политики России определялись ее интересами на Балтийском и Черном морях. «...Ни одна великая нация, — писал К. Маркс, — не существовала и не могла существовать в том удалении от морей, в каком пребывала первоначально империя Петра Великого»⁹.

Северная война (1700—1721 гг.) стала рубежом, определившим в значительной степени на весь XVIII век характер отношений между Россией и западноевропейскими державами. Отношения между Австрией и Россией заметно испортились, когда, например, г. Штеттин в устье Одера, отнятый русскими войсками у шведов, был передан во владение Пруссии. Не могло нравиться Австрии и прекращение украинского транзита через ее владения. Транзит был направлен в 1714 г. к балтийским портам.

Уже в первой четверти XVIII в. в сношениях Австрии и Пруссии с Россией и другими державами наметился новый фак-

⁸ Рескрипт Екатерины I А. И. Румянцеву и И. И. Неплюеву от 16 апреля 1726 г., — ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, л. 37, «Дневные записки по Коллегии иностранных дел 1724—1726 годов», ч. 3, л. 319 об.

⁹ К. Маркс, *Secret diplomatic history of the eighteenth century*, London, 1899, p. 87.

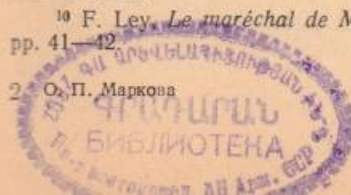
тор отрицательного значения: австро-пруссский антагонизм на пути к гегемонии в Германии. Вестфальский мир (1648 г.), закончивший опустошительную братоубийственную Тридцатилетнюю войну, увековечил раздробленность Германии на сотни самостоятельных владений под верховным управлением Габсбургов как императоров Священной Римской империи. Бессилие немецких владетелей благоприятствовало английской политике «равновесия сил». Помимо того, этому благоприятствовала и изданная 19 апреля 1713 г. императором Карлом VI Прагматическая санкция — закон о новом порядке наследования в доме Габсбургов по прямой нисходящей линии и о вечной нераздельности наследства. За отсутствием мужского потомства наследницей была назначена дочь Карла VI Мария-Терезия. Помимо немецких, славянских территорий и Венгрии в наследство входили и части территории Италии и Нидерландов. Принцип вечного соединения этих разнородных владений под одной короной превращал Прагматическую санкцию в удобный инструмент для возбуждения конфликтов.

Пруссия, стремясь к округлению своих владений и к объединению немецкого народа под управлением прусского короля из дома Гогенцоллернов, склонялась к России. С последней ее, однако, разъединяли по временам противоречия из-за польских дел и австро-пруссский антагонизм.

Русская политика Франции представляла картину постоянных попятных движений, нерешительных действий, колебаний и противоречий. С самого начала века много раз намечалось франко-русское сближение и начинались переговоры о союзе, не доведшиеся до конца. Единственный союзный договор, с привлечением и Пруссии, заключенный в Амстердаме 4 августа 1717 г. в результате визита Петра I в Париж, не мог иметь значения: ему противостоял ранее заключенный договор тройственного союза Англии, Франции и Голландии (11 января 1717 г.). Очевидные выгоды франко-русского союза не только для Франции и России, но и всей Европы, в которых Петр I усиленно убеждал французское правительство¹⁰ и которых желал с такой «горячностью», были для этого правительства не столь очевидны.

Бывший английский посол в России Уитворт в письме лорду Сандерленду от 30 июля 1717 г. по поводу франко-русско-пруссского союза (1717 г.) предостерегал свое правительство: «Для Франции представляется большой соблазн обратиться за вставшуюся дружественную связь с Россией и Пруссией в более тесный союз и образовать против интересов императора силу, опасную для Великобритании и европейского равнове-

¹⁰ F. Ley, *Le maréchal de Munich et la Russie au XVIIIe siècle*, Paris, 1959, pp. 41—42.

сия»¹¹. Попытка России и Франции заключить союз в 1719 г. вновь не удалась из-за настойчивого желания Англии, союзницы Франции, быть включенной в этот союз. Переговоры о союзе, начатые после Ништадтского мира, были сорваны заключением в Шарлоттенбурге союзного договора между Англией, Пруссией и Данией (10 октября 1723 г.)¹². Статс-секретарь Англии Тауншенд, организатор союза, вместе с Картеретом указывал, что союз Англии с Пруссией отдалит Францию от мысли о сепаратном союзе с Россией¹³. Постоянное правило английской политики в течение всего XVIII в. — не допускать сближения Франции с Россией.

Политика Англии по отношению к России особенно проявилась во время Северной войны. Окно в Европу на Балтийском море было открыто Россией при яростном противодействии Англии, которая стремилась лишить Петра I его завоеваний в Прибалтике.

Английская буржуазия прекрасно понимала, какие огромные возможности для мировой торговли и усиления могущества раскрываются для России с приобретением выходов в открытые моря. Поэтому, не воюя с Россией явно, Англия вела постоянную скрытую борьбу, стремясь задержать ее рост, ослабить и свести на роль второстепенной державы.

В XVIII в. Османская империя уже не могла в полную силу осуществлять свои притязания на Черном, Каспийском морях и на Кавказе. Еще в конце XVI в. иностранные путешественники и русские дипломаты отмечали беспорядки в управлении и тяжелое положение населения. Тем не менее и в XVIII в. Турция продолжала держаться политики угроз по отношению к России, расширяя агрессию в сторону Кавказа.

Эта агрессивность усиливалась тем, что в XVIII в. Блистательная Порта превратилась в значительной степени в орудие международного соперничества. Положение на Черном, Каспийском морях и на Кавказе стало объектом постоянного внимания английских и французских дипломатов. В теории «равновесия сил» Турция рассматривалась как удобное вспомогательное средство. Константинополь, по словам английского историка Вуда, был «узловым пунктом» английской политики¹⁴. Для английской дипломатии Турция стала «важнейшей базой антирусских операций»¹⁵.

¹¹ «Сборник Русского исторического общества» (далее — Сб. РИО), т. 61, СПб., 1888, стр. 406—407.

¹² Y. F. Chance, *The Treaty of Charlottenburg*, — «The English historical review», vol. XXVII, 1912, № 105, January, p. 75.

¹³ B. Williams, *Carteret and Newcastle...*, p. 55.

¹⁴ A. C. Wood, *A History of the Levant company*, Oxford, 1935, p. 131.

¹⁵ J. Jacob, *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei in den Jahren 1718—1727*, Basel, 1945, S. 56. Письмо английского посла в Вене Сен-Сафорена статс-секретарю Стенхоупу от 30 сентября 1719 г.

Прекрасные знатоки обстановки на Ближнем и Среднем Востоке — венецианские послы в Константинополе в своих доносениях 20-х годов XVIII в. постоянно отмечали несомненное усиление английского влияния на султанское правительство¹⁶. Уже с конца XVII в. английская дипломатия пользовалась в Константинополе большим влиянием, чем французская¹⁷. Авторитет последней при султанском дворе был ослаблен в результате неудач инспирированных Францией войн Турции с Австрией¹⁸. Английские послы в Константинополе стали заниматься главным образом политической деятельностью¹⁹.

Уже с конца XVII в. английский посол в Константинополе играл роль посредника в сношениях Турции с Европой. «Честь» посредничества при заключении Карловицкого мира была куплена послом Пэдджетом у турецких министров за 50 тыс. талеров²⁰. Английский посол Саттон (1701—1716) был дружен с реис-эфенди и великим везиром и, по свидетельству историка Турции, многие сведения и информации о России получал официальным путем²¹.

Антирусская политика Турции в Закавказье с конца XVII в. постоянно поддерживалась Англией. В Европе хорошо знали, какую тревогу начиная со второй половины XVII в. внушала султанскому правительству усиливавшаяся мощь России. Рико, секретарь английского посла в Константинополе, автор широко известного труда о Турции, писал в конце 60-х годов XVII в., что турки страшатся военной силы русских и тех надежд, которые возлагают на Россию греки и другие христианские подданные Турции²². Несколько ранее (в 1621 г.) французский дипломат Курменен, посланный Ришелье в Турцию и Персию, писал о грузинах: если бы не боялись могущества султана, то «они бы предпочли соединиться с великим князем московским, от которого они надеялись бы иметь большую пользу по той причине, что он их веры»²³.

¹⁶ M. L. Shay, *The Ottoman empire from 1720 to 1734 as revealed in dispatches of the Venetian baili*, Urbana, 1944.

¹⁷ [P.] Ricaut, *Histoire de l'état présent de l'Empire Ottoman*, trad. de l'anglais, Paris, 1670, pp. 168—169.

¹⁸ P. Masson, *Histoire du commerce français dans le Levant au XVIII siècle*, Paris, 1911, p. 250.

¹⁹ Известный историк Турции Иосиф Хаммер говорит, что со времени Карловицкого конгресса морские державы были лучшими информаторами Порты. J. von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, Pesth, 1836, S. 319. См. также: A. C. Wood, *The English embassy at Constantinople 1600—1762*, — «The English historical review», vol. 40, 1925, № 159, July, p. 545.

²⁰ J. von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd III, 1835, S. 907.

²¹ «The Despatches (1710—1714) of Sir Robert Sutton, ambassador in Constantinople», ed. by Akder Nimet Kurat, London, 1953, p. 8.

²² [P.] Ricaut, *Histoire de l'état présent de l'Empire Ottoman*, pp. 172—173.

²³ Цит. по: Г. Жордания, *Очерки по истории франко-русских отношений*, ч. II, Тбилиси, 1959, стр. 193.

Существующее в исторической литературе мнение о небольшой якобы заинтересованности Англии в делах на Ближнем и Среднем Востоке до эпохи промышленного переворота, т. е. до последних десятилетий XVIII в., опровергается многими историческими данными. Уже с начала захватов в Индии и возникновения упорной борьбы за шелковый рынок Ирана пристальное внимание Англии было приковано к Востоку. Английская буржуазия очень рано начала интересоваться связями России с Кавказом и положением России на Каспийском, Азовском и Черном морях.

В 1699 г. в Лондоне были изданы два письма Крелля о современном положении «Московии» и деятельности Петра I на Азовском море²⁴. Автор этих писем сообщает об опасных, по его мнению, для турок планах Петра I, который, строя канал Волга — Дон и создавая огромный флот, стремится быть господином на Черном море и будет угрожать Константинополю; Крым будет принадлежать ему. Петр не остановится, пока не будет открыт свободный проход через канал и пока он не добьется свободы торговли с другими нациями. Государство Петра может стать самой могущественной военной державой во всем мире.

Опасаясь за английские интересы в Индии, Крелль советует миролюбивой политикой отвлекать («to lull them asleep») внимание Петра от дальнейших успехов на юге и допустить свободную торговлю через канал.

Подготавливая войну с Францией и Испанией за испанское наследство, Англия и Голландия убедили Австрию прекратить успешную для нее войну с Турцией, чтобы принять участие в новой войне. Антитурецкая коалиция распалась: Австрия, Венеция и Польша 16(26) января 1699 г. заключили с Турцией Карловицкий мир.

Весной 1698 г. при свидании с Петром I Вильгельм III, английский король, уговаривал его заключить мир с турками, предлагая свое посредничество. Он подарил Петру яхту и уверял его, что был бы в восторге, если бы мог удовлетворить претензии Петра к Швеции, т. е. предоставить России порт на Балтийском море²⁵.

Нельзя упускать из виду то обстоятельство, что Северная война началась при «дружественном поощрении» Вильгель-

²⁴ [Jodocus Crull], *The Present condition of the Muscovite empire till the year 1699, in two letters* (...), London, 1699. Автор, родом из Гамбурга, писатель и переводчик, бывал в России, умер в 1713 г. (M. S. Anderson, *Britain's discovery of Russia 1553—1815*, London, 1958, p. 51). Библиографические сведения о сочинениях Крелля см.: А. И. Андреев, *Петр I в Англии в 1698 г.*, — сборник «Петр Великий», М.—Л., 1947, стр. 98—99.

²⁵ А. И. Андреев, *Петр I в Англии в 1698 г.*, — «Петр Великий», стр. 68. Автор приводит это сообщение из первоисточника — записок по истории России барона Гюйсена (на французском яз.), сохранившихся в Архиве АН СССР.

ма III, в то же время поднимавшего Карла XII «всяким образом на Россию»²⁶. Война России со Швецией благоприятствовала политическим видам Англии и на Западе и на Востоке: она отвлекала Карла XII от помощи Франции, которой Вильгельм III опасался, а Петра I — от разрешения черноморской проблемы.

Турецкий историк, редактор сравнительно недавно изданных донесений английского посла Саттона, указывал на то, что позиции Англии в отношении Турции, России и Швеции в это время определялись интересами войны за испанское наследство. «С политической и экономической точки зрения интересы Британии требовали предупреждения войны между Россией и Турцией»²⁷, — писал он. По окончании войны за испанское наследство Англия, наоборот, всячески стремилась развязать войну России с Турцией, чтобы заставить Петра I прекратить успешную войну на Балтийском море и ослабить позиции России на путях в Индию, т. е. на Каспийском море и в Закавказье.

В черноморской политике России кавказская проблема имела огромное значение. В разрешении этой проблемы дипломатия английского капитала так же противодействовала России, как и в разрешении балтийской и черноморской проблем.

На Карловицком конгрессе (1698—1699) английский посол Пэджет поддерживал требование Турции о возвращении ей Азова и укреплений в низовьях Днепра, советовал требовать запрещения строить на границе новые и чинить старые крепости²⁸. Соглашение с Турцией на этих условиях не было возможно в течение двух лет.

Константинопольским договором (1700 г.) Азов был признан за Россией. Первый натиск у «южного окна» был отражен, но он возобновился после Полтавской победы (1709 г.).

По Прутскому договору (12 июля 1711 г.) Петр I обязался уничтожить порт Таганрог, срыть крепость Азов, не заводить флота, не держать постоянного посла в Константинополе, отказаться от вмешательства в дела Польши, Кабарды и запорожцев — «никако их не замать»²⁹. Турция претендовала на Кабарду. Россия, уже в XVI в. принимавшая от кабардинцев присягу на «подданство», это право оспаривала.

Когда успехи на Балтийском море начали предсказывать выгодный для России мир, а на юге возникла угроза потери

²⁶ Записка А. И. Остермана. «Генеральное состояние дел и интересов все-российских со всеми соседними и другими иностранными государствами» 1724 г., — ЦГАДА, ф. Воронцовых, 1261, оп. 1, д. 298 на 40 листах, л. 13 об.

²⁷ «The Despatches (1710—1714) of Sir Robert Sutton...», p. 7.

²⁸ М. Богословский, *Петр I*, т. III, М., 1946, стр. 414—415.

²⁹ Т. Юзефович, *Договоры России с Востоком, политические и торговые*, СПб., 1869, стр. 11—14.

Гибралтара³⁰, Англия приняла чрезвычайные меры. Статс-секретарю Стенхоупу удалось заключить четверной союз между Англией, Францией, Австрией и Голландией (1718 г.). Испанский флот был уничтожен. Гибралтар остался за Англией. Австрийское господство в Италии было сохранено. Види России на сближение с Францией и Испанией для установления новой системы равновесия в Европе были разрушены.

Не столь успешной оказалась политика Англии в Константинополе после заключения при ее содействии Пассаровицкого мира (1718 г.), прекратившего победы Австрии над Турцией. Австрия была освобождена для войны с Испанией, но побудить Турцию к войне с Россией не удалось.

Переписка между английскими дипломатами Сен-Сафоре-ном (Вена) и Робертом Саттоном (Константинополь)³¹ свидетельствует о попытке использовать с этой целью польские дела. 5 января 1719 г. между Англией, т. е. королем Георгом I (он же ганноверский курфюрст), Австрией и Саксонией, т. е. польским королем Августом II, был заключен оборонительный союз — так называемый 1-й Венский договор якобы в защиту прав и свободы Польши. Участники договора обязались противодействовать проходу русских войск через Польшу.

В Письме Георгу I от 15 марта Петр категорически протестовал против Венского договора³². С 1719 по 1731 г. дипломатические, но не торговые, отношения между Россией и Англией были прерваны. В это время, ежегодно, вплоть до возвращения консула в 1729 г., издавалась в Петербурге декларация о свободе торговли английского купечества в России.

Английский посол в Турции Авраам Стэнъян подробно информировал великого везира Ибрагима о договоре 1719 г. как о союзном договоре, направленном против России³³. В письме от 8 октября 1719 г. статс-секретарь Стенхоуп побуждал кардинала Дюбуа снабдить французского посла в Константинополе маркиза де Бонака инструкцией, имеющей целью вызвать конфликт между Турцией и Россией³⁴. Секретные инструкции министра Картерета (середина 1720 г.) Стэнъяну и Сен-Сафоре-ну требовали подталкивать Турцию к войне с Россией, пользуясь известными им каналами³⁵.

Франция, союзница Англии после Утрехтского мира, под-держивавшая Англию в борьбе с Испанией, в Константино-

поле заняла противоположную позицию. Она мирила Турцию с Россией, выступала против войны ее с Ираном и под-нимала ее против Австрии. В 1720 г. маркиз де Бонак содействовал заключению «вечного мира» между Россией и Турцией, успешно противодействуя антирусской деятельности Стэнъяна. Османское правительство пошло навстречу доводам русского уполномоченного А. И. Дашкова, высказанным в представленном им дивану меморандуме³⁶. Дашков указывал на опасность, которая возникала для Турции от сближения Австрии с Польшей, и на выгоды соединения Турции с Россией, дружба с которой послужит противовесом австро-польской дружбе. Это означало, что Турция может рассчитывать на Россию в борьбе с Австрией, с тем врагом, который чуть было уже не покончил с существованием Турции в Европе. Несомненно по этой же причине великий везир Ибрагим проектировал после Ништадтского мира союз с Россией³⁷. О наличии идеи реванша в планах турецкого правительства свидетельствовало отправление в Париж посольства Мухаммеда Сеид-эфенди в 1721 г.³⁸ В отношении Австрии точки зрения французского и султанского правительств совпадали.

Английский посол Стэнъян и австрийский Дарлинг препятствовали сближению де Бонака с Дашковым. Стэнъян настаивал перед везиром на высылке Дашкова. Он всячески противодействовал учреждению постоянного русского представительства в Константинополе, возражал против уступок России в польском вопросе, убеждал в существовании «русской опасности» для Турции³⁹. Он протестовал против договора после его заключения⁴⁰. Несмотря на энергичную антирусскую деятельность, поднять турок на новую войну с Россией английской дипломатии не удалось.

Договор о «вечном мире» 5(16) ноября 1720 г. имел очень уступчивый по отношению к Турции характер⁴¹. России предстояло окончание тяжелого поединка со Швецией, для организации победы на Севере ей необходимо было иметь свободные руки на Юге. К тому же назревали серьезные события в Иране, поэтому Россия и по этой причине была заинтересована

³⁰ G. T. Garrat, *Gibraltar and the Mediterranean*, London, 1939; Stetson Conn, *Gibraltar in British diplomacy in the eighteenth century*, London, 1942.

³¹ J. Jacob, *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei...*, S. 36.

³² Н. Н. Бантыш-Каменский, *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*, ч. I, М., 1894, стр. 132.

³³ J. von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, S. 178—179.

³⁴ J. Jacob, *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei...*, S. 45.

³⁵ J. F. Chance, *Georg I and Peter the Great after the Peace of Nystad*, — «The English historical review», vol. XXVI, 1911, № 102, April, p. 298.

³⁶ «Documente privitoare la Istoria Românilor culese de Eudoxiu Hurmuzaki», vol. VI, 1700—1750, București, 1878, pp. 341—346.

³⁷ M. L. Shay, *The Ottoman Empire from 1720 to 1734...*, p. 89.

³⁸ Mohammed Hekmat, *Essai sur l'histoire des relations politiques irano-ottomanes de 1722 à 1747*, Paris, 1937, p. 11.

³⁹ J. Jacob, *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei...*, S. 43, 57—66.

⁴⁰ H. Uebersberger, *Russlands Orientpolitik in den letzten zwei Jahrhunderten*, Bd I, Stuttgart, 1913, S. 124; J. von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, S. 179.

⁴¹ «Полное собрание законов Российской империи», т. VI, СПб., 1830, № 3671, стр. 253—260 (далее — ПСЗ).

в мире с Турцией. Новый договор в очень решительной форме подтверждал старые тяжелые обязательства Прутского договора. Лишь ст. 12 о назначении постоянного русского министра-резидента в Константинополь была шагом вперед по сравнению со старым договором.

Статья 11 о торговле примечательна тем, что устанавливала на турецкой территории свободу передвижения товаров лишь по сухому пути, о морском пути в ней вовсе не упоминалось.

Происходившие в это время события в Иране осложнили политику держав на Ближнем и Среднем Востоке. Воспользовавшись катастрофическим положением Иранского государства, возникшим вследствие восстания афганского племени гильзаев в Кандагаре и начавшихся затем междоусобных войн, Россия и Турция активизировали свою политику в Иране. Турецкое посольство Дурри-эфенди (ноябрь 1720 г.), пробыв в Иране у шаха шесть с половиной месяцев, представило султану доклад, в котором говорилось о разрушении державы Сефевидов⁴². Еще более мрачные выводы и прогнозы в отношении Ирана содержал отчет русского посольства Артемия Волинского, находившегося в Шемахе и Исфагане около двух лет⁴³.

Историк Иосиф Хаммер, собравший огромный фактический материал из турецких источников, писал, что Порты стремилась извлечь пользу из бессилия Ирана: «Благополучие Порты требовало ее исключительного господства на Черном и Каспийском морях... никакого другого господства она здесь не допускала»⁴⁴. Русское правительство со своей стороны в декабре 1720 г. предписывало первому консулу в Иране Семену Аврамову следить за тем, чтобы турки не завладели побережьем Каспия⁴⁵. В инструкции тому же Аврамову от 11 ноября 1725 г. говорилось: «Ее величество для безопасности своих границ и земель никаким образом не может допустить, чтоб какая чужая держава, кроме Персии, на Каспийском море какое основание имела и тако б Персию с Россией разлучила»⁴⁶.

В интересах русско-иранской торговли и безопасности своих границ Россия выступала за сохранение Иранского государства. «Мы Персию до последнего опровержения допустить не можем»⁴⁷, — гласил указ Екатерины I командующему Персидским корпусом князю В. В. Долгорукову (1726 г.).

⁴² «Relation de Dourry Efendy, un ambassadeur de la Porte Ottomane auprès du roi de Perse», trad. du turc, Paris, 1810.

⁴³ ЦГАДА, ф. «Персидские дела», д. 2 на 628 лл.

⁴⁴ J. von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, S. 206—207.

⁴⁵ ПСЗ, т. VI, 1830, № 3700, стр. 280—283 (в книге ошибочно проставлен № 6700).

⁴⁶ Архив внешней политики России МИД СССР, ф. «Сношения России с Персией», д. 16, 1725, л. 23 (далее — АВПР).

⁴⁷ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 7, 1726, л. 104.

Стремясь к торговле с Востоком «без помех» и опасаясь с достаточным основанием, что эти «помехи» усилятся по причине все ухудшавшегося положения Иранского государства, Петр I предпринял поход к каспийским берегам для закрепления их за своей империей. Разгром лезгинами в августе 1721 г. Шемахи, центра русской торговли с Ираном, послужил достаточным к тому поводом. Этот так называемый Персидский поход Петра I (1722 г.) вызвал тревогу в Константинополе, побудив английского посла к лихорадочной деятельности. «Английская и русская политика скрестили шпаги в Константинополе»⁴⁸, — пишет английский автор, характеризуя непрекращавшиеся попытки Стэнъяна разжечь конфликт между Турцией и Россией. Лондон получал от Стэнъяна подробнейшие информации о походе Петра I. Уже во время приготовления к походу австрийский, английский и венецианский послы распространяли в Константинополе фантастические слухи о предполагавшихся якобы планах Петра завладеть Персией, Арменией и Грузией и затем начать поход против Константинополя⁴⁹. Подобные слухи создавали между Россией, Турцией и Ираном атмосферу недоверия, которая никак не могла благоприятствовать развитию нормальных отношений.

«Турецкий народ покоен быть не может», пока русские войска находятся в персидских владениях, — заявил в начале ноября 1722 г. великий везир Ибрагим резиденту И. И. Неплюеву⁵⁰. Волнения в Константинополе угрожали перейти в бунт. Особенно устранил султана памфлет, подкинутый якобы крымскими татарами: в нем упрекали султана за неосмотрительность и предсказывали утрату им половины империи.

По мнению английского историка⁵¹, Англия, может быть, «яснее» других видела перспективы успехов России и поэтому побуждала Турцию к диверсии в Иран. По свидетельству особо важного источника, турки намерены были овладеть Гиляном⁵².

Одно из инструктивных писем Стэнъяну от статс-секретаря Картерета (5 января 1722 г.) дает достаточно ясное представление о причинах антирусской активности Англии в Кон-

⁴⁸ A. C. Wood, *English embassy at Constantinople 1660—1762*, — «The English historical review», vol. XL, 1925, p. 551; B. Williams, *Carteret and Newcastle*, p. 54.

⁴⁹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. IX, М., 1963, стр. 392.

⁵⁰ Там же, стр. 395.

⁵¹ B. Williams, *Foreign policy England under Walpole*, — «The English historical review», vol. XV, 1900, pp. 680—683.

⁵² L.-A. Clairac de Mamy, *Histoire de Perse depuis le commencement de cet siècle*, t. 2, Paris, 1750, p. 322. Автор, современник описываемых событий, близкий к французским представителям в Константинополе и Исфагане, получал информацию из первых рук.

стантинополе. Весьма ярко обрисованы были «катастрофические последствия» для Англии успехов России в Азии. Картерет предупреждал: царь Петр направит всю индийскую торговлю через Россию и захватит монополию на торговлю персидским шелком. Доходы от этой торговли увеличат его силу, поведут к новым завоеваниям в Турции и приблизят восстановление «Греческой империи»⁵³. Развитие русско-персидской торговли будет содействовать, таким образом, основанию русскими новой мировой империи на Востоке.

Картерет полагал, что связи России с Ираном и Индией угрожают «руинами» Левантийской и Ост-индской компаниям, от которых зависят богатство английской нации и прочность ее парламентского устройства. По его мнению, успехи России не ограничились бы только областью экономической, но отрицательно сказались бы и на политической жизни Великобритании.

Вывод из этого письма ясен: препятствовать любыми средствами экономическому и политическому продвижению России в Азии.

В феврале того же года Неплюев писал, что Стэнъян представил султанскому правительству мемориал на турецком языке, в котором предупреждал его о завоевательных замыслах России в отношении Турции и убеждал в легкости борьбы с ней, так как якобы все европейские государи — «злодеи» русскому государю⁵⁴. Между тем помыслы России сводились лишь к ограничению турецкой агрессии. «Предлагай шаху старому или новому или кого сыщешь по силе кредитов, что мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали... Турки не оставят всей Персии завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, но себе оною владеть... только по морю лежащие земли отберем, ибо турок тут допустить не можем»⁵⁵, — говорилось в инструкции Петра I русскому консулу в Иране Аврамову от 25 июня 1722 г. Избегая неприязненных отношений с Ираном, Петр предписывал Аврамову добиваться добровольной уступки побережья за помощь, которую может оказать шаху Россия в утверждении его престола.

Персидский поход (1722 г.) был очень непродолжителен: 23 августа (3 сентября) русская армия заняла без боя Дер-

бент, а в начале октября Петр уже возвратился в Астрахань и 13 декабря прибыл в Москву. Катастрофическое положение, в какое попала многотысячная русская армия — гибель продовольствия, болезни солдат, падеж лошадей и т. д., — было главной причиной преждевременного прекращения похода. Чтобы предупредить появление турок на каспийском побережье, поход предприняли на год раньше намеченного срока, не успев как следует подготовиться к нему. Но была и другая причина прекращения похода: Петр ушел с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией. Против цели похода — наказания персидских «бунтовщиков» Турция не протестовала. Но появление в Закавказье значительной русской армии дало повод к подозрениям. Турецкое правительство потребовало прекращения похода. Великий везир Ибрагим, «яко добрый друг и желатель между империями покоя», передал через Неплюева Петру I совет, чтобы он со своим войском «ретировался» в свое государство во избежание войны⁵⁶.

Петр I покинул Кавказ, захватив лишь «фут» земли, т. е. закрепившись в Дербенте, а также заложив крепость Св. Креста в приморском Дагестане при слиянии Аграхани и Сулака. Дальнейшее расширение позиции происходило уже после его отъезда: в декабре того же года русские войска заняли Решт (в Гиляне), а 28 июля следующего года вошли в Баку.

Между тем катастрофа в Иране все разрасталась. После восьмимесячной осады 23 октября 1722 г. столица Исфаган была взята Мир Махмудом афганским. Шах Хусейн отрекся от престола в пользу Махмуда. Его восемнадцатилетний сын Тахмасп, бежавший из Исфагана еще в июне, теперь, в ноябре, объявил себя шахом Тахмаспом II. Консул Аврамов продолжал переговоры уже с ним.

Ко времени возвращения Петра в Москву туда прибыл посланный турецким правительством Нишли Мухаммед-ага. На аудиенции 13 февраля 1723 г. он заявил о принятии Дауд-бека, разгромившего с лезгинами Шемаху, под покровительство султана, предъявил прежние требования об оставлении прикаспийских провинций и предложил посредничество султана в конфликте царя с лезгинами. Все это означало, что османское правительство стремилось укрепиться на кавказской территории. В ответ на эти заявления турецкому посланцу были показаны письма от тех, кого султан принимал теперь под свое покровительство, с просьбами о покровительстве России. Письма эти были пересланы султану⁵⁷, а его посланец опущен с предложением о взаимном прекращении наступления. В то же вре-

⁵³ J. Jacob, *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei...*, S. 71—72. Джон Картерет возглавил руководство внешней политикой Англии вскоре после неожиданной смерти Стенхоупа в январе 1721 г. «Широкий аспект» внешней политики делал Картерета, по мнению его биографа, не только достойным преемником Стенхоупа, но и предшественником Питта Старшего (Чатама) (B. Williams, *Carteret and Newcastle...*, pp. 227—228).

⁵⁴ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. IX, стр. 397.

⁵⁵ Там же, стр. 381.

⁵⁶ В. П. Лысов, *Персидский поход Петра I 1722—1723 гг.*, М., 1951, стр. 133.

⁵⁷ J. von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, S. 207.

мя резиденту Неплюеву предписано было обо всем с Портой дружелюбно согласиться и, если нужно, «формальный концерт учинить». Для участия в этом «концерте» пригласили французского посла в Константинополе маркиза де Бонака; французское правительство само предложило его услуги⁵⁸.

Теперь первостепенной задачей русского правительства было удержать Турцию от дальнейших «прогрессов» в Иране, пока Россия не сможет дать сильного отпора вооруженной рукой.

Между тем султанское правительство было настроено чрезвычайно воинственно. 12(23) июня 1723 г. турецкая армия заняла без боя Тбилиси, что вызвало огромную радость в Лондоне. Теперь, полагали там, Грузия не сможет сопротивляться, а царь не в силах будет ей помочь, так как у него дела на Балтийском море. Турция должна использовать это обстоятельство, инструктировал 11(22) сентября Стэнъян Картерет⁵⁹. Стэнъян же хвастливо уверял Картерета, что дополнительные войска были посланы в Грузию по его настоянию⁶⁰.

Предложение Петра I о перемирии (армистии) с прекращением военных действий на территории Ирана было первоначально турками отвергнуто. На перемирие во всей Персии «турков никак склонить не можно»⁶¹, — писал Неплюев 22 декабря 1723 г. Даже от предложения об установлении перемирия на побережье Каспия «султан пришел было в великое возмущение, но визирь его умягчил не нарушать мира для многих причин»⁶². Перемирие было установлено на три месяца. Переговоры о договоре начались в декабре.

Османское правительство в ходе переговоров проявляло большую неуступчивость. «Каждую минуту до разрыва дойти может», — писал 1 января 1724 г. де Бонак послу Кампредону⁶³. На оставление Тебриза за Ираном (на чем твердо настаивала Россия) Турция отвечала угрозами войны⁶⁴.

Русское правительство сделало попытки привлечь к борьбе за сохранение Иранского государства другие державы, чтобы вынудить османское правительство к уступчивости. Русский резидент в Вене Ланчинский на аудиенции у принца Евгения сделал соответствующие предложения, но они были приняты «с некоторой холодностью»⁶⁵.

⁵⁸ J. F. Chance, *George I and Peter the Great after the Peace of Nystad*. — *The English historical review*, vol. 26, 1911, p. 291.

⁵⁹ J. Jacob, *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei...*, S. 73—74.

⁶⁰ *Ibid.*, S. 74.

⁶¹ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 1, л. 49 об.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, л. 52 об.

⁶⁴ Там же, лл. 81 об. — 82.

⁶⁵ Реляция Ланчинского от 18 марта 1724 г., — там же, лл. 216 об. — 217 об.

Принципиальный взгляд турецких правящих кругов на свои приобретения в связи с ослаблением Ирана был наглядно выражен фетвой муфтия, зачитанной великим везиром Ибрагимом на конференции 17 февраля 1724 г. В ней говорилось о том, что после низложения шаха Хусейна Персия была сочтена за государство без государя и поэтому была издана фетва «ради учинения прогрессов в оном государстве. А ныне царь требует, чтоб те прогрессы остановить, но такое предложение не имеет быть принято. Однако же империя Оттоманская за то не имеет разорвать мира, разве сей государь сам объявит войну»⁶⁶. Это означало, что Турция будет по-прежнему продолжать свои «прогрессы», т. е. наступление, не желая, однако, вступать в войну с Россией. Последнее понятно: Османская империя была слаба, особенно на кавказских границах, где постоянно происходили раздоры между пограничными пашами. Турецкие войска были недисциплинированы, недостаточно вооружены и плохо обучены⁶⁷. Не случайно султанское правительство нередко призывало в ряды своих войск дзгин и крымских татар.

Еще во время пребывания на каспийских берегах Петр I с величайшим нетерпением ожидал ответа от шаха на сделанное ему предложение о заключении договора о присылке посла. Неопределенность положения, связанная с отсутствием ответа, побудила русское правительство обратиться и к захватившему шахский престол Мир Махмуду афганскому, чтобы не допустить подчинения его туркам. В посланных Петром I указах бригадиру В. Я. Левашеву, начальствовавшему в Гиляне, и консулу Аврамову (от 17 апреля, 17 мая и 3 июня 1723 г.) предписывалось склонять Махмуда не отдавать себя под турецкую протекцию, обещать помощь, если турки будут его притеснять⁶⁸. Отношения с Махмудом, однако, были прерваны, когда русское правительство договорилось с законным правителем Ирана Тахмаспом II. Левашев действовал только от своего имени и под величайшим секретом.

12(23) сентября 1723 г. в Петербурге был заключен договор с иранским послом Исмаил-беком о вечной дружбе и помощи России Ирану против бунтовщиков⁶⁹. Иран уступал России «в вечное владение» прикаспийские провинции: Дербент, Баку, Гилян, Мазандеран и Астрабад. Стороны обязывались оказывать взаимную помощь в случае нападения на одну из них.

⁶⁶ Там же, лл. 82—82 об. (Подчеркнуто нами. — О.М.)

⁶⁷ De Bonnac, *Mémoire, 1724*, — «Documente privitoare la Istoria Românilor culese de Eudoxiu Hurmuzaki», vol. VI, p. 389.

⁶⁸ П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа*, ч. 1, СПб., 1869, стр. 44—45.

⁶⁹ Т. Юзефович, *Договоры России с Востоком...*, стр. 185—189.

Турецкое правительство ответило на русско-иранский договор заявлением о принадлежности ей всего Ирана. Оно послало указы пограничным пашам и крымскому хану быть готовыми к войне⁷⁰. Договор широко рекламировался в Европе в духе, усиливавшем враждебное отношение турок к России⁷¹. Эта враждебность турецких правящих верхов искусственно разжигалась действиями посла Стеньяна.

Прибегая к подкупам, английский дипломат приложил чрезвычайные усилия, чтобы использовать благоприятную ситуацию и вызвать войну. На аудиенции у великого везира 11 января 1724 г. он наиболее полно представил опасность союза царя с шахом: султан-де потеряет персидскую торговлю, царь, возможно, завладеет и шахским престолом. Стеньяну казалось, что он запугал везира и тот согласился с его доводами⁷².

Но надежды Стеньяна не осуществились. Хотя диван и принял постановление об объявлении войны с Россией, однако французский посол де Бонак и великий везир Ибрагим добились отмены этого постановления. Тогда же, в январе 1724 г., Ибрагим обратился к Петру I с письмом успокоительного характера, уверяя, что «хотя по злобным внушениям чинятся со стороны Порты в предосторожность всякие приготовления, однако не впоследствии никакого неприятельского действия»⁷³. На конференции 17 января великий везир предлагал даже заключить союз между Турцией, Францией и Россией⁷⁴.

Договор, заключенный между Россией и Турцией в Константинополе 12(23) июня 1724 г.⁷⁵, признал прикаспийские провинции, как «добровольно» уступленные шахом, принадлежащими России; за ней же закреплялась прибрежная полоса шириной 119 верст у Дербента и 43 версты у Шемахи. В качестве компенсации за это Турция установила власть над Карлней, Кахетией, Гянджой, Ереваном, Карабахом, Тебризом и Казвином. В отношении же Ширвана, или вновь образованного Шемахинского ханства, лежавшего между русскими и турецкими владениями, было принято решение: считать его под протекторатом султана без права держать там войска. Ввод турецких войск допускался лишь для устранения беспорядков и с ведома русского командования.

Россия обязалась оклоцать шаха через «медиацию или общими силами» к «добровольной» уступке Турции занятых ею

провинций. За добровольно уступленные провинции обе стороны обязались содействовать утверждению шаха на престоле, в противном случае избрать другое лицо и действовать оружием.

Константинопольские переговоры произвели столько шума в Европе, что маркиз де Бонак вынужден был выступить с отчетом о них⁷⁶. Основное значение этих переговоров заключалось в том, что турки не были допущены на побережье Каспийского моря.

Однако расчеты на безропотное подчинение ослабевшего Ирана внешней силе оказались глубоко ошибочными. В ответ на Петербургский и затем Константинопольский договоры начались народные волнения в Гиляне (исконной иранской области), оккупированной Россией, а также на территории, отошедшей к Турции. Ни тот, ни другой договор не признал шах Тахмасп II. Русского посла князя Мещерского, прибывшего весной 1724 г. с подписанным Исмаил-беком договором, шах отослал «с бесчестьем» обратно. Резиденту Аврамову было отказано от двора. Исмаил-бек не смел показаться на глаза шаху и стал дожидаться в Астрахани лучших времен⁷⁷.

В Гиляне начались антирусские выступления. 10 сентября 1724 г. В. Я. Левашев писал в Астрахань командовавшему Персидским корпусом генерал-поручику М. А. Матюшкину: местные сельские и городские жители бегут в леса, дороги «засекают», скопища бунтовщиков увеличиваются, доходов не платят, торговля приезжих купцов прекратилась, пошлинный сбор не поступает⁷⁸. Константинопольский договор еще больше обострил положение. Персияне окрестных провинций «не токмо к верности и послушанию не склоняются, но еще противность и бунт приумножают, и со всех сторон вооруженным собранием российских обступая, непрестанно стрельбой докучают»⁷⁹, — доносил В. Я. Левашев 18 октября.

Водворение турок в иранских владениях, определенных им по договору, происходило с оружием в руках. Турки встретили упорное сопротивление народных масс. После блокад и штурмов заняты были: 28 сентября 1724 г. — Ереван, 1 августа 1725 г. — Тебриз, в конце августа — Гянджа. Ванский паша Абдулла Кёпрюлю с 25-тысячной армией не смог взять Тебриз летом 1724 г. В следующем году были вызваны на помощь крымские татары.

⁷⁰ Реляция И. И. Неплюева от 20 января 1724 г., — ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 1, л. III об.

⁷¹ L.-A. Clairac de Mamye, *Histoire de Perse...*, t. 2, p. 183.

⁷² L. Lockhart, *The fall of the Safavi dynasty and the Afghan occupation of Persia*, Cambridge, 1958, pp. 229—230; J. Jacob, *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei...*, S. 75.

⁷³ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 1, л. 120.

⁷⁴ Там же, л. 82 об.

⁷⁵ ПСЗ, т. VII, 1830, № 4531, стр. 303—309.

⁷⁶ Отчет опубликован: «Documente privitoare la Istoria Românilor...», vol. VI, pp. 385—391. См. также: Marquis de Bonnac, *Mémoire historique sur l'ambassade de France à Constantinople*. Publié avec un précis de ses négociations à la Porte Ottomane par Ch. Schefer, Paris, 1894.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 2, лл. 264 об.—265.

⁷⁸ Там же, л. 121 об.

⁷⁹ Там же, л. 317 об.

Отказ шаха Тахмаспа признать Константинопольский договор послужил для турецкого правительства формальным поводом для возобновления наступления. Оно потребовало того же и от России.

В сентябре 1724 г. турки заняли сильнейшую пограничную крепость Хамадан, истребив при этом более 40 тыс. ее жителей. И это после того как великий везир заверил на конференции с послами, что хан Хамадана выразил желание быть под покровительством султана!⁸⁰

Проектировавшийся Петром I новый поход в Закавказье не состоялся из-за враждебной позиции шведского короля, которая особенно усилилась после неудачного Персидского похода. Заручившись поддержкой Англии, Ганновера и Дании, шведский риксдаг принял постановления о проведении мероприятий по повышению боеспособности шведских сил. В июле 1723 г. Россия ответила внушительной морской демонстрацией, в которой участвовал сам Петр. Вслед за тем были начаты переговоры о союзе со Швецией, в Париже делались попытки договориться о союзе с Францией.

Английские руководящие круги поспешили противопоставить намечавшемуся объединению свой союз. С этой целью Георг I с министрами по делам Севера и Юга Тауншендом и Картеретом прибыли в Германию. 10 октября 1723 г. в Шарлоттенбурге Англия, Пруссия и Дания заключили союзный договор. Но сорвать русско-шведские переговоры им все же не удалось. 22 февраля 1724 г. Россия и Швеция заключили оборонительный союз на 12 лет. Это было большим достижением русских дипломатов в условиях той враждебной обстановки, которая создавалась вокруг русско-шведских переговоров.

При помощи союза с Швецией и привлечения к нему других держав Россия предполагала добиться в Европе устойчивого политического положения. Предложения о присоединении к русско-шведскому союзу были сделаны Пруссии, Австрии, Франции.

Английское правительство предприняло контрмеры. В письме прусскому королю Фридриху-Вильгельму I Георг I характеризовал шведско-русский союз как «весьма великую опасность» для Пруссии и Англии⁸¹. Петр I надеялся, что прусский король ему не изменит, что Россия для него «не бесполезный союзник»⁸². Подписав соглашение с Англией (Шарлоттенбургский договор), прусский король колебался. Колебалась и Австрия; она присоединилась к русско-шведскому союзу лишь в апреле 1726 г.

⁸⁰ Реляция И. И. Неплюева от 25 сентября 1724 г., — там же, л. 279.

⁸¹ Реляция А. Г. Головкина от 21 апреля 1724 г., — там же, ч. I, л. 251 об.

⁸² Рескрипт Петра I А. Г. Головкину, апрель 1724 г., — там же, л. 229.

В ответ на предложение о присоединении Франция выдвинула контрпредложение о предварительном примирении России с Англией при посредничестве Франции. Неожиданно к этому примирению через Париж и Берлин стали настойчиво стремиться английские министры. Русское правительство поставило условие Англии — отказаться от антирусской деятельности при всех европейских дворах⁸³. Однако такого отказа от Англии не последовало.

Дания, которую Англия ободряла сообщениями о разрыве России с Турцией, продолжала упорствовать в спорных вопросах и, как сообщал в 1724 г. из Копенгагена резидент Бестужев, начала вооружать свой флот⁸⁴. Голландия «по внушению англичан» постановила увеличить свое войско на 10 тыс. человек⁸⁵.

Наконец, в мае 1724 г. посол Куракин получил предписание Петра I «известный союз между Россией и Францией привести к немедленному окончанию»⁸⁶, чтобы договориться о кандидате в польские короли. Франция ответила предложением заключить тройственный союз между Россией, Францией и Англией, мотивируя это тем, что Англия якобы при посредничестве Франции согласится на удовлетворение русских требований⁸⁷.

20 сентября 1724 г. Куракин сообщал, что английский посол в Париже Гораций Уолпол всячески предостерегал Францию от заключения сепаратного союза с Россией⁸⁸. В ответ на настойчивые требования посла Кампредона заключить новый тройственный союз было заявлено от имени Петра: так как Франция в переговоры о союзе с Россией внесла изменение, предлагая включить и Англию, «то сия отмена требует и отменного рассуждения»⁸⁹. Это «отменное рассуждение» Петр I не успел представить. Его попытка заключить союз с Францией в 1724 г. была последней.

Английские правящие круги торжествовали: система равновесия, намеченная Петром в конце его жизни, не была реализована. На Севере сохранилось прежнее неустойчивое положение. Английская дипломатия продолжала поддерживать надежды шведского короля на реванш, распространяя слухи о войне Турции с Россией и одновременно побуждая Турцию начать эту войну. Шведский посол в Дании барон Ад-

⁸³ Рескрипт Петра I А. Г. Головкину от 18 января 1724 г., — там же, л. 33.

⁸⁴ Там же, лл. 69 об., 280 об.

⁸⁵ Реляция Б. И. Куракина от 6 января 1724 г., — там же, л. 63 об.

⁸⁶ Там же, лл. 286 об. — 287.

⁸⁷ Записка о конференции с послом Кампредоном от 17 ноября 1724 г., — там же, ч. 2, лл. 336 об. — 337.

⁸⁸ Там же, лл. 257 об. — 258 об.

⁸⁹ Там же, лл. 416—416 об.

лерфельд тогда же откровенно признал, что Швеция не теряет надежду вернуть потерянные провинции, когда Россия ослабеет, вмешавшись в войну с Турцией, или при другом удобном случае⁹⁰.

Смерть Петра I вызвала в Константинополе радостные чувства⁹¹. По получении известия об этом османское правительство тотчас же приступило к поспешным военным приготовлениям⁹². Оно вызвало, например, для войны с Ираном 10-тысячный корпус крымских татар. Последние прибыли морем через Босфор (август 1725 г.), были встречены великим везиром, одарены конями и направлены частью в Ширван, частью в Хамадан⁹³. Турция не только готовила оружие, но искусно действовала и средствами дипломатии, продолжая прикрывать новые захваты формулой «добровольности».

Явно нарушая Константинопольский договор, Турция заняла (осенью 1725 г.) Ардебиль, отметив это событие пушечной пальбой в Константинополе. Русское правительство, крайне встревоженное появлением турок близ Гиляна (Ардебиль — на линии между Баку и Гиляном), энергично протестовало. В ответ на это великий везир указывал Неплюеву и Румянцеву на то, что Ардебиль взят «по усиленным требованиям от жителей», подобно тому как русские взяли Дербент и Баку⁹⁴.

Возобновление турецкого наступления на Иран произошло не только в силу захватнических устремлений султанского правительства, вызванных ослаблением Ирана. В прямой связи с этим наступлением стояли пришедшие в Константинополь сообщения о начавшемся сближении России с Австрией. Мирлюбие великого везира дрогнуло под впечатлением слухов о предстоящем заключении союза между Россией и Австрией, хотя эти слухи и опровергались русскими дипломатами.

Получив 10 января 1726 г. от волошского господара известие о том, что договор между Россией и Австрией находится уже «при заключении», великий везир неожиданно пригласил Румянцева и Неплюева на конференцию по иранским делам. Было заявлено, что турки терпеливо ждут ответа от шаха о признании договора 1724 г. и приглашают императрицу действовать в Иране с сильной армией вместе с ними против шаха Ашрафа⁹⁵. Везир Ибрагим не только уверял в желании

⁹⁰ Г. А. Некрасов, *Исторические «экскурсы» г-на В. Сигбана в русско-шведские отношения XVIII века и реальные факты истории*, — «История СССР», 1962, № 3, стр. 208.

⁹¹ J. Jacob, *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei...*, S. 106.

⁹² L.-A. Clairac de Mamye, *Histoire de Perse...*, t. 2, p. 265.

⁹³ J. von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, S. 240—241.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 3, лл. 114, 214.

⁹⁵ Новый шах Ашраф захватил престол (1725 г.) после убийства своего двоюродного брата Махмуда, обезумевшего от совершенных им зверств.

Порты сохранять дружбу с Россией, но и угрожал: если ответа от шаха Турция не получит, то турецкие войска займут весь Иран до самой Индии⁹⁶.

Турецкое правительство хотело сохранить мир с Россией и стремилось во что бы то ни стало предотвратить заключение австро-русского союза. Оно то уверяло в своей дружбе, чтобы удержать от «склонности» к иной дружбе, т. е. с Австрией, то пугало видами на свои новые завоевания, то призывало вместе действовать «сильной рукой» в Иране.

23 января 1726 г. И. И. Неплюеву от имени везира было передано предложение произвести раздел Ирана между Россией и Турцией в случае неполучения ответа от шаха Тахмаспа⁹⁷. «Вместо того, чтобы искать человека, кого бы возвести на персидский престол, не лучше ли России и Турции разделить между собой Персию, как добрым друзьям?» — сказал Ибрагим при этом⁹⁸.

Предложение подобного рода уже делалось Петру I, но, как писала Екатерина I Вахтангу VI, Петр «на сие разделение не соизволил»⁹⁹.

Не проявляли ли А. И. Румянцев и И. И. Неплюев непонимание политики Турции, когда уверяли (в реляции от 31 января 1726 г.), что «действительные планы турок заключались в том, чтобы склонить Ашрафа к подданству Турции, а если он на это не согласится, то самим изгнать русских из Гиляна и завладеть всей Персией?»¹⁰⁰. Не стремилась ли Турция прежде всего к тому, чтобы запугиванием удержать Россию от союза с Австрией?

Какими бы ни были истинные мотивы агрессивных шагов Турции, нет сомнения в том, что новый прилив турецкой агрессии соответствовал планам английского правительства. Посол Стэнъян настаивал на занятии турками Гиляна¹⁰¹. Он убеждал турецкое правительство не допускать открытия работ разграничительной комиссии в Закавказье. Резидента А. И. Румянцева, посланного Петром I представителем России в комиссии, задерживали в Константинополе многие месяцы. Только в середине 1726 г. он прибыл в Дербент.

«По наущению английского посла», как сообщал резидент в Вене Ланчинский, на заседании дивана в январе 1726 г. обсуждались четыре пункта: 1. Не считать ли договор по персидским делам «за неисполнением по оному» недействитель-

⁹⁶ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 3, л. 216.

⁹⁷ Там же, лл. 216 об. — 217.

⁹⁸ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. X, стр. 12.

⁹⁹ ЦГАДА, ф. 4, д. 51, 1722—1727, л. 3.

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 3, л. 218.

¹⁰¹ J. Jacob, *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei...*, S. 107.

ным? 2. Не считать ли в случае успехов Турции в Иране удобным момент «для атакования персидских провинций», взятых Россией (в первую очередь Гиляна)? 3. Принимать ли посла от Ашрафа, едущего в Константинополь? 4. Давать ли российскому посланнику (имелся в виду Румянцев) кормовые деньги? ¹⁰²

Принц Евгений Савойский, руководитель австрийской внешней политики, возмущался деятельностью Стэньяна, который, с одной стороны, толкал Турцию к войне с Россией и Австрией, а с другой — советовал ей заключить мир с Ашрафом и присоединиться к антиавстрийскому и антирусскому Ганноверскому союзу ¹⁰³. Согласно донесениям Румянцева и Неплюева от 14 декабря 1725 г., Стэньян выступал на аудиенции у великого везира «со многими противными о России внушениями» ¹⁰⁴, причем «внушения» делались от общего имени союзников по Ганноверскому договору — Франции и Пруссии, которые не уполномочивали Стэньяна на них, о чем свидетельствовали донесения русских резидентов при этих дворах. Перед этими «внушениями» великий везир Ибрагим все же устоял: на разрыв с Россией не пошел, от присоединения к Ганноверскому союзу отказался, но на «сильных действиях» России в Иране продолжал настаивать.

В России же, вынося постановление о «сильных действиях», не забывали и об опасности со стороны Турции. Решено было послать в Гилян дополнительные войска, построить на Куре крепость, выделить «специальный» 12-тысячный корпус для защиты «шелкового пути», т. е. каспийского побережья ¹⁰⁵. Офицерскому составу (но не нижним чинам) были зачтены при этом два года службы за три ¹⁰⁶.

Тогда же была возобновлена попытка уговорить шаха к признанию Константинопольского договора, чтобы тем самым парализовать наступление турок. Для воздействия на шаха обратились к его подданному, пострадавшему от турок, — к грузинскому царю Вахтангу VI, находившемуся в это время в России. Резидент Аврамов с грамотой императрицы к шаху снова выехал в Иран. Несколько ранее туда же направился князь Амилахвари с письмом от царя Вахтанга ¹⁰⁷. Результатов от этой миссии не последовало.

Полученное затем из Константинополя известие о том, что узурпатор Ашраф склоняется к подданству Турции и Порта

принуждает его к этому ¹⁰⁸, так устрасило русское правительство, что оно приняло новые, чрезвычайной важности решения: послать в Иран царя Вахтанга VI как лицо, известное в Иране и знакомое с местными условиями. Народы Закавказья, особенно армяне, настаивали на том, чтобы Вахтанг прибыл к ним и стал во главе войска для изгнания турецких оккупантов. Затем, 10 февраля 1726 г., Верховный тайный совет принял решение о немедленном отправлении на Куру из крепости Св. Креста назначенного туда 12-тысячного корпуса, а также о немедленном отъезде в Гилян Вахтанга и князя В. В. Долгорукова, назначенного главнокомандующим войсками в контакте с царем Вахтангом. Тогда же было принято оказавшееся столь невыгодным для русских интересов постановление заключить союз с цесарем римским, для того чтобы «привести оного к вспоможению против турков, так как по турецким поступкам в Персии войны с ними миновать невозможно будет» ¹⁰⁹.

Реализация постановлений о немедленных действиях происходила, однако, замедленными темпами. Только 10 сентября 1726 г. Вахтанг прибыл в Решт. Он был уполномочен вести переговоры о заключении договора с шахом Тахмаспом II и установить связи с узурпатором Ашрафом. Инструкции, данные Вахтангу и Долгорукову, с большой полнотой характеризуют цели русской политики в это время на Среднем Востоке. Основная цель заключалась в сохранении Иранского государства, т. е. восстановлении «основательного правительства». «Мы отнюдь допустить не можем, чтобы турки Персией овладели, как по склонности к христианским тамо пребывающим народам, так и по собственному нашего государства интересу» ¹¹⁰, — говорилось в рескрипте Екатерины I царю Вахтангу (21 апреля 1726 г.). Поэтому своей первой задачей миссия ставила добиться от шаха признания им Константинопольского договора, что удержит Турцию «от дальнейших прогрессов». Таким способом будет положено «надежное основание» главному намерению «к той генеральной войне (с турками. — О. М.) все потребное приготовить...». Эта война неизбежна по той причине, что Россия не может допустить, чтобы уступленные Турции по договору провинции «за турками вечно остались...».

На Вахтанга была возложена вторая ответственная задача — составить в самой Персии «сильную партию», которая могла бы выступить сначала на стороне шаха против бунтов-

¹⁰² ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 3, л. 196.

¹⁰³ Там же, лл. 172 об., 174 об. — 175 об.

¹⁰⁴ Там же, лл. 49—50.

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, кн. 15 (17), лл. 17—20.

¹⁰⁶ Там же, л. 23.

¹⁰⁷ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 16, 1725, л. 27.

¹⁰⁸ Об этом упоминается в «Выписке» от 11 марта 1726 г. из «Журнала Верховного тайного совета». АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 1, 1726, л. 101.

¹⁰⁹ Сб. РИО, т. 55, 1886, стр. 5.

¹¹⁰ ЦГАДА, ф. 4, д. 51, 1722—1727, л. 16 об.

щиков (афганцев), а потом и против турок вместе с шахом и русскими войсками. К этой генеральной войне и Россия также будет готовиться и с этой целью вступит в союз с другими державами и уже ведет переговоры с цесарем римским, чтоб «оная война с надеждой счастливого успеха начата быть могла».

Эти признания о подготовке «генеральной войны» с Турцией свидетельствуют о том, что Россия предпочла заключить союз с Австрией не только с целью обороны, но и для изгнания турок из Закавказья.

В случае непризнания договора Вахтанг должен был заявить шаху, что Россия будет действовать в Иране вместе с Турцией, чтобы поставить шахом другое лицо, и тогда сильная «партия», составленная Вахтангом, нужна будет в Персии «для других действий».

Верховная власть предупреждала Вахтанга об особой осторожности в отношении турок в данный момент: «Мы весьма не за благо рассуждаем, чтоб турков в Персии задирать, пока все предуготовления к генеральной войне не успели»¹¹¹, — говорилось в рескрипте Екатерины I Вахтангу VI от 21 апреля 1726 г. Только в случае показания «противности», т. е. продолжения турецкого наступления, следует поднимать против турок «народы» и действовать войсками¹¹².

Переговоры с шахом Тахмаспом не дали желаемых результатов. В конце концов выяснилось, что дружба с Ираном может быть восстановлена лишь при условии возвращения взятых провинций. Иран упрекал Россию за уступку Турции иранских земель и «грузинских святынь», которые якобы защищались Ираном в войнах с Турцией¹¹³.

В то же время непримиримая позиция турецкого правительства, которое угрожало даже высылкой Неплюева за поддержку Россией мечтаний грузин и армян о свободе, и неожиданная уступчивость по другим вопросам побудили русское правительство уже летом 1727 г. принять решение об отозвании Вахтанга из Персии. Великий везир Ибрагим обещал немедленно закончить разграничение в Ширване и запретить турецким войскам вступать в российский провинции¹¹⁴.

Дальнейший ход событий (успешное наступление Ирана) устранил необходимость построения и военной линии, чтобы

¹¹¹ ЦГАДА, ф. 4, д. 51, 1722—1727, лл. 10—21 (цит. лл. 14, 17, 19, 20, 21).

¹¹² АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 1, 1726, 122 об.

¹¹³ Грамота шаха Тахмаспа Екатерине I об этом была зачитана на заседании Верховного тайного совета 12 июня 1728 г. АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 4, 1728—1803, лл. 2—3.

¹¹⁴ Там же, лл. 3—6, 10—11; сб. РИО, т. 69, 1889, стр. 97, 239—240; А. А. Кочубинский, *Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735—1739)*, Одесса, 1899, стр. 17, 18, 23.

защитить «шелковый путь». Для ее построения составлялись инженером Дебрины проекты и модели крепостей, в том числе и Екатеринополя в устье Куры. Вследствие отсутствия у России достаточных сил планы в отношении Закавказья снова потерпели неудачу.

Ошибочны были расчеты русской дипломатии на отрезвляющее действие австро-русского договора на Турцию. Тайной статьей этого договора союзницы обязались удерживать Турцию от завоеваний в Иране. На австро-русский договор Турция ответила реваншем — Хамаданским договором (октябрь 1727 г.) с узурпатором афганцем Ашрафом. По этому унижительному договору Ашраф признал верховную власть султана над Ираном как халифа всех мусульман. Захваченные Турцией провинции были за ней утверждены.

Удерживая русское правительство от заключения договора с Австрией, Турция угрожала ей сепаратным соглашением с Ашрафом. Эту угрозу она привела теперь в исполнение. Россия не смогла воспрепятствовать этому договору, удержать Иран от подчинения Турции, хотя уже в конце 1726 г. с этой целью вступила в тайные сношения с Ашрафом.

Рескрипт Петра II главнокомандующему князю В. В. Долгорукову от 22 февраля 1728 г.¹¹⁵ повелевал во что бы то ни стало заключить мир с Ашрафом. Турки предложили медиацию в переговорах с ним; опасность от наступления турецких войск с Ашрафом очень велика, «а сильной помощи прислать к вам не можем» — необходимо держать армию наготове в Европе, писал Петр II. Поэтому надо склонять Ашрафа к примирению: «лишь бы нам из сей тягостной войны выйти... пускай персиянам паки места достанутся, только б турков на берега Каспийского моря не допускали и им вселиться и утвердиться не дали, отчего нашей стороне может быть великая опасность».

Отдать провинции Ашрафу или Тахмаспу, «только б оные достались такому владетелю, который совершенно может оных содержать, чтоб туркам каким случаем в руки не пришли», говорилось в указе императора (от 12 июня 1728 г.) командовавшему войсками в Гиляне В. Я. Левашеву, который вел переговоры¹¹⁶.

По договору с Ашрафом, заключенному наконец в Реште 13 (24) февраля 1729 г.¹¹⁷, Ирану были возвращены еще не занятые русскими войсками Астрабад и Мазандеран при непрременном, однако, условии — не допускать туда никаких других держав.

¹¹⁵ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 3, 1728, лл. 7—12.

¹¹⁶ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 7, 1728, лл. 1—7.

¹¹⁷ Т. Юзефович, *Договоры России с Востоком...*, стр. 189—193.

3. Австро-русский союзный договор 1726 г. Его роль в политике «равновесия сил» и в русско-ирано-турецких отношениях (до 40-х годов XVIII в.)

Австро-русский союз 1726 г. для восточной политики России имел отрицательное значение¹¹⁸. Наоборот, в английской политике «равновесия сил» он сыграл исключительно положительную роль. Франко-русское сближение первой половины 20-х годов австро-русский союз полностью расстроил; русско-турецкие отношения, несколько смягченные договорами 1720 и 1724 гг., вновь обострил до граней войны.

Соперничество между Англией и Францией, скрывавшееся после Утрехтского мира и приблизительно до 30-х годов под маской «дружбы» и союзных отношений, проявлялось в это время более открыто в Константинополе. Здесь Франция стремилась к установлению и поддержанию мира между Турцией и Россией и к прекращению войны между Турцией и Ираном для отвлечения всех сил Турции против Австрии.

Англия также была заинтересована в привлечении всех сил Турции на войну, но на войну против России. Английские политики все еще надеялись ослабить положение России на Балтийском море. Они опасались и нового ее наступления здесь в связи с обострением голштинского вопроса. Английский министр Таунсенд в письме 8 (19) ноября 1725 г. повелительно требовал от посла Станьяна склонять турок к войне с Россией, чтобы отклонить Россию от Севера¹¹⁹. После заключения австро-русского договора антирусская политика Англии получила энергичную поддержку Франции.

Сблизившись с Австрией, Россия отклонилась от самостоятельного курса внешней политики, принятого при Петре I, и вышла на орбиту политики «равновесия сил». Появлению ее на этой орбите содействовала определенная система действий с участием провокации. В 1725 г. в Западной Европе в ожидании войны было заключено два враждебных друг другу союза: по Венскому договору — между Испанией и Австрией (30 апреля) и по Ганноверскому — между Англией, Францией и Пруссией (3 сентября).

Россия приняла меры к восстановлению прежних отношений с Пруссией. 10 (21) августа 1726 г. между Пруссией и Россией был заключен оборонительный союз на 18 лет, были даны взаимные гарантии на целостность территорий, обязатель-

¹¹⁸ История этого союза в дореволюционной буржуазной историографии изучена слабо, а в советской научной литературе «совсем не подвергалась исследованию» (Г. А. Некрасов, *Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг.*, М., 1964, стр. 85).

¹¹⁹ J. Jacob, *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei...*, S. 107.

ства взаимопомощи и согласованных действий в польском вопросе. В том же 1726 г. по договору с Пруссией от 12 октября Австрия признала право Пруссии наследовать прирейнское герцогство Юлих-Берг¹²⁰. Ганноверский союз дал трещину. Англия стремилась его укрепить. В 1726 г. в Ганноверский союз вступила Голландия, в 1727 г. — Швеция (в марте) и Дания (в апреле).

Обострение было спровоцировано на почве старых противоречий. С потерей Гибралтара Испания никогда не мирилась и требовала его возвращения. Новые противоречия между Англией и Австрией возникли из-за торговой деятельности на Востоке компании фламандских купцов из Остенде. Англия требовала прекращения этой торговли. Помимо того, Англию крайне беспокоила новая система равновесия, проектировавшаяся Петром I на Севере, начало которой было положено заключением со Швецией союза (1724 г.).

Заключением союза с Австрией¹²¹ Испания признала Прагматическую санкцию Карла VI и обязалась предоставить привилегии Остендской торговой компании. Австрия обязалась содействовать возвращению Гибралтара и Минорки. Испания объявила затем войну Англии и блокировала Гибралтар. Затруднения в выполнении условий договора заключались, однако, в том, что у Австрии не было денег, а у Испании кораблей и солдат, чтобы воевать с Англией. Между тем союз явился для Англии предлогом к отправлению военных кораблей в Вест-Индию. Посол Б. И. Куракин писал из Парижа 11 марта 1726 г., что, по полученным из Лондона сведениям, военные корабли должны перенять богатый «гишпанский» флот, что причинит Испании несказанный убыток¹²². Так и случилось. Груз с золотом, предназначенный для уплаты субсидий Австрии, был захвачен. Вступление Австрии в войну с Англией стало проблематичным.

В то же время целый ряд агрессивных шагов со стороны Англии толкал Россию и Австрию к сближению. Помимо договоров Шарлоттенбургского (1723 г.) и Ганноверского

¹²⁰ Н. Н. Бантыш-Каменский, *Обзор внешних сношений России*, ч. 4, М., 1902, стр. 46—47; Н. Hantsch, *Die Geschichte Osterreichs*, Bd 2, Graz—Wien—Köln, 1947, S. 120—121.

¹²¹ Как родилась идея скороспелого союза между Испанией и Австрией — державами, до сих пор враждовавшими, — остается невыясненным. Известно, что осуществлял эту идею «универсальный министр» Рипперда, авантюрист и сомнительная личность. G. Syveton, *Une cour et un aventurier au XVIII siècle. Le baron Ripperda*, — «Revue d'histoire diplomatique», t. 8, Paris, 1894, pp. 161—206, 341—426, 530—587; A. Wilson, *French policy during the administration of cardinal Fleury 1726—1743. A study in diplomatic and commercial development*, Cambridge (USA), 1936, p. 169; B. Williams, *Foreign policy England under Walpole*, — «The English historical review», vol. XVI, 1901, pp. 75—77.

¹²² ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 3, л. 285 об. — 286.

(1725 г.), а также враждебных демонстраций английского флота весной 1726 г. в Балтийском море Россию особенно побуждало к сближению с Австрией, как уже было указано, усиление агрессивности Турции в Закавказье и Иране, в которой так была заинтересована английская дипломатия. Англия провоцировала австро-русское сближение. Австрийцами были перехвачены инструкции Тауншенда Стэнъяну (ноябрь 1725 г.), побуждавшие посла поднимать Турцию на войну против Австрии, чтобы возратить владения, утерянные ею в последней войне с Австрией¹²³.

Устрашенная Ганноверским договором, Австрия сделала шаги к сближению с Россией. Весной 1726 г. она присоединилась наконец к русско-шведскому союзному договору 1724 г. Тогда же особой конвенцией Австрия обязалась содействовать России в разрешении голштинского вопроса, вопроса большой политики. В 1720 г. Англия и Франция гарантировали Дании обладание захваченным ею Шлезвигом. Россия настаивала на возвращении его герцогу голштинскому¹²⁴.

Австро-русский договор 6 августа¹²⁵ был договором о «приступлении Российского двора» к австро-испанскому договору 1725 г. для сохранения мира в Европе. Это означало, что ныне Россия будет участвовать в конфликтах Центральной Европы. Кроме того, секретной статьей договора Австрия и Россия обязались в случае нападения Турции на одну из них оказать помощь войсками на европейской территории численностью в 30 тыс. или объявить Турции войну. Обе державы обязались не допускать чрезмерных завоеваний Турции в Иране и тем более его полного покорения.

Австрия обратилась к России за помощью, и русские войска были двинуты на границы губерний: Петербургской, Лифляндской, Эстляндской и Смоленской. С тех пор они находились здесь в течение ряда лет «во всякой готовности» для оказания помощи императору¹²⁶. В результате встревожилась Пруссия, вновь усилилась враждебность Турции, была облегчена деятельность английской дипломатии.

Как показал дальнейший ход событий, главный результат австро-русского сближения заключался в привлечении людских ресурсов России для войн в Центральной Европе с целью ослабления Франции и обострения отношений России с Тур-

¹²³ J. Jacob, *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei...*, p. 96.

¹²⁴ Голштинскому вопросу уделено большое внимание в недавно изданной монографии Г. А. Некрасова «Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг.», М., 1964.

¹²⁵ [Ф. Мартенс], *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*, т. I, *Трактаты с Австрией 1648—1762*, СПб., 1871, стр. 32—44 (далее — Ф. Мартенс, т. I. *Трактаты с Австрией*).

¹²⁶ «Ведомость о назначенных полках в Цесарскую помощь», 1730 г., — сб. РИО, т. 101, 1898, стр. 449—452.

цией. Заключение союзного договора 1726 г. ввело Россию в систему союзов, связанную с интересами пресловутого европейского равновесия. Это означало, что в конечном счете договор был вызван интересами англо-французского соперничества.

Каким же образом русские дипломаты пошли на столь невыгодный по своим последствиям для русских интересов договор? Ведь Турция требовала воздержания от союза с Австрией. Она предлагала «алмазную дружбу» и союз. Франция всячески противодействовала заключению союза. «Изобразить невозможно, в каком опасении находились французы от трактуемой в Вене негоциации»¹²⁷, — писал Б. И. Куракин вице-канцлеру А. И. Остерману 21 января 1726 г.

Яростная оппозиция Франции и Турции сближению России с Австрией укрепляла уверенность русского правительства в том, что австро-русский союз, вызвав у Турции великий страх, парализует ее воинственность в Иране, удержит от дальнейших завоеваний. Согласно заявлению Остермана, персидские дела были главным побуждением к скорейшему заключению союза с цесарем¹²⁸.

Существовало также мнение, что союз с Австрией побудит наконец Францию решиться на заключение союза с Россией. Нужно сильнее действовать при венском дворе, чтобы «заставить чрез то Францию более искать у России»¹²⁹, — писал Остерману Куракин 22 сентября 1724 г. Русское правительство продолжало настаивать в Париже на французской «медиации» в Константинополе и на заключении союза. Оно по-прежнему считало, что интерес Франции в том, чтобы «беречь турков для цесаря и быть в союзе с Россией»¹³⁰.

Но реакция Турции и Франции на новый союз показала, что расчеты русской дипломатии оказались глубоко ошибочными. Непосредственным результатом нового союза явилось резкое ухудшение отношений Франции к России. Из стадии неопределенно благожелательных отношений и склонности к союзу Франция перешла в стадию определенной и длительной вражды к России. Инструкция государственного секретаря Морвиля, посланная в начале февраля 1726 г. послу Андреселю, явилась поворотным пунктом от русофильской политики в Константинополе к русофобской¹³¹. Переговоры о союзе и торговом договоре были прекращены. Еще 26 января Кампредон заявил Остерману, что Франция теперь уже не может под-

¹²⁷ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 3, л. 148.

¹²⁸ «Записка барона А. И. Остермана о политических отношениях России в 1726 году», — «Русский вестник», 1841, т. 2, стр. 151—152.

¹²⁹ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 2, л. 272 об.

¹³⁰ Письмо А. И. Остермана Б. И. Куракину от 22 февраля 1727 г., — там же, ч. 3, лл. 162 об. — 163.

¹³¹ J. Jacob, *Beziehungen England zu Russland und zur Türkei...*, S. 121.

держивать Россию в Константинополе¹³². Его преемнику Маньяну было предписано сообщать Андрезелю о России все, могущее интересоваться турок¹³³. Инструкции руководителя внешней политики Франции кардинала Флери определенно предписывали послам в Константинополе не допускать Россию к проливам, противодействовать русской навигации на Черном море, побуждать Турцию к нападению на Россию и Австрию. Французская дипломатия выдвигала даже проект союза между Францией и Турцией. Теперь ответом Франции в Польше на австро-русский договор были приготовления к возведению на польский престол Станислава Лещинского, кандидатуру которого до примирения с Австрией выдвигала и Англия¹³⁴. Французский посол Андрезель энергично содействовал заключению сепаратного мира (Хамаданский договор 1727 г.) Турции с Ираном. Он убеждал муфтия и турецких министров, что этот мир свяжет руки России, так как Ашраф обратится против нее. Тогда же появились везде «подметные письма» против войны с единоверцем Ашрафом, как войны беззаконной¹³⁵.

Поход Петра I в Закавказье не вызвал у турок столько опасений, тревог и вражды, как союз Австрии с Россией. Спекулируя на этих чувствах и основываясь на союзных связях с Францией, английская дипломатия энергично побуждала французов к общим действиям в Константинополе, чтобы вызвать войну, ослабить Россию на Балтийском море, изгнать ее из прикаспийских провинций. Франция и Англия, союзные отношения между которыми становились все более эфемерными из-за роста противоречий в колониях и заморской торговле, здесь, в Константинополе, сомкнули свои ряды и стали действовать объединенно.

В современной французской историографии не без основания высказывалось мнение о договоре 1726 г. как главной причине польского и восточных кризисов в первой половине века¹³⁶. Антирусская политика Франции в Константинополе при этом полностью соответствовала интересам английской политики. По мнению одного из современных английских историков, она определялась инициативой Англии¹³⁷. Проследить эту инициативу по материалам, имевшимся в нашем распоряжении, было трудно, но одно несомненно: австро-русский договор

¹³² Сб. РИО, т. 62, 1888, стр. 220.

¹³³ Там же, стр. 407, 425.

¹³⁴ P. Boyé, *Stanislas Leszynski et le Troisième traité de Vienne*, Paris, 1898, ch. II.

¹³⁵ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. X, стр. 18.

¹³⁶ P. Muret, *La prépondérance anglaise (1715—1763)*, p. 179.

¹³⁷ A. Wilson, *French policy during the administration of cardinal Fleury...*, p. 147.

соответствовал интересам Англии, так как он означал невозможность сближения Франции с Россией и способствовал крайнему ухудшению отношений между Турцией и Россией.

Приход к власти в Константинополе более воинственных элементов благоприятствовал планам враждебной России дипломатии. Восстания янычар в 1730 и 1731 гг. покончили с султаном Ахмедом II и великим везиром Ибрагимом, который был убит. Янычары требовали войны против Австрии и России. И. И. Неплюев обвинял Вильнёва в активном участии в происшедшей трагедии. Но только ли французская дипломатия была повинна в этом? Английский историк Л. Локкарт цитирует донесение Стэнъяна от 13 (24) мая 1729 г. Стэнъян предполагал, что недовольство турок Россией поведет к войне между ними при условии перемены турецкого правительства¹³⁸.

Более десяти лет посол Стэнъян, выполняя директивы английского правительства, упражнял свои способности в провоцировании русско-турецкой войны, пользуясь разнообразными поводами для этого. Много раз обстановка обострялась до грани войны. Но твердости великого везира Ибрагима в сохранении мира с Россией он все же не поколебал. С устранением этого препятствия обстановка для антирусской деятельности французской и английской дипломатии была облегчена.

Положение русского посла И. И. Неплюева к концу 20-х годов становилось все более трудным: «Яко воск таю»¹³⁹, — сообщал он о себе в июне 1728 г. А. И. Остерману. От него требовали с особым прилежанием следить за поступками французского и английского послов: не будут ли с их стороны какие «подвиги к побуждению Порты» начать войну¹⁴⁰.

На очереди стоял польский вопрос. Дипломатический мир находился в ожидании смерти Августа II. Еще в 1725 г. Стэнъян предложил турецкому правительству поддерживать кандидатуру Станислава Лещинского¹⁴¹. Дочь Лещинского, двадцатитрехлетняя Мария, в том же году стала женой французского короля, пятнадцатилетнего Людовика. Организаторы этого брака были дружелюбны с английскими кругами¹⁴². Не следует ли предположить, что эта свадьба была запланирована руководителями политики «равновесия сил», заинтересованными в кандидатуре Лещинского?

Турция, озабоченная борьбой с народами Закавказья и Ираном, который уже угрожал Турции лишением плодов ее

¹³⁸ L. Lockhart, *The fall of the Safavi dynasty...*, p. 359.

¹³⁹ А. А. Кочубинский, *Граф Андрей Иванович Остерман...*, стр. 18.

¹⁴⁰ Там же, стр. 33.

¹⁴¹ Реляция А. И. Румянцева и И. И. Неплюева от 14 февраля 1725 г., — ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 3, лл. 49—50.

¹⁴² P. de Raynal, *Le mariage d'un roi 1721—1725*, Paris, 1887; P. Boyé, *Stanislas Leszynski et le Troisième traité de Vienne*, pp. 27—66.

прежних побед, не проявляла большого интереса к польскому вопросу. В активизации этого интереса была заслуга французской дипломатии¹⁴³. Австро-русский союз побудил Францию к реализации давней идеи барьера по линии: Стокгольм, Варшава, Стамбул. В связи с этим Франция обратила внимание на Крым. Французское консульство в Крыму было аванпостом французского посольства в Константинополе.

В начале 30-х годов в Константинополе появился кандидат на украинское гетманство — сын полковника Филиппа Орлика, сподвижника Мазепы. В 1732 г. молодой Григорий Орлик, офицер французской службы, ездил с дипломатическим поручением посла Вильнёва в Иран и Крым, но организовать общий фронт Ирана и Турции против России он не смог¹⁴⁴. Посланный Вильнёвом в Крым венгерский офицер французской службы барон де Тотт организовал два корпуса татарской кавалерии — один для Польши, другой для Кавказа¹⁴⁵. Крым поднимал кавказских владетелей против России и побуждал к принятию протектората султана¹⁴⁶. Благодаря Крыму Турция становилась опасной для России¹⁴⁷.

Большую и успешную роль в обострении антирусских чувств у турок в 30—40-х годах сыграла также деятельность известного «ренегата» графа Бонваля (в 1729—1747 гг.), бывшего офицера французской, а затем австрийской армии, бежавшего из тюрьмы в Турцию и принявшего мусульманство с именем Ахмед-паши. Этот деятель, пользовавшийся долголетним авторитетом у султанского правительства по внешнеполитическим вопросам, проводил политику, совпадающую с интересами Англии и Франции¹⁴⁸.

Не высказываясь в пользу того или иного кандидата, Турция потребовала вывода русских войск из Польши и стала

¹⁴³ E. Puttkamer, *Frankreich, Russland und der polnische Thron 1733*, Berlin, 1937, S. 68—76.

¹⁴⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 3, 1732, лл. 44—45 об.; W. Koperczynski, *Polska a Turcja, 1683—1792*, Warszawa, 1936, p. 108; А. А. Кочубинский, *Граф Андрей Иванович Остерман...*, стр. 43.

¹⁴⁵ Z. W. Zinkeisen, *Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*, T. V. Gotha, 1857, S. 660—669; A. Vandal, *Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission du marquis de Villeneuve 1728—1741*, Paris, 1887, ch. IV; Fr. Charles-Roux, *La monarchie française d'ancien régime et la question de la mer Noire*, — «Revue de la Méditerranée», t. V, 1948, № 3, pp. 260—265.

¹⁴⁶ «Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве», 1915, отд. 1, т. 3, ч. 1, стр. 593, № 4361 и стр. 595, № 4367 (указы императрицы от 3 и 6 января 1737 г. о мерах противодействия пропаганде крымских и кубанских татар).

¹⁴⁷ Записка М. И. Воронцова (конца 40-х годов), — «Архив князя Воронцова», кн. 25, М., 1882, стр. 120.

¹⁴⁸ H. Benedikt, *Die europäische Politik der Pforte vor Beginn und während des Österreichischen Erbfolgekrieges*, — «Mitteilungen Staatsarchivs», Bd I, Wien, 1948, H. 1, S. 137—145; idem, *Der Pascha Graf Alexander von Bonaparte, 1675—1797*, Graz—Köln, 1959.

угрожать войной. Войска были введены в силу конвенции между Австрией, Россией и Саксонией (август 1733 г.). В мае этого же года английский король сообщил русской императрице о своем согласии на кандидатуру Августа III, курфюрста саксонского¹⁴⁹. Пруссия не возражала против этой кандидатуры, хотя и не сочувствовала ей, так как сомневалась в поддержке Саксонией своей политики в Германии. Нейтралитет Пруссии в польском вопросе объяснялся стремлением сохранить дружбу с Россией и получить поддержку в присоединении Курляндии.

Франция на избрание австро-русского кандидата, т. е. на поражение своей политики в Польше, ответила войной. Она вытеснила Австрию из Ломбардии, захватила Лотарингию. В силу австро-русского союза 10-тысячный корпус генерала Ласси двинулся из Польши на Рейн летом 1735 г. Перемирие между Францией и Австрией прекратило дальнейшее развитие войны.

Общность антирусской политики в Константинополе не ослабляла, однако, напряженного соперничества между Англией и Францией, вступивших на путь колониальных завоеваний и захватов. В Европе это соперничество скрывалось под маской «миролюбия», связанного с именами руководителей внешней политики: во Франции — кардинала Флери, в Англии — Роберта Уолпола. «Миролюбие» было ознаменовано заключением в Вене договоров, которые фактически лишь способствовали дальнейшему обострению обстановки в Европе.

Союзный договор между Англией и Австрией (16 марта 1731 г.) — так называемый 2-й Венский договор — способствовал отказу Испании «навсегда» в пользу Англии от Гибралтара и Минорки, а со стороны Австрии — закрытию действительно навсегда компании фламандских купцов в Остенде. Между Австрией и Францией был заключен мирный договор (2 мая 1738 г.; так называемый 3-й Венский договор), по которому Лотарингия отошла к Франции. Заключение этих договоров было обусловлено признанием Прагматической санкции: Англия, а затем и Франция дали, таким образом, гарантии на целостность владений Габсбургского дома¹⁵⁰.

2-й Венский договор, возобновивший англо-австрийский союз, благоприятствовал восстановлению в августе того же

¹⁴⁹ Н. Н. Бантыш-Каменский, *Обзор внешних сношений России*, ч. 1, стр. 138.

¹⁵⁰ P. Boyé, *Stanislas Leszynski et la Troisième traité de Vienne*; A. Wilson, *French policy during the administration of cardinal Fleury*; B. Williams, *The foreign policy England under Walpole*, — «The English historical review», vol. XV, 1900, vol. XVI, 1901; P. Roberts, *The Quest for security 1715—1740*, New York—London, 1947, pp. 245—248; E. Malcolm-Smith, *British diplomacy in the eighteenth century, 1700—1789*, London, 1937.

1731 г. дипломатических отношений между Англией и Россией. В 1734 г. Англии удалось заключить с Россией договор «дружбы и коммерции» на 15 лет. Россия согласилась на заключение невыгодного для нее договора, чтобы обеспечить нейтралитет Англии в надвигающейся войне с Турцией. Английская дипломатия проявляла теперь особую заинтересованность в сохранении австро-русского союза, как особо важного для «политического равновесия» в Европе¹⁵¹.

В развязывании русско-турецкой войны (1735—1739) особое значение приобрели персидские и кавказские дела. Нельзя отрицать того факта, что после смерти Петра I в России особенно боялись войны с Турцией из-за неуверенности в ее благополучном исходе. Страна была истощена предыдущей многолетней войной, военные силы ослаблены, денег не было, в правительственных рядах не было единства. Господствующий класс России еще не развил в себе достаточно вкуса к военным авантюрам и предпочитал лишениям военного времени праздную жизнь в своих деревнях. Капиталистических элементов, заинтересованных в дальних завоеваниях, еще не существовало. Крестьяне ненавидели рекрутчину. По свидетельству документа 30-х годов, Россия пришла в состояние такой слабости, что один или самое большее два похода вызовут смятение, от которого «она сама по себе придет в свое прежнее состояние»¹⁵².

Перемены, начавшиеся на пороге 30-х годов в Иране в связи с восстановлением его государственного единства, потребовали от Турции и России пересмотра иранской политики. Политика России оказалась более гибкой: она отошла на прежние позиции. Турция осталась на позициях захватничества.

В 30-х годах Россия и Турция возвратили Ирану захваченные ими провинции: Россия добровольно, Турция — после кровавой и неудачной войны, которая прерывалась мирными договорами 1732, 1733 и 1736 гг.

Россия надеялась, что ирано-турецкая война оттянет сроки ее войны с Турцией, но именно эта война и привела к разрыву Турции с Россией. Турция постоянно обвиняла русских в оказании тайной помощи персам; неудачи своей войны с ними она относила на счет России. По мнению великого везира, Турция, воюя с Ираном, фактически воевала и с Россией¹⁵³. Большое раздражение турецкого правительства вызвал Гянджинский договор, заключенный между Россией и Ираном в марте 1735 г. По этому договору Россия признавала власть

Ирана над Дагестаном. На чрезвычайном заседании у великого везира 25 апреля было постановлено послать в Дагестан, как находящийся под покровительством султана, войска крымского хана для помощи горцам в их борьбе против персов. Приказ об этом Каплан-гирею был обнародован в мае. Турецкое правительство обратилось к русскому с просьбой не препятствовать проходу крымцев в знак дружбы и «твердого содержания» трактата. Русское правительство ответило категорическим протестом. Не обращая на него внимания, 53-тысячное войско крымцев продолжало поход и уже прошло мимо Дербента, но затем было поспешно возвращено в связи с подходом к Крыму отряда генерала Леонтьева.

Нападение на Крым без объявления войны привело султанское правительство в крайнее возбуждение. Объяснения русского правительства, что «крымское предприятие» было направлено не против Турции, а против крымского хана, чтобы удержать его от намерения привлечь дагестанские народы к турецкому подданству, не удовлетворили турок¹⁵⁴.

Война против России стала неизбежной, и в октябре того же года турки предложили Ирану мир, соглашаясь теперь на условия, отвергнутые ими в 1733 г.

28 мая 1736 г. Россия объявила Турции войну, которой она так старательно избегала до сих пор, не надеясь на свои силы. Но и теперь единогласия в русских правящих кругах по вопросу о войне не было. Надежды на возобновление ирано-турецкой войны не оправдались. 28 сентября 1736 г. между Ираном и Турцией был заключен Эрзурумский мир, который, по замечанию английского представителя в России Рондо в одном из его донесений, не мог не быть «крайне неприятным русскому двору»¹⁵⁵.

Во время русско-турецкой войны французская дипломатия успешно укрепляла свои позиции и в Европе, содействуя заключению или заключая договоры: Турции с Венгрией (1737 г.), Франции с Швецией о субсидиях (1738 г.), союзный договор Франции с Пруссией (апрель 1739 г.). По предложению Австрии и Франции 26 мая 1739 г. состоялось соглашение с Россией о присоединении к австро-французскому мирному договору 1738 г.¹⁵⁶. По-видимому, тогда же Австрией и Россией было предложено маркизу Вильнёву посредничество в предстоящих мирных переговорах с Турцией.

¹⁵⁴ «Выписка о бывших сношениях по персидским делам между Российской империей и Портой Оттоманской». Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), фонд Военно-ученого архива (далее — ВУА), л. 36/611, л. 117.

¹⁵⁵ Сб. РИО, т. 80, 1892, стр. 80.

¹⁵⁶ Н. Н. Бантыш-Каменский, *Обзор внешних сношений России*, ч. 1, стр. 61.

¹⁵¹ Сб. РИО, т. 80, 1892, стр. 33.

¹⁵² Сб. РИО, т. 20, 1877, стр. 112—113.

¹⁵³ Реляция И. И. Неплюева о беседе голландского посла с везиром в 1734 г., — А. А. Кочубинский, *Граф Андрей Иванович Остерман...*, стр. 80.

4. Политика европейских держав в Константинополе в 40-х — начале 70-х годов. Кючук-Кайнарджийский мир (1774 г.)

Победоносная, но крайне тяжелая для России война с Турцией закончилась Белградским мирным договором, заключенным 18 (29) сентября 1739 г. Русское правительство обратилось к посредничеству Вильнёва по той причине, что крайне спешило с заключением мира в ожидании войны со Швецией, а также по причине обострения отношений с Надир-шахом. В кавказской политике России этот договор сыграл определенно отрицательную роль. Договор не сгладил, а лишь обострил русско-турецкие отношения по крымским и кабардинским делам.

Кардинальный вопрос русско-турецких отношений — вопрос о свободе русской навигации на Черном и Азовском морях остался в прежнем положении: Россия «никакой корабельный флот ниже иных кораблей иметь и строить не могла», должна была пользоваться судами турецких подданных, под турецким флагом. В этом вопросе Вильнёв держался непримиримой позиции.

Чем же объяснялась теперь эта непримиримость? Ведь в прошлом неоднократно поднимались и обсуждались проекты организации торговли с Францией по Черному морю и даже устройство французской колонии на Азовском море. Теперь же инструкции из министерства иностранных дел требовали от Вильнёва всеми средствами бороться против свободы навигации русских¹⁵⁷. Эта непримиримость находит свое объяснение в факте англо-французского соперничества. Заключение Россией торгового договора с Англией (1734 г.) не без оснований вызывало мысль о том, что свободой мореплавания воспользуется прежде всего английское купечество, захватившее в свои руки всю торговлю России с Европой.

Содействием заключению Белградского договора Франция оказала неплохую услугу Турции. Австрия, заключившая договор несколько ранее, возвратила Турции все приобретения по Пассаровицкому миру (1718 г.), среди них и самый Белград. Турция отплатила Франции возобновлением капитуляций (1740 г.), доставивших Франции первенствующее положение в торговле Османской империи.

Не столь успешно развивалась французская политика на Среднем Востоке, направленная на удержание Турции от вой-

ны с Ираном. По возвращении из грабительского Индийского похода (1738—1739), принесшего Надир-шаху средства для новых войн, он предпринял поход в Дагестан, что привело к возобновлению в 1743 г. войны с Турцией. Крах предприятий в Дагестане, несмотря на победы над турками, принудил Надир-шаха к уступкам и миру. Мирный договор (4 сентября 1746 г.) возвратил Иран и Турцию к *status quo* по миру 1639 г.

Напряженность в политической обстановке на Западе нарастала.

В конце 1738 г. Лондон уполномочил своего представителя в Петербурге Рондо на переговоры с Россией о союзе, отказавшись от первоначального намерения дожидаться соответствующего предложения от России. Англия стремилась предупредить сближение между Францией и Россией, усилить связь Австрии с Россией. Преемнику Рондо (с июня 1740 г.) Финчу предписывалось следить за французским послом в Петербурге маркизом Шетарди, за его интригами, направленными на то, чтобы оторвать Россию от Австрии¹⁵⁸. Франция стремилась ослабить эффективность австро-русского союза, отвлекая внимание России к Северу. Побуждаемая Францией Турция заключила с Швецией (в декабре 1739 г.) военный союз и дала субсидии.

Положение дел предсказывало явный разрыв и войну между Францией и Англией. В английской печати велась кампания за принятие решительных мер против французского засилья в колониях. Французские колониальные товары вытесняли с американских рынков Англии сахар, табак и другую колониальную продукцию из Вест-Индии. Парламентские биллы и петиции выражали тревогу, памфлеты ее усиливали¹⁵⁹. Уже в октябре 1739 г. Англия объявила Испании войну в ответ на борьбу Испании с контрабандной торговлей Англии. Нападения Англии на испанские торговые суда задевали интересы и французской торговли, так как она обслуживалась в Вест-Индии в значительной степени испанскими судами. Франция начала готовиться к морской войне с Англией. Но неожиданная смерть 20 октября 1740 г. Карла VI, поставившая вопрос о дележе австрийского наследства, снова приковала внимание Франции к делам Центральной Европы. Раздел наследства означал войну. «Ничто не может нас спасти, кроме диверсии

¹⁵⁸ R. Lodge, *The First Anglo-Russian treaty, 1739—1742*, — «The English historical review», vol. XLIII, 1928, pp. 357, 361.

¹⁵⁹ C. M. Andrews, *Anglo-French commercial rivalry 1700—1750, The Western phase*, — «The American historical review», vol. 20, 1915, № 4, July, pp. 761—780; A. Wilson, *French policy during the administration of cardinal Fleury...*, ch. XII; W. Dorn, *Competition for empire, 1740—1763*, New York — London, 1940, p. 128.

¹⁵⁷ A. Vandal, *Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission du marquis de Villeneuve 1728—1741*, Paris, 1887, ch. V; Fr. Charles-Roux, *La monarchie française d'ancien régime et la question de la mer Noire*, — «Revue de la Méditerranée», t. V, 1948, № 3, pp. 263—265.

на континенте»¹⁶⁰, — писал Гораций Уолпол брату Роберту 11 октября 1740 г.

Австрийское наследство оспаривалось Испанией, Баварией и Саксонией, которыми правили соответственно Филипп V, Карл Альберт и Август III — родственники Габсбургского дома. В дело вмешался прусский король Фридрих II, в декабре 1740 г. внезапно захвативший Силезию, вопрос об обладании которой уже давно стал спорным. Между Австрией и Пруссией началась война. Задача английской политики заключалась теперь в том, чтобы войну между Австрией и Пруссией превратить в войну всеобщую.

Еще в 1736 г. английское правительство запросило посла Кантемира об отношении русского правительства к Прагматической санкции и получило положительный ответ А. И. Остермана. В дальнейшем, однако, выяснилось, что в Петербурге вовсе не спешили «действительный концерт учинить» с Англией, как это было обещано Остерманом¹⁶¹. Переговоры о союзе затянулись, встречая сильное сопротивление со стороны французского посла маркиза Шетарди и русских сторонников сближения с Францией во главе с вице-канцлером М. И. Воронцовым.

В ноябре 1740 г. правительницей Российского государства, регентшей при младенце императоре Иоанне VI, была провозглашена его мать Анна Леопольдовна вместо свергнутого Бирона. Анна Леопольдовна Брауншвейгская (по отцу Мекленбургская), племянница Анны Иоанновны, была ставленницей англо-австрийской дипломатии; при ней союз с Англией был наконец заключен — 3 (14) апреля 1741 г.¹⁶²

Англо-французское соперничество при петербургском дворе продолжалось. Возведение на престол Елизаветы Петровны осенью того же года было триумфом маркиза Шетарди. Но двойственный характер французской политики снова проявился. Шетарди был неожиданно отозван в июле следующего (1742) года, что благоприятствовало политике Англии. Англо-прусский договор был перезаключен вице-канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым 11 (22) декабря 1742 г.¹⁶³

В 1743 г. Шетарди был снова направлен в Россию. Поднять престиж Франции ему не удалось. Ключ от зашифрованного им донесения в Париж с нелестными выпадами по адресу Ели-

¹⁶⁰ Цит. по: W. Mediger, *Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat in Zeitalter Friedrichs des Grossen*, Braunschweig, 1952, S. 334.

¹⁶¹ Ф. Мартенс, т. IX (X). *Трактаты с Англией*, стр. 92.

¹⁶² Ф. Мартенс, т. IX (X). *Трактаты с Англией*, стр. 93—112; R. Lodge, *The First Anglo-Russian treaty, 1739—1742*, — «The English historical review», vol. XLIII, 1928, p. 365.

¹⁶³ Ф. Мартенс, т. IX (X). *Трактаты с Англией*, стр. 117—133.

заветы Петровны попал в руки императрицы. Шетарди был выслан из России, даже не успев получить аудиенцию.

Премьер-министр Картерет считал, что англо-русский договор смирит Францию¹⁶⁴. Договор содержал обязательства во взаимной помощи в войне, за исключением войн с Турцией, Персией и в Америке, а также признание Англией права российских царей на императорский титул, что означало признание завоеваний Петра.

12 сентября 1743 г. король Георг II как гарант Прагматической санкции и премьер Картерет заключили в Вормсе договор между Сардинией, Австрией и Англией. За территориальные уступки в Италии Австрия получила от Сардинии солдат, от Англии — флот и субсидии. Военные партии в Англии и Голландии подсказывали Марии-Терезии получение у Франции эквивалента за Силезию¹⁶⁵. С этой целью Англия примирила Австрию с Фридрихом II (1742 г.). Все силы Австрии должны быть направлены против Франции.

Вормсский договор резко повысил политическую температуру Европы. Пруссия решила на возобновление войны в союзе с Францией. Франция выступила во главе составленной ею коалиции и объявила Англии, а затем Австрии войну (весной 1744 г.)¹⁶⁶. Англия занялась торговыми судами своих соперниц. Вормсский договор сыграл в войне за австрийское наследство такую же роль, какую перед Семилетней войной сыграл Уайтхоллский (Вестминстерский) договор между Англией и Пруссией.

Россия воздерживалась от вступления в войну, хотя и выразила Фридриху II свое «прискорбие» по поводу захвата им Силезии. В 1740 г. она заключила, а в 1743 г. перезаключила с Пруссией оборонительный союз. Отношения с Австрией были испорчены раскрытием интриг австрийского посла против Елизаветы Петровны¹⁶⁷.

Возобновление союза России с Австрией 22 мая (2 июня) 1746 г.¹⁶⁸ снова происходило в обстановке внутренней борьбы. Вице-канцлер М. И. Воронцов стоял за союз с Пруссией и Францией. Канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину пришлось усиленно запугивать свое правительство ростом могущества Пруссии и доказывать необходимость выступления в пользу «древ-

¹⁶⁴ R. Lodge, *The First Anglo-Russian treaty, 1739—1742*, p. 374.

¹⁶⁵ J. G. Droysen, *Friedrich der Grosse*, Bd III, Leipzig, 1881, S. 65.

¹⁶⁶ R. Lodge, *Studies in the eighteenth century diplomacy 1740—1748*, pp. 31—36; idem, *Treaty of Worms*, — «The English historical review», vol. XLIV, 1929, pp. 220—255; Le duc de Broglie, *Frederic II et Louis XV d'après des documents posthumes 1742—1744*, t. 1, Paris, 1883, p. 203.

¹⁶⁷ Н. Н. Бантыш-Каменский, *Обзор внешних сношений с Россией*, ч. 4, стр. 62, 63, 66.

¹⁶⁸ Ф. Мартенс, т. I. *Трактаты с Австрией*, стр. 145—178.

них своих приятелей»¹⁶⁹, т. е. Англии и Австрии. Хорошо известно, что англофильская политика Бестужева не была бескорыстной. Английский посол Гиндфорт в 1746 г. призывал свое правительство поддерживать Бестужева, «единственного друга, которого мы имеем при этом дворе»¹⁷⁰. По заключении союза английский и австрийский послы энергично побуждали к скорейшему отправлению русского корпуса на Рейн. Гиндфорт пытался устрашить русское правительство возможностью заключения четверного союза против России между Францией, Пруссией, Швецией и Данией¹⁷¹.

Возобновление австро-русского союза активизировало анти-русскую политику Франции. «Французы взбешены заключением договора»¹⁷², — писал Уейч Картерету 12 февраля 1748 г. Возобновление союза сказалось и на политике Пруссии в отношении России¹⁷³. Фридрих II стал искать противовеса австро-русскому союзу в союзе с Турцией и в усилении антирусской политики в Швеции. Франция и Швеция всячески склоняли Порту к союзу с Пруссией, но успеха в этом вопросе не имели¹⁷⁴.

Для успокоения Турции Австрия заключила с ней в 1747 г. договор о признании Белградского мира вечным¹⁷⁵.

На позицию Турции в Европе не могло не повлиять и то обстоятельство, что союзная с ней Швеция, получавшая от нее субсидии, вновь проиграла войну с Россией (1741—1743), которую начала одобряемая и Францией, и Турцией.

Ослаблению реакции султанского правительства на «внушения» Франции и Швеции несомненно способствовала и политика англо-австрийской дипломатии. Союзники Англия и Австрия были теперь заинтересованы в более активном участии России в конфликте на Западе и поэтому проявляли в Константинополе миролюбие. Неплюев имел предписание «войти в тесную связь» с английским послом Портером и австрийским резидентом Пенклером, чтобы разрушить козни Франции (1747 г.)¹⁷⁶. В 1751 г. в инструкции А. М. Обрескову канцлер Бестужев-Рюмин велел объявить этим послам о благоволении к ним императрицы.

¹⁶⁹ «Архив князя Воронцова», кн. 2, 1871, стр. 83.

¹⁷⁰ Ф. Мартенс, т. IX (X). *Трактаты с Англией*, стр. 138.

¹⁷¹ «О сообщении английского министра Гиндфорта», — ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 89, 1747.

¹⁷² Сб. РИО, т. 99, 1897, стр. 245.

¹⁷³ P. Karge, *Die russisch-österreichische Allianz von 1746 und ihre Vorgeschichte*, Göttingen, 1887, S. 52.

¹⁷⁴ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 61, 1741—1761, лл. 28 об. — 50 об.

¹⁷⁵ Ф. Мартенс, т. I. *Трактаты с Австрией*, стр. 183.

¹⁷⁶ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 61, 1741—1761, лл. 52 об. — 53 об.

30-тысячному корпусу В. А. Репинна, отправленному наконец на Рейн, воевать не пришлось¹⁷⁷. Дахенский мир (2 августа 1748 г.) в сущности был победой Англии, хотя он и считался миром без побед. Англия потеряла во время войны до 3 тыс. судов, в то время как Франция и Испания — почти весь свой флот (на 5 тыс. судов больше). В результате этих потерь Англия стала господствовать на море, хотя и при меньшем количестве судов¹⁷⁸.

Дахенский мир не разрешил противоречий как в колониях, так и в Центральной и Южной Европе и на Черном море. Присоединение Силезии к Пруссии содействовало усилению австро-прусского антагонизма. Англо-французское соперничество приняло формы явной и непримиримой вражды. Это означало, что почва для возникновения нового конфликта была подготовлена еще лучше, чем прежде.

В 1750 г. англо-австро-русское сближение было закреплено новыми дипломатическими документами: актом «пристурения» Англии к австро-русскому оборонительному союзу¹⁷⁹, за исключением его сепаратных статей, имевших отношение к Турции, Персии и к содержанию «в готовности» 30-тысячного корпуса¹⁸⁰, и особой декларацией Австрии и России, обязующихся защищать войсками ганноверское владение английско-го короля в случае нападения на него (подразумевалась Франция или Пруссия). Это означало, что подготовка Семилетней войны уже началась. После длительных англо-русских переговоров была заключена наконец английским послом Уильямсом и конвенция о субсидиях на содержание войск (сентябрь 1755 г.). Англо-русский трактат 1742 г. был возобновлен¹⁸¹.

В 1756 г. положение еще больше обострилось. Английской дипломатии удалось заключить с Фридрихом II, союзником Франции, союзный договор (Уайтхоллский, или Вестминстерский, 16 января 1756 г.). Были даны взаимные гарантии безопасности Ганновера и Силезии и субсидии Пруссии. В ответ последовал Версальский союзный договор между Францией и Австрией (1 мая 1756 г.). Этот союз связан с именами австрийского посла в Париже, впоследствии канцлера Кауница и фаво-

¹⁷⁷ Интересно отметить, что 2-й дивизией этого корпуса командовал Георгий Вахтамович Грузинский, сын царя Вахтаंगा VI, получивший военное образование в России.

¹⁷⁸ H. Robinson, *The Development of the British Empire*, Boston, New York, Chicago, San Francisco, 1922, pp. 81—85.

¹⁷⁹ Ф. Мартенс, т. I. *Трактаты с Австрией*, стр. 178—183.

¹⁸⁰ Ф. Мартенс, т. IX (X). *Трактаты с Англией*, стр. 173—175.

¹⁸¹ Там же, стр. 191—200. Ежегодная субсидия в 100 тыс. ф. ст. с момента заключения конвенции и 500 тыс. ф. ст. со времени похода. Россия обязалась выставить на лифляндской границе 55-тысячный корпус и галерный флот у берегов.

ритки Людовика XV маркизы Помпадур, близкой к английским кругам, а также с секретной дипломатией французского короля¹⁸². Вековые соперники сблизилась для войны, чтобы прекратить усиление Пруссии. Россия присоединилась 31 декабря 1756 г.

Присоединению России к Версальскому договору предшествовало новое обострение обстановки на Ближнем Востоке, которое вызвало заключение в 1753 г. секретной конвенции между Австрией и Россией¹⁸³. Обе стороны обязались в случае нападения Турции на одну из них немедленно объявить ей войну.

Повышению воинственности Турции в период подготовки Семилетней войны содействовала Франция. Англо-русские переговоры, начавшиеся в 1750 г., крайне тревожили Францию.

11 мая 1755 г. министр иностранных дел Рулье информировал посла в Константинополе Верженна об отправлении из Лондона в Петербург миссии Вильямса для заключения союза, направленного против Франции¹⁸⁴. Вслед затем Верженн представил султанскому правительству неофициальную записку, в которой красноречиво доказывал необходимость борьбы против усиления «агрессивности» России в отношении Польши и Турции при поддержке Лондона и Вены¹⁸⁵.

Французское правительство предложило Турции союз. Рулье рекомендовал послу не жалеть денег для разговоров с султанскими министрами: нельзя допустить предполагавшегося прохода русских войск через Польшу; сохранение независимости Польши — первое условие для разрушения англо-австро-русского союза¹⁸⁶.

Во время подготовки Семилетней войны английская дипломатия, наоборот, удерживала Турцию от войны с Россией. Когда в 1754 г. турки хотели взяться за оружие из-за постройки Россией крепости св. Елизаветы в связи с устройством колонии «Новой Сербии» в будущей Херсонской губернии, вмешательство английского и австрийского послов удержало мир. Снисходя к их просьбам, императрица Елизавета прекратила постройку.

Чтобы обезвредить Францию и избежать войны с Турцией в момент, когда предполагалась война с Пруссией, Россия пошла на сближение с Францией. Она вела войну с помощью французских субсидий. По приказу нового императора Пет-

¹⁸² «Correspondance secrète du comte de Broglie avec Louis XV (1756—1774)», t. 1, Paris, 1956.

¹⁸³ Ф. Мартенс, т. 1. *Трактаты с Австрией*, стр. 185—188.

¹⁸⁴ L. Bonneville de Marsangy, *Le chevalier de Vergennes, son ambassade à Constantinople*, t. 1, Paris, 1894, pp. 202—206.

¹⁸⁵ Ibid., pp. 383—388.

¹⁸⁶ Ibid., pp. 389—392.

ра III Россия, одержавшая ряд побед, неожиданно вышла из войны в начале 1762 г.¹⁸⁷

Авторитет Франции в глазах турецкого правительства был подорван: слишком противоречили новые директивы французским послам директивам предыдущих лет. В прошлом французская дипломатия обращала особое внимание на укрепление и развитие связей Турции с Польшей и Швецией и на отклонение Турции от войны с Ираном. Теперь французские дипломаты действовали в обратном направлении. Верженн удерживал Турцию от протеста, когда русские войска прошли через Польшу в Саксонию¹⁸⁸. Депеши аббата Берни, сменившего Рулье, рекомендовали Верженну отвлекать султана от Австрии видами на легкость завоеваний в Персии, ослабленной происходившими там смутами¹⁸⁹. Теперь Франция удерживала Турцию от союза с Пруссией, которая его добивалась вместе с Англией¹⁹⁰. Турция ограничилась трактатом дружбы и торговли с Пруссией (22 марта 1761 г.). Вызвать войну на Востоке англо-прусской политике периода Семилетней войны также не удалось. В письме к Мустафе III от 30 марта 1760 г. Фридрих II, призывая к войне против России, соблазнял присоединением Украины и Новой Сербии¹⁹¹. Английский банкир Баркер (он же банкир прусского короля) выдал в Крым по векселям прусского резидента сотни тысяч «левков» для подкупа хана и ханских людей. Результатом этого явилось лишь некоторое движение татарских войск между Днепром и Днестром. Подкупы были раскрыты султаном (1762 г.) и повели не только к подрыву авторитета прусского короля, но и к падению Крым-Гирея¹⁹².

События, сопровождавшие подготовку ужаснейшей войны середины века, с новой силой свидетельствовали о тесной взаимосвязи западной и восточной политики держав, центральным

¹⁸⁷ Вопрос о причинах войны и ее виновниках породил большую литературу, к сожалению, лишенную до сих пор объективности. Обзорению этой литературы посвящено сравнительно недавно вышедшее исследование Баттерфилда (H. Butterfield, *The reconstruction of an historical episode...*, Glasgow, 1951). Виновником этой войны автор считает Россию. Оспаривая правильность этого взгляда, критик из журнала «The English historical review» считает, что ключ от тайны происхождения войны находится скорее в Вене или Берлине. Он напоминает, что взгляды Баттерфилда приближаются к устаревшим взглядам генерал-майора Ллойда (Lloyd, *History of the lately war in Germany*, 1781): России не удалось использовать Англию для реализации ее завоевательных планов («The English historical review», vol. LXVII, 1952, p. 447).

¹⁸⁸ L. Bonneville de Marsangy, *Le chevalier de Vergennes...*, vol. II, p. 9.

¹⁸⁹ Ibid., pp. 26, 42.

¹⁹⁰ «Сношения России с Османской Портой в царствование императрицы Елизаветы», — ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 61, л. 111.

¹⁹¹ А. С. Тверитинова, *К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время*, — «Советское востоковедение», т. 6, 1949, стр. 316.

¹⁹² АВПР, ф. «Константинопольская миссия», д. 523, 1765, лл. 130—131.

узлом которой была политика «равновесия сил», проводившаяся в интересах англо-французского соперничества. Англия сумела остаться в стороне от той бойни, которую сама организовала в Европе, и занялась колониями соперницы на море.

Семилетней войной закончилась серия войн, развязыванию которых сопутствовало искусственное обострение противоречий. В результате этих войн Франция лишилась Канады и Луизианы по Миссисипи и почти всех своих колоний в обеих Индиях. Французский флот был уничтожен; роль Франции как первоклассной морской державы была сыграна.

Россия стала выходить на путь самостоятельной политики, играя все более важную, а иногда и руководящую роль в европейских делах.

В 60-х годах XVIII в. нужды экономического развития страны, интересы ее черноморской торговли выдвинули на первый план во внешней политике России черноморскую проблему.

Жалобы русских купцов и помещиков на неудобства ведения торговли на Черном море приняли в начале 60-х годов столь серьезный характер, что не могли не привлечь внимания своего правительства. 28 марта 1762 г. вышел указ Петра III, 31 июля подтвержденный Екатериной II, о свободе торговли¹⁹³. Указы свидетельствовали об экономическом кризисе, который переживала земледельческая страна, искавшая сбыта своей продукции, и о том значении, какое имели для выхода из этого кризиса южные моря.

Политика России на Черном и Каспийском морях стояла в теснейшей связи с развитием восточного вопроса в целом. У русского правительства вновь появились старые опасения: как бы Турция, пользуясь слабостью Ирана, не захватила Каспийское побережье. Государственный канцлер М. И. Воронцов писал в своей записке (июль 1762 г.): «Турция может вредить России по польским делам, персидским, особенно у Каспийского моря, в Крыму и через крымцев. Желать надобно поэтому приобрести Крым или устье Дона и иметь флот на Черном море, чтобы турок и татар содержать в страхе и под законами, а тамошнюю коммерцию обратить в свою пользу»¹⁹⁴. Разрешение этих задач стало главной целью внешней политики России по окончании Семилетней войны, когда восточные интересы выступили в ней на первый план и когда англо-французское соперничество на Ближнем Востоке усилилось.

Достижение намеченных целей началось при сочувствии Англии. Через «дружбу» с Россией Англия надеялась не только разрешить черноморскую проблему в свою пользу, но и

¹⁹³ ПСЗ, т. XV, 1830, № 11489, стр. 959—960.

¹⁹⁴ «Архив князя Воронцова», кн. 25, стр. 272—312 (цит. стр. 302).

укрепить позиции в Восточном Средиземноморье, подобно тому, как это было достигнуто в Западном Средиземноморье через «дружбу» с Францией. С 60-х до середины 80-х годов приблизительно Англия благоприятствовала экспансионистской политике России на Ближнем Востоке¹⁹⁵.

Внешняя торговля России на Балтийском и Белом морях находилась в английских руках. Освобождение Черного моря от господства турецкого флага создавало возможность постепенного перевода русской торговли с Южной Европой, проходившей через английских посредников, к русским предпринимателям и купцам на Черном море. Однако, тотчас же после заключения Кючук-Кайнарджийского мира английскому послу в Петербурге были даны из Лондона советы достичь на Черном море такого же положения, как на Балтийском, хотя бы и ценой временного уменьшения выгод от торговли на Балтийском море¹⁹⁶.

Англия надеялась взять Россию на буксир своей политики, оказывая ей под видом «дружбы» разные услуги. Мнение о выгодности метода «дружелюбия» посол в Петербурге лорд Каткерт выражал достаточно ясно. Он считал, например, что русский флот, мысль о котором занимает «всю нацию», не только императрицу, может быть создан «лишь с помощью и содействием Англии и не иначе». Россия, по его мнению, не могла стать соперницей Англии ни как торговая, ни как военная морская держава. «По сей причине, — писал Каткерт графу Рошфору в марте 1770 г., — я всегда рассматривал подобные виды России весьма для нас счастливыми; ибо до тех пор, пока это будет выполнено, она должна зависеть от нас и держаться за нас. В случае ее успеха, успех этот лишь увеличит нашу силу, а в случае неуспеха — мы утратим лишь то, чего не могли иметь»¹⁹⁷.

«Дружелюбие» по отношению к России рассматривалось отдельными представителями правящих и деловых кругов Англии как наиболее эффективный метод политики к столь выгодному, как Россия, союзнику. Английские апологеты «дружбы»

¹⁹⁵ Lord Eversley, *The Turkish empire from 1288 to 1914 and from 1914 to 1924 by Sir Valentine Chirol*, London, 1942, 3 ed., p. 214; H. Temperley, *England and Near East. The Crimea*, London—New York—Toronto, 1936, p. 43.

В советской историографии недавнего времени были усмотрены две тенденции в англо-русских отношениях XVIII в.: «к взаимодействию» и «к соперничеству» (см. А. М. Станиславская, *Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798—1807*, М., 1962, стр. 4). Такую точку зрения нельзя признать правильной. Дальнейшее изучение этой проблемы показывает, что кажущаяся тенденция к взаимодействию была не чем иным, как обратной стороной того же соперничества, методом наилучшего использования соперника в условиях изменившейся обстановки.

¹⁹⁶ Сб. РИО, т. 19, 1876, стр. 442—446.

¹⁹⁷ Там же, лл. 42—43.

с Россией, выступавшие в печати в критические для Англии минуты, например на рубеже XIX в., с настойчивостью уверяли, обращаясь к английскому общественному мнению, что «дружба» с этой страной поведет к обеспечению господства Англии и в Индии, и в Египте. Один автор полагал, что допущение России к свободным морским выходам не может быть опасно для Англии, неизмеримо более развитой промышленной и торговой нации¹⁹⁸.

Франция в годы англо-русской «дружбы» занимала по отношению к России непримиримо враждебную позицию. Достаточно известные в литературе инструкции Людовика XV по линии тайной дипломатии, выражавшие ненависть к русскому народу, рекомендовали французским послам в Петербурге ослаблять Россию изнутри, возбуждая в ней беспорядки¹⁹⁹.

В Константинополе проводилась политика, направленная на провоцирование новой русско-турецкой войны. Присланное в 1762 г. в Константинополь крымским ханом «всенародное челобитье» с жалобами на Россию явилось результатом подачи хану от французского короля в 40 тыс. «левков»²⁰⁰.

Проект «Северной лиги», выдвигавшийся Н. И. Паниным, русская активность в Польше в связи с избранием короля и англо-русский торговый договор (1766 г.) побудили Францию к новым решительным шагам. 21 апреля 1766 г. герцог Шуазель категорически потребовал от Верженна толкать Порту к войне с Россией, так как Англия готовит с помощью России ужасный удар против Франции. Чтобы предупредить удар, должно навязать России войну. Эту услугу могут оказать Франции Турция и Польша²⁰¹.

Требование французского правительства сделало положение Верженна в высшей степени затруднительным. Версальский австро-французский договор (1756 г.), как уже упоминалось, поколебал позиции Франции в Константинополе. Верженн поэтому считал, что нужна длительная подготовка, немедленной войны быть не может²⁰². Он ошибся. При содействии генерального французского консула в Крыму барона Тотта Польша и Крым помогли спровоцировать конфликт. 4 октября 1768 г. Порта объявила России войну. Стремление России «не подавать излишней тревоги Османской Порте и хану крымскому и не повредить их нынешней доброй диспозиции к здеш-

¹⁹⁸ Lieutenant-colonel Taylor, *Lettres politiques, commerciales et littéraires sur l'Inde ou vues et intérêts de l'Angleterre relativement à la Russie, à l'Indo-stan et Egypte*, trad. de l'anglais, Paris, 1801, pp. 78—118.

¹⁹⁹ Сб. РИО, т. 14, 1912, стр. 61 и др.

²⁰⁰ АВПР, ф. «Константинопольская миссия», д. 523, 1765, л. 130 об.

²⁰¹ L. Bonneville de Marsangy, *Le chevalier de Vergennes...*, t. II, pp. 305—308.

²⁰² Ibid., pp. 309—316. Извлечения из записки Верженна за 1766 г. Ответ был написан на 32 страницах шифрованного текста.

ней стороне»²⁰³, оказалось недостаточным для сохранения мира.

Англии была желательна новая война, чтобы занять Бурбонов на Востоке²⁰⁴. Франции она была невыгодна. В XVIII в. русско-французские противоречия в значительной степени носили искусственный характер. Французская буржуазия не только не отказывалась от расширения экономических связей с Россией, сознавая их выгодность для обеих сторон, но и довольно деятельно стремилась к ним²⁰⁵.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. не оправдала расчетов ни Франции, ни Англии. Она закончилась полным поражением Турции, восточной политики Франции, а также видов Англии на Черное море. Но эта война благоприятствовала соперничеству Англии с Францией, укрепляя позиции Англии на Красном море и в Египте. Благодаря «дружбе» с Россией Англия установила во время русско-турецкой войны (1768—1774 гг.) связи с египетскими беями-мамлюками, контролировавшими коммуникации по Красному морю, Ост-индская компания заключила первый договор с Али-беем в 1770 г., во время кратковременного его господства в Египте²⁰⁶. В дальнейшем беи способствовали уничтожению французской торговли в Египте.

Семилетняя война, устранившая соперничество Франции в Индии, дала Англии возможность усилить свое внимание к Восточному Средиземноморью, к левантской торговле Франции. Английские обозреватели Ближнего и Среднего Востока призывали теперь своих соотечественников обратить внимание на торговые сношения с Турцией, на важность турецкого рынка для английских мануфактур. Англия, говорили они, должна одержать здесь победу над французским соперником²⁰⁷.

Знаменитый в летописях восточного вопроса Кючук-Кайнарджийский мирный договор 10 (21) июля 1774 г.²⁰⁸ был несомненным успехом восточной политики России. Турция вынуждена была признать независимость Крыма, присоединение

²⁰³ Постановление Сената от 26 мая 1763 г., — «Сенатский архив», т. XII, СПб., 1907, стр. 233—235.

²⁰⁴ F. K. Wittichen, *Preussen und England in der europäischen Politik 1785—1788*, Heidelberg, 1902, S. 7.

²⁰⁵ В. И. Пичета, *Французские дипломаты о торговле России с Францией в первые годы царствования Екатерины II*, — «Труды Белорусского госуниверситета», [Минск], 1928, № 20, стр. 172—197; Гиви Жордания, *Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв.*, ч. 1—2, Тбилиси, 1959.

²⁰⁶ G. E. Kirk, *A short history of the Middle East from the rise of Islam to modern times*, London, 1957, pp. 62—72.

²⁰⁷ [James Porter], *Observation on the religion, law, government, and manners of the Turks*, 2 ed. to which is added the state of the turkey trade from its origin to the present time, London, 1771.

²⁰⁸ Т. Юзефович, *Договоры России с Востоком...*, стр. 24—41.

к России феодальных владений Большой и Малой Кабарды на Северном Кавказе, что, впрочем, было обусловлено волей крымского хана. Далее, договором было признано право России на свободное торговое мореплавание во всех морях, омывающих Турцию. В прошлом одна только мысль об этом ужасала Турцию.

Султанское правительство признало право верховной власти России на покровительство христианским подданным Турции греческого вероисповедания.

Наконец, что особенно было важно для подготовки окончательной ликвидации претензий султанского правительства на Закавказье — это отказ Турции от фактической власти над Западной Грузией, т. е. от дани и крепостей, «издревле» принадлежавших Грузии.

В связи с Кючук-Кайнарджийским миром, столь успешно укрепившим позиции России на Черном море и на Ближнем Востоке, расстановка сил на международной арене постепенно менялась: «друзья» становились явными врагами, враги превращались в «друзей», хотя и не столь явных. Франция по мере ослабления своих позиций на морях, в колониях и в Леванте начала более настойчиво искать сначала экономического, а потом и политического сближения с Россией, обратив в то же время усиленное внимание на возрождение своего флота.

* * *

Итак, англо-французское соперничество было основным фактором международных отношений в рассмотренный нами период. Политика «равновесия сил» была по существу политикой английского капитала, проводившейся в интересах ослабления Франции, противодействия росту ее потенциальных союзников и установления собственного господства не только над Европой, но и во всем мире.

Политика «равновесия сил» была враждебна национальным интересам народов. Она препятствовала, например, национальному объединению Италии, так как большая часть ее владений была отдана Австрии. Удовлетворяя претензии Испании, она оплачивала за счет Италии потерю Гибралтара и укрепляла позиции Англии в Западном Средиземноморье.

Политика «равновесия сил» противодействовала освобождению и возрождению балканских и кавказских народов, поскольку искусственно поддерживала иго султанского правительства над поработанными им народами с целью использования его для укрепления собственных позиций на Ближнем и Среднем Востоке.

Во имя «равновесия сил» произошло противоестественное присоединение испанских Нидерландов (Бельгия) к Австрии

и было закрыто для морской торговли устье Шельды, что повлекло за собой экономическое ослабление Бельгии.

Политика «равновесия сил» препятствовала открытию свободных морских выходов для России под тем предлогом, что оно якобы угрожало порабощением Европы. Сухопутными войнами на континенте Англия препятствовала этому и косвенно, отвлекая Россию от решения задач своей национальной политики.

Политика «равновесия сил» культивировала напряженные отношения между Россией и Турцией, всячески препятствуя мирному разрешению между ними спорных вопросов. Политика «равновесия сил» не допускала сближения между Францией и Россией. Она всеми средствами содействовала возникновению и укреплению вражды между этими странами.

Политика «равновесия сил» базировалась в основном на союзе Англии с Австрией, так как это облегчало вмешательство островного государства в дела континента. В политике «равновесия сил» малые государства служили лишь разменной монетой и подсобным средством в сделках между великими державами.

Политика «равновесия сил», обслуживая интересы англо-французского соперничества, обуславливала взаимную связь восточной и западной политики держав.

Англия не смогла подчинить внешнюю политику России видам своей политики, но в 20-х годах через австро-русский союз ей все же удалось временно привлечь Россию к защите системы «равновесия сил». В результате этого Россия стала на путь непримиримой вражды с Францией и на путь усиления враждебных отношений с ее сателлитами — Турцией, Польшей и Швецией, противоречия с которыми в значительной степени благодаря постоянной поддержке их враждебности к России не удавалось разрешать мирным путем.

В XVIII в. ресурсы России и ее внешняя политика имели исключительное значение для англо-французского соперничества. Уже в это время внешняя политика России была важным фактором международных отношений и противостояла английской политике «равновесия сил».

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ С ЗАКАВКАЗЬЕМ И ИРАНОМ в XVIII в.

1. Русско-иранская торговля и Ост-индская компания

В конце XVIII в. в Персидском заливе господствовала английская Ост-индская компания. Все ее конкуренты (португальцы, испанцы, французы, голландцы) были отсюда вытеснены. Дружественные в течение многих лет отношения между Ост-индской компанией и Надир-шахом (1732—1747) закончились гонениями на агентов компании. Первоначально компания добилась получения самых широких привилегий. Англичане помогали Надиру в организации флота в Персидском заливе (в 1745 г. он состоял из 45 больших и многих малых судов¹). Английский флот участвовал в военных действиях против арабов, утвердившихся на захваченных ими у персов в период афганского завоевания Бахрейнских островах. В 1736 г. они были заняты персами, но арабы в течение всего XVIII в. с оружием в руках оспаривали право на эти острова.

Правитель Ирана Керим-хан (1761—1779) в начале 60-х годов, нуждаясь в деньгах, покровительствовал развитию английской торговли в Персидском заливе. В 1763 г. он предоставил Ост-индской компании исключительные привилегии: право беспошлинной торговли, монополию на ввоз шерстяных изделий, право учреждения фактории в Персидском заливе близ Бушира². Но англо-иранская кооперация оказалась кратковременной по причине явно захватнических видов компании³. «Английской компании от торгу в Персии Керим-ха-

¹ Fereydoun Adamijat, *Bahrein islands. A legal and diplomatic study of the British Iranian controversy*, New York, 1955, p. 29.

² В 1765 г. фактория была разгромлена арабами, но английские корабли и иранские солдаты принудили арабов к покорности.

³ Об этом свидетельствуют письмо из Исфагана о переговорах Ост-индской компании с Керим-ханом об устройстве фактории, присланное в августе 1764 г. консулом Игумновым в Коллегию иностранных дел (АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 87, 1764, лл. 99—100 об.), и донесение консула Боголюбова от 18 мая 1769 г. (там же, д. 106, 1769, лл. 2—7). См. также А. Wilson, *Persian gulf*, Oxford, 1928, pp. 178—183.

ном отказано, и нигде оно не производится», — писал 11 января 1771 г. в Коллегию иностранных дел губернатор Бекетов⁴. Купцы переселились в Басру, что привело в конце концов к военному конфликту между Ираном и Турцией.

Расстройство политических отношений с Ираном не прекратило, хотя и с переменным счастьем, экономического наступления Ост-индской компании. В результате обстановка в Северном Иране и на Каспийском море становилась все более неблагоприятной как для конкурентов компании, так и местного населения.

Торговля с Ираном была выгодна для ее участников. Поэтому торговые отношения России с Ираном в XVIII в. активно развивались и охватывали все больший круг лиц, несмотря ни на какие препятствия. Шелковый транзит через Россию, имевший притягательную силу для русского правительства и купечества со времени открытия Волжско-Каспийского пути, стал еще более желательным с выходом России на Балтийское море. Растущая русская промышленность и военные расходы империи также требовали развития торговли с Востоком.

Планы Петра I относительно торговли с Ираном простирались далеко. Предполагалось устранить засилье Ост-индской компании и турецких купцов на шелковом рынке Ирана, установить транзитную торговлю Востока с Западной Европой через Россию, учредить в устье Куры новый центр кавказско-русской торговли с Ираном, Средней Азией, Индией.

В 1711 и 1713 гг. русское правительство заключило соглашения с компанией джюльфинских армянских купцов о торговле шелком через Россию вместо Турции⁵. Но в среде самого армянского купечества не было единогласия по вопросу о торговле через Россию; оно не выполняло взятых на себя обязательств и поэтому было лишено предоставленных ранее льгот.

В 1716 г. правительство Петра поручило своему представителю в Гамбурге, а в 1717 г. — представителю в Силезии составить торговые компании для транзитной торговли шелком через Россию⁶.

В 1715—1718 гг. в Иране находилось посольство Артемия Вольнского, направленное туда для изучения условий торговли, собирания нужных сведений. Эта миссия была выполнена с бесспорным успехом. «Журнал» Вольнского за время почти двухлетнего пребывания его в Иране и Закавказье является

⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 18, 1771—1773, л. 69.

⁵ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. I, М., 1833, стр. 7—10.

⁶ В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке*, ч. I, М., 1899, стр. 71—72.

замечательным источником по изучению хозяйственной и политической жизни Ирана.

Заключенный Волынским 30 июля 1717 г. с шахом Хусейном торговый договор был чрезвычайно выгоден для русского купечества. Купцы получили право свободной беспошлинной закупки шелка, пошлины на прочие товары были ограничены двумя процентами; в Исфагане и Шемахе учреждались консульства. Русско-иранский союзный договор 1723 г. подтвердил эти условия. Но шахское правительство было бессильно обеспечить выполнение обоих договоров, обезопасить торговые пути и положение: русских купцов. «Ни которой нации купцы так не утеснены, как российские, которые в великом гонении и зело обидимы от персиян»⁷, — отмечал в своем «Журнале» Волынский.

Между тем вопрос о монопольной и транзитной торговле шелком особенно интересовал Петра. В инструкции Волынскому давалось поручение: «не мочно ль препятствия какого учинить смирному и алеппскому торгам, где и как?»⁸. Инструкции, которые в 1720 г. были даны консулу в Исфагане Семену Аврамову и вице-консулу в Шемахе Баскакову, также требовали стараться прежде всего о том, чтобы весь торг Персии с Европой шел через Россию⁹.

Но в персидском шелке была заинтересована и Турция. Направленное ею в 1716 г. в Исфаган посольство настаивало, чтобы вся торговля шелком-сырцом шла через Турцию. То же повторилось через пять лет. В 1721 г. посол из России Флорио Беневини, сообщая о прибытии в Исфаган турецкого посольства, писал: «Султан, не знаю по каким резонам, претендует от шаха, чтобы весь гилянский шелк везен был в его область, а не через Каспийское море в Россию»¹⁰.

В 1721 г. русской торговле в Шемахе был нанесен сокрушительный удар. Французский посол Кампредон, с чрезвычайным сочувствием сообщивший кардиналу Дюбуа о переживаниях Петра при получении известия о событиях в Шемахе, утверждал, что потери «казенного товара» составили 3 млн. руб.¹¹.

Французское купечество проявляло интерес к торговле по Каспийскому морю. В переписке Кампредона трактуется вопрос о получении от России выгод для торговли по Каспийскому морю. Петру I был представлен французскими купцами

⁷ ЦГАДА, ф. «Персидские дела», д. 2, 1715—1718, л. 583.

⁸ В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке*, ч. 1, стр. 201.

⁹ ПСЗ, т. VI, 1830, № 3700, стр. 281, 283.

¹⁰ А. Попов, *Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом*, СПб., 1853, стр. 129.

¹¹ Сб. РИО, т. 49, 1885, стр. 83—84.

проект возобновления древнего транзита между Европой и Индией через Каспийское море¹². В 1722 г. Петр послал в дар Парижской академии наук карту Каспийского моря, по которой королевский картограф Жозеф Делиль в 1723 г. составил новую карту стран, прилегающих к Каспийскому морю. 10 октября 1726 г. французское купечество обратилось в Коммерц-коллегию с новой просьбой разрешить свободный транзит в Персию¹³.

Повышенный интерес к торговле на Каспийском море проявляло и английское правительство. Английский посол в Петербурге Джон Маккензи писал в январе 1715 г. лорду Тауншенду в Лондон: «Французы склоняют царя скупать весь шелк-сырец, который только окажется возможным добыть, так как в нынешнем году во Франции в нем чувствуется недостаток»¹⁴. Этот интерес отмечали и современники в России¹⁵. Стремясь нейтрализовать Англию в польском и турецком конфликтах, Россия заключила с ней в 1734 г. торговый договор сроком на 15 лет, в известной мере ущемлявший интересы русских купцов. Позднее, после заключения в 1741 г. англо-русского союза, английским купцам было предоставлено право свободного и беспошлинного транзита в Иран по волжскому пути, в Реште была учреждена английская фактория. Тогда же Надир-шах начал строить под руководством английского инженера Элтона, служившего прежде в России, флот на Каспийском море. Судостроительные материалы были Элтоном тайно доставлены из России¹⁶.

Предприимчивость англичан на Каспийском море не получила, однако, развития. Она дала лишь повод России к расторжению раньше срока (3 декабря 1746 г.) торгового договора. Помимо этого Коллегия иностранных дел приняла постановления об «истреблении» начатого Элтоном судостроения и об удалении из Гиляна «заводчика сего корабельного строения»¹⁷. В 1750 г., во время происходивших в Гиляне беспорядков, Элтона убили, а верфь и мелкие суда уничтожили. Два уцелевших крупных фрегата были сожжены в следующем году русскими моряками¹⁸.

¹² Ф. И. Соймонов, *О торгах за Каспийское море: древних, средних и новейших времен*, СПб., 1765, стр. 16.

¹³ В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке*, ч. 1, стр. 155.

¹⁴ Сб. РИО, т. 61, 1888, стр. 341.

¹⁵ Ф. И. Соймонов, *Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого*, СПб., 1763, стр. 191.

¹⁶ «Сенатский архив», т. XII, СПб., 1907, стр. 155; А. А. Кочубинский, *Граф Андрей Иванович Остерман...*, стр. 89.

¹⁷ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 65, 1743—1747, л. 48.

¹⁸ «Вестник Русского географического общества», ч. II, кн. 3, 1851, отд. X, стр. 30—35.

О размерах товарооборота между Россией и Ираном в период существования льготного транзита для англичан дает представление табл. 1 (в руб.).

Таблица 1*

Год		Русские	Армяне	Англичане
1737	вывоз	30 800	134 144	—
	ввоз	76 670	99 346	—
1738	вывоз	14 707	332 700	—
	ввоз	42 297	54 892	—
1739	вывоз	52 686	241 220	—
	ввоз	94 008	179 190	884
1740	вывоз	55 101	254 379	—
	ввоз	53 860	221 212	100
1741	вывоз	45 109	362 655	17 517
	ввоз	43 489	201 194	—
1742	вывоз	29 685	261 044	230 592
	ввоз	69 890	18 632	13 288
1743	вывоз	117 017	433 564	128 577
	ввоз	75 987	356 281	119 645
1744	вывоз	70 897	464 315	326 452
	ввоз	175 005	467 192	66 538
Общий товарооборот		1 047 195	4 081 967	898 596
вывоз		416 005	2 484 024	698 139
ввоз		631 190	1 597 943	200 457

* Цифры извлечены из ведомости, представленной астраханским губернатором Татищевым 15 октября 1745 г. (ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. II, д. 236, л. 83—83 об.). Итоги из этой ведомости опубликованы П. Бутковым («Материалы для новой истории Кавказа», ч. 1, стр. 222). Итоги с незначительными расхождениями с данными по годам.

Как показывает таблица, наибольшую долю в общем товарообороте занимала посредническая торговля армянских купцов. Но транзит предоставлял большие выгоды и для английских коммерсантов. По подсчетам английского исследователя, экспорт Англии в Иран преимущественно шерстяных тканей, ввоз которых теперь был неограниченным и облагался пониженной пошлиной, за пять лет (1742—1746) выразился суммой, доходившей до 174 398 ф. ст. Импорт же, почти полностью состоявший из шелка-сырца, выражался в 93 875 ф. ст.¹⁹

¹⁹ D. K. Reading, *The Anglo-Russian commercial treaty of 1734*, London, 1938, p. 257.

Англо-русский договор 1734 г. был триумфом шерстяной промышленности Англии. Обмен английского сукна на персидский шелк давал 80% прибыли²⁰. Кроме того, увеличилось потребление английского сукна и русской армией. Поисками рынков для этой продукции английские фабриканты были особенно озабочены в первой половине XVIII в.²¹. Расторжение договора было поэтому несомненным ударом для «Русской компании» английского купечества.

Между тем условия русской торговли с Ираном продолжали ухудшаться. Установление монополий и их отмена в 1762 г. не внесли перемен. Торговавшие в Иране на многие суммы купцы Журавлевы, Евреиновы, Земской оставили торговлю по многим «неполезным обстоятельствам»²². Донесения русских консулов второй половины века: Сулякова — в 60-х годах, Боголюбова, Яблонского, Мерка и Венцлова — в 70-х, Тумановского и Скиличи — в 80-х годах — рисуют довольно отчетливую картину активности английского капитала в Иране. Консул Суляков указывал, например, на то, что товарные склады англичан в Эрзуруме, Бендер-Бушире и Ширазе снабжали сукном и другими товарами внутренние провинции Ирана, а также Шемаху.

Академик С. Г. Гмелин в докладной записке Екатерине II (6 августа 1772 г.) в расстройстве русско-персидской торговли обвинял английских и джюльфинских купцов, указывая, что народы Ирана и Закавказья нуждаются в продукции русского рынка. В 1771 г., когда Гмелин был в Реште, рынок так был заполнен персидскими и турецкими купцами, что русские купцы, прибывшие «еще до созрания шелку», так и не смогли его закупить²³.

Участник каспийской экспедиции 1781—1782 гг. доктор Карл Габлиц писал, что немалым препятствием для русско-персидской торговли было и «совместничество других европейских держав, имеющих колонии свои в Восточной Индии и производящих торговлю как там, так и в заливе Персидском, отколь товары их развозятся по всей внутренней Персии»²⁴.

Консул Скиличи утверждал также, что в Иране происходит «великий торг всякими европейскими товарами: сукном, шелковыми материями, специями, стальными и железными веща-

²⁰ S. Rojdestvensky et L. Lubimenko, *Contribution à l'histoire des relations commerciales franco-russes en XVIII siècle*, — «Revue d'histoire économique et sociale», 1929, Paris, № 3—4, p. 383.

²¹ W. Foster, *England quest of eastern trade*, London, 1933, p. 11.

²² АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. III, 1770, л. 1—6.

²³ С. Г. Гмелин, *Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе*, ч. III, половина I, СПб., 1785, стр. 804.

²⁴ К. Г. [Габлиц], *Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 годах на Каспийском море российской эскадры под командой флота капитана второго ранга графа Войновича*, М., 1809, стр. 5.

ми, которые через Исфаган доходят даже до Кандагара²⁵. Об оживленной торговле в Иране без участия, однако, русских купцов свидетельствовал и другой русский наблюдатель, участник персидского похода 1796 г. Он писал, что в то время, «когда торговля наша с Персией была вовсе почти прервана», гилянцы доставляли шелк выюками к Персидскому заливу и там продавали его европейцам «за такую цену, за которую бы нам и в самом порте (Энзели. — О. М.) покупать было весьма выгодно»²⁶.

Что же касается закупок шелка иностранным купечеством в самом Закавказье, то за вторую половину века сведений о них не имеется. В первой же половине они были оживленными. Агенты английской и голландской Ост-индских компаний из Исфагана на шемахинском рынке «наибольшую скупают часть» для отсылки в Алеппо (Халеб), отмечал в своих записках врач Белл, сопровождавший посольство Волынского в Иран²⁷. Об оживленной торговле иностранного и русского купечества шелком в Шемахе писал в своем отчете для французского правительства миссионер-иезуит Башу (25 сентября 1721 г.)²⁸.

Россия боролась против конкуренции мерами, которые сами по себе убедительно свидетельствовали о сокращении русско-иранской торговли. В 80-х годах в каспийской политике России стал особенно жестко проводиться принцип закрытого моря. Иранское судоходство у северных и западных берегов запрещалось. Транспортировка иранских товаров допускалась только на русских судах, не разрешалось даже каботажное плавание. Однако для того чтобы полностью уничтожить иранское прибрежное судоходство, у русских властей не хватало средств. В середине 80-х годов в Астрахани числилось всего восемь военных кораблей: три фрегата, два бомбардирских корабля, три палубных бота; еще два бота строились в Казани²⁹. В начале 90-х годов военный флот был еще более слабым.

Тем не менее меры, принимаемые Россией, затрудняли торговые операции прибрежных ханов. 30 июня 1784 г. П. С. Потемкин, командующий на Кавказской линии, писал князю Г. А. Потемкину, что отправит флотилию к персидским берегам, «дабы подать тем народам ведать силы наши, искоренить

их начинающее судоплавание и посеять должный страх к оружию российскому»³⁰.

Подобные насильственные меры вызывали протесты не только иранских судовладельцев, но и тех, кто обязан был проводить их в жизнь. Так, командующий каспийской флотилией капитан Шишкин смело писал генералу Гудовичу (27 августа 1791 г.), что народы, живущие у воды, всегда имеют суда: «Сего естественного права нельзя отнять у наших соседей... Напротив сего надобно желать умножения их судов..., когда их будет больше, то и наем оных может быть дешевле»³¹.

Жесткая транспортная политика сказывалась отрицательно на ходе торговли. Частных купеческих кораблей, занятых перевозками товаров между Астраханью и иранскими портами, в середине 80-х годов было всего 57³². Этого количества было явно недостаточно, и транспорт поэтому стоил очень дорого.

Тормозило развитие торговли и плохое состояние судов, вызывавшее частые кораблекрушения. Этим обстоятельством пользовались прибрежные жители: придерживаясь средневековых обычаев, они расхищали товары с разбитых судов, что еще больше портило отношения с ханами, вызывало угрозы с одной стороны и жалобы — с другой.

Было и еще одно обстоятельство, способствовавшее ухудшению обстановки в торговых пунктах, — это неравноправное положение русского и иранского купечества. В русско-иранской торговле активно участвовали кавказские жители: армяне, азербайджанцы, грузины. Они нередко переселялись на определенные сроки в Астрахань и Кизляр и, приняв на время русское подданство, выступали в роли русских купцов. Собственно русское купечество, участвовавшего в торговле, например, в середине 30-х годов, было не более 10%³³. Оно пользовалось в Иране правами особо благоприятствуемой нации, т. е. правами свободной и беспошлинной торговли. Но иранское купечество такой привилегии в России не имело, и это постоянно приводило к различным трениям и недоразумениям. Если иранское правительство неохотно соглашалось с признанием льгот русского купечества, не получая их для своих торговцев, то тем более оно оспаривало право на эти льготы в отношении тех, кого считало своими подданными, т. е. армян, азербайджанцев и грузин.

Кроме фиктивного подданства существовали и иные пути для обхода закона, предоставлявшего привилегии только рус-

²⁵ В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке*, ч. 1, стр. 631.

²⁶ «Общее обозрение торговли с Азией (Из бумаг покойного графа Валериана А. Зубова, 1801 г.)», — «Сын Отечества», 1829, т. VI, стр. 105.

²⁷ «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно: в Исфаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь», ч. I, СПб., 1776, стр. 60.

²⁸ «Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères. Nouvelle édition. Mémoires du Levant», t. IV, Paris, 1780, p. 33.

²⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 2, л. 16.

³⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 6, л. 50.

³¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 93, лл. 27—27 об.

³² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 2, лл. 36—38.

³³ В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке*, ч. 1, стр. 473.

скому купечеству. Так, некоторые русские купцы, действовавшие якобы от своего имени, на самом деле были приказчиками или подставными лицами нерусского коммерсанта. Или, наоборот, купцы нерусского происхождения, фактические хозяева торгового предприятия, вели свои торговые дела, выдавая себя за приказчиков русского купца. Помимо того, русские купцы и их приказчики практиковали провоз иностранных товаров, обложенных пошлиной, под видом товаров русского происхождения, от пошлин освобожденных. Они или сами закупали эти товары, или брали тайные подряды на их беспошлинный провоз от иранских и иностранных купцов в самом Иране.

В торговле Астрахани с Закавказьем огромное отрицательное значение имели также внутренние пошлины, которые крайне удорожали товар. «Нередко бывает, что шелк, хлопчатая бумага и другие произведения, привозимые из Персии в Астрахань, обходятся дороже получаемых через Балтийское море»³⁴, — писал компетентный современник на рубеже XIX в.

В конце 70-х годов русское правительство сделало попытку использовать расстройство европейской торговли с Индией вследствие англо-американской и англо-французской войн и резко активизировало свою политику на Каспийском море. Возродилась давняя идея установления прямых торговых связей с Индией и превращения Каспийского моря в узловой пункт торговли Европы с Востоком. По свидетельству современника, индийские купцы теперь сами искали путей в Европу через Россию и приезжали в Оренбург через Хиву и Бухару³⁵.

В 1778 г. Адмиралтейская коллегия получила приказ о постройке эскадры для Каспийского моря. 9 июня 1779 г. вышел указ Екатерины II вице-президенту Военной коллегии Г. А. Потемкину о посылке военного отряда в Решт для «наказания» гиланского хана за его «дерзости» и для учреждения фактории³⁶. Предполагалось также укротить «буйство» ханов дербентского и бакинского. Начальником экспедиции был назначен А. В. Суворов. Предполагалось значительно укрепить позиции на побережье Каспийского моря. Серьезные внутренние беспорядки, начавшиеся в Иране после смерти Керим-хана, также требовали принятия решительных мер, чтобы не допустить появления турок на Каспийском море. Повторилась существовавшая в начале 20-х годов ситуация, побудившая Петра I к походу на побережье Каспийского моря.

По прибытии в Астрахань Суворов тотчас же представил Потемкину подробный маршрут похода в Закавказье³⁷.

Несмотря на предосторожности, слухи о завоевательных замыслах России быстро распространились в Иране, Закавказье и Турции, что вовсе не было желательно для русской дипломатии, приступившей к разрешению вопроса о Крыме. Избегая осложнений с Турцией, русское правительство оттягивало сроки похода и наконец к концу 1781 г. вовсе от него отказалось. Назревали события в Крыму, и Суворов был назначен командующим корпусом на Кубани.

Тем не менее проекты развития и улучшения условий каспийской торговли не были оставлены. Указом Г. А. Потемкина 3 сентября 1780 г. начальником каспийской морской экспедиции был назначен граф Войнович. 8 июля 1781 г., после длительных сборов в Астрахани, эскадра Войновича, состоявшая из двух фрегатов, одного бомбардирского корабля и двух ботов, отправилась к юго-восточным берегам Каспийского моря с целью основать там факторию. Предприятие, однако, не только не было удачным, но и причинило вред русским интересам.

В инструкции Г. А. Потемкина Войновичу указывалось, что целью экспедиции было «открытие и распространение торговли не только с обитающими по берегам морскими народами, но посредством оных и с Индией Восточной». Войновичу рекомендовалось при этом «стараться о мирных отношениях с жителями»³⁸.

История неудачной экспедиции Войновича и основанной им на берегу Астрабадского залива с разрешения мазандеранского правителя Ага Мухаммед-хана «фактории» достаточно известна. Неожиданная агрессивность Ага Мухаммед-хана в отношении Войновича и его арест были вызваны главным образом слухами о том, что русская эскадра прибыла на помощь гиланскому Гедает-хану, противнику Ага Мухаммед-хана. В распускании этих слухов и других «неблагоприятных» слухов, по словам Войновича, освобожденного из-под ареста через две недели, была замешана иностранная агентура, которая вызвала у жителей «великий страх» разговорами о намерении России завоевать Иран и устроить там «поселения», подобные тем, какие англичане завели в Индии³⁹.

Заманчивые планы развития русско-индийской торговли не получили поддержки ни от русского, ни от восточного купечества. В результате основания фактории русско-иранская торговля еще больше расстроилась. Инструкция, данная 27 октября 1782 г. Войновичем капитану Баскакову, отправленному

³⁴ С. А. Тучков, *Сочинения и переводы*, ч. IV, СПб., 1817, стр. 168.

³⁵ К. Г. [Габлиц], *Исторический журнал...*, стр. V—VI.

³⁶ Сб. РИО, т. 27, 1880, стр. 178—179.

³⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 218, лл. 1—3.

³⁸ Донесение Г. А. Потемкина Екатерине II 18 января 1783 г., с приложением «Экстракта» из журнала экспедиции Войновича и из полученных Войновичем наставлений. — ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 29, лл. 5—25.

³⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 269, л. 3 об.

осенью того же года в Астрабад, предписывала не допускать торговли в других местах, за исключением Астрабадского залива⁴⁰.

Можно ли удивляться после этого, что жалобы русских купцов на притеснения от ханов усилились? Фактория захирела, выстроенные для нее здания разрушились, посаженные «плодоносные деревья» засохли. Купечество же, напуганное грозными приказами Войновича, постепенно возвратилось к старым путям и способам ведения торговых операций.

2. Торговля России с Закавказьем и Ираном, ее характер и тенденции⁴¹

Состояние материалов о русско-иранских и русско-кавказских экономических связях еще не позволяет создать полное и совершенно отчетливое представление о них. Однако тенденции этих связей наличные материалы раскрывают полностью. В нашем распоряжении имелись официальные данные за некоторые годы о морской и сухопутной торговле Астрахани и сухопутной торговле Кизляра, составлявшиеся в Астраханском таможенном управлении. Эти данные дополняются материалами, имеющимися в трудах М. Д. Чулкова, академика П. С. Палласа, английского путешественника Вильяма Кокса, специально изучавшего восточную торговлю России конца 70—80-х годов, и другими материалами.

Обращаясь к официальной статистике, мы всегда должны иметь в виду, что она отображает действительность далеко не полностью. На самом деле торговля была намного обширнее официальной сводки. Смело можно утверждать, что контрабандная торговля, учет которой невозможен, на русско-кавказской и иранской границе достигала огромных размеров. П. С. Паллас уверяет в своем труде, что по этой границе тайно вывозилось и ввозилось товаров более чем на миллион рублей⁴².

О наличии большой контрабанды свидетельствовали частые правительственные указы об усилении таможенного надзора, а также жалобы лиц, подвергавшихся досмотру. Не обходилось и без конфликтов по этому вопросу между гражданской и военной властью. Представление об этом дает указ

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 268, л. 24—26 об.

⁴¹ На эту тему сравнительно недавно опубликованы статьи Н. Г. Куканой о торговле конца XVII — начала XVIII в. («Исторические записки», т. 57, 1956) и А. И. Юхта о торговле во второй четверти XVIII в. (журнал «История СССР», 1961, № 1).

⁴² P. S. Pallas, *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Staathalter-schaft des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, Bd I, Leipzig, 1799, S. 191.

Екатерины II Коммерц-коллегии от 4 июня 1772 г.⁴³ Военные власти на кавказской границе возражали против сбора пошлин, опасаясь нарушения мирных отношений с населением. Коллегия иностранных дел также требовала не стеснять жителей, обходиться ласково, допускать свободную торговлю. Из указа видно, что свободная торговля между Астраханью и горцами шла в широких размерах, пользуясь «потаенными дорогами», минуя форпосты и таможи. Смотритель Кизлярской таможи жаловался на коменданта, который задерживал исполнение указа о взимании пошлин.

Центрами русско-иранской морской торговли, как уже указывалось, были Астрахань, Баку и порт Энзели с г. Рештом. Центром сухопутной торговли с народами Дагестана, Азербайджана и Грузии был Кизляр на Тереке, основанный в 1736 г. Торговля шла также в Моздоке и Терках на Кавказской линии, но сведениями о ней мы не располагаем.

М. Д. Чулков, собиратель и издатель материалов о русско-иранской торговле, рисует торговлю Астрахани начала 80-х годов весьма оживленной⁴⁴. Это соответствовало подъему торговой деятельности в Баку. В то время как в торговле русских купцов в Энзели и Реште обнаруживались признаки застоя и деградации, торговля с Закавказьем через Баку и Кизляр, наоборот, проявляла тенденцию дальнейшего роста, хотя и замедленного по ряду причин. Этот рост был обусловлен не только географической близостью развивавшегося внутреннего рынка России и не только историческими связями между русским народом и народами Кавказа, но и тем, что купечество Закавказья вытеснялось с рынков собственно Ирана конкуренцией Ост-индской компании.

Материалы официальных ведомостей дают хотя и неполное, но все же довольно ясное представление о все возрастающем значении Баку в русско-иранской торговле — импортной и экспортной. При рассмотрении отдельных статей этой торговли мы увидим, что обороты Баку не только приближались по многим статьям к оборотам Энзели, но иногда и превосходили их.

Таким образом, консульские донесения и постоянные жалобы Коммерц-коллегии на падение торговли с Ираном справедливы главным образом в той части, которая относится к собственно Ирану. Но и при плохом состоянии торговли то-

⁴³ М. Д. Чулков, *Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой*, т. IV, кн. 4, М., 1786, стр. 615—618.

⁴⁴ М. Д. Чулков, *Историческое описание российской коммерции...*, т. II, кн. 2, М., 1785, стр. 446—460.

варооборот достигал значительных размеров, о чем можно судить по разным косвенным данным. Например, в середине 70-х годов был издан указ об исправном содержании купеческих судов во избежание частых кораблекрушений и гибели товаров. Поводом для издания указа послужила авария с судном, на котором товаров «простиралось без малого на семьсот тысяч рублей»⁴⁵. В 1789 г. новый правитель Гиляна Муртаза Кули-хан, прося у русского правительства помощи против своего брата, известного Ага Мухаммед-хана, указывал на то, что в случае победы брата потерпит разорение не только он, но и русские купцы в Энзели, у которых на складах имеется товара не менее чем на 3 млн. руб.⁴⁶

Скудность цифровых данных, почти полное отсутствие их для первой половины века затрудняют изучение хода русско-иранской торговли. Во многих случаях исследователь вынужден довольствоваться лишь косвенными сведениями. Так, известно, что в 1716 г. в Астраханском таможенном управлении было собрано со среднеазиатских и иранских товаров 24 649 руб. пошлин. Причем самая высокая пошлина не превышала 10%⁴⁷. За 20—40-е годы цифровых данных нет. В 1748 г. в Иране не осталось ни одного русского купца, и торговля вовсе прекратилась⁴⁸.

За 1752—1756 гг. ежегодный оборот морской и сухопутной торговли составлял в среднем 721,5 тыс. руб.⁴⁹. В 1755 г. пошлинный сбор дал 38 тыс. руб., в 1757 г. — 19 тыс.⁵⁰. В 1758—1760 гг. стоимость товаров, ввезенных в Астрахань, составляла в среднем 321 тыс. руб., вывоз — 243,5 тыс.⁵¹, общий оборот — 564,5 тыс. руб.

Табл. 2 и 3 дают представление о морской торговле по ведомостям Астраханского таможенного управления (в руб.).

По национальностям торгующих обороты морской торговли через Астрахань, по этим же данным, за четыре года (1778—1781) составили следующие суммы⁵²: русские купцы — 205 874 руб., армяне — 756 234 (из них подданные России —

⁴⁵ Там же, т. IV, кн. 6, М., 1786, стр. 443—444.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 56, л. 7.

⁴⁷ В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке*, ч. 1, стр. 199.

⁴⁸ Там же, стр. 574—576.

⁴⁹ ПСЗ, т. XVII, 1830, № 12415. В сенатском указе упомянуто 3607 руб. — сумма ежегодного 0,5%-го сбора со всего товарооборота на жалованье консулу в Баку. Товарооборот вычислен на основании этой суммы.

⁵⁰ ПСЗ, т. XV, 1830, № 10848.

⁵¹ С. А. Покровский, *Внешняя торговля и внешняя торговая политика России*, М., 1947, стр. 104.

⁵² ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, д. 297, ч. 14, л. 472; ч. 16, лл. 119, 288; ч. 17/1, л. 198 об. Итоговые суммы по этим ведомостям не совпадают с полной точностью с итоговыми суммами по годовым ведомостям.

Таблица 2*

Товарооборот	1760 г.	1768 г.	1775 г.	Итого
Ввоз	210 500	318 000	323 000	851 500
Вывоз	180 500	438 000	630 000	1 248 500
Общий товарооборот	391 000	756 000	953 000	2 100 000

* С. Броневский, *Новейшие географические и исторические известия* о Кавказе*, ч. 1, СПб., 1823, стр. 209—210.

Таблица 3

Товарооборот	1778 г.*	1779 г.**	1780 г.***	1781 г.****	Итого
Ввоз	196 192	312 267	326 756	178 586	1 013 801
Вывоз	380 161	169 884	169 682	400 320	1 120 047
Ввозные пошлины	27 762	22 323	5 596	10 230	—
Вывозные пошлины	9 311	3 114	3 554	7 590	—
Общий оборот*****	576 353	482 151	496 438	578 906	2 133 848

* ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, д. 297, ч. 14, лл. 338—383, 384—471.

** Там же, ч. 16, лл. 40—72, 73—119.

*** Там же, лл. 238—249, 251—287.

**** Там же, ч. 17/1, лл. 144—156, 157—198.

***** Баланс в пользу России 106 246 руб.

190 318 руб.), азербайджанцы и «персияне»⁵³ — 658 893, индийские купцы — 192 309, бухарцы, туркмены — 273 070 руб.

О состоянии всей морской и сухопутной торговли за 1781—1783 гг. мы можем судить лишь по общему обороту за эти годы, вычисленному на основании указа Сената от 1 декабря 1786 г. о жалованье консулам в Иране⁵⁴. В 1781 г. общий товарооборот составил 78 900 руб., в 1782 г. — 62 900, в 1783 г. — 45 100 руб., а всего — 186 900 руб.

По выражению консула Скиличи, торговля пришла «во всеконечное разорение»⁵⁵.

В табл. 4 приводятся сведения о морской торговле с Ираном, Хивой и Бухарой за 1787—1796 гг., взятые из ведомости Коммерц-коллегии.

⁵³ В документах вместо «азербайджанцы» употребляется неправильное наименование: «татары» и «персияне».

⁵⁴ ПСЗ, т. XXII, 1830, № 16466.

⁵⁵ В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке*, ч. 1, стр. 630.

Таблица 4*

Товароборот	1787 г.	1788 г.	1789 г.	1790 г.
Ввоз	548 315	477 092	567 771	423 755
Вывоз	792 039	543 929	488 424	473 432
Ввозные и вывозные пошлины	68 892	46 143	41 498	57 740
Общий оборот**	1 340 354	1 021 021	1 056 195	897 187

* «Архив Государственного совета», т. II, СПб., 1888, стлб. 667—668, шисью Г. Р. Державина — отношение в Комиссию о коммерции от 20 апреля морской торговли за 1790—1792 гг. Указанные [в ней суммы приближаются к ввозу и вывозу и составляют суммы, значительно большие, чем указанные в 1791 г., соответственно 37 тыс. и 5 тыс., в 1792 г.—75,4 тыс. и 13,3 тыс.

** Баланс не в пользу России — 99 845 руб.

Об оживлении сухопутной торговли России с Кавказом через Кизляр дает представление табл. 5 (см. стр. 80), составленная в соответствии с данными ведомости Астраханского таможенного управления по Кизлярской пограничной таможне за 1777—1784 гг. (в руб.).

Отношения между Кизляром и Тбилиси были самые оживленные. Купцы «Грузинской державы» (по терминологии таможенных ведомостей) нередко жили в Кизляре весьма длительные сроки.

О сухопутной торговле через Кизляр в первой половине 90-х годов мы можем судить, сопоставляя консульские данные «Восточных ведомостей» об общем торговом обороте Астрахани за 1793 г. с приведенной в них ведомостью о морской торговле за этот же год. Мы видим, что сухопутная торговля через Кизляр чуть ли не достигла уровня морской торговли: в 1793 г. она выражалась суммой в 665 тыс. руб., а оборот морской торговли через Астрахань — в 835 тыс. руб. Эти цифры, конечно, не претендуют, как и большинство статистических данных, на очень большую точность, но все же тенденцию роста торговли они выявляют с несомненностью.

По национальностям торгующих обороты сухопутной торговли через Кизляр, по данным таможни⁵⁶, за семь лет (1777—1783) дали следующие суммы: русские купцы — 20 145 руб., армянские — 834 850, азербайджанские — 49 766, грузинские — 12 325, индийские («тезикские») — 37 060 руб.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, д. 297, ч. 17/2, лл. 66 об., 398 об.; ч. 17/3, лл. 88 об., 299 об.; ч. 18, лл. 73 об., 270 об., 433 об.

1791 г.	1792 г.	1793 г.	1794 г.	1795 г.	1796 г.	Итого
425 799	520 030	428 508	450 275	306 918	317 074	4 465 517
413 618	418 832	291 036	276 752	472 422	394 878	4 565 362
38 074	81 484	43 965	48 931	27 307	...	...
839 397	938 862	719 544	727 027	779 340	711 952	9 030 879

В ЦГВИА (ф. ВУА, д. 36—611, лл. 187—187 об.) имеется документ за подл. 1794 г., со сведениями Астраханского таможенного управления о ходе к суммам табл. 4, за исключением пошлин, которые указаны отдельно по табл. 4 (в 1790 г. ввозная пошлина 56 тыс. руб., вывозная — 7,4 тыс., в руб.).

Отчет консула Скабиневского о русско-иранской торговле 90-х годов, анонимно опубликованный в 1815 г. в малоизвестном астраханском еженедельнике «Восточные известия», несколько дополняет приведенные нами сведения об этой торговле.

В 1793 г. бакинский товароборот выражался в следующих цифрах: привезено в Баку морем из Астрахани и сухим путем из Кизляра товаров на 200 тыс. руб.; из Шемахи, Тифлиса, Шеки, Кубы и прочих мест Закавказья, а также из Сальян, Гиляна и Мазандерана — на 180 тыс. руб. Вывезено из Баку в Астрахань товаров на 255 тыс. руб., в том числе нефти на 55 тыс. Вывоз в Ширван, Дагестан, Гилян и Мазандеран составил 200 тыс. руб., в том числе в Гилян и Туркмению нефти, марены и прочих товаров на 92 тыс. руб. Общий торговый оборот — 835 тыс. руб.⁵⁷

Эта сумма не охватывала значительную торговлю рыбой и икрой, которая производилась с Астраханью, а также между Баку и Сальянами, Шемахой, Гянджой и Грузией. По Куре доставлялась еще и конопля, из которой добывалась хорошая пенька. Само собой разумеется, предметом бакинской торговли были как привозные товары из других мест Закавказья и Ирана, так и собственная продукция: нефть, соль и шафран.

О «преобширной торговле» Баку писал автор рукописи середины 90-х годов Серебров-Джюльфинский, характеризуя бакинцев любителями не только торговли, но и наук; он пред-

⁵⁷ «Восточные известия», 1815, № 36, стр. 283.

Таблица 5*

Товарооборот	1777 г.	1778 г.	1779 г.	1780 г.	1781 г.	1782 г.	1783 г.	1784 г. (январь, февраль и март)
Ввоз	118 539	79 906	55 863	83 765	49 209	37 184	32 361	18 867
Вывоз	74 430	80 191	82 460	93 876	57 263	51 947	55 234	30 744
Пошлина	6 205	6 721	4 157	5 083	4 249	4 490	5 173	...
Общий оборот	192 969	160 097	138 323	177 641	106 472	89 131	87 595	49 611

* ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, ч. 17/2, 17/3, 18; ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, л. 286, ч. 3, лл. 376—379.

сказывал русско-иранской торговле миллионные обороты⁵⁸. Об оживленных отношениях между Баку и Шемахой писал в 1796 г. обер-квартирмейстер Дренякин⁵⁹.

Естественному развитию торговли Закавказья с Россией мешали войны. Враги умышленно уничтожали шелководство, виноделие и промышленность Ширвана. Между тем в Шемахе, по словам Сереброва, «почти каждый обыватель — фабрикант и ткач». Другой современник, П. Г. Бутков, также подтверждал факт существования в Шемахе многочисленных мануфактур⁶⁰.

Жестокие разорения Шемахи то турками, то персами (в 30-х годах Надир-шах и в 1796 г. Ага Мухаммед-хан) все же не убили торгового значения Шемахи окончательно. Русский консул в Баку Суляков (60-е годы) полагал, что торговля с Шемахой могла бы быть очень выгодной, судя «по достоверным известиям и по значительному количеству пересылаемых в Баку для отвоза в Астрахань и прочие порты на русских судах из Шемахи товаров»⁶¹. Однако продолжительные междоусобные войны между азербайджанскими ханствами, разоряя хозяйство страны, препятствовали успешному развитию торговли. Тем не менее тенденции развития торговли с Россией они не уничтожили. В той же записке консул Суляков отмечал, что в Шемахе спрос имеется только на русские товары: холст, юфть, сало, масло коровье, «мягкую рухлядь». На европейские же товары: сукна, брусковую краску (индиго) и «семя канцелярское» (кошениль) и пр. «расхода совсем нет». Шелководство предохраняло Шемаху от запустения.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18/486, лл. 32—33 об.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 317, л. 62.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 414, д. 434, л. 1 об.

⁶¹ В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке*, ч. 1, стр. 614.

В оживленной торговле Баку в первой половине 90-х годов, по замечанию русского консула Скабиновского, «много участвует Шемаха, а также много приезжает и лезгинцев со своими товарами». Они обменивали свои товары на нефть, соль и русские товары⁶². По данным «Восточных известий», общий торговый оборот через Астрахань в 1776 г. выражался суммой в 953 тыс. руб., а в 1793 г. он доходил до 1500 тыс. руб.⁶³

Английский путешественник Вильям Кокс также утверждал, что русско-иранская торговля неизменно росла. За 15 лет после отмены в 1762 г. монополий обороты этой торговли утроились⁶⁴.

О большой торговле Закавказья с Астраханью в 90-х годах говорится и в упоминавшейся уже записке «Общее обозрение торговли с Азией (1796 г.)». По свидетельству автора записки, особенно оживленная торговля производилась в Баку, куда стекалось «великое множество» торгующих из Гиляна, Азербайджана и других провинций. Весь Ширван и Шекинская провинция, изобилующие шелком, и другие владения до Куры и Аракса доставляли сюда свои товары. Но гилянский шелк, хлопчатая бумага и рис («сарачинское пшено»), по словам автора, в главной своей массе сюда не доставлялись.

Остановимся теперь на торговле Восточной Грузии, или Тбилиси, через Северную Осетию, по вьючной дороге Дарьяльского ущелья или же по «русскому пути». Открытие этой дороги в начале 50-х годов XVIII в. явилось событием большой важности в жизни Грузии. «Перед сим ни в какое время не бывало, — писал царь Теймураз II, — чтобы через Осетию шла караванная дорога и по этой горной дороге проходили бы торговцы и купцы и ею бы доставляли в город [в Тбилиси. — О. М.] товары; но ныне бог сделал нам великую милость»⁶⁵. Две части пошлин с товаров, провозимых по этой дороге, царь назначил в свою пользу и одну часть в пользу Михетского собора.

В 1784 г. вьючный путь через Дарьяльское ущелье силами русской рабочей (воинской) команды был превращен в широкую проезжую дорогу с множеством мостов. Это имело большое и военное, и экономическое значение. Грузия была

⁶² «Восточные известия», 1815, № 36, стр. 283. Авторство М. Скабиновского установлено Л. С. Семеновым («Новое об источниках по истории экономических связей России и Востока первой четверти XIX в.», — «Вестник Ленинградского университета», 1958, № 8, серия истории, языка и литературы, вып. 2, стр. 165).

⁶³ «Восточные известия», 1815, № 34, стр. 268; С. Броневский («Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», ч. 1, стр. 210) сумму 953 тыс. руб. относит к 1775 г.

⁶⁴ W. Coxe, *Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark*, vol. 3, 4 ed., London, 1792, pp. 390—403.

⁶⁵ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. II, Тифлис, 1868, стр. 1133—1134 (далее — АКАК).

заинтересована в развитии торговли с Россией и, так же как Россия, нуждалась в обеспечении безопасности торговых путей — об этом свидетельствовали просьбы царя Ираклия II об установлении такой безопасности⁶⁶.

Некоторые сведения о росте торговли через Дарьяльское ущелье сообщает С. Н. Какабадзе на основании данных о пошлинах Тбилисской таможни. В 1760 г. пошлин было собрано 3200 руб., а в 1769 г. — 10 тыс. руб. Обычно пошлина составляла 2,5% стоимости товара; отсюда следует, что товарооборот за эти годы поднялся со 160 тыс. до 400 тыс. руб.⁶⁷. Не оказало ли, однако, влияния на столь большой рост товарооборота движение русских войск в Грузию в связи с русско-турецкой войной 1768—1774 гг.?

Об увеличении торговли через Дарьяльское ущелье в последующие годы можно судить на основании данных о повышении стоимости откупов на таможенные сборы. Так, в 1770 г. Тбилисская таможня отдавалась на откуп за 10 тыс. руб., а в 1795 г. — за 24 тыс. руб.; Душетская таможня в 1778 г. — за 600 руб., а в 1800 г. — за 1200 руб.⁶⁸. По сведениям директора Астраханской таможни, откупа по сбору пошлин в Тбилисской таможне «при грузинских царях» увеличились с 15 тыс. до 24 тыс. руб.⁶⁹.

Что экономические связи Грузии с Россией во второй половине XVIII в. прогрессировали, тогда как связи с Ираном почти прекратились, и что русское денежное обращение в Грузии в это время усилилось, утверждает и Г. Я. Натадзе⁷⁰. Также и Д. Учанейшвили говорит, что торговля Восточной Грузии с Россией в XVIII в. все более и более развивалась⁷¹.

Обострение обстановки в Грузии в середине 80-х годов, без сомнения, должно было затормозить развитие торговых отношений с Россией через Кавказские горы. Но уничтожить самой тенденции к расширению экономических связей с Россией оно все же не могло. Хотя теперь купечество Тбилиси и опасалось пускать свои капиталы в оборот по причине «беспокойств», стремление к возобновлению и расширению торгов-

⁶⁶ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 3, л. 32—32 об.

⁶⁷ С. Какабадзе, *Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Восточной Грузии в XVIII в.*, — Сборник «История классовой борьбы в Закавказье», кн. 1, Тбилиси, 1930, стр. 180.

⁶⁸ «Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе», 1931, № 8, стр. 7—8.

⁶⁹ АКАК, т. IV, стр. 78—79.

⁷⁰ Г. Я. Натадзе, *К вопросу об экономическом положении Грузии в XVIII столетии*, — Сборник «История классовой борьбы в Закавказье», кн. 1, стр. 142—146.

⁷¹ Д. Учанейшвили, *К вопросу об экономическом развитии Грузии во второй половине XVIII в.*, — Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. V, Тбилиси, 1937, стр. 377—424.

ли не исчезло. Об этом свидетельствовали случаи переселения тбилисских купцов не в Турцию или Иран, но в Россию — в Астрахань и Кизляр.

Очень мало сведений о торговых связях с Западной Грузией. Они не могли быть обширными: этому мешало отсутствие морских коммуникаций, а также то, что в XVIII в. входившие в Западную Грузию Имеретия, Мегрелия и Гурия формально считались под властью Турции, хотя они и всячески стремились избавиться от турецкого подданства. Но все же такие связи, бесспорно, существовали. Об этом говорит, например, факт доставки через Моздок на Макарьевскую ярмарку в Нижний Новгород ценных мехов из Имеретии. Об этом же свидетельствует и прошение кутаисского армянина Асатура Миссиртинова, подданное царскому командованию весной 1787 г. Из него узнаем, что Миссиртинов уже раньше обращался с просьбами вернуть ему 2600 рублей за товар, разграбленный осетинами. Часть товаров была ему возвращена. Теперь же он просил о свободном пропуске его с сыном в Астрахань и выдаче на год паспорта. Он желал ехать туда «для торгового промысла»⁷².

Рассмотрим теперь отдельные отрасли русско-иранской торговли.

Главным предметом импортной торговли России с собственным Ираном и Закавказьем был шелк-сырец, затем красильный корень — марена, а к концу 90-х годов, кроме того, хлопчатобумажная пряжа и хлопок. Большое значение имела торговля рыбой, икрой и изделиями рыбной промышленности.

Из Баку в Россию было вывезено в 1765 г., несмотря на упадок торговли, свыше 3 тыс. пудов шелка⁷³. Вильям Кокс определял астраханский импорт ширванского (шемахинского) и гилянского шелка-сырца и отчасти шелковой мануфактуры в 1775 г. суммой 43 тыс. ф. ст., т. е. 430 тыс. руб.⁷⁴. Если считать цену шелка в среднем по 60 руб. за пуд, как это значилось в дальнейшие годы по официальным ведомостям, то получим несколько более 7 тыс. пудов.

В 1783 г. в Энзели с астраханских купцов было взыскано мизанных (весовых) денег за шелк 4640 р. 5 к., по 62 коп. с батмана⁷⁵. Таким образом, астраханским купцам было отпущено гилянского шелка 7484 батмана, что составляет 3 тыс. пудов. По сведениям, относящимся к 80-м годам, из Гиляна по-

⁷² ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 21, л. 208.

⁷³ В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке*, ч. 1, стр. 61.

⁷⁴ W. Coxe, *Travels in to Poland, Russia, Sweden and Denmark*, vol. 3, p. 402.

⁷⁵ «Восточные известия», 1815, № 38, стр. 303. Б а т м а н — весовая единица: для шелка — 12—14 фунтов.

ступало в Астрахань ежегодно около 14 тыс. батманов шелка-сырца⁷⁶, что составляет около 4200 пудов. Для начала 90-х годов П. С. Паллас указывает цифру астраханского импорта «по большей части» гиянского шелка в 6—8 тыс. пудов⁷⁷. Эта цифра ни в коем случае не может считаться полной, если принять во внимание рост торговых оборотов России с Закавказьем, в которых шелк-сырец составлял две трети импорта⁷⁸. Ввоз шелка-сырца из иранских портов в Астрахань, по данным Астраханского таможенного управления (1778—1781), был следующий: из Энзели — 3705 пудов 36 фунтов, из Баку — 6547 пудов, из Дербента — 103 пуда 7 фунтов, из Сальян — 145 пудов 20 фунтов, из Мазандерана — 231 пуд 16 фунтов, «от р. Куры» — 26 пудов⁷⁹.

Ввоз шелка-сырца из горских селений и Тбилиси в Кизляр, по данным Кизлярской таможни (1777—1783), был равен 5499 пудам 22 фунтам⁸⁰. В последующие годы ввоз шелка-сырца в Кизляр и оттуда в Астрахань увеличивался, что соответствовало общему росту торговых оборотов Кизляра с Астраханью в начале 90-х годов более чем в два раза.

О поступлении шелка в Астрахань из Закавказья можно судить приблизительно. Секретарь Комиссии о коммерции М. Д. Чулков определял весь астраханский импорт шелка-сырца в начале 80-х годов в 30 тыс. пудов⁸¹, а все количество шелка, доставлявшегося в Исфаган из Гияна, Закавказья и провинций, — в 300 тыс. пудов⁸². Импорт шелка из Гияна (как это следует из приведенных выше сведений) достигал для начала 80-х годов самое большее 5 тыс. пудов. На основании этого можно сделать вывод, что из 30 тыс. пудов основное количество шелка доставлялось из Закавказья.

Что астраханский импорт шелка состоял преимущественно из закавказского шелка, подтверждается и другими данными. Астраханский губернатор И. В. Якоби в апреле 1778 г. писал Г. А. Потемкину, что шелк поступает в Астрахань сухопутно и помимо таможен. Его доставляли из Шеки, Шемахи, Дербента, Баку «жители магометане» (азербайджанцы), а также армяне и грузины по согласию с кизлярскими жителями.

⁷⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 482, л. 3 об.

⁷⁷ P. S. Pallas, *Bemerkungen auf einer Reise...*, Bd I, S. 191.

⁷⁸ А. Семенов, *Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности*, ч. III, СПб., 1859, стр. 169.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, д. 297, ч. 14, лл. 379 об. — 381; ч. 16, лл. 63 об., 248 об. — 249; ч. 17/1, лл. 144—146, 203, 227, 259, 298.

⁸⁰ Там же, ч. 17/2, лл. 54 об., 365 об. — 366; ч. 17/3, лл. 60, 273; ч. 18, лл. 50, 250, 415, 422—423; ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 481, лл. 221—222; ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 482, л. 3 об.

⁸¹ М. Д. Чулков, *Историческое описание российской коммерции...*, т. II, кн. 2, стр. 459.

⁸² Там же, стр. 600.

Так как русские купцы платили за него наличными деньгами, это означало, что таким способом из России ежегодно вывозилось золота до 600 тыс. руб.⁸³. Считая за пуд шелка 60 руб., получаем 10 тыс. пудов, доставлявшихся в Астрахань описанным выше нелегальным путем. В том же рапорте Якоби писал, что с октября до конца декабря 1777 г., т. е. за три месяца, было доставлено в Астрахань таким способом 3 тыс. пудов. Эти данные подтверждают приведенную выше цифру — 10 тыс. пудов.

Нужда отечественной промышленности в шелковом сырье заставляла контролирующие органы смотреть сквозь пальцы на эту большую беспощинную торговлю. Помимо того, как уже говорилось, беспощинная торговля была нужна для укрепления связей с населением, поэтому избегали конфликтов при уплате пошлин.

Цена на шелк все повышалась. Если в начале 80-х годов пуд гиянского шелка стоил 60 руб., то в 90-х годах, по сведениям Палласа, высший сорт гиянского шелка продавался уже по 200 руб. за пуд, шемахинского — по 170 руб., за средние сорта шелка платили: за гиянский по 150 руб. за пуд, за шемахинский — по 135 руб. Такое огромное повышение цены вызывает, однако, сомнение. При помощи этих цифр Паллас доказывал невыгодность вывоза шелка из Ирана и необходимость учреждения собственного шелководства на юге России. Но как бы ни были преувеличены цифры, тенденция роста цен несомненна. Спрос на шелк английской и русской промышленностью все увеличивался, а следовательно, росла и его цена.

Другим основным предметом астраханского импорта был корень марены. Это красильное растение, которое не теряло своего значения в русской промышленности почти до конца XIX в., не упоминается в перечне товаров, ввозившихся в Россию в XVI и XVII вв. Появление его на русском рынке в XVIII в. знаменательно как для истории промышленного развития России, так и для доказательства усиления экономических связей Закавказья с Россией. Напомним о требовании Петра I к комендантам в Терках и Дербенте — доставить пудов десять или тридцать корней марены и узнать ее рыночную цену⁸⁴. Теперь же в Астрахань ввозились через Баку и Кизляр тысячи пудов марены. По официальным данным, марена доставлялась в Астрахань морским путем сначала по цене 2—2,5 руб. за пуд, с 1781 г. — по 3 руб., с 1782 г. — по 4 руб. за пуд. За четыре года (1778—1781) было вывезено: из Энзели — 466 пудов 30 фунтов, из Баку — 666 пудов 30 фун-

⁸³ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, д. 297, ч. 13, л. 59.

⁸⁴ В. П. Лысов, *Персидский поход Петра I, 1712—1723 гг.*, М., 1971, стр. 33.

тов, из Дербента — 4890 пудов 32 фунта. В Кизляр за шесть лет (1778—1783), по данным таможи, было ввезено 39 382 пуда 20 фунтов марены⁸⁵.

П. С. Паллас приводит данные о торговле мареной в 90-х годах, взятые из ведомостей Астраханской таможи, а также из показаний астраханских купцов. Положение торговли мареной, по этим данным, рисуется в высшей степени благоприятным: в 1789 г. доставлено морем из Баку и Дербента 3962 пуда, в 1790 г. — 6462, в 1791 г. — 4992, в 1792 г. — 7559, в 1793 г. — 6769 пудов⁸⁶. По описанию середины 90-х годов, из Дербента в Астрахань доставлялось ежегодно по 6 тыс. пудов⁸⁷.

Через Кизляр было привезено в 1792 г. 2868 пудов, но, по уверению купцов, этим путем доставлялось в Астрахань более 10 тыс. пудов, а морем — от 10 тыс. до 15 тыс. пудов. В 1794 г., когда Паллас находился в Астрахани, там, по свидетельству купцов, было разгружено 5 судов, на каждом из которых было 5 тыс. пудов марены, т. е. всего 25 тыс. пудов. Цена на марену за эти годы поднялась с 11 до 14 руб. за пуд⁸⁸. Быстрое и сильное вздорожание продукта говорило о повышении спроса на него. По официальным ведомостям за первую половину 80-х годов, цена за пуд марены не превышала четырех рублей.

Ввоз хлопчатобумажной пряжи и хлопка в Астрахань, по данным таможи, за 1778—1781 гг. из персидских портов был следующий: из Энзели — 1084 пуда, из Баку — 3310 пудов 9 фунтов, из Дербента — 270 пудов 20 фунтов, из Сальян — 195 пудов 30 фунтов, из Мазандерана — 1983 пуда 1 фунт, из Мангышлака — 809 пудов 10 фунтов. Пряжа расценивалась по 10 руб. за пуд, хлопок — по 7 р. 50 к.⁸⁹

Хотя импорт иранского хлопка и пряжи в рассматриваемые годы был и незначителен, он позволяет выявить тенденцию, заключающуюся в выходе Баку на первое место в этом импорте. В 90-х годах, по официальным сведениям Астраханской таможи, приведенным Палласом, пряжа и хлопок поступали из иранских портов в Астрахань в следующих количествах: в 1789 г. — 6369 пудов, в 1790 г. — 8209, в 1791 г. — 4883, в 1792 г. — 6731 пуд⁹⁰.

К сожалению, мы не можем привести цифровых данных о рыботорговле Астрахани. Некоторые интересные сведения

имеются у Палласа о торговле икрой. Эта торговля (имеется в виду только вывоз икры на английских кораблях по Балтийскому морю) в 80-х годах росла следующим образом: в 1782 г. было вывезено лишь 26 пудов, в 1783 г. — 1161 пуд, в 1784 г. — 1612 пудов, в 1785—1786 гг. — более тысячи пудов в год, в 1787 г. — 1600, в 1788 г. — свыше 4 тыс., в 1789 г. — 11 254 пуда. В 1790—1791 гг. вывоза почти не было несомненно в результате кризиса англо-русских отношений; в 1792 г. был вывезен 3781 пуд. Кроме того, ежегодно вывозилось через Черное море свыше 10 тыс. пудов в Италию и около 3 тыс. пудов в другие страны. За это же время цена на икру возросла до 5 руб. за пуд⁹¹.

В конце 70-х годов произошло изменение политики в отношении торговли кавказскими и персидскими винами. Указом 9 июля 1779 г. был отменен запрет на ввоз виноградных вин из Закавказья и собственно Ирана. Шемахинские, дербентские и кахетинские вина вновь получили признание, как и исафанские, ширазские и казвинские.

Рассмотрение отдельных статей импортной торговли Астрахани явно свидетельствует о росте значения Закавказья в русско-иранской торговле и выходе Баку на первое место в этой торговле.

Укажем еще на некоторые примеры. В 1779 году бумажной бязи поступило из Энзели 254 конца, из Баку — 3094; в 1781 г. из Энзели — 448 концов, из Баку — 5444; бумажной басмы: в 1779 г. из Энзели — 4285 концов, из Баку — 1444, в 1780 г. из Энзели — 179, из Баку — 1728 концов; фат бумажных: в 1779 г. из Энзели — 6485, из Баку — 8037, в 1780 г. из Энзели не поступало, из Баку же поступило 3653; овчиннок шапочных: в 1780 г. из Энзели — 17 400, из Баку — 26 493, в 1786 г. из Энзели — 370, из Баку — 5590 и т. д.

О росте значения Баку и вообще Закавказья в русско-иранской торговле свидетельствуют и данные экспортной торговли.

Господствующее место среди предметов вывоза как морской, так и сухопутной торговли из предметов отечественного происхождения занимали: полотна различных сортов, доставлявшиеся сотнями тысяч аршин, стальные изделия, доставлявшиеся сотнями и тысячами дюжин — павловские замки, ножи, ножницы, тульские складные ножи, швейные иглы и т. д. Ходкой полотняной тканью была пестрядь ярославская, более широкая по 12 коп. аршин. За 1778—1781 гг. ее было вывезено из Астрахани: в Энзели — 13 124 аршин, в Баку — 59 580, в Сальяны — 720 аршин⁹².

⁸⁵ Ibid., S. 190.

⁹² ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, д. 297, ч. 14, 16.

⁸⁵ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, д. 297, ч. 14, 16, 17/1, 17/2, 17/3, 18.

⁸⁶ P. S. Pallas, *Bemerkungen auf einer Reise...*, Bd I, S. 193.

⁸⁷ ЦГВИА, ф. 414, д. 434, л. 43 об.

⁸⁸ P. S. Pallas, *Bemerkungen auf einer Reise...*, Bd I, S. 194.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, д. 297, ч. 14, 16, 17/1.

⁹⁰ P. S. Pallas, *Bemerkungen auf einer Reise...*, Bd I, S. 192.

Вывоз из Астрахани российского полотна разных сортов, по данным таможи, в 1778—1781 гг. был следующий: в Энзели — 590 226 аршин, в Баку — 564 371, в Дербент — 1060, в Сальяны — 8200, в Кабарду — 47 791, всего — 1 211 648 аршин⁹³.

В 1777—1783 гг. из Кизляра, по данным таможен, было вывезено 1 904 149 аршин российского полотна⁹⁴. Полотно расценивалось крайне дешево: лучшие сорта шли по 3 и 4 коп. за аршин. Это был товар массового потребления. В русском экспорте на Кавказ до XVIII в. он отсутствовал.

Широким спросом на рынках Закавказья пользовалось также российское железо в полосах и «в деле», т. е. железные и стальные изделия. С ними конкурировали заграничные стальные изделия, главным образом английские.

В конце 70-х — начале 80-х годов железо и изделия из него вывозились из Астрахани только в Закавказье и отчасти в Среднюю Азию. В 1778 г., по неполным данным, отпущено в Баку 4 тыс. пудов железа в полосах по цене 45 коп. за пуд, в 1779 г. — 5 тыс. пудов, в 1780 г. в Баку отпущено котлов, таганов, проволоки 2473 пуда; в 1781 г. — железа в полосах 6 тыс. пудов 28 фунтов и российской стали брусчатой 563 пуда, а кроме того, разных железных изделий на 280 руб. В Дербент тогда же были вывезены тысяча пудов железа в полосах и 101 котел.

К сожалению, данные о торговле железом очень неполны. В 1785 г. большая партия железа была направлена через Баку в Грузию, но количество ее в документе не обозначено⁹⁵. В 1789 г. царю Ираклию было дано разрешение на беспошлинный ежегодный вывоз в течение 10 лет за наличный расчет и по «вольной цене» по тысяче пудов олова, по 500 пудов стали и по 20 тыс. пудов железа в полосах. Как было реализовано это разрешение, неясно. На заседании Совета императрицы (14 мая 1795 г.) было постановлено собрать об этом сведения и проверить, действительно ли в 1791 г. в Баку погибло судно с этим грузом⁹⁶. Железо отпускалось и в азербайджанские ханства и в Дагестан.

Что касается вывоза стальных и железных изделий, то данные тех же годовых ведомостей, например Астраханского таможенного управления⁹⁷, говорят, что он был достаточно ши-

⁹³ Там же, ч. 14, 16, 17/1.

⁹⁴ Там же, ч. 17/2, 17/3, 18.

⁹⁵ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, л. 13, ч. II, л. 61.

⁹⁶ «Архив Государственного совета», т. I (1768—1796 гг.), СПб., 1859, стлб. 302—303, 308—309. Русское железо предназначалось для продажи в Дагестан и Персию (Азербайджан?), с тем чтобы вырученные деньги шли на выкуп пленных. Ираклий просил об отпуске «казенного железа» и по казенной цене, но на это правительство не согласилось.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, д. 297, ч. 14, 16.

роким. В 1778—1781 гг. швейных игл вывезено: в Энзели — 525 тыс., в Баку — 1366 тыс. (сюда не вошли сведения за 1778 г.), в Сальяны — 1123 тыс.; павловских замков: в Энзели — 18 838, в Баку — 10 665, в Сальяны — 8616; павловских ножиц: в Энзели — 13 039, в Баку — 3578, в Сальяны — 10 265; тульских складных ножей (без данных за 1779 г.): в Энзели — 600, в Баку — 1743, в Сальяны — 350

Упомянем еще об одном предмете массового вывоза — о зеркалах разных размеров, также конкурировавших с «немецкими» (т. е. заграничными) изделиями. В 1780 г. их было вывезено в Баку 3341, в 1781 г. в Баку — 20 274, в Энзели — 324.

Ценными предметами торговли были русские кожи, главным образом юфть. Наибольшее количество этого товара было отпущено в Баку в 1781 г. — 1682 штуки на 2580 руб. Вывоз этой продукции в Энзели в рассматриваемые нами годы резко сократился.

Широко вывозилась продукция крестьянского ремесла. Изделия из липы и клена, выходявшие из рук русских умельцев (ложки, чашки, миски, ведра, шкатулки, свистульки), а также роговые гребни массами отправлялись в Кизляр, Дербент, Баку. Благодаря своей исключительной дешевизне эти предметы были действительно товаром массового потребления. Большой популярностью пользовались также сундуки, обитые железом.

Помимо продукции отечественной промышленности и ремесла Россия доставляла в Кизляр и Баку предметы питания: муку, мед, масло коровье, но в количествах, довольно ограниченных.

Надо сказать, что экспорт из Астрахани во второй половине XVIII в. претерпел значительные изменения: в нем выросло количество товаров широкого потребления и почти полностью исчезли ценные меха, которые в XVI в. составляли чуть ли не половину русского экспорта в Иран⁹⁸. Теперь меховой экспорт состоял из беличьих, кошачьих, заячьих шкур, тысячами отправлявшихся в Баку и Энзели.

Доступные исследователю материалы о русско-иранской торговле с достаточной наглядностью свидетельствуют о повышении в последних десятилетиях XVIII в. удельного веса торговли России с Закавказьем в экономике обеих стран. В то же время материалы выявляют и другую сторону торговых отношений Закавказья: несомненное ослабление экономических связей значительной части Азербайджана, Грузии и Дагестана с Ираном и Турцией. По свидетельству современников, торговля Закавказья с Ираном стала совсем незначительной.

⁹⁸ М. В. Фехнер, *Торговля Русского государства со странами Востока в XVI век* М., 1956, стр. 58—60.

Царь Ираклий писал русским властям даже о прекращении своей торговли с этими странами, о преследовании там его купцов⁹⁹. Торговля Грузии с Ираном стала носить посреднический характер. В записках полковника Бурнашева, находившегося в Грузии в 1783—1787 гг., упоминается, что «торги отправляются в Персию и Индию привозимыми из России в небольшом количестве товарами»¹⁰⁰. По сведениям Астраханской таможни, в конце века из внутреннего Ирана в Грузию не доставлялось товаров, «кроме разве весьма малой части»¹⁰¹. Бурнашев вовсе не упоминает о торговле Восточной Грузии с Турцией, очевидно, по причине ее ничтожности. «Сухопутные отпуски из Ахалциха в Грузию и из Персии в Ширван и обратно не заслуживают уважения»¹⁰², — писал о торговле Закавказья с Турцией конца XVIII — начала XIX в. С. Б. Броневский.

Турецкий автор конца XVIII в., характеризуя состояние промышленности и торговли Турции, указывает на сокращение числа турецких мануфактур. Перечисляя районы Османской империи, с которыми ведется торговля, автор не упоминает Грузии и вообще Кавказа, не вспоминает и о шемахинском шелке¹⁰³.

В прошлом очень оживленные связи Шемахи с турецким рынком вовсе прекратились. Еще в начале 70-х годов академик С. Г. Гмелин, обследовавший состояние торговли в Закавказье, писал о Шемахе, что уже четыре года, как торг Шемахи с Турцией уничтожен, что «теперь в городе никаких иностранных купцов не живет, исключая некоторое число российских и трех индийских; напротив того, в прежние времена последних было весьма много, равным образом поселилось было много и турецких купцов, но теперь ни одного из них нет»¹⁰⁴.

Что же касается связей Западной Грузии с Турцией, то основным их содержанием была работоторговля. В ней были заинтересованы не только турецкие купцы, но и грузинские феодалы. Она продолжала поэтому существовать, хотя и в уменьшенных по сравнению с прошлым размерах. Царь Соломон I (1752—1784) не смог уничтожить это зло окончательно, не-

смотря на жестокую борьбу с ним и даже войну из-за него с Турцией.

О торговых связях Закавказья с Ираном в конце XVIII в. до некоторой степени можно судить на основании статистических сведений о торговле Энзели с Баку, опубликованных в астраханском журнале «Восточные известия». В больших коммерческих оборотах Энзели торговля с Баку занимала весьма незначительное место. При этом какую-то часть, определить которую нельзя из-за отсутствия данных, составляли и транзитные товары, шедшие через Баку.

Торговый оборот Энзели в 1793 г. характеризуется следующим образом. Ввоз из Астрахани составил 550 тыс. руб., из Баку и Туркмении — 92 тыс., из внутреннего Ирана, Турции, Индии — 500 тыс. руб., всего 1142 тыс. руб. Вывоз в Дербент и Баку дал около 400 тыс. руб., в Астрахань (сюда не включены драгоценные камни) — также 400 тыс., во внутреннюю Персию, Индию и Турцию — 1 млн. руб., всего — 1800 тыс. руб.¹⁰⁵ Таким образом, весь товарооборот Энзели составил в 1793 г. 2942 тыс. руб. Товарооборот же Астрахани вместе с Кизляром, по тем же данным, за этот год равнялся 1500 тыс. руб. Ясно, что положение русско-иранской торговли не было нормальным, соответствовавшим производительным силам России.

Если сравнить цифру вывоза из Баку в Астрахань — 225 тыс. руб.¹⁰⁶ с вывозом из Баку и Туркмении в Энзели — 92 тыс. руб., то мы увидим, что Закавказье вывозило через Баку в Россию по крайней мере в три раза больше, чем в Энзели. Цифры вывоза из Баку ясно свидетельствовали о падении бакинского экспорта в Энзели в последних десятилетиях XVIII в.

Та же тенденция деградации наблюдалась в вывозе из Энзели в Баку. Выше дана цифра вывоза из Энзели в Баку и Дербент — 400 тыс. руб. Импорт в Баку из Энзели, Сальян, Мазандерана, Шемахи, Тбилиси и других мест равнялся 180 тыс. руб., как указано в том же статистическом описании¹⁰⁷. Как же согласовать эту последнюю сумму с суммой в 400 тыс. руб., содержащейся в том же консульском отчете? По-видимому, нужно предположить, что под указанной суммой в 400 тыс. руб. имелась в виду кроме стоимости товара для Баку и стоимость товара, направлявшегося транзитом через Баку в Астрахань. Правильность этого предположения подтверждается современником, автором описания, сделанного в 90-х годах. Там сказано, что привозимый в Баку из Энзели

⁹⁹ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 21, л. 208.

¹⁰⁰ С. Д. Бурнашев, *Картина Грузии или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского, сделанное... в 1786 году*, изд. 2, Тифлис, 1896, стр. 2.

¹⁰¹ АКАК, т. IV, стр. 78—79.

¹⁰² С. [Б.] Броневский, *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, ч. I, стр. 214.

¹⁰³ S. Abesci, *Etat actuel de l'Empire Ottoman*, t. 2, trad. de l'anglais, Paris, 1792, pp. 220—232. Автор был секретарем великого везира при султানে Мустафе III. На английском языке труд вышел в 1784 г.

¹⁰⁴ С. Г. Гмелин, *Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе*, ч. III, половина 2, стр. 101.

¹⁰⁵ «Восточные известия», 1815, № 37, стр. 292—294.

¹⁰⁶ «Восточные известия», 1815, № 36, стр. 283.

¹⁰⁷ Там же.

товар «почти весь» отправлялся в Астрахань¹⁰⁸. Но в дальнейшем, в начале века, товары из Энзели шли уже прямо в Астрахань¹⁰⁹.

Что касается торговых связей с Тебризом, то в использованных нами материалах встречаются лишь редкие упоминания о товарах, направленных в Тебриз или прибывших из этого города, что говорит о незначительности роли Тебриза в русско-иранской торговле XVIII в. «Восточные известия» дают очень интересное объяснение причины «маловажности» этой торговли¹¹⁰. Ага Мухаммед-хан запретил шелководство. Шелковичные деревья были вырублены; на купеческие караваны, шедшие из Тебриза, постоянно совершались нападения.

Упадок экономических связей Закавказья с Ираном и Турцией и ослабление интереса Ост-индской компании к его шелковому сырью происходили по причинам и экономическим, и политическим. Из-за постоянных феодальных войн, а также торговой политики Ост-индской компании Иран в последние десятилетия XVIII в. представлял собой опустошенную страну. Печать упадка и разорения лежала не только на южных, но и на северных провинциях, о чем свидетельствуют описания путешественников¹¹¹. Само собой разумеется, что подобное положение не могло благоприятствовать развитию торговли между провинциями Ирана и Закавказья.

Захват богатейшего шелкового рынка Ирана купцами Ост-индской компании может служить объяснением падения их интереса к шелку Закавказья, обладавшему более низким качеством. К тому же возросший английский импорт шелка охватывал не только Иран, но и другие страны Востока: Индию, Китай, Японию и, по-видимому, удовлетворял в достаточной мере спрос на него в самой Англии.

Ослабление и даже прекращение экономических связей с Ираном и Турцией находят свое объяснение и в политических условиях. Усиление в 80—90-х годах «каджарской опасности» для Закавказья, т. е. возникновение угрозы установления деспотической власти Ага Мухаммед-хана в Северном Азербайджане и Грузии, усиливало ориентацию властителей и народов Закавказья на Россию.

Наконец, последнее, что необходимо отметить, говоря о торговле России с Ираном и Закавказьем в последние десятилетия XVIII в., — это рост иностранной конкуренции уже не

только на рынке сырья, но и на рынке сбыта. Это обстоятельство было одинаково невыгодно как для России, так и народов Кавказа и Ирана. Торговля с преобладанием товаров иностранного происхождения не способствовала оздоровлению экономики страны, но вела к опустошению карманов феодалов и росту эксплуатации крестьянского населения.

По данным Астраханской таможни, в 1778—1781 гг. основных иностранных товаров было вывезено морем: сукна и шерстяных материй — 91 460 аршин и 8831 кусок на 361 774 руб., кошенили¹¹² и индиго¹¹³ — 897 пудов 27 фунтов на 160 386 руб., пряностей — около 2 тыс. пудов на 40 286 руб., сахару — более 5 тыс. пудов на 40 707 руб., всего — на 763 132 руб. По данным Кизлярской таможни, в 1777—1782 гг. было вывезено сукна и шерстяных материй около 17 тыс. аршин и 1362 куска на 70 776 руб., кошенили и индиго — на 280 тыс. руб., всего — на 350 776 руб.

Товары заграничного происхождения по обеим таможням составляли около двух третей всего оборота¹¹⁴. Через Астрахань значительное количество сукна пересылалось, кроме того, и в Среднюю Азию. Сукна и краски, самые дорогие товары экспорта, давали и наиболее значительные суммы торгового оборота. Аршин сукна расценивался (в зависимости от качества) от 1 до 10 руб., кошениль — от 200 до 300 руб., индиго («брусовая краска») от 80 до 100 руб. за пуд.

Следует еще отметить широкий вывоз заграничных стальных изделий, серьезно конкурировавших с русскими. В 1779—1781 гг. было отпущено, например, швейных игл: в Энзели — 400 тыс., в Баку — 1 011 500; складных ножей: в Энзели 581,3 дюжины, в Баку — 5643 дюжины и т. д. Ассортимент заграничных товаров был разнообразен: кроме сукна и шерстяных материй из Астрахани вывозились шелковые ткани, а также бархат, вельвет, парча, позумент, бисер, сандал, ртуть, нашатырь, хрустальная и фарфоровая посуда, зеркальное стекло, писчая бумага, хлопчатобумажные ткани; из пищевых продуктов — турецкий кофе, китайский чай, гданская водка и т. п.

Некоторое изменение тарифной политики в России в 90-х годах (ропись 1793 г. и тариф 1797 г.) в сторону протекционизма не способствовало улучшению положения русско-иранской торговли. Ввоз сукна и красок через Россию в Иран по-прежнему пошлиной не облагался, и эта льгота была обусловлена торговыми договорами с Англией: предварительным (1793 г.) и окончательным (1797 г.). В это время нарастала

¹¹² В документах употреблялось искаженное название «канцелярское (коксинельное) семя».

¹¹³ В документах обычно употреблялось название «брусовая краска».

¹¹⁴ P. S. Pallas, *Bemerkungen auf einer Reise...*, Bd I, S. 198.

¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18/486, л. 32.

¹⁰⁹ С. [Б.] Броневский, *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, стр. 219.

¹¹⁰ «Восточные известия», 1815, № 37, стр. 290.

¹¹¹ Beauchamp, *Nachricht von einer Reise in Persien im Jahre 1787.* — «Minerva», Bd 3, August, Hamburg, 1792.

борьба с Французской республикой, и самодержавная Россия, как и конституционная Англия — последняя особенно — были заинтересованы в ослаблении Франции и сговаривались об общих действиях против нее.

Для правильной оценки значения торговых связей России с Закавказьем мы должны, однако, принять во внимание то обстоятельство, что небольшая по суммам торговых оборотов торговля отечественной продукцией вследствие дешевизны товаров была очень значительна по количеству вывозившейся продукции, особенно полотна ручной выделки. Вывоз полотна через Кизляр, например, превышал чуть ли не в сотни раз отпуск туда же английского сукна. В 1777—1782 гг. полотна было вывезено почти 2 млн. аршин, а сукна всего около 20 тыс. аршин.

Иностранная продукция, состоявшая из предметов роскоши, не подрывала спроса на товары широкого потребления, доставлявшиеся из России. Нужды русской промышленности обеспечивали спрос на сырье Закавказья.

В дальнейшем, однако, положение стало изменяться не в пользу русской торговли с Закавказьем. С поразительно быстрым ростом хлопчатобумажной промышленности Англии азиатские рынки сбыта приобретали для нее все большее значение. Экспорт хлопчатобумажной мануфактуры Англии в 1797 г. определялся суммой в 2 446 144 ф. ст., а в 1803 г. — уже в 6 467 198 ф. ст.¹¹⁵

Во второй половине XVIII в. русско-иранская торговля в значительной своей части продолжала носить транзитный и посреднический характер. Иностранную продукцию доставляли в Закавказье и Иран русские и кавказские купцы-посредники. Об этом свидетельствуют как таможенные ведомости, так и записки современников¹¹⁶. Знакомая в 1784 г. Екатерину II с положением внешней и внутренней торговли России, председатель Коммерц-коллегии А. Р. Воронцов выражал в своей докладной записке сожаление о том, что значительная часть русского купечества занята доставкой иностранных товаров к русским портам на юге и на внутренний русский рынок, вместо того чтобы свое внимание и капиталы направлять на отечественную промышленность. Хотя, писал Воронцов, «мы балансу по торгу до сих пор еще не теряем», неоспоримо, что привоз в Россию иностранных товаров с каждым годом все уве-

личивался. К тому же, по словам Воронцова, много товаров привозилось еще «ко вреду государства» помимо таможен¹¹⁷.

Положение с торговым балансом ухудшалось быстрыми темпами. По сведениям А. Семенова, в 1791 г. импорт превысил экспорт уже на 1 млн. руб., не считая контрабанды¹¹⁸.

В отечественной торговле внешней и внутренней, в 80-х годах XVIII в. происходили важные изменения. На сцену выступила пока еще незначительная, но уже влиятельная группа купцов и предпринимателей, имевшая собственные капиталы и поддерживавшаяся правительством. Часть представителей этой группы была заинтересована в расширении рынков сбыта отечественной продукции, другая часть — в рынках сырья, в котором нуждались все более развивавшиеся отечественные мануфактуры и фабрики. Эти купцы и предприниматели проявляли особый интерес к торговле с народами Кавказа.

Шелковая промышленность России росла, если не исключительно, то в значительной степени благодаря сырью, доставлявшемуся из Закавказья. Кризис русско-иранских торговых отношений прежде всего в том и заключался, что резко сократилась доставка шелка-сырца из Гиляна, и это ставило под угрозу успешные темпы дальнейшего развития шелковой промышленности России. В 1791 г. командующий каспийским флотом капитан Шишкин убеждал главнокомандующего генерала Гудовича в важности сохранения хороших отношений с Ага Мухаммед-ханом «в рассуждении шелковых наших фабрик»¹¹⁹. Нарождавшаяся в XVIII в. русская промышленность нуждалась в сырье — шерсти, шелке-сырце, хлопке, красках.

П. Г. Любомиров, рисуя картину прогресса хлопчатобумажной и шелкоткацкой промышленности в центральных районах России, «особенно буйного» в конце XVIII в., приводит следующие данные: при Петре было всего 15 шелковых фабрик, в 1800 г. (по делу о клеймении) — 186, по табели же 1803 г. — 321¹²⁰. Сырье Ирана было монополизировано Ост-индской компанией. Для удовлетворения нужд своего растущего внутреннего рынка Россия вынуждена была развивать торговлю с Закавказьем.

Однако и в русско-кавказской торговле существовал антагонизм; он заключался в вывозе золотой валюты из России, невыгодном для русских интересов и выгодном для кавказ-

¹¹⁵ J. J. Oddy, *European commerce*, London, 1805, p. 584.

¹¹⁶ См., например, «Записки, касающиеся до земель, между Черным и Каспийским морем находящихся, и особенно о Грузии, показание теперешнего ее состояния с некоторыми видами к исправлению оного. Сочинено в конце 1805 года», — С. А. Тучков, *Сочинения и переводы*, ч. IV, СПб., 1817, стр. 145—240; см. также статистико-экономическое описание Ширвана 1796 г., сделанное обер-квартирмейстером Дренякиным (ЦГАДА, ф. Еромоловых, д. 217).

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, д. 286, ч. 4, лл. 196—214 об.

¹¹⁸ А. Семенов, *Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности*, ч. III, СПб., 1859, стр. 48.

¹¹⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 93, л. 27.

¹²⁰ П. Г. Любомиров, *Очерки по истории русской промышленности*, М., 1947, стр. 564.

ских. Происходила большая утечка золотой и серебряной монеты с астраханского рынка, несмотря на строгие запрещения ее вывоза.

Привоз валюты из Закавказья и Ирана в Астрахань прекратился с начала 60-х годов в результате проведения в Иране денежной реформы. Дело в том, что после убийства Надир-шаха, во время наступившего безвластия и беспорядков, золото, серебро и другие ценности, как награбленные в Индии, так и собственные, исчезли из Ирана. Новый правитель Керим-хан очутился в затруднительном положении, выход из которого был найден в искусственном повышении стоимости золота и серебра. 20-копеечная монета теперь стала считаться 25-копеечной, шестирублевый червонец — девятирублевым. Червонцы из России шли раньше по 3 руб., а теперь по 4 руб. Ввозить валюту стало очень выгодно.

Пользуясь новым положением, местные ханы (дербентский, бакинский, шемахинский, шекинский, гянджинский, шушинский и др.) стали самовольно переделывать русскую монету на собственную, хотя и с именем Керим-хана. В этом кроме чисто спекулятивных устремлений проявился и сепаратизм ханов. Занятие было выгодным: «подвластные» Керим-хана ныне «крайне деньгами богаты», писал 23 апреля 1778 г. астраханский губернатор генерал-майор И. В. Якоби Г. А. Потемкину, сообщая ему сведения о денежной реформе Керим-хана¹²¹.

Итак, во второй половине XVIII в., ознаменованной крупными победами России над Турцией и укреплением позиций на Черном море, положение торговли на Каспийском море с Ираном не проявляло никакой тенденции к улучшению, хотя обороты этой торговли и увеличились. Роль русского капитала и купечества на иранском рынке все уменьшалась. «Российский в Персии торг перешел весь в руки персиян, наши же купцы через то принуждены оставаться без продажи своих товаров праздно», — писал в конце 80-х годов консул Скиличчи. По его сведениям, в Реше русских товаров находилось в обороте не более чем на 300 тыс. руб.¹²². На складах же, по свидетельству Муртазы Кули-хана, лежало не менее чем на 3 млн. руб.¹²³.

Некоторые современники воспринимали несомненный рост торговых оборотов как «цветущее состояние русско-иранской торговли». Другие (правительство, консулы, купечество), наоборот, горько жаловались на упадок торговли, на препятствия в ней, на английскую конкуренцию. Сенатор Соймонов, напри-

мер, считал, что только перевозка товаров была в пользу России¹²⁴.

Анализ товарооборота, изучение структуры и хода торговли России с собственно Ираном позволяют прийти к выводу о полном ее неблагополучии. Ввозившиеся в Энзели из России товары залеживались, шелк-сырец добывался с чрезвычайными трудностями. Баланс русско-иранской торговли был не в пользу России, так как две трети ее составляли товары заграничного происхождения, доставлявшиеся в Энзели русскими же купцами.

Что же касается торговли Закавказья в последних десятилетиях XVIII в., то материалы о ней с полной очевидностью раскрывают ее основную тенденцию, направленную к развитию экономических связей Закавказья с Россией и сокращению связей с Ираном и Турцией. Всероссийский рынок уже в конце XVIII в. втягивал экономику Закавказья в сферу своих интересов. Насильственное торможение связей русского купечества с гиланским шелковым рынком стимулировало развитие экономических связей между Россией и народами Закавказья.

Возникает вопрос: кто же в действительности были эти предприимчивые и умелые купцы «персияне», в чьи руки, по свидетельству консула Скиличчи, перешел в 80-х годах «весь российский в Персии торг»? Английский путешественник и врач Белл, сопровождавший посольство Волюнского, а затем и Петра в его персидском походе, писал в своих записках, что «персы весьма редко выезжают из своей земли»¹²⁵. Но такая неподвижность несовместима с развитием внешней торговли. Чьи же капиталы вкладывались в обороты торговли «персиян»? Ведь в конце XVIII в. в Иране ощущался недостаток свободных капиталов и поэтому проценты по ссудам были чрезвычайно высоки. Следовательно, не местный капитал способствовал подъему торговли в Энзели и по Каспийскому морю в 90-х годах. Консул Скиличчи определенно утверждал, что местные купцы обладали слишком незначительными капиталами, поэтому они торговали на «индийские» и вообще не на свои капиталы¹²⁶. Купцы «персияне» выступали как агенты Ост-индской компании.

Армянское купечество вынуждено было перейти на второстепенные роли или вообще эмигрировать из Ирана. Ведущая роль армянского купечества как посредника в торговле

¹²⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 484, кн. 2, «Персидские дела 1782—1798 гг.», лл. 455—458.

¹²⁵ «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли», ч. 1, стр. 34.

¹²⁶ В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке*, ч. 1, стр. 632—633.

¹²¹ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XIX, д. 297, ч. 13, лл. 58 об.—59.

¹²² В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII в.*, ч. 1, стр. 633, 631.

¹²³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 56, л. 7.

Востока с Европой была сыграна. Проникнув в начале XVII в. в Индию, Ост-индская компания культивировала «дружбу» с армянами, добиваясь с помощью этой «дружбы» привилегий. «Армяне не видели сетей, которые были им расставлены»¹²⁷. Кооперация армянского купечества с Ост-индской компанией привела к захвату компанией торговых монополий и к установлению зависимости от нее торговых операций армянских купцов.

В XVIII в. английский капитал не имел возможности полностью освоить рынки Среднего Востока вследствие наступления в Индии и яростной борьбы с Францией за колонии и потому прилагал особые усилия к тому, чтобы не допустить Россию на указанные рынки. Английская дипломатия содействовала этому средствами политическими. Англии удалось разорвать связи России с Индией, катастрофически ослабить ее торговлю с Ираном и заблокировать выходы России в открытые моря. Формула «русская угроза Индии», уже в XVIII в. прикрывавшая антирусскую политику Англии на Востоке, была насквозь лицемерна. В действительности существовала не русская угроза Индии, а британская угроза России.

¹²⁷ М. J. Seth, *Armenians in India*, Calcutta, 1937, p. 231.

**РОССИЯ, НАРОДЫ ЗАКАВКАЗЬЯ,
ИРАН И ТУРЦИЯ в XVIII в.
(до середины 70-х годов)**

**1. Россия и Закавказье в 20-х годах XVIII в.
Роль Вахтанга VI**

Раздел Закавказья между Ираном и Турцией, закрепленный договором 1639 г., содействовал сохранению феодальной раздробленности закавказских владений на мелкие княжества, царства и ханства. Раздробленность благоприятствовала междоусобным войнам, постоянно разжигавшимся ирано-турецкой политикой.

Интересы борьбы против общего агрессора объединяли Россию и народы Закавказья. Россия стремилась обезопасить свои границы, расширить торговые пути и добыть свободу морских выходов при поддержке народов Закавказья. Народы Закавказья ждали от России помощи в их освободительной борьбе, причем просили о поддержке в больших размерах, чем та, которую фактически могла оказать им в то время Россия.

С начала века сношения народов Закавказья с Россией привлекали постоянное настороженное внимание и шахского и султанского правительства. Их пугало тяготение народов Закавказья к России, в течение XVIII в. ставшее важнейшим фактором в истории внешних сношений народов Закавказья.

Иран и Турция страшились Севера не без оснований. Виднейший политический деятель Закавказья, царь Картлии (Восточная Грузия) Вахтанг VI решительно стал на путь объединенных действий с Петром I. Надежду на помощь России он унаследовал от предков. Вера Вахтанга VI в Россию, в освобождение Грузии с ее помощью была несокрушима, несмотря на все несчастья, которым он подвергся из-за нее в конце своей жизни. «Мы готовы положить голову за верность вашей службе, и что бы ни случилось с нами, мы примем это как мученичество, только бы было исполнено то, на что вы соизволили приказать нам надеяться»¹, — писал в декабре 1722 г.

¹ «Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 год», СПб., 1861, стр. 141 (далее — «Переписка грузинских царей с российскими государями»).

Вахтанг VI Петру I, подразумевая надежду на освобождение Грузии. Даже лишенный престола и вынужденный скрываться от преследований, Вахтанг сохранил эту веру в Россию, связанную с его непоколебимым стремлением к освобождению Грузии.

Русское правительство хорошо понимало значение для его восточной политики факта тяготения народов Закавказья к России. Активизируя политику в Иране, Петр I был озабочен тем, чтобы народы Закавказья были «к российской стороне преклонны». Особое внимание он обратил первоначально на установление связей с армянами, как издревле к России расположенными и полезными для нее своей торговой деятельностью.

Издавна были установлены связи и с азербайджанским народом. Беспорядки и неустойчивость Иранского государства с конца XVII в. усиливали желание народных масс Азербайджана иметь у себя твердую власть².

Сношения России с грузинским народом с конца XVII в. были постоянными. Личная дружба связывала Петра I с лицами, близкими царю Арчилу, проживавшему в Москве. От членов этого царского дома Петру было известно о судьбе царевича Вахтанга Багратиона, задержанного в Иране. Направленному в 1715 г. в Иран А. П. Волынскому было поручено, по просьбе имеретинской царицы Екатерины Давидовны, говорить с шахом о свободе веры для христиан, а при удобном случае «снести с сим царевичем»³.

Это поручение было исполнено лишь частично: говорить с шахом о свободе веры для христиан не пришлось, так как ко времени прибытия Волынского в Исфаган (1717 г.) Вахтанг уже вынужден был принять мусульманство. Тайная связь между ним и Волынским была установлена через приближенное к Вахтангу лицо, некоего Фарседан-бека.

Взаимоотношения между Волынским и Фарседан-беком выразились лишь в осторожном нащупывании почвы. Выяснилось, однако, что Вахтанг рассчитывает на Петра и хочет «против персиян воевать», а Волынский дал понять, что он будет действовать интересам Вахтанга.

Не только Вахтанг, но и его брат кулар-агаси (начальник шахской гвардии) Ростом подсылал к Волынскому католического монаха инкогнито с заявлением, что он хочет служить государю чем может. Волынский возвратился в Россию с мы-

² «История Азербайджана», т. I, Баку, 1958, стр. 297.

³ ЦГАДА, ф. «Персидские дела», д. 1, лл. 45—53. Царица Екатерина Давидовна — тетка Вахтанга, жена царя Арчила, эмигрировавшего в Россию в 80-х годах XVII в. и умершего в Москве в 1713 г. Его дочь Дареджан была переводчицей переписки Вахтанга с Петром.

слью «апробовать» (проверить) впоследствии все эти заявления. Он был убежден, что в Персии верить никому нельзя⁴.

В 1721 г. между А. П. Волынским, ставшим астраханским губернатором, и Вахтангом установилась переписка с обменом информацией о предстоящем походе. В ноябре Вахтанг писал Петру I, «как вести и свершить дело»⁵. Начав приготовления к походу, Петр дал Волынскому особую директиву о грузинах и армянах: обнадеживать тех, «кто к сему делу желателен будет», но удерживать от каких-либо действий до прибытия русских войск⁶.

На письмо Вахтанга Петр I ответил лишь 2 июля 1722 г. по прибытии в Астрахань. Он писал, что «заранее ответствовать за непотребно рассудил»⁷. Видимо, Петр опасался разглашения слухов о походе. Он выразил надежду на то, что по прибытии его на «персидские берега» Вахтанг соединится с ним, но предупреждал при этом об особой осторожности в отношении турок: чтобы «христиане, которые под турецкой властью, ныне никакого б движения не чинили, дабы тем не привлечена была она держава напрасно к затруднению сего от бога благословенного дела», т. е. освобождения от мусульманского ига.

Более подробная информация и приказания были даны словесно через доверенное лицо Вахтанга — князя Баадур Туркитанишвили. Вахтангу поручалось, «как возможность допустит», учинить нападение на лезгин, а когда «вступит в дело», дать знать Петру⁸. Вахтанг не решился до соединения с русским войском идти к Шемахе; соединение не состоялось вследствие прекращения похода.

Возникает вопрос: почему Вахтанг не попытался организовать борьбу силами народов Закавказья? Ведь момент для выступления был благоприятным: Иран находился в состоянии распада централизованной власти и бессилия, Турция была разгромлена австрийцами. Военные качества грузин славились на всем Ближнем и Среднем Востоке. По отзыву современника, афганцы особенно их боялись⁹. Поручик И. А. Толстой, посланный осенью 1722 г. к Вахтангу, прислал Петру очень интересное описание военного устройства Картлии: войска до

⁴ Реляция А. П. Волынского Петру I от 30 мая 1718, Шемаха, — ЦГАДА, ф. «Персидские дела», д. 2, 1716—1718, л. 357.

⁵ «Переписка грузинских царей с российскими государями», стр. 138 (на лат. яз.).

⁶ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. IX, стр. 374.

⁷ ЦГАДА, ф. 4, д. 51, 1722—1727, л. 1.

⁸ И. И. Голиков, *Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам*, т. IX, изд. 2, М., 1838, стр. 144.

⁹ «Дневник осады Исагани афганами, веденный Петросом ди Саргис Гияленец в 1722 и 1723 годах», СПб., 1870, стр. 31—32.

40 тыс., в основном конница, вооружены большей частью ружьями. «Люди собой изрядные и, сколько я мог присмотреть, постоянны...», — писал Толстой¹⁰. Иранские шахи широко привлекали грузин на службу. Интересные сведения об этом, а также о военной репутации грузин приведены в статье английского историка Д. Лэнга «Грузия и падение династии Сефевидов»¹¹. Не лишена основания высказанная автором мысль, что подобной политикой шахское правительство сознательно ослабляло антииранские выступления в самой Грузии.

15 августа 1721 г. Волинский писал Петру, что хотя Вахтанг и считает персиян «бабами», а не войнами, и в Персии сейчас разруха, но без помощи русских войск «вступить в войну опасен» (опасается) по причине несогласия его с дворянами; нужно сначала отрядить несколько тысяч русского войска, «тогда уже и поневоле принуждены будут многие его партию взять»¹². В ноябре того же года и сам Вахтанг писал Волинскому: «При опоре сильнейшего государя и непобедимого предводителя мы можем действовать с большей безопасностью и ручательством за успех»¹³.

Отсюда следует, что уяснить причины воздержания Вахтанга от самостоятельных действий в Ширване можно, изучив обстановку, в которой находился Вахтанг в Грузии.

В августе 1719 г., после семи лет пребывания в Иране, в течение которых проверялась приверженность Вахтанга к шаху, Вахтанг возвратился в Картлию на положение вассального феодала. Московские связи Вахтанга несомненно имели в этой проверке значение. Историк Вахушти сообщает очень интересный факт из ранней истории этих связей. Уже на рубеже XVIII в. Вахтанг, оставшийся в Грузии без удела, поощряемый царем Арчилом, задумал переселение в Россию. Он совещался по этому вопросу со своими феодалами и обменивался посланиями с Арчилом. Узнав о намерении Вахтанга, шах немедленно издал указ (1701 г.) Ираклию I, управлявшему и Картлией и Кахетией, предоставить удел Вахтангу¹⁴. Получив в управление Картлию, Вахтанг отказался от мысли о переезде в Москву.

В 1720 г. Вахтангу шах дал нелегкое задание — усмирить лезгин Дагестана. Жуткую картину бедствий, причинявшихся

¹⁰ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 4, 1722, л. 26 об.

¹¹ D. M. Lang, *Georgia and the fall of the Safavi dynasty*, — «Bulletin of the School of Oriental and African studies», University of London, vol. XIV, pt 3, pp. 523—539.

¹² С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. IX, стр. 371.

¹³ «Переписка грузинских царей с российскими государями», стр. 223.

¹⁴ Tsarévitch Wakhoucht, *Histoire particulière du Karthli, du Kakhet, du Samtzhké et de l'Iméretz*, — «Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX siècle», trad. de géorgien par M. Brosset, pt II, livr. 1, St.-Petersbourg, 1856, p. 98 [далее — «Histoire de la Géorgie», pt II, livr. 1 (Вахушти)].

нападениями лезгин, рисует армянский католикос Исаия¹⁵. Большой материал дает и Вахушти Багратион в своей «Истории Картлии». Набеги лезгин в Азербайджане были связаны не только с антииранским, но и антифеодальным движением, с волнениями, направленными против жестоких притеснений со стороны иранских феодалов и правителей. Эти выступления лезгин в первой четверти XVIII в. представляли для Ирана настоящую «лезгинскую опасность», тем более серьезную, что она создавалась, как свидетельствуют первоисточники, при поддержке Турции¹⁶.

Опасаясь слишком большого усиления Вахтанга, шах, однако, сам способствовал провалу удачно начатой Вахтангом осенью 1720 г. кампании против лезгин Джара. На том основании, что джарцы обратились к шаху с повинной и присягнули ему в верности, шах приказал прекратить блокаду летних лагерей джарцев в горах. Но уже в следующем году лезгины нарушили свою клятву. В отмщение за казнь своего соотечественника, первого министра Ирана, они разорили главный торговый пункт Закавказья — Шемаху¹⁷.

Затрудняло положение Вахтанга также и то, что нередко при наборе войска грузины ему не повиновались. Опасаясь нападения лезгин на свои дома, они не хотели воевать в Иране против афганцев. Этот факт отметил еще в 1718 г. в своей реляции канцлеру Головкину Артемий Волинский¹⁸. Подобное неповиновение было проявлено зимой 1721—1722 гг. Набор вызвал большое возмущение азнауров (среднего дворянства), подавленное Вахтангом с большой жестокостью.

Весной 1722 г. шах, осажденный Мир Махмудом афганским, требовал помощи от Вахтанга. Вахтанг не смог ее оказать: феодалы решительно отказывались идти к Исфагану, так как боялись нападения лезгин¹⁹.

Ориенталист К. Патканов считал, что Вахтанг с грузинами мог бы изгнать афганцев из Ирана, если бы не бездействовал²⁰. Современные английские историки Л. Локкарт и Д. Лэнг, изучающие проблемы Среднего Востока и Закавказья, упрекают Вахтанга в якобы допущенной им ошибке:

¹⁵ Catholicos Esai Hasan-Dhalalians, *Histoire d'Aghovanie*, — «Collection d'historiens arméniens», trad. par M. Brosset, t. 2, St.-Petersbourg, 1876, pp. 193—220.

¹⁶ Sekhnia Tchkeidze, *Chronique de Géorgie*, — «Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX siècle», trad. de géorgien par M. Brosset, pt II, livr. 2, St.-Petersbourg, 1857, p. 35 [далее — «Histoire de la Géorgie», pt II, livr. 2 (Сехния Чхеидзе)].

¹⁷ L.-A. Clairac de Mamye, *Histoire de Perse...*, t. I, pp. 179—180; «Mémoires du Levant», t. IV, Paris, DCCLXXX, pp. 113—124.

¹⁸ ЦГАДА, ф. «Персидские дела», д. 2, 1716—1718, лл. 279—282.

¹⁹ «Histoire de la Géorgie», pt II, livr. 1 (Вахушти), pp. 116, 117.

²⁰ «Дневник осады Исфагана афганцами...», стр. 32.

отказе от помощи шаху. По их мнению, грузины могли спасти и себя и Персию, если бы выступили против Махмуда. Реальное представление о сложившейся обстановке убеждает в неправильности подобного мнения.

Внутренняя неустойчивость — основная причина отказа Вахтанга от самостоятельных действий под Шемахой. У Вахтанга не было достаточно сил. Суровые меры против феодалов не гарантировали ему их верности. Вахтангу не на кого было опереться. Грузинское феодальное общество было глубоко разьединено. Непрерывные феодальные раздоры и войны, приводившие к разрушению хозяйств, к разорению крестьян, уводу их в плен и продаже в рабство на рынках Турции и Ирана, способствовали разложению грузинского общества. Ирано-турецкая политика содействовала консервации такого состояния Грузии.

Сам Вахтанг указывал Петру на свое одиночество. Его первое письмо к нему было написано на латинском языке. Через год (в 1722 г.), при вторичном обращении к Петру, он объяснил, что это письмо было написано католическим священником по латыни, «по той причине, что мы никому другому не доверяли»²¹.

Помимо того, нерешительность Вахтанга обуславливалась в высшей степени сложными взаимоотношениями Грузии с Ираном, Турцией и Россией. Каждое из этих государств ожидало от грузин «наклонности к своей стороне». Историки Вахушти и Сехния Чхеидзе рисуют достаточно яркую картину взаимоотношений Вахтанга, шаха Хусейна и его наследника, ставшего впоследствии шахом Тахмаспом II. В то время как Вахтанг думал об освобождении Грузии от власти шаха, последний, наоборот, рассчитывал укрепить свой трон с помощью грузин. Фактически бессильный, он то приказывал Вахтангу идти к нему на помощь и расточал угрозы, то умолял его о помощи, задабривая подарками; поручая Вахтангу наказывать бунтующих шемахинцев, он дал ему титул беглер-бега Азербайджана.

В конце августа 1722 г. Вахтанг прибыл со своим войском к Гяндже. Здесь он должен был соединиться с армяно-азербайджанским войском для похода к Шемахе, как того требовал шах и во исполнение плана Петра I. Однако новое обстоя-

²¹ «Переписка грузинских царей с российскими государями», стр. 139—140.

Вопрос о связях царевичей мухранской линии с католическими миссионерами и о враждебном отношении к ним представителей кахетского дома Багратионов, вопрос о роли католических миссий в культурной и политической жизни Грузии и Армении изучен пока слабо, хотя и заслуживает серьезного внимания. Католическая пропаганда в Леванте и Иране, связанная с реформами Кольбера, являлась одним из моментов в истории англо-французского соперничества.

тельство изменило обстановку. 4 октября Вахтанг написал Петру, что оказать услугу государю (идти к Шемахе) ему мешает кахетский хан и что он надеется с помощью Петра вооруженно препятствовать торжеству этого хана²². Таким образом, у Вахтанга наметился новый фронт борьбы, на этот раз — междоусобной.

Утвердив в марте 1722 г. Мухаммеда Кули-хана (Константина), двоюродного брата Вахтанга, правителем Кахетии, шах поручил ему, кроме того, управление Ереваном, Казахской и Шамшадильской областями. Шах полагался на верность этого царевича, получившего воспитание в Иране, и рассчитывал вызвать междоусобную войну братьев. Такого большого усиления кахетского владения картлийский владетель не должен был допустить. Ссора, имевшая еще и более ранние поводы, повела к вооруженным столкновениям. Наиболее сильные картлийские феодалы, например эриставы ксанский и арагвский, были на стороне Константина.

Вахтанг рассчитывал на скорое прибытие русских войск, но отсутствие регулярной и постоянной связи между ним и Петром нарушило его расчеты. Петр не обещал быть в Шемахе до взятия Дербента и Баку, что видно из письма его к Вахтангу от 3 августа, из лагеря при р. Аграхань. Упрекнув Вахтанга в том, что тот не ответил на его письмо от 2 июля из Астрахани, Петр далее ознакомил Вахтанга с планом начинавшейся кампании. Сам он поведет армию к Таркам, а потом к Дербенту и Баку. «А от вашей светлости, — писал Петр, — желаем ведать: возможете ли и совершенно надеетесь ли своими войсками над бунтовщиками Дауд-беком и его адгерентами [приверженцами. — О. М.] какой поиск учинить, и ежели надеетесь, то во имя божие туды подите». В противном случае Вахтангу надлежало соединиться с русской армией. Петр предлагал Вахтангу немедленно известить его о том, что он решит: действовать ли самостоятельно или идти на соединение. Если он предпочтет последнее, то, пишет Петр, «наше мнение, ежели возможно, чтоб вы с нами случились между Дербени и Баку»²³. В том и другом случае, т. е. пойдет ли Вахтанг к Шемахе или соединится с русскими войсками, движение последних к Баку будет прежде, чем их «поиск» против лезгин.

Мнение Вахтанга, которое Петр просил его немедленно сообщить, он не получил, и поэтому не знал о затруднительном положении Вахтанга под Гянджой. Об этом свидетельствует 4-й параграф «Пунктов», данных 28 сентября 1722 г. Петром И. А. Толстому при отправлении его в Грузию: «Как слышим,

²² «Переписка грузинских царей с российскими государями», стр. 142.

²³ ЦГАДА, ф. 4, д. 51, 1722—1727, л. 2—2 об.

что без наших войск опасается в дело вступить, и о том разведывать: подлинно ль чего опасается и от кого, или для домашней разности и несогласия»²⁴, т. е. междоусобия.

«Общее дело» требовало непрерывной связи между его участниками, но наладить такую связь, по-видимому, было невозможно, так как между Россией и Грузией находились враждебные территории. Письма доставлялись чрезвычайно медленно или совсем не доходили. Письмо Петра от 3 августа с планом кампании Вахтанг вовсе не получил. В сохранившейся переписке следов этого письма не обнаружено. В письме, полученном 19 сентября, Вахтанг писал Петру: «До сих пор мы не извещены были никаким вашим приказанием»²⁵. Через полтора месяца (4 октября) Вахтанг снова сообщал Петру, а также Волынскому²⁶, что ждет приказаний. Следовательно, письма Петра от 3 августа он не получал. Это же видно и из тревожного и горестного письма Вахтанга к Баадру Туркистанишвили от 4 октября 1722 г.: «Почему не дали нам ни одного известия о себе? — спрашивает Вахтанг, который уже дней 20 или 25 как подступил с войском к Гяндже. — Мы здесь в нерешимости: отправиться туда? — Но к кому отправиться? А воротиться — как воротиться? Мы не могли ничего узнать о вас... Постарайтесь уведомить нас хоть немного; дайте нам знать о чем-нибудь верном. Прибудет ли сюда государь? Почему оставлены мы здесь как сироты? Почему обманул ты нас? Довольно! Напишите нам верные известия»²⁷.

Конечно, Вахтанг был неправ, упрекая Туркистанишвили в обмане. И Туркистанишвили, и сам Петр были убеждены в возможности оказать помощь Вахтангу. Огромное войско численностью около 60 тыс., которое составляло действующий корпус и из которого более 20 тыс. были уже приведены Петром на каспийские берега, убедительно свидетельствовало о широте задуманного «персидского предприятия».

После взятия Дербента Персидский поход был, как известно, прекращен. На ближайшее время предстояло еще занять Баку, чтобы этот город не достался туркам, и взять Гилян, предупредив захват его афганцами. «Наш первый интерес, дабы основаться на Каспийском море, без чего ничего делать нельзя», — говорилось в рескрипте Петра Толстому от 16 февраля 1723 г. Позже, в рескрипте тому же Толстому от 19 апреля, Петр утверждал, что после взятия Баку он сможет уже прямо действовать против турок и найти «довольные способы» к защите Грузии и армян²⁸.

²⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 3, 1722, л. 15 об.

²⁵ «Переписка грузинских царей с российскими государями», стр. 139.

²⁶ Там же, стр. 142—144.

²⁷ Там же, стр. 155. Дата письма (1723 г.) ошибочна.

²⁸ В. П. Лыцов, *Персидский поход Петра I, 1722—1723*, [М.], 1951, стр. 213.

Народам Закавказья осталось стойко ожидать нового прихода русских войск. Для поддержания этой стойкости в Грузию и Армению были посланы специальные люди. Сам Петр инструктировал их. Новый приход русских и их победа неизбежны; начав дело, государь его не бросит, «о чем сами могут рассудить, что такую тяжелую войну кровавую имели со шведами двадцать один год, однако же не покинули до благополучного конца, а здесь такую легкую и прибыльную покинуть для чего? И какое б бесчестие во весь свет было! К тому же всех бы басурман на себя охрабрили»²⁹, — писал Петр в наставлениях, данных 28 сентября 1722 г. поручику гвардии И. А. Толстому, посланному в Тбилиси. К армянам был послан Иван Карапет.

Что же происходило в Восточном Закавказье после отъезда Петра и ухода основной части войск? Вахтанг возвратился в Тбилиси 22 ноября и тотчас же стал собирать новые войска для войны со своим кахетским соперником. В Тбилиси его с 27 октября поджидал прибывший туда И. А. Толстой. Он привез Вахтангу дипломатическое поручение: содействовать Петру I в заключении договора с шахом о союзе и об уступке России прикаспийских провинций за помощь шаху в утверждении его на престоле. Этот договор должен был остановить наступление турок. «Самый интерес его величества требует, дабы Персия не пропала, но паки во владение шахово восстановлена была»³⁰, — говорилось в инструкции Толстому.

И. А. Толстой смог убедиться в стойкости грузин и «наклонности их к российской стороне». «Народ здесь, сколько мог присмотреть, — писал Толстой Петру 1 декабря 1722 г., — во всяких случаях zelo доброжелателен к вашему величеству, и без молитвы не помянут высокого имени вашего и когда меня увидят на улице, то поднимают руки на небо и просят бога, чтоб видеть больше русских»³¹.

Хотя привезенное Толстым сообщение о прекращении похода и подвергло русофильские симпатии тбилисцев жестокому испытанию, все же вера их в Россию не была утрачена. Об этом свидетельствовали многочисленные обращения к ней в последующее тяжелое время.

Отношения Вахтанга с шахом продолжали ухудшаться. Вопреки мнению многих грузинских феодалов Вахтанг отказался, например, выполнить требование нового шаха Тахмаспа II прибыть в Тебриз для утверждения в достоинстве вали Грузии³². Игнорирование шахских приказов не было делом не-

²⁹ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 3, 1722, л. 7.

³⁰ Там же, л. 2.

³¹ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 4, 1772, л. 19 об.

³² L.-A. Clairac de Mamye, *Histoire de Perse...*, t. 2, p. 93.

обычным в отношениях между грузинскими владетелями и шахом. Поэтому шахский указ о передаче царства Картли в управление кахетскому правителю Мухаммед Кули-хану, полученный в Тбилиси 30 января, явился для всех ошеломляющей неожиданностью. Чем был вызван этот указ, точно неизвестно. Современник событий Клерак де Мами утверждает, что Вахтанг был смещен за предложение дани султану³³. Но вряд ли обращение к туркам за помощью могло быть сочтено за преступление. Ведь и сам шах обращался за помощью к султану, но получил отказ: диван постановил шииту не помогать, а сунниту-афганцу не препятствовать³⁴.

В исторической литературе вопрос о принятии Вахтангом подданства Турции или затушевывался или представлялся упрощенчески. Современник Вахтанга — историк Вахушти о турецком подданстве Вахтанга говорит глухо, другой — Сехния Чхеидзе — более определенно. В известном памфлете А. Амилахвари сказано: «И отдав турецкому султану всю Грузию, дабы не досталась персианам и кахетским владетелям»³⁵. Более поздний грузинский историк — царевич Давид Багратион высказывается слишком категорично: Вахтанг якобы после своего изгнания из Тбилиси «в гневе и отчаянии призвал турков и отдал им свое царство»³⁶. Подобное заявление дает неправильное представление о Вахтанге как о таком государственном деятеле, который мог принять исключительной важности решение под влиянием аффекта. На самом деле решению Вахтанга о подчинении Турции предшествовала длительная и мучительная борьба против этого подчинения. Принятие же его было обусловлено полной уверенностью в скором получении обещанной военной помощи от России.

Анализ материалов, служащих первоисточниками для исследования отношений Вахтанга с турками — работ и записок Вахушти, Сехния Чхеидзе, И. А. Толстого, И. И. Неплюева, де Бонака, Клерака де Мами, Хэнуэя, Хаммера, Пейсоннеля, — позволяет воссоздать следующую картину этих отношений.

Первоначально, по возвращении в Грузию, отношения Вахтанга с султаном были внешне лояльными. Возможно, султанское правительство рассчитывало использовать Вахтанга в момент ожидавшегося полного падения Иранской монархии. В 1721 г. султан оказал Вахтангу большую услугу: он утвердил имеретинским царем, согласно желанию Вахтанга, его родственника и воспитанника, царевича Александра. Войско

³³ Ibid., p. 94.

³⁴ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. IX, стр. 392.

³⁵ А. Амилахвари, *История георгианская о юноше, князе Амилахорове*, СПб., 1779, стр. 31.

³⁶ «Давид царевич Грузинский. Краткая история Грузии», предисловие Н. Н. Бегичева, Тифлис, 1893, стр. 44.

ахалцихского паши помогало Александру³⁷. О сношениях Вахтанга с султаном свидетельствовали полученная им тогда же султанская грамота, а также богатые подарки, посланные Вахтангом в Ахалцихе³⁸.

Через год милостивое расположение султана сменилось гневом. Вахтанг писал Петру в декабре 1722 г.: «Султан обиделся и стал угрожать нам». Вахтанг послал ему письмо, в котором писал о том, «что было прилично и следовало сказать ему»³⁹. Ответ на вопрос, что произошло между султаном и Вахтангом, может дать ознакомление с закавказской и иранской политикой Турции в эти кризисные годы Иранского государства.

В апреле 1722 г. И. И. Неплюев сообщил Петру I важную информацию, полученную им от маркиза де Бонака: султанское правительство повелело Ибрагим-паше эрзурумскому защищать Вахтанга и под этим предлогом занять Тбилиси, а потом Ереван. Тогда же, в апреле, османское правительство заявило Неплюеву, что оно не допустит подданства Грузии России и начнет войну⁴⁰. Вахтанг получил дружественное письмо от Ибрагим-паши с горячим обещанием помощи⁴¹. Далее, в донесении от 15 июля, И. И. Неплюев дополнительно сообщил сведения, полученные нелегально 21 июня от секретаря реис-эфенди, что уже сорок дней назад посланы указы эрзурумскому паше завладеть Ереваном и Тифлисом⁴².

Тогда же Вахтангу было объявлено, что султан считает его своим подданным. Летом 1722 г. в Тбилиси находился турецкий посланец, добивавшийся подчинения Вахтанга султану⁴³.

В августе османское правительство присоединить к своим владениям и что оно не возражает против занятия русскими Шемахи⁴⁴.

И. Хаммер свидетельствует, что после отречения шаха Хулейна от престола в пользу афганца Мир Махмуда (23 октября 1722 г.) Порты заявила о принадлежности Дагестана, Грузии и Ширвана Османской империи по причине падения сефевидского государства⁴⁵.

О видах Турции на все Закавказье свидетельствует и султанская грамота Дауд-беку, подтверждавшая принятие его под покровительство и признание его власти над Дербентом и

³⁷ «Histoire de la Géorgie», pt II, livr. 2 (Сехния Чхеидзе), p. 34.

³⁸ «Histoire de la Géorgie», pt I, livr. 1 (Вахушти), p. 116.

³⁹ «Переписка грузинских царей с российскими государями», стр. 140—141.

⁴⁰ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. IX, стр. 392;

А. А. Кочубинский, *Граф Андрей Иванович Остерман...*, стр. 15.

⁴¹ J. von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, S. 209.

⁴² АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», д. 6, ч. 1, 1722, л. 190 об.

⁴³ «Histoire de la Géorgie», pt II, livr. 1 (Вахушти), pp. 117, 118.

⁴⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», д. 6, ч. 1, 1722, л. 237 об.

⁴⁵ J. von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, S. 206.

Ширваном. Посланцу, отправленному с этой грамотой, поручалось примирить Дауд-бека с Вахтангом и склонить Вахтанга к принятию покровительства султана⁴⁶. В Константинополе был издан и вручен послам иностранных держав манифест султана о «добровольном воссоединении» Дербентского ханства с Османской державой, как издревле ей принадлежавшего. Клерак де Мами утверждает, что манифест был издан с целью устрашить царя и заставить его полностью очистить персидское побережье и что Порта была поглощена мыслью об оккупации всего Восточного Закавказья⁴⁷.

Османское правительство стремилось утвердить свою власть в Восточной Грузии «законным» путем якобы в результате «добровольного» признания власти султана. Этого признания оно добивалось у Вахтанга целый год. Документальные источники о сношениях между Восточной Грузией и Турцией в 1722—1723 гг. дают достаточно живое представление о целеустремленности и настойчивости, с одной стороны, и длительной агонии сопротивления — с другой.

Междоусобная война в Картли-Кахетии шла без явного перевеса той или другой стороны, пока Мухаммед Кули-хан кахетский не обратился к лезгинам, а эрзурумский Ибрагим-паша не подошел к границам Картли.

В январе 1723 г. посланец эрзурумского пашы снова прибыл в Тбилиси, предлагая добровольно подчиниться султану. Но Вахтанг, как писал Толстой Петру 14 марта, «этого сделать не хотел, и отпустил того посланного»⁴⁸. Далее Толстой пишет, что когда Ибрагим-паша узнал, какое «великое смятение» вызвал шахский указ о низложении Вахтанга, он «стал присылать непрестанно и грозить ему своим нападением, и пришел с несколькими войском на границу Карс».

По-видимому, Вахтанг рассчитывал на получение помощи от Ибрагим-пашы, обойдя вопрос о подчинении султану. Ведь получить же он помощь от ахалцихского пашы в форме лишь дружественной услуги, оплаченной подарками. Помимо того, путем переговоров с Ибрагим-пашой Вахтанг рассчитывал обезопасить себя со стороны турок. Затягивая переговоры, он выигрывал время. Если бы успели прибыть русские войска, его переговоры с турками свелись бы к нулю. Русские же войска, наоборот, ушли, а не пришли, и турки стали угрожать неговорчивому картлийскому царю.

19 апреля 1723 г. Петр издал приказ о посылке в распоряжение Вахтанга двухтысячного отряда драгун из крепости Св. Креста под командованием капитана гвардии Баскакова.

Баскаков не успел, однако, предупредить появление турок в Грузии и, следуя наказу уклоняться от военных действий, возвратился в Астрахань.

По причине происходивших в Константинополе переговоров о перемирии, на которое турки шли с большой неохотой и поэтому затягивали переговоры, не был отправлен в Грузию после взятия Баку (июль 1723 г.), как было обещано, и 20-тысячный корпус, выделенный из войск, занимавших крепость Св. Креста. Петр I воздерживался от обострения отношений, чтобы, как говорилось в том же приказе Баскакову, «безвременно и против данного туркам слова их не подвигнуть на войну, которая им, грузинцам, ныне опасна есть»⁴⁹.

Поединок Вахтанга с эрзурумским пашой продолжался. Паша предложил Вахтангу восстановить его власть при условии признания власти султана и присылки заложников⁵⁰. Решение о подчинении султану было принято на созванном Вахтангом «консилиуме» (начало марта или конец февраля). Подразумевалось, что подчиняться будут только до прихода русских войск. И. А. Толстой и Б. Туркистаншвили противились этому решению «сколько могли», но оказались бессильными, так как паша обещал Вахтангу не только вернуть ему Картлию, но и отдать Кахетию. Однако по третьему пункту договора с пашой (о введении турецкого гарнизона в Тбилисскую крепость) не смогли достичь соглашения и снова послали нарочного к Ибрагим-паше. «Грузинцы не хотят, — писал 14 марта Петру I Толстой, посылая копию договора, — кто переможет, буду доносить»⁵¹.

Уступкой со стороны грузин требованию турок была высылка Толстого. Но, по уговору с Вахтангом, Толстой не уехал из Грузии, а перешел на нелегальное положение, тайно перебравшись в горы к князю Мачабели. Поддерживая отсюда связь с Вахтангом, он, как и последний, стал дожидаться скорого прибытия русской помощи.

Оправдываясь перед Петром в заключении договора, Вахтанг писал ему 10 марта: «Ваше пришествие умедлилось, а мне с двумя царями супротивления чинить невозможно, того ради я салтану в подданстве отдался»⁵². Однако полной договоренности о подданстве еще не было.

По свидетельству Клерака де Мами, в конце февраля 1723 г. в Константинополе было получено письмо Вахтанга с предложением ежегодной дани в 24 «мешка» (120 тыс. ливров) при условии поддержки его власти. А затем пришло письмо о

⁴⁹ Г. Г. Пайчадзе, *К истории русско-грузинских взаимоотношений*, Тбилиси, 1960, стр. 113.

⁵⁰ «Histoire de la Géorgie», pt II, livr. 1 (Вахушти), p. 122.

⁵¹ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 3, 1723, лл. 1—3.

⁵² Там же, л. 5.

⁴⁶ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», д. 4, 1723, л. 11 об.

⁴⁷ L. A. Clairac de Mamye, *Histoire de Perse...*, t. 2, pp. 108—111.

⁴⁸ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 3, 1723, л. 1.

признании власти султана над Грузией при условии восстановления Вахтанга на царстве⁵³.

В то же время Вахтанг продолжал настаивать перед Петром I на немедленной присылке обещанной, хотя бы частичной, помощи. «До сих пор мы умоляли его [Петра I. — О. М.] избавить нас из когтей рыси, теперь да не оставит нас в когтях леопарда»⁵⁴, — писал Вахтанг 24 мая 1723 г. Волынскому.

Вскоре третий пункт договора был принят без проволочек, «перемог турок». Эрзурумский паша прислал «вельможного человека» с 500 солдатами. Он потребовал прибытия Вахтанга к паше и сдачи крепостей, в противном случае угрожал помощью сопернику и арестом семьи Вахтанга, находившейся в Имеретии. «И стал я беспомощен», — писал Вахтанг Баадур Туркистаншвили⁵⁵, не спеша, однако, к выполнению требований пашы.

Лишь после того как приключился «злой случай» (неожиданный захват 4 мая Тбилиси с помощью лезгин, приведенных Мухаммед Кули-ханом), Вахтанг сдался перед настояниями турок, но и то не сразу. Первоначально была сделана попытка сопротивления с помощью горских феодалов. Царевич Бакар, наследник Вахтанга, поспешил обратиться за войском к аравгскому эриставу Георгию, отцу своей жены, но тот даже коня ему не дал, сочувствуя кахетскому хану. За это он вскоре лишился головы, когда Бакар пришел к власти⁵⁶. Владетельные сторонники Вахтанга, спасая свои жизни, семьи и добро, спешили с раскаянием к его сопернику, в то же время уверяя Вахтанга, что они лишь внешне повинуются кахетскому хану, поскольку опасаются подвергнуть дома свои участи Тбилиси, который, как писал 12 июня Петру I Толстой, «разорение претерпел немалое, понеже взят якобы штурмом»⁵⁷.

5 мая, на другой день после лезгинского погрома, Толстой получил из Москвы указ Петра, датированный 20 февраля. На доставление указа ушло, следовательно, два с половиной месяца. За это время критическое положение Вахтанга превратилось в катастрофическое, и «обнадеживание накрепчайшим способом», которое рекомендовал Петр в отношении Вахтанга, было уже излишним. Он слышал, что и Вахтанг, и кахетский хан обратились за помощью один против другого к Ибрагим-паше и обещали впустить турецкий гарнизон в Тбилисскую крепость⁵⁸. 15 мая Толстой выехал в Петербург.

⁵³ L.-A. Clairac de Mamye, *Histoire de Perse...*, t. 2, pp. 94, 110.

⁵⁴ «Переписка грузинских царей с российскими государями», стр. 149.

⁵⁵ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 3, 1723, д. 14—14 об.

⁵⁶ «Histoire de la Géorgie», pt II, livr. I (Вахушти), p. 123.

⁵⁷ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 3, 1723, лл. 22—23 об. Толстой называет число лезгин 1500, Вахушти и Сехния Чхендзе — 7 тыс. Не следует ли считать цифру, названную Толстым, более точной?

⁵⁸ Там же.

Гейссоннель утверждает, что только крайность принудила Вахтанга решиться на принятие предложения пашы⁵⁹. Сам Вахтанг к паше не поехал, как тот того требовал, но послал к нему в Ахалкалакский санджак сына Бакара и брата Иесе, которые принесли присягу верности султану. Паша двинулся к Тбилиси, как казалось, навстречу новым успехам. Он был встречен Мухаммед Кули-ханом, который поднес ему ключи от крепости, большую сумму денег и обещал подчинить ему Ереван и Гянджу. Паша принял подношения и занял Тбилиси 12 (23) июня, поставив в крепости турецкий гарнизон.

Узнав о сговоре Мухаммед Кули-хана с Ибрагим-пашой, известным своей жадностью, Вахтанг предложил паше еще большую сумму денег и таким путем восторжествовал над соперником, который был заключен в тюрьму⁶⁰. Султанскому правительству были посланы от Вахтанга богатые подарки: золото, серебро и драгоценности, доставленные на двенадцати мулах⁶¹.

Принятие Восточной Грузии, Дагестана и Ширвана под власть султана наряду с победами в Иране праздновалось в Константинополе в течение девяти дней⁶².

Обращение Вахтанга к эрзурумскому паше противоречило советам Петра I о соблюдении особой осторожности в отношении турок. Однако не следует забывать, что Вахтанг обратился к туркам, когда их внимание уже сильнейшим образом было привлечено к Закавказью походом самого Петра, и поэтому советы не привлекать внимания турок значения больше не имели. Вахтанг решился на рискованный шаг, лишь будучи уверен в скором прибытии русских войск; сам Петр внушил ему эту уверенность.

Помимо того, появление турок в Восточном Закавказье было неизбежно и без обращения Вахтанга к ним, так как оно вызывалось общим агрессивным курсом политики османского правительства в связи с катастрофически нараставшим ослаблением Ирана.

Ибрагим-паша очень быстро почувствовал себя в Грузии полным победителем и потребовал, чтобы Вахтанг принял ислам суннитского толка. Вахтанг (Хусейн Кули-хан), по прибытии в Грузию возвратившийся в христианство, отказался стать ренегатом во второй раз. Бакар и Иесе оказались не столь щепетильными и приняли сунну: Бакар (Шах Наваз II) с именем Ибрагим-пашы, Иесе (Али Кули-хан) с именем Му-

⁵⁹ M. de P*** [eyssonnel], *Essai sur les troubles actuels de Perse, et de Géorgie*, Paris, 1754, p. 65; «Histoire de la Géorgie», pt II, livr. 2 (Сехния Чхендзе), p. 39.

⁶⁰ J. von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, S. 209—210.

⁶¹ «Histoire de la Géorgie», pt II, livr. I (Вахушти), p. 123.

⁶² L.-A. Clairac de Mamye, *Histoire de Perse...*, t. 2, pp. 177—178.

стафы-паши. Бакар стал правителем (вали) Картли и областей Борчалу и Казах, Иесе — Кахетии и Шамшадилу. Вслед за тем турки повели себя в Грузии как полные хозяева. Бакар был правителем только по имени.

В ожидании прихода русских войск после взятия Баку (июль 1723 г.) Вахтанг тайно ушел из Тбилиси в горы Южной Осетии. Ушел затем и Бакар, якобы отправившись на охоту. Бежал из тюрьмы и Мухаммед Кули-хан при тайном содействии Бакара. Клятва общей борьбы с турками скрепила их примирение. Но Мустафа-паша (Иесе) продолжал ревностно служить туркам. При его содействии были разграблены и сожжены турками Цхинвал, местопребывание Вахтанга, и окрестные селения. Он же, предводительствуя грузинами, одержал победу вместе с турками над войском Мухаммед Кули-хана и Гиви Амилахвари. После этой победы в Тбилиси был доставлен Эрастом Каплианишвили, представителем древнейшего рода Орбелиани, трофей победы: обоз голов (кахов, пшавов и других грузин). Реджеб-паша, командовавший в Грузии, отметил усердие победителей выдачей 30 золотых монет⁶³.

Не прекращая борьбы против турецкой агрессии, Вахтанг решил на временный переезд в Россию для организации войны в благоприятный для этого момент. В начале ноября 1724 г. он и сопровождавшие его лица (1286 человек) прибыли в Астрахань. 663 человека составляли штат прислужников и прислужниц, 488 — штат придворных Вахтанга. Военных выехало всего 13, духовенства — 42, жен и детей придворных и военных — 57 и членов семьи Вахтанга — 23 человека⁶⁴.

Султанское правительство, конечно, понимало, что не мирного и спокойного житья искал Вахтанг в России. Русским же дипломатам в Константинополе было велено всячески рассеивать подозрения турок относительно переезда Вахтанга⁶⁵. На конференциях с дипломатами вопрос о подданстве Вахтанга удалось затушевать. По предложению И. И. Неплюева в договоре решили не упоминать «за кем ему [Вахтангу. — О. М.] остаться»⁶⁶. Когда же позднее Неплюев получил указ Петра I о принятии Вахтанга под покровительство России, он не решился довести это до сведения султанского правительства, предпочтя выжидать, пока сами турки не спросят его об этом.

В течение двенадцати лет турецкой оккупации Восточного Закавказья национальной власти в Картлийском и Кахетском царствах не существовало. Грузией управляли турецкие паши: Реджеб-паша, Исак-паша, Осман-паша и др. Оккупанты обло-

жили население тяжелой данью и развили выгодную торговлю рабами на рынках Константинополя, Алжира и Египта. Но особую активность они проявляли в духовном порабощении, насильственно обращая жителей в ислам. Тотчас же по занятии Тбилиси с церковью были сорваны кресты. В сентябре 1723 г. Вахтанг писал Баадуру Туркистаншвили, что, «ежели в год не будет откуда вспоможения, обасурманят всех»⁶⁷.

Еще большую нетерпимость, доходившую до человеконенавистничества, проявили турки в отношении азербайджанцев — мусульман шиитского толка. Постановлением чрезвычайного совета турецкого правительства (6 августа 1722 г.) им была объявлена священная война. Три фетвы муфтия, опубликованные в связи с этим, призывали уничтожить мужчин и захватывать в рабство женщин и детей. Имущество шиитов объявлялось законной добычей турецких солдат⁶⁸. Командовавший созданным в середине 1725 г. Низовым корпусом князь В. В. Долгоруков доносил в следующем году из Астрахани Верховному тайному совету, что разбежавшиеся при турецком нашествии «басурманские народы» (т. е. азербайджанцы-шииты) продают своих детей русским и армянам «в вечное и временное услужение». Он принимает их, выдавая записки⁶⁹. Нужны ли еще более яркие иллюстрации тяжести османского ига для азербайджанского и других кавказских народов?!

2. Борьба народов Закавказья против турецкой и иранской агрессии и политика России в 20—40-х годах

На пути к полному господству в Восточном Закавказье турки встретили мощную преграду — сопротивление его народов. Ереван, Гянджа, Тебриз были заняты после длительных и тяжелых блокад и кровопролитных сражений. В период турецкого, как потом в период иранского, завоевания в Восточном Закавказье широкой волной поднимались и росли среди всех слоев населения антитурецкие, а позднее и антииранские настроения. Вместе с тем усиливались чувства симпатии и дружбы к России, связанные с надеждами на освобождение.

Установление турецкого господства в Грузии вызвало фактор величайшего значения в истории освободительной борьбы: чувство единства перед лицом смертельной опасности. Если ранее брат шел на брата, а строптивые горские феодалы, ксанские и аравские эриставы ожесточенно воевали с Вахтангом, то теперь и противники и сторонники одинаково призывали

⁶³ «Histoire de la Géorgie», pt II, livr. I (Вахушти), p. 125.

⁶⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 1, ч. 2, 1725, л. 323.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 2, л. 362.

⁶⁶ Там же, ч. I, л. 109.

⁶⁷ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 3, 1723, л. 19.

⁶⁸ J. von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, S. 207—208. Автор цитирует фетвы.

⁶⁹ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», оп. 77/1, д. 7, 1726, л. 152.

Вахтанга к совместной борьбе против общего врага. Теперь вся Грузия, не только Восточная, но и Западная, обращалась к России. Горские князья предлагали свои крепости, которые благодаря неприступности их расположения еще не были заняты турками. Кахетский Мухаммед Кули-хан, примирившись с Вахтангом, многократно посылал от себя и от имени своего народа грамоты Петру I и русским властям, прося о принятии под покровительство. Отчаянием продиктованы были строки одной из грамот, в которой говорилось, что в случае отказа ничего другого не остается, как стать мусульманами «или самих себя побить»⁷⁰. На все просьбы неизменно следовал отказ, мотивированный невозможностью нарушить мир с Турцией.

Константин (Мухаммед Кули-хан) продолжал борьбу с помощью лезгин и причинил туркам немало вреда, пока они не избавились от него вероломным путем: ахалцихский Юсуф-паша пригласил его для переговоров о мире. Не подозревая предательства, Константин отправился к месту переговоров и был убит ударом ножа в спину (28 декабря 1732 г.)⁷¹.

Азербайджанцы и армяне всячески стремились предотвратить появление у них турецких войск. После водворения в Тбилиси турки не смогли осенью того же года захватить Гянджу, так как встретили вооруженный отпор. В ожидании повторного турецкого нашествия армяне и азербайджанцы Гянджи заключили весной 1724 г. договор о взаимной помощи и просили князя Барятинского, командовавшего в Баку, прислать им войска. Прибытие к ним Ивана Карапета, посланного Петром I, дало повод к распространению слухов о том, что Гянджа стала российской. Таким способом жители надеялись удержать турок от похода на Гянджу⁷².

Талышский владетель Мир Аббас-бек обратился к Барятинскому за бомбами, «для кидания коих у него люди есть», и за тремя судами. Он набрал около тысячи человек войска и собирался привести во владение России прочих жителей⁷³.

В марте 1726 г. гянджинский епископ Мартирос доставил императрице Екатерине I послание от шести селений провинции Кебалы. Описывая насилие турок в Гяндже, они добивались принятия их в подданство и присылки войска⁷⁴.

Реакция азербайджанцев и армян на русско-турецкий договор 1724 г., признававший установление над ними власти

⁷⁰ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, ч. 2, л. 418 об.

⁷¹ «Histoire de la Géorgie», pt II, livr. 2 (Сехния Чхеидзе), р. 46.

⁷² Донесение генерал-поручика М. А. Матюшкина в Коллегию иностранных дел от 7 мая 1724 г. с приложением 26 писем на разных языках, полученных от князя Барятинского из Баку, — ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, 1724—1726, ч. 1, лл. 274 об. — 277, 1-е приложение.

⁷³ Там же, 2-е приложение.

⁷⁴ Там же, ч. 3, лл. 213 об. — 214.

султана, была резко отрицательной. Шамхал и уцмий, явившиеся в Шемаху ее вестниками, были встречены с оружием в руках; в город их не пустили. Разобиженные феодалы — «старая лисица и барсук», как называли их в одном из армянских писем, — набросились на соседние деревни и разорили их. При этом они распускали слух, что делают это по указу «государя», т. е. Петра I⁷⁵. Однако дискредитировать Россию в глазах закавказского населения, подпавшего под турецкий гнет, было невозможно.

По свидетельству армянского епископа Минаса Вартапета, который был посредником в сношениях русского правительства с армянами, последние твердо верили («как евангелию») в обещанную от России помощь⁷⁶. Стойкость армянского народа в борьбе за освобождение не раз отмечалась современниками: «Армяне, как и прежде стояли, так и ныне стоят крепко»⁷⁷. — писал Вахтанг Баадуру Туркестанишвили в сентябре 1723 г. После водворения турок в Восточном Закавказье армяне повели с ними партизанскую войну. В 1726 г. они трижды побили турок под Гянджой⁷⁸.

Кроме вооруженной борьбы, население Закавказья пользовалось и другим решительным, но пассивным способом выражения протеста против оккупации: массовым уходом с захваченных турками территорий. Много грузин бежали за Кавказские горы в Астрахань. Азербайджанцы и армяне массами переходили в русскую зону. Армяне испрашивали разрешения на поселение в Гиляне, Сальянах, Баку и Дербенте, не требуя никаких пособий для переселения⁷⁹. В ответной грамоте Петра I (1724 г.) на эти просьбы говорилось о рассылке указов об отводе армянам удобнейших мест для поселений⁸⁰. Царское правительство охотно шло навстречу этим желаниям, рассматривая армянскую эмиграцию на побережье как лучший способ установления его безопасности и хозяйственного развития.

В зоне расположения русских войск в Закавказье не только увеличивалось население, но и развивалась торговля. Так, князь Барятинский сообщал из Баку (15 апреля 1724 г.) о частом приходе караванов шемахинских, кубинских, ширванских. Он просил прислать из Астрахани нескольких купцов с товарами⁸¹.

⁷⁵ Там же, ч. 2, лл. 15 об. — 16.

⁷⁶ Там же, л. 147—147 об.

⁷⁷ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 3, 1723, л. 19 об.

⁷⁸ Письмо Вахтанга VI канцлеру Г. И. Головкину от 29 августа 1726 г., — АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 1, 1726, л. 203 об.

⁷⁹ «Сказка трех армянских уполномоченных», 1724, — ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, 1724—1726, ч. 2, лл. 307 об. — 308.

⁸⁰ Там же, л. 320 об.

⁸¹ Там же, ч. 1, л. 188 об.

Настойчивые призывы армянского народа были безответны. В 1726 г. князь В. В. Долгоруков считал возможным открытие успешных действий против турок с помощью армян. Но он был скован верховной «директивой»: не вызывать озлобления турок. 30 ноября он писал А. Д. Меншикову, ставшему у кормила правления после смерти Петра I: «Турецкие действия в Персии зело в слабость приходят, как здесь ото всюду гласят. Армяне неоднократно турок побили... Армяне с великою просьбою требуют с нашими войски соединиться, слезно просят, хотят некоторую часть к ним прислать. А мне за указом ее императорского величества того учинить нельзя для озлобления турок (чтобы не озлобить турок. — О. М.), и сколько могу, армян обнадеживаю, чтоб с терпеливостью ожидали несколько времени; однако видят они, что от нас им никакой пользы и надежды нет, и сколько могут, с великою отвагою против турок мужественно поступают. Ежели б в нынешнее благополучное время соединиться было можно нашим войскам с армяны, видя слабость турецкую, мощнее можно б надеяться, что действия наши сильные могли быть»⁸².

Освободительная борьба, происходившая в Восточном Закавказье в период турецкой оккупации, непрекращавшаяся эмиграция грузин и армян в Россию побуждали турок принимать меры, чтобы полностью изолировать их от России. В 1730 г. к Вахтангу был прислан от горских князей архиепископ Арсений с просьбой не допускать турок к постройке крепости близ Кабарды, поскольку крепость прекратит сообщение между Грузией и Россией⁸³. Не только жители Закавказья, но и русское командование указывало правительству на планы турок и вынуждало к принятию мер. Но Петербург все еще не решался нарушить мир с турками «при настоящих конъюнктурах». «Интересы наши требуют турок до удобного случая весьма менажировать и причины с нашей стороны к разрыву мира никакой не подавать»⁸⁴, — говорилось в указе императрицы Анны Ивановны В. Я. Левашову 21 января 1735 г.

По-видимому, многие грузины не одобряли отъезд Вахтанга в такой критический для Грузии момент, просили не уезжать или хотя бы оставить одного из своих сыновей, чтобы тверже противодействовать туркам до прибытия войска из России. Но, как писал Вахтанг своей сестре Дареджан в августе 1724 г., без соизволения Петра I он не мог на это решиться⁸⁵. Вахтанг неоднократно просил разрешить ему выехать в Грузию, напоминая о необходимости отправить туда войска. Он ука-

зывал (в письме к А. И. Остерману от 22 июля 1731 г.), что без него положение там ухудшилось⁸⁶. В сентябре 1731 г. Вахтанг писал императрице Анне Ивановне, что уже седьмой год просит отпустить в Грузию «одного из нас», а резолюции не получает⁸⁷. Обычно Вахтангу отвечали, чтобы «еще мало пождал», что сейчас мир с турками не позволяет отпустить и дать войско, что в случае отъезда в Грузию когонибудь из сыновей Вахтанга «туркам будет подозрительно»⁸⁸, лучше «до времени удобного воздержаться», чтобы «пушью ярость на Грузию не наводить»⁸⁹.

Вахтанг поехал в Россию с мыслями о войне. 29 июня 1725 г. он представил канцлеру Головкину свою программу: она означала немедленную войну⁹⁰. В упорной установке Вахтанга на войну в течение всего периода его пребывания в России (1725—1737) и заключалось основное противоречие между политикой Вахтанга VI и закавказской политикой России после Петра I.

Русское правительство пользовалось иранскими связями Вахтанга для переговоров с шахом Тахмаспом. Как писал канцлер Головкин Петру I, для таких переговоров важно иметь человека, который был бы «особливо умной и знатный»⁹¹. Перепелка, которую вел Вахтанг с канцлером и вице-канцлером, свидетельствует о его активной деятельности в интересах не только Грузии, но и России.

Вахтанг не шел ни на какие компромиссы ни с турками, ни с персами. Он еще надеялся, что в сношениях с Персией интересы Грузии могут быть обеспечены дипломатическими путями: шах признает Грузию покровительствуемой Россией и откажется от притязаний на нее. Когда в 1730 г. снова намечались переговоры с шахом Тахмаспом, Вахтанг сейчас же напомнил императрице о необходимости включить в договор Грузию, чтобы не оставить ее «во владении и законе басурманской власти»⁹².

«Басурманская власть» не без основания проявляла в отношении Вахтанга величайшую подозрительность. Не будучи уверена в прочности своих позиций в Восточном Закавказье, Турция зорко следила за тем, чтобы Россия с помощью Вах-

⁸² АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 1, 1731, лл. 7—8 об.

⁸³ Там же, лл. 11—12 об.

⁸⁴ «Выписка краткая о прошениях грузинского народа», 1734, — АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 9, 1734, лл. 1—2.

⁸⁵ Постановление Верховного тайного совета, 1730 г., — АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 1, 1730, лл. 5—6.

⁸⁶ Там же, ч. 2, 1725, лл. 428—431.

⁸⁷ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 37, 1724—1726, ч. 2, лл. 229 об. — 230.

⁸⁸ АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», д. 1, 1730, л. 1.

⁸² ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 38, 1726, лл. 3 об. — 4 об.

⁸³ «Переписка грузинских царей с российскими государями», стр. СXXXIII.

⁸⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 10, 1735, л. 2—2 об.

⁸⁵ «Переписка грузинских царей с российскими государями», стр. 161—162.

ду»³, — писала Екатерина II генерал-прокурору Вяземскому. Императрица повелела прекратить печатание газетных объявлений о поимке беглых крестьян в Кавказской губернии, приглашавших помещиков для их приема. «Это сделать может бунт в тамошнем краю»⁴, — указывала Екатерина II.

Эта мысль о «грозящей беде», сознание непрочности положения дворянства были новыми моментами в истории России XVIII в.

Проводя политику «просвещенного абсолютизма», обусловленную определенной расстановкой классовых сил, самодержавие опиралось главным образом на массы среднего дворянства, которое оно наделяло поместьями и выдвигало на государственные должности. Среднее дворянство и вышедшие из его рядов «екатерининские вельможи» играли главную роль на поприще государственной деятельности. Коренная аристократия отошла на тыловые позиции, затаив недовольство и протест против «выскочек». Это углубление трещины в дворянских рядах, трещины, появившейся еще в первых десятилетиях XVIII в., было особенно характерным для его последних десятилетий. Определенные круги, например, недоброжелательно относились к Г. А. Потемкину, фактически руководившему делами государства и его политикой в 80-х годах XVIII в.

Дворянство, освобожденное указом Петра III (1762 г.) от обязательной военной службы, начало выделять из своей среды, именно из среды менее обеспеченного, среднего дворянства, предпринимателей, стало расширять свои владения. Дворянские предприниматели деятельно участвовали в колонизации южных окраин России в 60—80-х годах.

Важным показателем нового явилось обострение отношений между дворянством и купечеством. Удельный вес купцов и промышленников в народнохозяйственной жизни России во второй половине XVIII в. заметно повысился, и дворянское государство было вынуждено считаться с их экономическими и политическими притязаниями. Об этом, в частности, свидетельствует Жалованная грамота городам (1785 г.). Наряду с предпринимателями-дворянами купцы и промышленники деятельно участвовали своими капиталами в колонизации Северного Причерноморья.

Сюда же, на южные окраины империи, устремлялись и крестьяне в надежде найти избавление от помещичьего и полицейского гнета.

³ Г. Макогоненко, *Николай Новиков и русское просвещение XVIII века*, М., 1952, стр. 66.

⁴ А. В. Храповицкий, *Дневник с 18 января 1782 г. — по 17 сентября 1793 года*, М., 1901, стр. 125.

Активное и в значительной степени добровольное участие народных масс в хозяйственном освоении юга России было новым и знаменательным явлением в стране помещичьего произвола и народного бесправия, где крепостнические порядки душили всякую инициативу. Оно было знаменательным и потому, что без него не были бы столь успешны быстрое заселение южных окраин России в 80-х годах XVIII в., поразительный рост здесь новых городов, сел, строительство гаваней, портов, создание флота. Чтобы признать правильность этого утверждения, следует только сопоставить результаты хозяйственного освоения юга России в 70—80-х годах с теми трудностями, какие оно представляло в ту далекую эпоху при полном отсутствии сколько-нибудь удобных путей сообщения, рабочей силы, а нередко и строительных материалов. Этот в значительной мере самостоятельный характер экономического освоения южных окраин резко отличался от хозяйственного строительства эпохи Петра I, сопровождавшегося мерами правительственного принуждения.

Об успехах новой созидательной деятельности свидетельствовали современники. Вот что писал, например, императрице в 1792 г. Н. С. Мордвинов (кстати сказать, не относившийся к числу доброжелателей Г. А. Потемкина) о строительстве города Николаева: «Город Николаев, хотя еще и в начале своем, но занимая нарочитое пространство, является ныне селением уже знаменитым. Главнейшие публичные строения уже сооружены, а другие оканчиваются. Многие партикулярные дома своими размерами и архитектурой украшают оный». Построены навесы от солнца, колодцы, водометы из белого тесаного камня. Реки Ингул и Буг, сливаясь, удобны для судов и т. д.

Описывает Н. С. Мордвинов и другие места, в частности новое село Богоявленское на Буге. В этом селе — каменные дома, сады, оранжереи, домики для офицеров, солдатский госпиталь из трех корпусов по семь палат в каждом; начата постройка земледельческого училища. Земля обрабатывалась по последним правилам механизации. Н. С. Мордвинов обратил внимание и на Херсон, в особенности на литейный завод предпринимателя Струговщикова. Этот завод, по словам Мордвинова, устроен «с великим искусством... механические силы расположены с великой простотой и хозяйством»; на нем можно было изготавливать ежемесячно от 20 до 25 осадных пушек⁵.

Сооруженная в Екатеринославе фабрика также отличалась высоким качеством выпускаемых ею шерстяных изделий. В. С. Попов, ближайший помощник Г. А. Потемкина, однаж-

⁵ «Архив графов Мордвиновых», т. I, СПб., 1901, стр. 278—282.

ды просил Н. С. Мордвинова прислать образцы разных «флагуков» и цену их, чтобы по этим образцам самим сделать и доставить вовремя. «А на фабрике екатеринославской, — писал он (в январе 1788 г.), — делаются не хуже аглицких»⁶.

Самый принцип свободного устройства фабрик и заводов частными лицами был уже знаменательным явлением в хозяйственной жизни закрепощенной России. Ордером астраханскому губернатору Якобию от 1 апреля 1780 г. Г. А. Потемкин напомнил, что согласно указу Екатерины II частные фабрики и мануфактуры следует считать как «собственное имение», которым владельцы вольны распоряжаться по своему усмотрению. Учреждать фабрики могут все также свободно, не спрашивая ни у кого разрешения⁷.

Новым явлением была и конкуренция частных фабрик. Об этом свидетельствовало, например, ходатайство князя Хованского перед Г. А. Потемкиным о закреплении за ним прав на поставку определенного количества сукна для армии. Он разорялся, так как не мог вынести конкуренции «по неограниченному числу размножения фабрик». Фабрика Хованского была одним из крупнейших суконных предприятий на юге, с технически усовершенствованным оборудованием⁸.

Вследствие роста производительных сил огромной и исключительно богатой естественными ресурсами страны процесс социально-экономической жизни там во второй половине XVIII в. все усложнялся. Новые требования жизни расшатывали основы феодально-крепостнического строя и влияли на политику правительства. Это особенно ярко проявилось в общественных отношениях последних десятилетий XVIII в. Наряду с распространением феодализма вширь и вглубь возникали явления, требовавшие ослабления крепостничества, развития свободных отношений. Об этом свидетельствовал, в частности, знаменитый указ Екатерины II от 3 мая 1783 г. о порядке сбора податей в ряде губерний. Указ прикреплял плательщиков податей к месту их жительства в наместничествах Киевском, Черниговском и Новгород-Северском «для известного и верного получения казенных доходов» и «в отвращение всяких побегов к отягощению помещиков и остающихся в селениях обитателей»⁹. Но закрепив сельского обитателя трех наместничеств, этот же указ вывел из крепостного состояния часть городского населения, которое, по словам указа, имелось «во всех почти малороссийских городах». Указ исходил из принципа: города

⁶ Там же, стр. 421. «Флагуков» (флагух) — особый род шерстяной материи.

⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 226, ч. 1, л. 155.

⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 41, ч. 2, лл. 37—38.

⁹ ПСЗ, т. XXI, ст. 4, § 8, стр. 907—911.

должны состоять из свободных жителей и должны быть очищены «от всего им несвойственного»¹⁰.

После издания 27 декабря 1783 г. манифеста о даровании вольности всем попавшим в разряд крепостного населения в России иностранцам потребовали освобождения и многочисленные дворовые грузинских князей, проживавших в России. Г. А. Потемкин в донесении императрице от 16 декабря 1785 г. испрашивал повеления на этот счет: освободить ли «грузинских рабов» или «грузинское дворянство при своих правах остаться имеет»¹¹.

Противоречила политике закрепощения и выдвинутая ходом исторического развития потребность в заселении причерноморских и прикавказских окраин свободными людьми. Эта потребность в вольных поселениях, вызывавшаяся нуждами обороны государственных границ и хозяйственного освоения вновь занятого края, — явление выдающееся в истории социально-экономических отношений в России второй половины XVIII в.

С одной стороны, укрепляя свой трон, царское правительство закрепощало крестьян, с другой, в силу указанных причин оно было вынуждено покровительствовать свободным поселениям и заселению границ вольными казаками. Именно из таких принципов исходила колонизационная политика царского правительства в 80-х годах.

В этом отношении чрезвычайно интересна переписка Г. А. Потемкина со своим помощником по организации казачьих войск, полковником, впоследствии атаманом, Платовым. Войска составлялись из выкупленных казной у помещиков крепостных. Потемкин предписывал Платову (19 декабря 1787 г.) разъяснять крестьянам, «сколь они счастливы в новом своем положении, не будучи уже больше подвержены перемене помещиков, где иногда попадают и дурные, что им открыт путь службой достигать чинов, доставляющих права и преимущества дворянства»¹².

По мнению Потемкина, свободное население на окраинах лучше обеспечивало охрану границ, чем крепостное. Он критиковал солдатчину и войска, набранные из рекрутов, и ставил казачьи войска несравненно выше, так как они составлялись из свободных и бодрых людей. Потемкин писал Платову (9 мая 1788 г.), что казаки не похожи на новые войска, «кои сидят как клуши и прежде смерти уже окостенели; они уже приобрели осанку, приличную рыцарям. Объясните им все сие»¹³.

¹⁰ Там же, § 12.

¹¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 72, л. 178 об.

¹² ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 90, лл. 18 об. — 19.

¹³ Там же, л. 22 об.

В докладной записке от 3 января 1788 г. Потемкин просил у Екатерины разрешения на покупку помещичьих селений в Херсонской и Екатеринославской губерниях. Он считал, что в свободные слободы будет приходить больше народу, чем к помещикам, что полезно как для настоящего, так и для будущего. Кроме того, теперь помещики продадут дешевле¹⁴. Эти селения были куплены казной, в том числе и поместья самого Потемкина. По-видимому, скупленные земли состояли из участков, раздававшихся русским дворянам после присоединения Украины, а затем и Крыма.

Правитель Екатеринославского наместничества генерал Синельников, деятельно помогавший Потемкину в колонизации края, проектировал купить крепостных у харьковских и воронежских помещиков и поселить их в степях Новороссии на правах казенных крестьян¹⁵. Был ли приведен в исполнение этот проект — неизвестно, но знаменательно то, что такой проект появился.

В делах Потемкинского архива сохранился один в высшей степени интересный документ: жалоба, принесенная в 1788 г. полтавскими дворянами Потемкину на то, что «многие» из их деревень записаны казенными¹⁶. Приказы Потемкина о колонизации окраин свободными людьми приводились в исполнение, по-видимому, с немалым рвением.

В следующем году Потемкин просил разрешения скупить крепостных у однодворцев Тульской и Курской губерний, которых насчитывалось не менее 10 тыс.¹⁷. Ими была заселена значительная часть государственных слобод Екатеринославской губернии.

7 января 1787 г. Г. А. Потемкин приказал атаману Донского войска Иловайскому записать в казаки 690 монастырских крестьян области войска Донского, так как по закону монастыри лишены права владеть крестьянами¹⁸. Как известно, монастырские крестьяне были освобождены указом Петра III о секуляризации церковных земель (1762 г.), а в левобережной Украине — указом Екатерины II (1786 г.). Из бывших монастырских крепостных, перешедших в разряд «экономических», было зачислено в военные поселенцы 97 738 человек¹⁹.

В докладной записке от 10 августа 1785 г.²⁰ Г. А. Потемкин, перечисляя способы заселения пустующих земель, упоминал о том, что Синод отдает ему «заштатных дьячков». Он

предполагал устроить их на положении «военных поселян», признавая за этим мероприятием двойную пользу: хлебопашцы, бывшие дьячки, будут одновременно и милицией, которая «вся обратится в регулярные казацкие сотни». В ордере правителю Таврической области Каховскому от 19 апреля 1787 г. давалось распоряжение выделить в Таврической области выгодные уголья для поселения «заштатных церковников»²¹ из разных губерний, всего 4 тыс. человек.

Использовал Г. А. Потемкин и старообрядцев. По его ходатайству старообрядцам Причерноморья была дана свобода вероисповедания и старообрядческие слободы на правой стороне Днепра также были привлечены к защите границ. Особое воззвание Потемкина приглашало их записываться в казаки, обещая за это не только свободу веры, но и выборное управление и разные правовые и имущественные льготы²².

По указу 1781 г. велено было переселить в Новороссию до 20 тыс. экономических крестьян.

Вновь присоединенная по Ясскому миру (1791 г.) территория между Бугом и Днестром была заселена вольным элементом из-за границы. Еще при Потемкине эта территория стала усиленно заселяться армянами при содействии армянского деятеля, архиепископа Иосифа Аргутинского. Предполагалось основать здесь армянский центр — город Григорьевск. 4 тыс. армян переселились на Буг²³. Всего же переселенцев из-за границы (армян, молдаван, черногорцев) насчитывалось 10 731. Черногорцы завели селения по Днестру. Как лучшим воинам, им была поручена охрана границы. На новой территории были поселены и казаки во главе с кошевым атаманом Чапегой. Здесь же было отведено несколько тысяч десятин и самому Потемкину и лицам его свиты.

Опытных, искусных мастеровых: плотников, столяров и всякого рода ремесленников — добывали нередко покупкой у помещиков. Так, для строительства в Николаеве были куплены у князя Мещерского ярославские каменщики²⁴.

Нужды обороны требовали укрепления пограничных линий и заселения их вольными казаками; нужды обширного строительства, развернувшегося на юге России, требовали труда вольных людей.

В 1777—1780 гг. была организована, по приказу Г. А. Потемкина, новая пограничная линия от Моздока до устья Дона, преградившая кубанскую степь. Сомкнувшись у Моздока с прежней линией, она образовала так называемую Кавказскую линию. Это была сплошная, от Азовского до Каспийского мо-

¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2376, л. 141—141 об.

¹⁵ В. А. Голобуцкий, *Черноморское казачество*, Киев, 1956, стр. 127.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 131, лл. 61—62.

¹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2417, лл. 378—379.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 461, ч. 1, л. 18 об.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 16, л. 128—128 об.

²⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 72, лл. 148—149.

²¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 461, ч. 1, л. 442—442 об.

²² ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 90, лл. 25 об. — 26 об.

²³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 93, л. 54.

²⁴ В. А. Голобуцкий, *Черноморское казачество*, стр. 127.

ря, укрепленная пограничная полоса, заселенная вольными казаками как более надежными в охране государственных границ.

Статистика вольного населения неполна. По материалам, сохранившимся в архиве Г. А. Потемкина, оно исчислялось сотнями тысяч человек. Однако наряду с этим на Северном Кавказе, Украине и в Белоруссии происходило массовое распределение земельных фондов среди новых русских помещиков, насаждавших здесь хозяйства на основе крепостного труда. Дворянское государство проводило политику, направленную на укрепление феодальной собственности. Этим оно задерживало развитие капиталистических элементов в экономике страны. Разложение феодальных отношений затянулось на десятки лет. И все же кризис феодально-крепостнической системы неумолимо приближался — многие явления социально-экономической жизни России свидетельствовали об этом. Препятствовать ему дороге уже не было возможности.

Новые времена выдвигали новых деятелей. Румянцев, Панин, Потемкин, Суворов, Репнин, Кутузов и другие более широко и смело ставили и решали задачи внешней политики России во имя «государственного интереса». Этот «государственный интерес в конечном счете есть интерес господствующего класса в целом. Но он изображался в качестве общего блага»²⁵.

2. Положение в Закавказье в связи с кризисом в Иране конца 70-х годов

После Кючук-Кайнарджийского мира тон русского правительства в переговорах по восточным делам стал более твердым. В 1775 г. Турции «по дружбе» было дано понять, что она не имеет права вмешиваться в дела дербентского хана, так как Дербент — иранский город²⁶. Эта позиция должна была неминуемо привести к новому обострению русско-турецких отношений, ибо султанское правительство относительно своих прав на Закавказье оставалось при прежнем мнении.

Ирано-турецкие противоречия, несколько смягченные в период русско-турецкой войны, во второй половине 70-х годов вновь обострились. Главной причиной этого был вопрос о выдаче многих тысяч иранских беженцев, укрывшихся от тирании Надир-шаха в Багдаде. В конце августа 1775 г. персид-

ские войска взяли Басру и осадили Багдад²⁷. В 1776 г. происходили неудачные для турок сражения у Карса и Вана, у Эрзурума волновались курды. В Константинополе опасались захвата персами Мекки. По настоянию муфтия летом 1777 г. турецкое правительство приняло решение готовиться к войне²⁸. Но война не была объявлена: Керим-хан умер (в 1779 г.). Его брат Садык, взявший Басру и управлявший ею уже три года, возвратил город с крепостью туркам. В этом примирении (как до того и в разрыве) играла известную роль фактория Ост-индской компании в Басре.

В период неприязненных отношений с Ираном османское правительство пыталось использовать против него как стремление азербайджанских ханов к сепаратизму, так и противоречия между Ираном и Восточной Грузией. Ереванскому, хойскому и тебризскому ханам были посланы собольи шубы, червонцы и другие ценные подарки в обмен на аманатов. В этом ханы справедливо усмотрели попытку к подчинению их и от подарков отказались²⁹.

Не удалось Турции использовать в своих интересах и царя Ираклия. После Кючук-Кайнарджийского мира отношения Картли-Кахетии с Ираном продолжали обостряться. Керим-хан боялся усиления Ираклия, так же как и укрепления позиций России в Закавказье. Недовольство вызывалось и политикой Ираклия в Азербайджане. Керим-хан избегал, однако, войны с Грузией, слухи о которой постоянно распространялись.

Чтобы устроить Иран и иметь не только свободные руки в Азербайджане, но и гарантию от противодействия Турции, Ираклий II решил использовать обострение вражды между Ираном и Турцией для установления дружественных отношений с султаном. О склонности турецкого правительства к такой «дружбе» свидетельствовали подарки, доставлявшиеся от турок Ираклию. Летом 1776 г. уполномоченный Ираклия князь «Джоржи» (Гурген Ениколопашвили) прибыл с многочисленной свитой в Константинополь и был встречен с большим почетом. Обрато он уехал 20 января следующего года в сопровождении турецкого чиновника, нагруженного ценными подарками.

Сохранилось интересное описание путешествия этого посольства и его приемов в Ахалцихе и Тбилиси. 17 августа еще более

²⁷ АВПР, ф. «Константинопольское посольство», д. 615, 1775, л. 155. По реляции А. С. Стахива от 19 июня 1776 г. Басра капитулировала 5/16 апреля 1776 г. (АВПР, ф. «Константинопольское посольство», д. 675, 1776, л. 84).

²⁸ АВПР, ф. «Константинопольское посольство», д. 726, 1777, л. 175.

²⁹ АВПР, ф. «Константинопольское посольство», д. 727, 1777, лл. 205—205 об., 206—207 об.; АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 481, 1776—1784, л. 73.

²⁵ «История дипломатии», т. I, М., 1959, стр. 236.

²⁶ Рескрипт Екатерины II чрезвычайному послу в Константинополе Н. В. Репнину, 2 сентября 1775 г., — АВПР, ф. «Константинопольское посольство», д. 611/159, 1775—1776, л. 18.

многочисленное грузинское посольство вновь появилось в Константинополе³⁰.

К сожалению, мы не располагаем текстом грузино-турецкого договора 1776 г. На основании этого договора турецкое правительство, считая царя Ираклия вассалом султана, отказалось признать Георгиевский договор 1783 г. о протекторате России над Восточной Грузией. По заявлению вице-канцлера Остермана и А. А. Безбородко, Порта придавала договору 1776 г. «верховную важность» и ставила непреодолимые препятствия при обсуждении пункта о Грузии во время мирных переговоров 1788 г.³¹

Сам царь Ираклий «верховой важности» своему договору с Турцией, как видно, не придавал, и поэтому Турция не смогла извлечь из договора ту пользу, на которую она рассчитывала, а именно: отвлечь Грузию от России. Договор не повлиял на самостоятельный образ действий Ираклия. Когда знаменитый и сильный Джаныкли Али-паша трапезундский, назначенный командовать войсками на ирано-турецкой границе на севере, попытался провести вызванных им лезгин через владения царя Ираклия, он встретил категорический отказ и предупреждение, что царь «не дозволит ни под каким видом и никакому войску чрез свои области проходить»³². Отряд лезгин, попытавшийся пройти без разрешения, был разбит и прогнан. А. С. Стахивев отмечал, что турки предпочли этот факт замалчивать. Не получили разрешения на проход через владения Ираклия и двое турецких пашей, направлявшихся с войском против Керим-хана³³. Царю Ираклию договор принес ту пользу, что он вместе с Ибрагим-ханом карабахским смог овладеть Ереваном, не встретив сопротивления турецких пашей.

Что касается ирано-грузинских отношений, то сближение Каргли-Кахетии с Турцией не могло не сказаться на них отрицательно. В 1778 г. Керим-хан напомнил Ираклию о его вассальных отношениях и потребовал возобновления выплаты дани. Он уже готовился к походу на Грузию в союзе с дагестанскими феодалами, собрал войска, но смерть, наступившая его в начале следующего года, оборвала эти планы³⁴.

Турецкое правительство и при жизни Керим-хана постоянно следило за положением в Азербайджане и Дагестане. Об этом свидетельствует, например, его запрос по поводу экспе-

³⁰ Записка А. С. Стахивева о константинопольских происшествиях, 20 августа 1777 г., — АВПР, ф. «Константинопольское посольство», д. 726, 1777, л. 290.

³¹ «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 1, стлб. 645.

³² АВПР, ф. «Константинопольское посольство», д. 727, 1777, л. 205.

³³ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 481, 1776—1784, л. 70 об.

³⁴ АКАК, т. 1, 1866, стр. 91; АВПР, ф. «Сношения России с Персией», д. 477, 1755—1791, лл. 269 об. — 270.

диции русских войск в Дагестан в 1775 г.³⁵. Командующий русскими войсками на Кавказе генерал-поручик Медем оказал во время этой экспедиции военную помощь Фатали-хану в его войне с дагестанскими феодалами. Спасенный от окончательного разгрома и потери Дербента Фатали-хан отправил в Петербург депутацию с ключами Дербента, которые он подносил императрице в знак «подданства»³⁶. Вслед за тем Медем сообщил о желании и шамхала тарковского вступить под российское покровительство. Тогда же Н. И. Панин получил письмо от царя Ираклия о желательности войны в Дагестане и о радости народов Закавказья, вызванной приходом русских войск³⁷.

В ответ на все это русское правительство в июле 1775 г. вынесло постановление: запретить графу Медему вмешательство в дела горцев, но Фатали-хана «обнадежить покровительством»³⁸. В августе Совет при императрице постановил успокоить Порту³⁹. В сентябре императрица предписала Г. А. Потемкину: «Чтоб со славою поправить усердный, но неосторожный и хлопотливый поступок Демедема, надлежит возратить ключи Дербента и восстановить Фет-Али-хана»⁴⁰. В ответе Фатали-хану указывалось, что, соблюдая договоры, заключенные с соседними державами, российское правительство не может помочь хану стать независимым и советует ему искать помощи от обидчиков в Иране, от которого хан зависит⁴¹.

До окончательного разрешения крымского вопроса Россия старалась не возбуждать подозрительности и недовольства Турции; русские дипломаты делали вид, что кавказские дела их мало интересуют. Между тем сразу же после заключения Кючук-Кайнарджийского мира в истории восточной политики России начался подготовительный период для окончательного решения крымского и закавказского вопросов. Огромное зна-

³⁵ Одним из поводов для нее было желание наказать уцмю кайтагского за гибель в 1774 г. профессора Гмелина, ботанические экспедиции которого были связаны с изучением политической обстановки в прикаспийских владениях Азербайджана и Дагестана.

³⁶ «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 2, стлб. 787.

В 70-х годах против Фатали-хана, боровшегося за Шемаху, выступали ханы ширванский и шекинский в союзе с аварским Нуцал-ханом. Сыновья Нуцал-хана, а потом и он сам в этой борьбе погибли. Фатали-хан занял Шемаху. Его усиление повело за собой выступление против него коалиции, состоявшей из кайтагского уцмю Амир-Гамзы, казыкумухского Мухаммед-хана, табасаранского майсума и других дагестанских феодалов. В июле 1774 г. в Гавдушанской битве Фатали-хан был разбит и бежал в Сальяны, победители же осадили Дербент. Девятимесячная осада была снята после прибытия вышеупомянутой русской помощи.

³⁷ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 268—269.

³⁸ «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 2, стлб. 782.

³⁹ «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 1, стлб. 317—318.

⁴⁰ Сб. РИО, т. 42, 1885, стр. 401.

⁴¹ «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 2, стлб. 788—789.

чение в связи с этим имела позиция Австрии и Ирана. На заседании Совета при императрице 20 апреля 1775 г. было постановлено прибавить в инструкцию чрезвычайному послу Н. В. Репнину, который должен был отправиться в Константинополь для обмена ратификационными грамотами, такую директиву: «Старался бы при случае внушать Порте, сколь полезнее для нее оставить Персию в нынешнем ее слабом состоянии и не доводить раздражениями своими до соединения, а обратить, напротив того, все внимание на австрийцев»⁴². «Соединение» затруднило бы не только Турцию, но и Россию.

Командующий русскими войсками на Кавказе Медем был в отчаянном положении: он не получал ни денег, ни указаний, какой линии держаться в отношении дагестанских и азербайджанских владетелей. Между тем обстановка стала усложняться. 20 августа Медем писал Г. А. Потемкину, что положение может стать серьезным: ожидаемая смерть Керим-хана неизбежно вызовет обострение междоусобной войны. У него же нет средств ни для защиты, ни для наступления. Он жаловался на беспокойство, грабежи, воровство и убийства, принимаемые чеченцами, «а делать с ними ничего не приказывают, а только обходиться ласково, но на сие последнее ни на строгостью из уст выпускаемое не смотрят». «А о кабардинцах, — писал Медем, — я уже и не упоминаю, ибо сии народы здешней стороны злодеи, и никакой о них надежды нет, ибо ласковость их приводит ни во что, потому что знают — ничего с ними не могу делать, а монархиня милосердна, она никогда не изволит их шевелить... обратите мысли на сей весьма нужный край и на величество⁴³ в горах в соседстве пребывающего народа и не доведите меня до несчастной судьбины»⁴⁴.

Вместо денег и помощи Медем получил из Петербурга выговор за предпринятое им новое движение под Дербент. Выступление оказалось неудачным. Г. А. Потемкин писал императрице (ноябрь 1775 г.), что Медем под Дербентом окружен войсками уцмия кайтагского и других владетелей и что на подкрепление ему отправлена из Астрахани легкая полевая команда. В этом месте Екатерина II пометила на полях доклада: «Чорт велел к Дербенту идти», а немного ниже приписала: «Советую возвратить: его превосходительства кратчайшее дурачество из дурачеств есть лучшее»⁴⁵.

Позже, по поводу случившегося в 1776 г. инцидента с разграблением потерпевшего аварию судна, принадлежавшего астраханскому купцу Соколову, Медем получил жесточайший

⁴² «Архив Государственного Совета», т. 1, ч. 1, стлб. 306.

⁴³ То есть многочисленность.

⁴⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 131, лл. 4—5 об.

⁴⁵ Сб. РИО, т. 27, 1880, стр. 59—60.

выговор за то, что вместо примирения враждующих ханов продолжал «присвоение к нашей державе совсем ненужного для нас города Дербента», и за то, что для отобрания похищенных товаров действовал оружием «в местах, к Персии принадлежащих» и в такое время, когда с Портой был установлен мир и «многие с нею дела еще не совершенно окончены остаются»⁴⁶. Под «присвоением» Дербента имелось в виду пребывание там, по просьбе Фатали-хана, небольшой воинской команды. Когда же приблизилось «совершенное окончание дел» с Портой, т. е. присоединение Крыма, политика «невнимания» к прикаспийским провинциям и Закавказью сменилась активным и нескрываемым интересом. В 80-х годах голос русских дипломатов в восточных делах еще более окреп.

3. Цели и методы закавказской политики России в 80-х годах. Роль Г. А. Потемкина

В период 80-х годов интерес русского правительства к Закавказью выразился в целой системе действий на основании заранее разработанной программы. 1782 год — год решительных мероприятий по присоединению Крыма⁴⁷ — ознаменовался и началом столь же решительной политики в Закавказье. Русское правительство стало уделять Закавказью усиленное внимание.

Сношения с азербайджанскими ханами и владетелями Восточной и Западной Грузии были поручены Г. А. Потемкину, что свидетельствовало об их исключительной важности в глазах правительства. Командующим на Кавказской линии был назначен генерал-поручик П. С. Потемкин, троюродный брат Г. А. Потемкина, ставший его ближайшим помощником и доверенным лицом в сношениях с Кавказом⁴⁸. 4 ноября 1782 г. П. С. Потемкин прибыл в свою штаб-квартиру в Георгиевске на Северном Кавказе. Его основная задача (поставленная ука-

⁴⁶ АВПр, ф. «Сношения России с Персией», д. 478, 1776—1777, л. 296.

⁴⁷ Весной 1782 г. в Крыму произошло восстание и ставленник России хан Шагин Гирей бежал.

⁴⁸ По окончании Московского университета П. С. Потемкин поступил на военную службу в Казани. Это был образованный человек, известный в литературных кругах; он писал драмы в стихах. Перевел и издал основные произведения Ж.-Ж. Руссо, среди них и «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей» (1770 г.). Далее он возглавлял комиссию, производившую расследование причин крестьянского восстания начала 70-х годов. Результатом пребывания П. С. Потемкина на Кавказской линии явилось «Описание кавказских горцев». Об этой работе см.: Е. Г. Вейденбаум, *Кавказские этюды*, Тифлис, 1901, стр. 215; М. О. Косвен, *Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке*, — «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955, стр. 282.

зом Г. А. Потемкина от 6 сентября 1782 г.) заключалась в том, чтобы прежде всего установить связи с царем Ираклием и армянами: «Частые, под разными предлогами, иметь с ним сношения и поставить себя в знакомство, через что и приготовить для видов и предприятий впредь назначаемых»⁴⁹.

Проектируя занятие Крыма, Г. А. Потемкин намечал одновременно начать действия и в Закавказье, с тем чтобы отвлечь внимание Турции в сторону Ирана. Предполагалось открыть военные действия на Кубани, побережье Каспийского моря и направить их внутрь Ирана при участии смещенного крымского хана и дружественных России народов Закавказья. «Корпус Новолинейный, который может назваться Кавказским, — писал Потемкин в докладной записке осенью 1782 г., — из первых начнет действовать к стороне Персии. Он займет Дербент, подкрепит Ираклия и армян, проложит дорогу ко введению Шагин Гирея на шахство и будет главной и самой опаснейшей для турок диверсией. Действие сего же будет зависеть от разрыва с турками»⁵⁰. Совершенно очевидно, что это делалось с целью облегчить осуществление планов в отношении Крыма. В рескрипте Екатерины II Г. А. Потемкину (сентябрь 1782 г.) недвусмысленно указывалось: в случае открытия турками военных действий на европейской стороне «для диверсии им, а паче к нанесению неожиданного им удара, повелеваем иметь достаточное число войск наготове в провинциях персидских, лежащих на берегу Каспийского моря и принадлежавших прежде России, откуда по способности обратить оные можно будет чрез Грузию на турецкие в Азии границы»⁵¹.

О том, что кавказская политика России первоначально была подчинена крымскому вопросу, свидетельствует и рескрипт Екатерины II Г. А. Потемкину (8 апреля 1783 г.) по поводу присоединения Крыма. Верховная власть исходила из единства интересов Крыма и Кавказа. Крымские и кавказские дела были объединены в рескрипте не случайно. В нем повторялись мысли, уже высказанные Г. А. Потемкиным в вышеупомянутой записке: занять Дербент, подкрепить царя Ираклия и армян, утвердив независимость их областей, из которых составить прочную для России «барьеру»; содействовать Шагин Гирею в достижении шахской власти; в случае войны с турками производить вместе с грузинами и армянами, «побуждаемыми к восприятию оружия надеждою свободы и вольности», «чувствительную диверсию в турецких областях»⁵².

В ордере, данном 6 апреля П. С. Потемкину, Г. А. Потемкин выделяет ту часть программы, которая касалась Восточной Грузии и вопроса о восстановлении Армянского царства. «Из присланных вам наставлений, — писал Г. А. Потемкин, — вы узнаете, как тесно утвердить должно связь с царем Ираклием. Приобретя его доверенность, несомненно, вы управлять им будете. Шушинского Ибрагим-хана свергнуть должно, ибо после сего Карабаг составит армянскую независимую, кроме России, никому область»⁵³. П. С. Потемкину писал и член Коллегии иностранных дел А. А. Безбородко (10 апреля 1783 г.): «Никто не сомневается, что от стороны вашей ожидать будет надобно не только распространения нашей силы к стороне Персии, но даже, в случае войны, и самой сильной диверсии туркам»⁵⁴.

Эта мысль о «диверсии» в сторону Ирана и Турции была оставлена после признания Турцией присоединения Крыма к России (конвенция от 8 января 1784 г.). Теперь, наоборот, все усилия русской дипломатии были направлены на то, чтобы удержать турок на мирных позициях, избежать войны. Задачей кавказской политики России 80-х годов стало наилучшее обеспечение новых государственных границ, которые не должны были соприкасаться с границами Турции. «Мы займем только по Баку, Армения же Персидская, состоящая из Карабага и Карадага, и царство Ираклиевое примкнет к Турецкой Армении»⁵⁵, — сообщал в 1783 г. Г. А. Потемкин А. А. Безбородко. Последний же со своей стороны писал послу Булгакову: «Все виды наши состоят там в лучшем обеспечении и натуральном назначении границ наших от Персии, в доставлении выгодной и безопасной торговли для России и в охранении доброжелателей наших (т. е. народов Закавказья. — О. М.) от разорений, каковым подвергают их безначалие и междоусобие, в Персии продолжающиеся. Когда Порты станут на то взирать равнодушно и спокойно, то на весьма долгое время останемся мы в дружбе и согласии»⁵⁶. 16 июня 1783 г. Г. А. Потемкин потребовал от командующего на Кавказской линии дать «верные сведения» о народах, проживающих в Закавказье и по берегам Каспийского моря. «Все сие, — указывал он, — необходимо мне надобно для будущих о границах наших предположений, дабы утвердить оные с надежнейшей точностью и в полную навсегда безопасность»⁵⁷.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 52, оп. 3/203, л. 90, л. 8.

⁵⁰ «Русский архив», 1879, кн. 2, стр. 429.

⁵¹ Цит. по кн.: А. Р. Иоаннисян, *Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия*, Ереван, 1947, стр. 68.

⁵² Сб. РИО, т. 26, 1879, стр. 452.

⁵³ Цит. по кн.: А. Р. Иоаннисян, *Россия и армянское освободительное движение...*, стр. 79.

Стремясь создать барьер в Закавказье, русская дипломатия 80-х годов выдвигала задачу объединения грузинских владений под протекторатом России и поддерживала идею армянских патриотов о восстановлении Армянского царства в Восточной Армении, высвободив ее из-под власти Ирана.

Установление мира и заключение союза между Восточной и Западной Грузией, между Ираклием II и Соломоном I, было одной из важнейших целей русской дипломатии. Представителю России при грузинских царях С. Д. Бурнашеву 25 мая 1783 г. было поручено «склонять их к мирному положению и союзу и стараться загладить давно впечатленную в них вражду, соглашая их»⁵⁸. Об этом П. С. Потемкин и сам писал тогда же Соломону I и Ираклию II⁵⁹.

Не столь ясно и определенно, но все же была поставлена и задача создания из кавказского Азербайджана нового владения под протекторатом России, под древним названием Албании. Планы этого устройства остались, однако, не разработанными.

О дальнейшем стремлении к «миролюбному устройству» Кавказского края с целью организации барьера свидетельствует составленное Потемкиным в 1786 г. и утвержденное императрицей «Положение о горских народах» и проект организации «земского войска» из горцев⁶⁰.

Оба эти документа основывались на принципе благожелательного отношения к народам, на том, что в управлении народами следует руководствоваться благом самих горцев. Этим благом авторы считали, во-первых, военное государство, созданное из горских народов и открывающее им путь «к славе, чести и почестям», а, во-вторых, избавление горцев от земельной тесноты путем предоставления им земель для поселений на Кавказской линии. Иными словами, с точки зрения царского правительства, благо кавказских народов заключалось в их слиянии с империей.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 80 об. Полковник Степан Данилович Бурнашев в мае 1783 г. выехал из Моздока в Тбилиси в звании «комиссионера» при царях Ираклии II и Соломоне I, имея задание укрепить не только границы Грузии, но и мир между царями. Он должен был добиться, чтобы и Соломон последовал примеру царя Ираклия — просил о покровительстве России.

Многочисленные донесения Бурнашева и составленные им описания («Картина Грузии или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского», Курск, 1783; изд. 2-е, Тифлис, 1896; «Описание областей Азербайджанских в Персии и их политического состояния», Курск, 1793; «Описание горских народов», Курск, 1794) представляют собой доброкачественный источник для ознакомления с политической обстановкой в Закавказье, отчасти же и с его экономическим положением в 80-х годах.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, лл. 67—69 об.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, лл. 173—176; ПСЗ, т. XXII, 1830, № 16432; об. РИО, т. 27, 1880, стр. 374—376.

«Положение о горских народах» явилось ответом на недовольство горцев царским правительством. «Положение, какое сделано о горских народах, — писал Г. А. Потемкин генерал-поручику П. С. Потемкину 19 октября 1786 г., — подает случай привести все в порядок и согласие, если при сем будет поступаемо гладко или, лучше сказать, без презренья, которое препятствует успеху дела... Привлечение и других — это должность ваша, и на то вам даны предписания»⁶¹.

Укреплять позиции России, пробуждая симпатии к ней населения, — этот метод практиковался Г. А. Потемкиным постоянно. В Закавказье «прочная барьера» создавалась при помощи дипломатии. «Не допускайте своевольству начинаться в той земле, где должно ловить сердца и привязывать к себе»⁶², — так сформулированы задачи этой дипломатии в одном из писем П. С. Потемкина к полковнику Бурнашеву.

Но как бы ни были гуманны потемкинские директивы, они были далеки от практики начальствовавших над горцами русских командиров. Тот же князь Г. А. Потемкин в обстоятельствах военного времени сам прибегал к натравливанию одной народности на другую с целью их ослабления и отвлечения от борьбы против царских войск. Когда, например, ранней осенью 1790 г. турецкая армия Баттал-паши начала наступление от Анапы на Кубань, Потемкин 6 сентября писал командующему на Кавказской линии де Бальмену: «Ваше сиятельство должны войти, как можно короче, в обстоятельство взаимные между горскими народами, и старайтесь питать между ими несогласие»⁶³.

Искусной дипломатией Г. А. Потемкин возмещал недостаток русских войск на Кавказе. В 1785 г. на Кавказской линии числилось всего войска, регулярного и нерегулярного, 13 841 человек здоровых и 2 771 больных⁶⁴. Тот факт, что во время войны 1787—1791 гг. реакционные и враждебные России элементы не поддерживали турок, в значительной степени объясняется дипломатическим искусством Г. А. Потемкина. При помощи личных связей с многими кавказскими владетелями он регулировал их взаимоотношения и достигал таким образом некоторых благоприятных для русской политики результатов. В 1791 г. при Г. А. Потемкине находилось 49 кавказских послов и депутатов, а при них 100 переводчиков,

⁶¹ «Русский архив», 1879, кн. 2, стр. 433—434.

⁶² «Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 год». Собрал и издал... С. П. Бурнашев. Под ред. проф. А. А. Цагарели, СПб., 1901, стр. 15.

⁶³ «Бумаги князя Г. А. Потемкина-Таврического 1790—1793» (Сборник военно-исторических материалов, под ред. Н. Ф. Дубровина, вып. VIII), СПб., 1895, стр. 155.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. IX, лл. 125—126.

приставов и служителей⁶⁵. Эта постоянная дипломатическая конференция свидетельствовала о том, какое важное значение придавал руководитель внешней политики России кавказскому вопросу.

«Сношение, которое продолжал я с владельцами Дагестана и с прочими внутри самой Персии, весьма способствовало к удержанию их в благомыслии, предохранило Грузию от разорения и произвело даже перемены в правительстве их, для службы в. и. в. полезные, несмотря на все, вопреки того внушения и происки Порты»⁶⁶, — так сам Г. А. Потемкин в письме к Екатерине II (13 апреля 1789 г.) расценивал результаты своей кавказской дипломатии.

8 октября 1791 г., через три дня после смерти Г. А. Потемкина, его ближайший помощник В. С. Попов, заведовавший канцелярией князя, писал А. А. Безбородко: «Турецкая война мешала его светлости аранжировать полезным образом дела края Кавказского, и в ожидании, пока она кончится, его светлость отлагал решительный свой отзыв, дабы тем самым удержать в недействии их владельцев, беспрестанно Портой подстрекаемых»⁶⁷.

Протекторат над владениями Закавказья, «земское войско» из горских народов — вот два организационных принципа кавказской политики России 80-х годов. Это была реалистическая политика. Она исходила из действительного положения вещей — из обоюдной заинтересованности России и народов Закавказья в прекращении ирано-турецкой агрессии на Кавказе.

4. Ираклий II. Установление протектората России над Восточной Грузией (1783 г.)

В сложной обстановке феодального Закавказья русская дипломатия ориентировалась с помощью Ираклия II, которому она безусловно доверяла. «Давно уже примечаю я, — писал генерал-поручик П. С. Потемкин царю Ираклию 1 января 1784 г., — что адырбежанские владельцы не престають изыскивать друг другу всевозможного вреда. Самая малейшая выгода заставляяет их разорвать союз с одним и, соединясь с

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 93, л. 16—16 об. Кроме князя Туманишвили, посла Ираклия II, при Г. А. Потемкине находились митрополит Иона Гедеванисшвили, его духовник, и младший сын Ираклия Антоний, митрополит Ниноцминдский (М. Джанашвили, *Из путевых заметок митрополита Ионы*, — газ. «Кавказ», 1901, № 196, 197; «Московские ведомости», 19.V.1787).

⁶⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 12, л. 8. После смерти Г. А. Потемкина (5 октября 1791 г.) пребывание кавказских послов в России было признано излишним, и они были отпущены.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 93, л. 16.

другим, идти на разорение третьего. Такое расстроенное состояние влечет неизбежное разорение всем. Но в положении вашего высочества надлежит иметь твердый союз, с кем за наилучшее, по политическому состоянию и внутренней силе, из соседей изберете. Желательно мне, чтобы ваше высочество благоволило мне дать прямое сведение о владельцах, с вашими пределами граничащих»⁶⁸.

В круг кавказских дел вводил Г. А. и П. С. Потемкиных архиепископ Иосиф Аргутинский. По просьбе Г. А. Потемкина он сопровождал П. С. Потемкина в его штаб-квартиру.

Установление связей с владельцами в Закавказье несколько осложнилось из-за авантюристической и провокационной деятельности некоего Якоба Рейнегса, врача-иностранца, некоторое время близкого к царю Ираклию и пользовавшегося доверием Г. А. Потемкина. Рейнегс способствовал успеху переговоров о принятии Ираклием протектората России. Но вместе с тем он же содействовал ухудшению политической обстановки в Азербайджане и Дагестане. Он начал выдавать себя за посла Екатерины II и вступал в переговоры с владельцами о подчинении их России⁶⁹. Рейнегс усиленно распространялся о слабости турок и уверял в легкости завоевания Малой Азии. С еще большей легкостью возможно было, по мнению Рейнегса, покорение Россией Азербайджана — стоит только появиться здесь русским войскам.

Увидев, что действия Рейнегса осложняют обстановку, Г. А. Потемкин заменил его полковником С. Д. Бурнашевым. Царь Ираклий был удовлетворен. «О господине Рейнегсе объявляете, — писал он П. С. Потемкину в июле 1783 г., — что он мною был доволен. Я поистине должен донести, что если бы он еще несколько времени у меня пробыл, то не стало бы возможности моей оказывать ему дружеское доброжелательство. Однако я не столько ему угождения оказал, сколько он пред вами мною хвалится»⁷⁰.

Деятельность Рейнегса в Закавказье сопровождалась всевозможными зловещими слухами о завоевательных замыслах России. Она ставила армян Карабаха под удар его владельца Ибрагим-хана, возбуждала недоверие к русской политике и

⁶⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 381, ч. 1, лл. 25—26.

⁶⁹ Паспорт, выданный Рейнегсу в 1777 г. как английскому врачу, был подписан английским послом в Константинополе Робертом Энсли. О продолжавшихся связях Рейнегса с английским посольством свидетельствует обнаруженный среди бумаг Рейнегса другой, более поздний, англо-турецкий паспорт от 12 апреля 1780 г. Кроме подписи Энсли он имел и визу английского посла в Петербурге Гарриса, от 23 июля 1782 г. В переписке с Екатериной II (1784 г.) посол Булгаков назвал Рейнегса «бродягой», который из Константинополя направился в Грузию, а затем называл себя «поверенным в делах Российского двора».

⁷⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 116.

к царю Ираклию, усиливала страх и, таким образом, благоприятствовала проискам врагов России и Грузии. Неспроста поэтому царь Ираклий имел желание выгнать Рейнегса из Грузии⁷¹.

Что же побудило царя Ираклия на столь решительный шаг, как переход под покровительство России? Ираклий лелеял мечты о восстановлении Грузии в ее исторических границах — о великой Грузии. Об этом свидетельствуют записки и письма Ираклия, проекты его, доведившиеся до сведения верховной власти в России. Владение Самцхе-Саатабаго, колыбель грузинской государственности, оставалось вне пределов Грузии. Надежда на его возвращение не покидала Ираклия все годы его царствования. Еще в 1769 г. Ираклий подал Н. И. Панину записку, в которой была выражена эта надежда⁷². Представляя (30 декабря 1771 г.) просьбу о покровительстве, Ираклий просил и о завоевании Ахалцихе⁷³.

Возможность усиления Фатали-хана кубинского и дербентского за счет Ирана, после смерти Керим-хана, угрожала Ираклию потерей Гянджи и Еревана. Поддержка России могла укрепить позиции Ираклия. Особенно важно это было для борьбы с лезгинями. В одном более раннем и достаточно известном письме к Панину (24 августа 1774 г.) Ираклий изобразил чрезвычайно картинно свое тогдашнее внешнеполитическое положение: «Турки, разиня рты свои, как змеи, окружают нас; персияне, как свирепые львы, смотрят на нас, а лезгинцы остряют зубы свои против нас, как голодные волки»⁷⁴. Но сам Ираклий был также опасен для своих слабых соседей. С переходом его под покровительство России эта опасность увеличивалась.

Огромное значение имели и причины внутреннего характера. В конце 70-х годов глава картлийских феодалов царевич Александр Бакарович, внук Вахтанга VI, предъявил права на картлийский престол, имея поддержку Керим-хана и Соломона имеретинского. Но Керим-хан умер, а вмешательство по просьбе Ираклия русской власти лишило Александра помощи Соломона, а также Фатали-хана, у которого он нашел приют. Лишение Александра поддержки явилось большим успехом русской дипломатии. В декабре 1783 г. Александр из Дербента был вывезен в Москву, а оттуда направлен на жительство в Смоленск под надзор полиции.

⁷¹ Биография Рейнегса, написанная Герстенбергом, дана в приложении к книге: Jacob Reineggs, *Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Aus dessen nachgelassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von Friedrich Schröder*, Т. 1—2, Gotha und Petersburg, 1796—1797.

⁷² А. Цагарели, *Грамоты...*, т. I, стр. 433—438.

⁷³ Там же, стр. 331.

⁷⁴ Там же, стр. 408.

В конце 1782 г. Ираклий представил императрице просьбу о принятии его под покровительство России. Предъявленные им условия были следующие: утвердить за ним его потомственный престол, «дабы когда другой, такой же сумасшедший, как сын Бакара Александр, оказавшись, не привел в смятение народ по невежеству»; признать за Ираклием право на владение Ереваном и Гянджой; помочь в приобретении Ахалцихской и Карсской областей и в возвращении земель, отнятых лезгинами. За это царь обещал свои услуги в войне с Ираном и Турцией⁷⁵.

Обсуждение этих условий русским правительством началось немедленно. Основания для заключения договора были указаны самой императрицей: не именовать грузин подданными, но союзниками, и не включать никаких денежных условий. От шелка, вина и лошадей, предложенных Ираклием, Екатерина, однако, не отказалась⁷⁶.

Вступая под протекторат России, царь Ираклий заявлял о стремлении к установлению мира во всем Закавказье: 25 февраля 1783 г. он просил П. С. Потемкина написать азербайджанским ханам, чтобы они «перестали бы разорять друг друга и пребывали бы между собой мирно»⁷⁷. В отношении же Ирана и Турции Ираклий, наоборот, строил планы освободительной войны. Он уверял, что все христиане поднимутся навстречу русским войскам, «все прибегут к войне»⁷⁸. «По известности нам о положении и силах Персии, — писал он П. С. Потемкину в июне 1783 г., — ничто не в состоянии противостоять воле всероссийской самодержицы»⁷⁹.

В начале 1783 г. составление проектов договора о покровительстве в Петербурге и Тбилиси закончилось. Проект, представленный князем Потемкиным, был одобрен, и ему были даны полномочия на заключение договора. Императрица считала, что проект соответствует желаниям Ираклия, «вмещающая в себе все те пункты, кои со стороны сего владетеля в прошениях его к нам изображены были»⁸⁰. Он, по ее мнению, даже превзошел желания царя, поскольку императрица отказалась от предложенной им дани.

Вопреки ожиданиям русской дипломатии царь Ираклий медлил с отправлением уполномоченных для подписания договора. Тогда к нему был направлен подполковник В. С. Топмара, которому П. С. Потемкин рекомендовал проникнуть в

⁷⁵ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 24—27.

⁷⁶ Там же, стр. 30—31.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 3, первая половина, л. 93.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 2, л. 51.

⁷⁹ Там же, ч. 1, л. 89.

⁸⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 28, л. 2—2 об.

«истинные чувствования» царя, хотя царь и изъявлял крайнее удовольствие проектом договора⁸¹.

Архиепископ Иосиф Аргутинский также принимал участие в миссии «склонения» Ираклия. «По повелению его светлости, — писал он П. А. Зубову в 1796 г., — прилагал я всемерно старание о склонении царя грузинского вступить в подданство»⁸².

Как известно, период между изданием манифеста о присоединении Крыма (8 апреля 1783 г.) и заключением конвенции с Турцией о признании этого акта (8 января 1784 г.) был очень напряженным, ждали неминуемой войны. Летом 1783 г. фельдмаршал Румянцев требовал проведения мероприятий на случай войны и ассигнования экстраординарных сумм, опасаясь, чтобы «турки его не упредили». «Как война не объявлена, то, кажется, все ко времени еще поспеть может»⁸³, — писала по этому поводу Екатерина II Г. А. Потемкину 5 июня 1783 г.

Угроза войны носилась в воздухе, поэтому с заключением договора с царем Ираклием спешили. Грузинские уполномоченные — зять царя, князь И. К. Багратион-Мухранский и генерал-адъютант князь Г. Р. Чавчавадзе, начальник Казахской провинции, были, наконец, направлены к П. С. Потемкину. Их сопровождали родственники царя — князь Давид Орбелиани и Кайхосро Чолокашвили, а также архимандрит Гаиоз, секретарь царя, знавший русский язык. 24 июля 1783 г. в штаб-квартире П. С. Потемкина в Георгиевск трактат был подписан⁸⁴.

Состоявший из 13 основных и 4 сепаратных статей этот трактат носил характер декларации, демонстрации взаимной симпатии и назывался «дружественным договором». Вступлением к нему служило заявление Екатерине II о том, что «от давнего времени Российская империя по единоверию с грузинскими народами служила защитой, помощью и убежищем тем народам и светлейшим владетелям их против угнетения, коим они от соседей своих подвержены были».

В первой же статье договора Ираклий II бросал вызов вековым врагам Грузии — Ирану и Турции, заявляя от своего имени и от имени своих наследников, что он «торжественно навсегда отрекается от всякого вассальства или, под каким бы то титулом ни было, от всякой зависимости от Персии

⁸¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 93 об.

⁸² Государственный исторический музей (Москва), ф. 818, д. 6, стр. 243; см. также «Сансторио моамбе» («Исторический вестник»), Тбилиси, 1945, № 1, стр. 28.

⁸³ «Русская старина», т. XVI, 1876, стр. 42.

⁸⁴ ПСЗ, т. XXI, 1830, № 15835, стр. 1013—1017; А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 32—41; «Московские ведомости», 11.X.1783, стр. 638—643.

или иной державы и сим объявляет перед лицом всего света, что он не признает над собой и преемниками иного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства е. и. в. и ее высоких наследников и преемников». Царь обещает сохранять верность всероссийскому престолу и «способствовать пользе государства во всяком случае, где именно то требовать будет».

Во второй статье императрица обещала Ираклию всегдашнее покровительство и милость и давала «ручательство за сохранение целости настоящих владений царя», «предполагая распространить таковое ручательство и на такие владения, кои в течение времени по обстоятельствам приобретены и прочным образом за ним утверждены будут». Эта статья подавала надежды на восстановление Грузии в ее исторических пределах.

Третья статья содержала постановление об испрашивании наследственными грузинскими царями при вступлении на престол «подтверждения с инвеститурой» от российского императора.

Статья четвертая оговаривала отказ царя Ираклия от самостоятельной внешней политики.

В пятой статье речь шла о назначении и содержании министров или резидентов при обоих дворах.

Статьей шестой верховная власть России обязывалась «народы» царства Картли-Кахетии считать своими союзниками и, «следственно, неприятелей их признавать за своих неприятелей»; царя Ираклия и его «наследников и потомков сохранять беспременно на царстве Карталинском и Кахетинском», во внутренние дела царства не вмешиваясь.

Седьмой статьей царь Ираклий «обещал за себя и потомков своих» быть «всегда готовым на службу е. и. в. с войсками своими», а также удовлетворять требования русских начальников, охранять российских подданных «от всяких обид и притеснений», оказывать «уважение на заслуги пред всероссийской империей» при определении людей к местам.

В статье восьмой утверждалось место и степень грузинского католикоса в первом классе российских архиереев.

Статьи девятая, десятая и одиннадцатая перечисляли «милости», оказанные русской императрицей грузинскому народу: благородное сословие приобретает те права, преимущества и выгоды, какими пользуется это сословие в Российской империи; жители Картли и Кахетии получают право свободного передвижения и переселения в Россию и обратно; купечеству даруется право свободной торговли в России и преимуществу и льготы русского купечества. Только о лицах крестьянского сословия не упоминала ни одна из договаривающихся сторон.

В статье двенадцатой указывалось, что договор заключается «на вечные времена» и что изменения вносятся «по обоюдному соглашению». В последней, тринадцатой, статье устанавливался шестимесячный срок для ратификации договора.

К трактату приложены были четыре сепаратные статьи, которые заслуживают особого внимания. В первой статье с большой определенностью формулировалась мысль о национальном единстве грузинского народа как народа «единого происхождения и закона» и давался совет царю Ираклию приложить все усилия к прекращению вражды с имеретинским царем Соломоном; русское правительство обещало всемерно содействовать установлению между ними доброго согласия. Царь же Ираклий, принимая с благодарностью «попечения о соблюдении дружбы между народами единого происхождения и закона», признавал русскую императрицу верховным арбитром.

Эта статья служит неоспоримым доказательством внимания русского правительства к вопросу о единстве Грузии. Вступая в переговоры с царем Ираклием о протекторате, русские дипломаты собирали сведения о внутреннем положении царства Картли-Кахетии. Слухи о «беспокойствах» в Грузии и раздорах в царской семье уже давно доходили до Петербурга. Русское правительство выражало желание иметь под своим покровительством владения грузинского народа, объединенные в «единую и нераздельную область». Не случайно П. С. Потемкин рекомендовал посланному в Тбилиси полковнику В. С. Томаре выяснить истинные мысли Ираклия по вопросу о разделении царства на уделы⁸⁵. В. С. Томара сообщил ему (24 мая 1783 г.), что поступление Грузии под протекторат России отсрочило выполнение требований сыновей Ираклия о предоставлении им уделов⁸⁶. «Много разрешило мысли мои донесение ваше, — отвечал В. С. Томаре 3 июня П. С. Потемкин, — что царь Ираклий наследство полагает единому, и сие затруднение само собой опровержено»⁸⁷.

Остальные сепаратные статьи касались военной защиты Грузинского царства и содержали обязательства только русской стороны: об отправлении в Грузию двух батальонов пехоты с четырьмя пушками «для охраны владения» и «для подкрепления войск» царя «на оборону», о согласовании мер защиты и о помощи оружием и переговорами в случае войны, о возвращении земель, «издавна царству Карталинскому и Кахетинскому принадлежащих» (четвертая статья).

Четвертая сепаратная статья, как и вторая статья основного текста договора, подававшие надежды на возвращение

отторгнутых от Грузии владений, вызвали обострение политических отношений в Закавказье. Они способствовали значительному усилению антигрузинской деятельности ахалцихского паши. Возможно поэтому, что включение второй и четвертой статей в договор было ошибкой русско-грузинской дипломатии.

Договор носил исключительно оборонительный характер: русские батальоны посылались «для охранения», а не для наступательных действий. Основное политическое значение договора заключалось в том, что он резко ослаблял позиции Ирана и Турции в Закавказье. «Объективно акт этот был прогрессивным явлением... был призван положить конец физическому уничтожению грузин»⁸⁸.

Заключение договора в обстановке обострения восточного вопроса и нараставшего международного соперничества означало несомненное достижение русской дипломатии. «Вот и грузинские дела приведены к концу, — писал Г. А. Потемкин Екатерине II. — Какой государь составил столь блестящую эпоху, как вы? Не один блеск, польза еще большая. Земли, на которые Александр и Помпей, так сказать, лишь поглядели, те вы привязали к скипетру российскому»⁸⁹. А довольная Екатерина писала в рескрипте Г. А. Потемкину 23 августа: «Удовольствие наше о совершении сего дела есть равное славе, из того приобретенной, и пользе, несомненно ожидаемой»⁹⁰.

1783 год ознаменовался успехами русской дипломатии. Летом этого года послу в Константинополе Я. И. Булгакову удалось благополучно завершить переговоры о торговом договоре с Турцией, а также привести к концу решение крымского вопроса. Актом 8 января (28 декабря) 1784 г. Турция признала присоединение Крыма. Она обязалась «совершенно и нерушимо» соблюдать трактат мира (1774 г.), пограничную конвенцию (1775 г.), изъяснительную конвенцию (1779 г.) и торговый трактат (1783 г.). К успехам русской дипломатии следует отнести и конвенцию с Турцией (13 июля 1782 г.) о присоединении Турции к декларации морского вооруженного нейтралитета.

Население Грузии с одобрением отнеслось к заключению договора с Россией. В Тбилиси происходили торжества. «Знатные земли здешней ласкают себя видами частными, а народ благославляет руку, избавляющую их от лезгинов»⁹¹, — пи-

⁸⁸ Л. Алексидзе, *Взаимоотношения грузин с Россией в XVI—XVIII вв. (международно-правовое исследование)*, — «Труды Тбилисского государственного университета», т. 94, 1963, стр. 91.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. I, д. А 26-е, л. 64.

⁹⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, л. 28, л. 23—23 об.

⁹¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, л. 286, ч. I, лл. 251—252.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, л. 286, ч. I, лл. 70—71.

⁸⁶ Там же, л. 86.

⁸⁷ Там же, л. 93.

сал С. Д. Бурнашев 22 августа П. С. Потемкину. Еще убедительнее свидетельствует о положительном отношении крестьян к установлению над Грузией протектората России сообщение С. Д. Бурнашева от 20 ноября о том, что количество жителей Картли-Кахетии теперь умножается «ежедневно из соседних областей»⁹².

Экземпляры Георгиевского трактата были дважды разосланы всем войскам, находившимся под командованием Г. А. Потемкина. «О сем славном и полезном для России происшествии не преминул всем чинам вверенного мне корпуса обвести»⁹³, — рапортовал Н. В. Репнин Г. А. Потемкину 1 сентября.

О знаменательном акте было опубликовано в печати и сообщено иностранным дворам. Владетели Дагестана и Азербайджана (Северного и Южного) были оповещены о договоре особыми «универсалами» (грамотами) князя Потемкина, вручавшимися им вместе с подарками русскими офицерами, которых они принимали весьма любезно и также наделяли подарками и ответными письмами⁹⁴.

Но кроме «универсалов» владетели в Закавказье и Дагестане получили еще от П. С. Потемкина «циркулярные письма». От имени князя Г. А. Потемкина им предлагалось, «дабы они, признавая его светлость (т. е. царя Ираклия. — О. М.) на вечные времена союзным и покровительствуемым Россией, удалялись от всех вредных противу него предприятий, поелику всякое неприязненное против него действие или покушение на его области Российской империей не иначе сочтено будет, как покушением на собственные ее пределы, и дерзость таковая не останется без возмездия»⁹⁵.

Вряд ли подобные «циркулярные письма», содержавшие угрозы, могли улучшить обстановку в Закавказье в пользу Ираклия. Выделяя царя из среды других феодалов как владетеля, особо покровительствуемого Россией, письма могли способствовать вместе с тем и развитию чувства вражды к нему его соперников.

Тем не менее владетели Азербайджана и Дагестана приветствовали Ираклия, а также П. С. Потемкина дружественными посланиями. Одним из первых откликнулся еще до получения «универсала», и «циркулярного письма» Фатали-хан кубинский. Аварский и казикумухский ханы и уцмий кайтагский прислали своих «чиновников», через которых давали П. С. Потемкину обязательство о том, что без его позволения ни на кого нападать не будут, «а наипаче на царя Ираклия

не покусятся. Уверьте его светлость, чтобы он был спокоен с сей стороны»⁹⁶, — писал П. С. Потемкин С. Д. Бурнашеву в августе того же года.

Казалось, что торжество русско-грузинской дипломатии было полное, что теперь воцарится мир и народ сможет спокойно трудиться. Но надежды на мир скоро рухнули.

Восточногрузинское царство Картли-Кахетия было опорой русской политики в Закавказье. Ираклий II уверял русское правительство, что он не предпримет никакого дела, которое служило бы на пользу только одной Грузии⁹⁷. П. С. Потемкин со своей стороны заявлял, что «Россия, будучи связана ныне с Грузией столь тесно, всякую пользу приемлет обоюдно»⁹⁸.

Чтобы установить регулярное сообщение с Россией, Ираклий учредил у себя почту⁹⁹. П. С. Потемкин выразил ему благодарность за это и пообещал учредить почту и на своей стороне, «дабы составить связь с почтой царской»¹⁰⁰. Ираклий просил также о постройке крепости и проведения дороги, о чем просили также и осетинские старшины. П. С. Потемкин не решался строить крепость у самых гор в удалении от Кавказской линии на 60 верст¹⁰¹. Но князь Г. А. Потемкин распорядился построить и крепость, и дорогу, что и было выполнено в 1784 г. Так возникли Владикавказ и Военно-Грузинская дорога, носившая в то время название «русский путь».

Поступая под покровительство России, царь Ираклий надеялся, что с помощью русских войск он сможет утвердить свою власть в Гяндже и Ереване. Но сначала нужно было прекратить междоусобия в Азербайджане. «Мы приняли на себя смелость, — писал Ираклий П. С. Потемкину в феврале 1783 г., — подать вашему превосходительству совет: не рассудите ль ко всем адрибежанским ханам от себя послать листы в такой силе, чтоб они пресекали междоусобие, перестали б разорять друг друга и пребывали б между собой мирно»¹⁰². Возможно, что «циркулярные письма» П. С. Потемкина азербайджанским ханам и явились результатом этого совета.

Ираклий рассчитывал, что если русские войска продвинутся к Дербенту, то силы азербайджанцев будут разъединены и их замыслы на изгнание его из Гянджи разрушатся. «Предпочитаю выгодным, чтобы Россия овладела Адрибежаном, а

⁹² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 1, л. 84—84 об.

⁹³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 281, л. 59.

⁹⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 182—182 об.

⁹⁵ Там же, л. 187—187 об.

⁹⁶ Там же, л. 240 об.

⁹⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 5, л. 17.

⁹⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 217.

⁹⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 4, л. 29.

¹⁰⁰ Там же, л. 33.

¹⁰¹ Там же, л. 61—61 об.

¹⁰² ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, л. 13, ч. 3, л. 93.

потом часть одного благоволил пожаловать мне»¹⁰³, — писал он в одной из своих записок весной 1784 г. Присоединение к его владениям Еревана и Гянджи он ставил себе в заслугу¹⁰⁴.

Для характеристики политических взглядов Ираклия II очень интересна его записка от 3 мая 1784 г., в которой он развил широкую завоевательную программу, безусловно подсазанную ослаблением Ирана¹⁰⁵. Ираклий считал, что усиление Грузии — в интересах России, поскольку сильная Грузия может помочь России в ее завоеваниях. В записке был затронут и армянский вопрос. «Если высочайший двор соблаговолит, дабы армяне имели царя, и оные же будут требовать, то легко можно сделать...»¹⁰⁶.

Интересен также составленный С. Д. Бурнашевым, со слов Ираклия, обзор политических связей Грузии с окружающими ее ближайшими и дальними владениями в период перехода Восточной Грузии под протекторат России. Обзор дает представление и о целях внешней политики царя Ираклия.

Планы грузинской дипломатии нашли отражение еще в одном документе — в письме Ираклия полковнику Томаре, написанном при возвращении последнего в мае 1784 г. из Тбилиси в Петербург после обмена договорными грамотами о протекторате¹⁰⁷. Письмо содержит следующие пожелания Ираклия: чтобы Грузия была полезна России, нужно избавить Грузию от лезгинской опасности, утвердить ее власть в Гяндже и Ереване и распространить ее на Нахичевань.

Русское правительство поддерживало программу усиления Грузии. «Объявите от меня его высочеству царю, что покровительство е. и. в. над Грузией не связывает рук его на распространение благосостояния его, но еще оное подкрепляет», — писал П. С. Потемкин Бурнашеву в январе 1784 г.¹⁰⁸.

Программа завоеваний не замыкалась пределами Закавказья. «Романтическая мечта об объединении христиан Востока для борьбы с мусульманством, открывавшая перед Ираклием широкие горизонты и имевшая в основе своей вовсе не романтический план создания сильной Грузии, характеризует

¹⁰³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 4, л. 32.

¹⁰⁴ См. А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 25 (письмо Ираклия II Екатерине II, 21 декабря 1782 г.).

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 5, лл. 17—18 об.

¹⁰⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, лл. 213—214.

¹⁰⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 6, л. 17—17 об.

¹⁰⁸ Г. А. Потемкин имел постоянные встречи и беседы с грузинскими дипломатами, которые посылались к нему царем Ираклием. Князь Сулхан Туманишвили, секретарь царя Ираклия, произвел на него очень хорошее впечатление, и он расхвалил его в письме к императрице от 7 октября 1783 г.: «...Человек благоразумный и весьма хорошего просвещения и с многими дарованиями. Нельзя, казалось, таковым себе представить жителя тифлиского» (ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 24, лл. 78—79).

широту замыслов Ираклия. У него были связи не только в ханствах Ирана, но и в Ираке, Сирии, Египте. Эти связи были предложены теперь русскому правительству. В ожидании войны с Турцией Потемкин входил в сношения с египетскими беем через царя Ираклия. Большинство беев по происхождению были грузинами¹⁰⁹. В 1785 г. в Каир под предлогом свидания с родственниками был послан с поручением от царя Ираклия находившийся у него на службе капитан Качкачев. Бей Ибрагим и Мурад жаловались ему на султанское иго и выражали желание низвергнуть его. Князь Потемкин представил записки Качкачева императрице (1786 г.)¹¹⁰. Во время войны русское правительство пыталось использовать полученную информацию¹¹¹.

Пользуясь покровительством России, царь Ираклий иногда в своих делах прикрывался авторитетом русской власти. Так, в конце 1783 г. он советовал Ахмед-хану хойскому не препятствовать его действиям в Нахичевани, чтобы не оказаться потом за это в ответе и не потерять своих преимуществ перед другими ханами¹¹². Усиление власти Ираклия в Азербайджане при содействии и покровительстве России имело своей оборотной стороной рост противодействия азербайджанских и дагестанских феодалов усилению влияния Картли-Кахетии.

Объединяя интересы Грузии с интересами России, царь Ираклий прилагал усилия к укреплению русского влияния в Закавказье и в Иране. Он стремился к распространению протектората России и над иранскими ханствами. Он принимал непосредственное участие в составлении посланий Ибрагим-хана шушинского и Ахмед-хана хойского императрице с просьбой о покровительстве. В январе 1784 г. Ираклий запрашивал П. С. Потемкина: «Не угодно ли будет, чтобы внушить и самому тавризскому хану — не согласится ли он под покровительство российского императорского престола»¹¹³. Нахичеванский хан также обещал Ираклию поступить под покровительство императрицы¹¹⁴.

¹⁰⁹ В 1789 г. в Коллегии иностранных дел была составлена записка с биографическими сведениями о египетских беех. Ибрагим-бей, губернатор Египта, и Мурад-бей, правитель каравана Мекки, были родом из Тбилиси. Касим-бей, правитель провинции Среднего Египта, происходил с Украины, его прежде имя было Симон Кириллович Рушенков. Сулейман-бей, правитель Дельты, его брат Абдуррахман-бей и Осман-бей были грузинами; двое первых — князья из Тбилиси, место рождения Османа не указано. Наконец, Хасан-бей по происхождению был русский князь [Государственный исторический музей (Москва), ф. 818, св. 11, л. 22, стр. 1—6, копия].

¹¹⁰ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VIII, 1872, стр. 217—218.

¹¹¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 37, л. 102.

¹¹² ЦГВИА, д. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 1, лл. 40—41.

¹¹³ Там же, л. 80.

¹¹⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 361.

П. С. Потемкин предполагал, что присоединение Крыма и Кубани, разрешив споры с Турцией, даст возможность уделить больше внимания Закавказью. «Сии обстоятельства, — писал он 20 июля 1783 г., — по-видимому, развяжут, так сказать, руки на простертые оных на Закавказский край, и потому нужно, чтоб положение оных знать короче»¹¹⁵. Оптимистически высказывался и главнокомандующий Г. А. Потемкин в одной из своих докладных записок конца 1783 г.: «В Грузии жители время от времени начинают надежнее становиться в своем состоянии, а когда помощью оружия в. и. в. укротятся лезгины, тогда придет Грузия в такую силу, что составит перевес против Порты»¹¹⁶.

Надежды на «спокойствие» и «перевес» оказались, однако, преждевременными. Теряя Крым, Турция стремилась укрепить свое положение на Кавказе, используя с этой целью недовольство азербайджанских и дагестанских феодалов усилением Восточной Грузии. Обстановка в Закавказье, несомненно, осложнялась.

5. Политика России в Азербайджане, Армении и Западной Грузии

Два наиболее влиятельных азербайджанских хана стояли на пути русской политики в Закавказье: Фатали-хан кубинский и дербентский и Ибрагим-хан карабахский, союзник царя Ираклия. Между ними шла феодальная война из-за обладания Гянджой, важным торговым центром, находившимся в совместном владении Картли-Кахетии и Карабаха.

Ознакомление с архивными материалами, касающимися деятельности Фатали-хана и его политики, убеждает в том, что эта неутомимая агрессивная деятельность в значительной степени вдохновлялась идеей борьбы за интересы всего Азербайджана, а не только своего дома. Фатали-хан писал Екатерине II (в конце 1782 г.), что весь Азербайджан недоволен поступками царя Ираклия и Ибрагим-хана (заключением в тюрьму гянджинского и ереванского ханов). Он, Фатали-хан, «за должность свою признал, чтобы честь и право адырбайджанских ханов защитить». Фатали-хан тогда же просил императрицу запретить царю Ираклию враждебные действия против Азербайджана¹¹⁷.

Как и царь Ираклий, Фатали-хан стремился получить поддержку России своим широким планам достижения гегемонии в Закавказье. Сношения русских властей с Фатали-ханом

¹¹⁵ «Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева...», стр. 5—7.

¹¹⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, лл. 110—111.

¹¹⁷ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 17—24.

до середины 70-х годов носили дружественный характер. Однако провокации и доносы на Фатали-хана, возраставшие по мере усиления Кубинского ханства, начали отрицательно сказываться на отношении к нему русской власти. В период от середины 70-х до середины 80-х годов русское правительство проявляло к Фатали-хану большое недоверие. Но по мере приближения войны с Турцией оно все более убеждалось, что сотрудничество с Фатали-ханом более соответствует интересам России, чем вражда с ним.

Внешняя политика Фатали-хана характеризовалась не только стремлением к сближению с Россией, но и отрицательным отношением к турецким проидам на Кавказе, а также борьбой против Ага Мухаммед-хана Каджара. Внешнеполитические интересы России и Азербайджана, таким образом, не были противоречивы. Прекращение во время правления Фатали-хана торговых сношений его владений с Турцией¹¹⁸ несомненно было связано с антитурецкой направленностью внешней политики ханства, а не только с торговой конкуренцией. Поздравляя в январе 1783 г. П. С. Потемкина с назначением на пост командующего на Кавказской линии и желая ему успеха в наведении порядка на Кавказе, хан напомнил о своей просьбе в отношении царя Ираклия — он ждет ответа¹¹⁹. Тогда же доверенное лицо Фатали-хана юзбаши Гаджи-бек представил записку об азербайджано-грузинском споре. В записке говорилось: действия царя Ираклия в Азербайджане противоречат политике, направленной на сближение с Россией, так как Россия не трогает азербайджанских ханов, «их спокойно оставляет». Фатали-хан давал обещание не касаться владений Ираклия, но лишь при условии отказа Ираклия от помощи Ибрагим-хану карабахскому, удаления из Гянджи грузинского правителя, а также освобождения из заключения гянджинского хана¹²⁰. Предъявленные условия означали стремление Фатали-хана к разрыву грузино-карабахского союза.

Весной 1783 г. Фатали-хан собирался в поход против Карабаха. В организованный им союз входили талышский и нухинский ханы и дагестанцы — Бамат буйнакский, шамхал тарковский и некоторые горцы Северного Кавказа, а также ханы Южного Азербайджана: хойский, тебризский, урмийский. Это была мощная коалиция. Приготовления к походу шли всю осень и зиму. Огромная опасность угрожала Карабаху. П. С. Потемкин предложил Фатали-хану отказаться от похода, направив к нему с письмом и для словесных уговоров се-

¹¹⁸ С. Г. Гмелин, *Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе*, ч. III, половина 1-я, СПб., 1785, стр. 100.

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 3, первая половина, л. 42.

¹²⁰ Там же, л. 51—51 об.

кунд-майора Гаузена¹²¹. Царь Ираклий в письме от 18 февраля 1783 г. советовал П. С. Потемкину принять меры к недопущению междоусобия, так как по причине «клятвенного союза» с Ибрагим-ханом он должен будет помогать союзнику¹²².

Чтобы спасти карабахских армян, «не дать времени распространению в Армении бесчеловечья» и обезопасить пределы Грузии, П. С. Потемкин немедленно направил к Фатали-хану нового посланца с соответствующим письмом. Он не был, однако, уверен в успехе своего обращения к хану и запросил 21 февраля Г. А. Потемкина, как поступить, если хан не примет совета¹²³.

Угроза развития междоусобия поднялась и с другой стороны. Ханы Южного Дагестана во главе с Умма-ханом аварским и уцмием кайтагским Амир Гамзой, пользуясь отсутствием Фатали-хана в его владениях, готовились выступить против него.

Прибытие русского офицера с письмами П. С. Потемкина расстроило их планы. Авторитет русского имени и оружия был так велик, что дагестанские владетели и Фатали-хан отказались от задуманных ими походов. Фатали-хан писал П. С. Потемкину: «Движение оставил... о доброжелательстве моем и усердии к России могу удостоверить... от прежнего моего усердия и дружественного соседства не отдалюсь». Он благодарил П. С. Потемкина за то, что тот остановил выступление против него Умма-хана аварского. В ответном письме Умма-хана также содержались уверения в дружественных чувствах¹²⁴.

Решение Фатали-хана о прекращении похода следует особенно оценить, если принять во внимание, что он располагал силами, превосходящими силы противника. По показанию «конфидента», у хана было до 13 тыс. войска¹²⁵. Организация похода стоила больших денег и труда. Войско Фатали-хана, вступившее в Карабах, успело, однако, нанести урон населению, угнав несколько тысяч голов скота. Следует отметить, что армяне пострадали при этом меньше, чем мусульмане-азербайджанцы: 150 армян, захваченных лезгинами, Фатали-хан выкупил и отпустил на волю. В этом сыграло свою роль покровительство России армянам.

¹²¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286а, лл. 24—26.

¹²² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 2, л. 39—39 об.

¹²³ Там же, л. 52—52 об.

¹²⁴ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 3, первая половина, лл. 157—158, 161. Письмо Фатали-хана П. С. Потемкин получил 6 апреля, письмо Умма-хана — 20 апреля 1783 г.

¹²⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, лл. 6—7. Конфидент — доверенное лицо, собиравшее сведения. Этот термин постоянно встречается в дипломатической переписке конца XVIII в.

Прекращение весной 1783 г. двух походов — против Карабаха и против Фатали-хана — нельзя не рассматривать как крупный успех русской дипломатии. При этом уступчивость Фатали-хана вряд ли можно объяснить одним лишь страхом перед русским оружием. Устойчивая прорусская ориентация Фатали-хана обуславливалась расчетом на поддержку его широких планов относительно Ирана. Одновременно с отказом от похода на Карабах Фатали-хан сделал П. С. Потемкину предложение о совместных действиях в Иране для возведения на пустующий шахский престол потомка династии Сефи на выгодных для России условиях. Кандидат на шахский престол Мисир Аббаси находился у него в Сальянах¹²⁶.

Предложение Фатали-хана было весьма заманчивым и казалось легко осуществимым. Не решаясь дать хану положительный ответ, П. С. Потемкин запросил князя Г. А. Потемкина, не порывая на всякий случай связи с претендентом. Этот план не был одобрен. П. С. Потемкин получил предписания: во-первых, «стараться Фатали-хана захватить или же стремиться на него прочих ханов, которые на сие намеревались», и, во-вторых, занять Дербент русскими войсками¹²⁷. Шамхал тарковский Муртазали, союзник и друг Фатали-хана, написал специальную записку в его защиту. Она, к сожалению, не сохранилась, но на нее ссылаются П. С. Потемкин в донесении Г. А. Потемкину от 10 июня 1783 г.¹²⁸ Доверенный Фатали-хана, красноречивый и умный мирза Садык, тогда же (в начале августа 1783 г.) представил П. С. Потемкину записку с объяснением политики своего хана, как неизменно преданного России. Подвластные хана, писал он, ждут прихода русских войск, обещают обеспечить продовольствием, которое частично уже начали заготавливать¹²⁹. На дружественные чувства населения к русским имеются неоднократные указания в архивных документах¹³⁰.

Поступление Восточной Грузии под покровительство России несомненно усилило прорусскую ориентацию Фатали-хана в противоположность позиции других, менее влиятельных феодалов. В конце 1783 г. он письмом и словесно, через своего

¹²⁶ Там же, лл. 42—43.

¹²⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 29, л. 28; д. 32, л. 1⁶ об. (письма Г. А. Потемкина Екатерине II от 16 и 19 мая 1783 г.). Фатали-хана обвиняли в возбуждении волнений в Гяндже и Ереване и подозревали в сношениях с турками, доказательством чего было письмо ахалцихского Сулейман-паши к Фатали-хану (март 1783 г.), доставленное П. С. Потемкину (ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, лл. 30—31, 33—33 об.).

¹²⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, лл. 135—136.

¹²⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, лл. 233—234.

¹³⁰ Сошлемся, например, на показание кизлярского жителя Денизбегова, данное в кизлярской секретной экспедиции 21 мая 1783 г. ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 3, первая половина, лл. 219—220.

посланца Назыр-бека, заявил о том, что желает быть под покровительством императрицы и будет исполнять все ее повеления¹³¹. Он не отказался еще от мысли о достижении своих больших планов с помощью России, усматривая в них общий интерес. Стремясь выиграть время, он вошел с войском в Южный Азербайджан и захватил Ардебиль, не оказавший сопротивления (летом 1784 г.). Г. А. Потемкин удержал Фатали-хана от развития дальнейших действий в Иране¹³².

Новые успехи Фатали-хана усилили оппозицию ему. Старые враги снова решились действовать. Умма-хан аварский заявил П. С. Потемкину, что он — «непримиримый враг» Фатали-хана, просил этой вражде не препятствовать и, кроме того, запретить шамхалу тарковскому и другим заступаться за хана. Уцмий кайтагский просил дать ему в подкрепление русские войска для нападения на Фатали-хана¹³³.

Русское правительство не пошло навстречу заманчивым предложениям Фатали-хана не только потому, что перестало ему доверять, но и потому, что поддержка его политики могла помешать успеху намечавшихся переговоров с новым кандидатом на шахский престол Али Мурад-ханом исфаганским, соперником Фатали-хана. Посол Али Мурад-хана, начавший переговоры, подозревал русскую власть в тайной поддержке Фатали-хана¹³⁴.

Новая опасность со стороны Дагестана и отрицательное отношение России к плану Фатали-хана в Южном Азербайджане заставили его уйти в Сальяны. Войско оставалось при хане, и это вызвало новые волнения и подозрения в намерении захватить Гянджу. Не стесняясь в угрозах, русское командование потребовало распустить войско, «понеже Гянджа, — писал князь Г. А. Потемкин Фатали-хану (июль 1784 г.), — принадлежит царю Ираклию и шушинскому Ибрагим-хану, а царь Ираклий находится под покровительством России и получит помощь от русских войск»¹³⁵.

Волнения усилились как в Гяндже, так и во всех мусульманских провинциях, подвластных Картли-Кахетии. Появились и лезгины. «Дороги все заражены в Грузии лезгинами, большей частью со стороны турецкой»¹³⁶, — рапортовал 6 июля С. Д. Бурнашев. П. С. Потемкин, побывавший в Тбилиси в сентябре и известивший князя Г. А. Потемкина о наступлении спокойствия в Закавказье, теперь был смущен. «Здесь, ваша светлость, — писал он, — изволите видеть, сколь трудно сделать

¹³¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 1, л. 22.

¹³² ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 3, л. 315

¹³³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 7, л. 74—74 об.

¹³⁴ Там же, л. 71 об.

¹³⁵ Там же, ч. 6, л. 32.

¹³⁶ Там же, л. 17—17 об.

прямое о тех делах и народах заключение»¹³⁷. «Давно что такое замешательство не случалось в Грузии»¹³⁸, — писал Ираклий П. С. Потемкину 29 ноября.

Вскоре появились, правда, пока еще слабые, надежды на улучшение обстановки. Той же осенью (1784 г.) в отношениях между Ираклием и Фатали-ханом обозначились признаки примирения: «Мы надеемся на дружбу вашего высочества», — писал Фатали-хан Ираклию, выражая радость по поводу получения письма от него и опровергая ложные слухи о сборах к походу его на Гянджу и Тебриз¹³⁹. «Не худо бы было его с нами соединить»¹⁴⁰, — писал Ираклий П. С. Потемкину 31 октября по поводу этого письма.

Потемкины продолжали угрожать хану¹⁴¹. В феврале 1785 г. Г. А. Потемкин послал Фатали-хану «пакет», содержание которого, как он писал П. С. Потемкину, «послужит всемерно к открытию ему глаз и к вразумлению его, чего он ожидать имеет от своего поведения»¹⁴². Русское командование не отказывалось, однако, от привлечения хана под покровительство России, при обязательном условии, чтобы тот не вмешивался в дела гянджинского хана и не причинял «ни малейшей обиды» армянам¹⁴³.

Фатали-хан начал настойчиво стремиться к разрыву грузино-карабахского союза. Как видно из его письма Ираклию, он предложил последнему совместно завладеть Карабахом (не привлекая русское правительство), утвердив их союз присягой, аманатами или свиданием¹⁴⁴.

Между тем решение гянджинского вопроса задерживалось из-за опасений как полковника Бурнашева, так и царя Ираклия, как бы отправкой русских войск под Гянджу «не подать новых неудовольствий Порте Оттоманской»¹⁴⁵. В конце концов Гянджа, уstraшенная слухами о приближении русских сил и отрезанная от внешнего мира грузинским войском, вступила в переговоры и дала аманатов (июль — август 1785 г.). Власть Ираклия в Гяндже была восстановлена. Уступкой с его стороны явилось признание им хана, избранного самими гянджинцами; Ереван также снова присягнул царю Картли-Кахе-

¹³⁷ Там же, ч. 9, лл. 30—31 об.

¹³⁸ Там же, л. 78—78 об.

¹³⁹ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 9, л. 118.

¹⁴⁰ Там же, ч. 8, лл. 380—381.

¹⁴¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 9, л. 6—6 об. «Лист» П. С. Потемкина Фатали-хану (октябрь 1784 г.).

¹⁴² ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 10, л. 115.

¹⁴³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 1, л. 6.

¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 10, лл. 153—153 об., 150—151.

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 4, л. 25. Донесение С. Д. Бурнашева П. С. Потемкину 17 марта 1785 г.

тии. Грузино-азербайджанский антагонизм на некоторое время потерял остроту.

Искал покровительства России и Ибрагим-хан карабахский, союзник царя Ираклия. Его стремление не могло быть искренним, так как хан знал об ожидавшей его участи при восстановлении независимой Армении.

Новое обострение социально-политического кризиса в Иране с конца 70-х годов, явное ослабление иранской государственности дали армянским и русским деятелям повод возобновить деятельность, направленную к восстановлению самостоятельной Армении в пределах той части, которая входила в Северный Азербайджан и составляла Карабахское ханство.

Карабахское ханство было в то время молодым государственным образованием. Надир-шах создал его с целью установления более эффективного контроля над деятельностью армянских феодалов, внушавших персам большие подозрения своими устремлениями к национальному освобождению. Отделенный от Гянджинского ханства в 1736 г., Карабах включал пять армянских княжеств (меликств): Гюлистан, Джрабед, Хачен, Варанда и Дизак. Эти княжества подчинялись как вассальные хану, назначенному шахом. В 1779 г. в Карабахе утвердился Ибрагим-хан¹⁴⁶. Он управлял меликами, поддерживая постоянные раздоры между ними.

Многочисленные документы архива Потемкиных особенно живо свидетельствуют о том, какой жаждой освобождения от иноземного ига был охвачен армянский народ, как мечтал он о восстановлении своей государственности, с какой надеждой смотрел на Россию, и в то же время как опасался, проученный недавним прошлым, проявлять эти надежды.

В связи с подготовкой похода в Закавказье П. С. Потемкин просил (21 декабря 1782 г.) Иосифа Аргутинского ответить на ряд вопросов: о моральном и материальном состоянии армянского народа, о власти и влиянии царя Ираклия и других владетелей, о состоянии обороны владений, о путях сообщения и т. д.¹⁴⁷. Иосиф Аргутинский писал князю Потемкину (27 декабря), что сообщил командующему на линии все, «до наших краев» касающееся¹⁴⁸. Он особенно выделил царя Ираклия как самого влиятельного владетеля, подкрепив тем самым намерение русской власти опираться на Ираклия в своей закавказской политике.

Весной 1783 г. Ираклий переслал П. С. Потемкину письмо Ибрагим-хана о его желании вступить под покровительство

России. 10 апреля П. С. Потемкин отправил донесение об этом своему вельможному родственнику¹⁴⁹, а вскоре получил от него предписание (в ордере от 6 апреля) низложить Ибрагим-хана¹⁵⁰. Необходимость этой меры Г. А. Потемкин мотивировал тем, что «после сего Карабаг составит армянскую независимую, кроме России, никому область». Таким образом, письмо Ибрагим-хана с просьбой о подданстве и ордер на его низложение разошлись. Поэтому 3 мая П. С. Потемкин повторно запросил князя Потемкина об Ибрагим-хане: не следует ли «на сей раз его приласкать, дабы тем удобнее, ежели потребно будет, иметь его в своих руках»¹⁵¹.

Готовность хана принять покровительство и платить дань, по-видимому, поколебали решение главнокомандующего о его немедленном отстранении. На донесении П. С. Потемкина он написал: «Ибрагим-хану шушинскому прикажу объявить, что дань, которую императрица уважать изволит, есть верность. Итак, ежели Ибрагим-хан пребудет непоколебим в союзе и всегда готовым к исполнению высочайших повелений, то по таковым опытам о принятии в подданство надеяться может»¹⁵².

Но русское правительство не отказывалось от мысли о восстановлении национального армянского государства. 19 мая Г. А. Потемкин писал императрице, что, привлекая Ибрагим-хана к повиновению, следует в то же время «при удобном случае область его, которая составлена из народов армянских, дать в правление национальному, и через то возобновить в Азии христианское государство, сходственно высочайшим в. и. в. обещаниям, данным через меня армянским меликам»¹⁵³.

Ибрагим-хан искал покровительства России при условии отказа русского правительства от вмешательства во внутренние дела его ханства. Он хотел таким образом сохранить свободу действий в отношении армян, что, конечно, не соответствовало планам как русской политики, так и царя Ираклия. Ожидалось нападение Ибрагим-хана вместе с его родственником Умма-ханом аварским на Фатали-хана. «Нет нужды ему в том препятствовать, — писал по этому поводу П. С. Потемкин, — однакож пошлю я к аварскому хану советовать ему от сего удержаться»¹⁵⁴. Удерживая Умма-хана от совместного с Ибрагим-ханом выступления против Фатали-хана, П. С. Потемкин стремился уравновесить силы сторон и затян timer борьбу с целью большего ослабления соперников. Никому

¹⁴⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 24.

¹⁵⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 90, л. 8—8 об.

¹⁵¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, лл. 46—47.

¹⁵² ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 29, лл. 27—29.

¹⁵³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, л. 1—1 об.

¹⁵⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 2, л. 39.

маневр для само сохранения

¹⁴⁶ Ахмед-бек Джеваншир, *О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 г. по 1805 г.*, Шуша, 1901.

¹⁴⁷ Государственный исторический музей (Москва), ф. 818, д. 6, стр. 225—230.

¹⁴⁸ Там же, стр. 241, 231—234.

из этих ханов русское правительство полностью не доверяло: не было «ни прямой доверенности» к Умма-хану, ни «решительного сомнения» в Фатали-хане¹⁵⁵.

В конце июля 1784 г. к князю Потемкину прибыл посол Ибрагим-хана Муса-султан с давно ожидавшимся прошением. Он был немедленно направлен в Петербург.

Чем сильнее русское правительство сомневалось в искренности Ибрагим-хана и опасалось его агрессивных действий в отношении армян, тем больше внимания оно ему оказывало. В Петербурге к Мусе-султану отнеслись как к послу великой державы. Императрица распорядилась показать ему все примечательности Петергофа, пустить все фонтаны, продемонстрировать артиллерию в действии, в Кронштадте — показать «все любопытства достойное, особливо флот наш»¹⁵⁶. Правительству еще не было известно, что в это время уже произошло соединение Ибрагим-хана с турками.

Фатали-хан попытался ослабить успехи соперника и прислал П. С. Потемкину (в декабре 1784 г.) письмо, содержащее сведения о связи Ибрагим-хана с турками¹⁵⁷.

Иную политику проводило русское правительство в отношении шамхала тарковского Муртазали: с ним торопились оформить вассальные отношения. В глазах русской власти союз тарковского шамхала с Фатали-ханом был наиболее прочным из всех союзов, существовавших между закавказскими владетелями, и это имело важное значение для противодействия внешнему натиску¹⁵⁸. Просьба Муртазали о принятии его под покровительство России (в феврале 1784 г.) была первой формально поданной просьбой подобного рода, присланной из Закавказья после заключения Георгиевского договора¹⁵⁹. Тогда шамхалу тарковскому были посланы высочайшая грамота о принятии его под покровительство, шуба и сабля. Оформление этого события торжественным актом, однако, не состоялось вследствие болезни, а затем и смерти Муртазали.

Русское правительство предпочитало держать ханов в состоянии неопределенности, удерживая их от активных действий и препятствуя усилению наиболее влиятельных из них. Оно долго проверяло, действительно ли они придерживаются русской ориентации, и стремилось подчинить их интересы интересам Грузии, покровительствуемой Россией. С приближением войны с Турцией эта политика начала изменяться: по-

¹⁵⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 300.

¹⁵⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 72, лл. 130 об. — 131.

¹⁵⁷ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 10, л. 86—86 об.

¹⁵⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 5, л. 36.

¹⁵⁹ Там же, ч. 1, лл. 48—51.

зиция азербайджанских ханов стала приобретать для России существенное значение, тем более что она имела касательство к решению армянского вопроса, которому с начала 80-х годов русское правительство уделяло особое внимание.

Замышляя поход в Закавказье и рассчитывая, как уже отмечалось, путем низложения Ибрагим-хана превратить Карабах в самостоятельную армянскую область, Г. А. Потемкин 6 апреля 1783 г. писал генерал-поручику П. С. Потемкину: «Вы тут употребите все старание, чтобы новая сия область устроилась наивыгоднейшим образом для народа. Чрез сие и прочие сильные армянские провинции или последуют их примеру или же большим числом придут будут в Карабах. Для пособия к исполнению сего дела следует вам занять Дербент». Главнокомандующий считал, что для этого довольно четырех батальонов, соответствующего количества артиллерии и кавалеристов — по усмотрению. «Сим способом вы сблизитесь Карабаху и им верно будет в Дербенте убежище»¹⁶⁰.

Приготовления шли самым деятельным образом. В июне войска двинулись в поход, но неожиданно были остановлены. На правом фланге — на Кубани и за Кубанью — начались волнения, вызванные происками Турции в ответ на присоединение Крыма, и П. С. Потемкину был дан приказ готовить войска к походу за Кубань.

Распоряжения, связанные с походом к Дербенту, свидетельствовали о том, что решение армянского вопроса с самого начала было подчинено интересам борьбы России с Турцией. Откладывая поход, князь Г. А. Потемкин предписывал П. С. Потемкину обнадеживать армян и «питать в них бывшее расположение»¹⁶¹.

Русское правительство ожидало от армян присылки всеармянской депутации с прошением о помощи и покровительстве, что было бы оправданием его политики перед Ираном. Прибывшее из Карабаха в июле 1783 г. коллективное послание с многими подписями его не удовлетворило¹⁶². Опасаясь репрессий со стороны Ибрагим-хана, армянские деятели воздерживались от подачи подобного прошения. Слухи о предстоящем низвержении хана Ибрагима уже распространились по всему Закавказью. Возможно, что «усердие» Рейнгеса сыграло при этом немалую роль. Письма Рейнгеса мелику Апову с извещением о предстоящем походе русских, устранении Ибрагим-хана и восстановлении Армянского царства попали в руки хана; мелик Апов, давно уже находившийся на подозрении у хана, был арестован, ему угрожала смерть¹⁶³. Армяне умо-

¹⁶⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 90, л. 8—8 об.

¹⁶¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 29, л. 29.

¹⁶² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, лл. 184—185.

¹⁶³ Там же, л. 237—237 об.

ляли поспешить с посылкой войска, обязуясь полностью снабжать его продовольствием¹⁶⁴. По настоянию П. С. Потемкина мелик Апов был отпущен, но хан потребовал от него уплаты 5 тыс. руб.

Царь Ираклий писал в конце 1783—начале 1784 г. П. С. Потемкину, что нужно помочь меликам, иначе Ибрагим-хан их уничтожит¹⁶⁵. Находившийся в Тбилиси посланец хана говорил об этом открыто, и царь Ираклий старался удержать посланца у себя подольше, чтобы успеть предупредить меликов об опасности. Царь говорил С. Д. Бурнашеву, что среди мотивов, связывавших его с Ибрагим-ханом, «непосредственный был тот, чтобы сохранить армян от разорения»¹⁶⁶.

Армяне продолжали надеяться на приход русских войск. В начале 1784 г. эчмиадзинский католикос Лука обратился к Г. А. и П. С. Потемкиным, прося принять меры к избавлению армян от рабства¹⁶⁷. «Араратские мелики» просили Иосифа Аргутинского, чтобы и их присоединили к числу тех, «кои ищут защищения у благословенной России»¹⁶⁸.

Вера в Россию, как в защитницу угнетенных армян, распространялась все шире и шире. 19 апреля 1784 г. царь Ираклий писал Бурнашеву: «О прибытии множества войск российских сюда приказано от нас всем объявить и провиант заготовлять»¹⁶⁹. К походу действительно готовились Астраханский и Томский пехотные полки, два эскадрона драгун, Уральский казачий полк и шесть орудий были направлены через Кизляр к Сулаку. Кроме того, к Кавказским горам были отряжены Селенгинский пехотный полк, батальон гренадер, егерский Кабардинский батальон и шесть полевых орудий¹⁷⁰. П. С. Потемкин распорядился вывести неповрежденные фрегаты в море, с тем чтобы они были готовыми к отправлению, «куда им повелено будет». Он испрашивал разрешения подвести поближе к Кавказским горам и к Дагестану заготовленный в Астрахани провиант и 25 апреля рапортовал князю Г. А. Потемкину о выступлении накануне части войск, назначенных к походу к Кавказским горам¹⁷¹.

Но как и в предыдущем году, поход был отменен, на этот раз по воле верховной власти. Императрица не сочувствовала посылке войск в Закавказье в такой момент, когда по заключении конвенции о Крыме (январь 1784 г.) угроза войны с

турками, казалось, миновала. «О походе будущего года буду ожидать, что скажет генерал-фельдмаршал; только знай, что жестоко прогневаюсь, буде вдашься в опасности тогда, когда можешь пресечь добрым одним порядком...»¹⁷², — писала Екатерина князю Потемкину 5 мая 1784 г. Возможность уладить «добрым порядком», т. е. переговорами, вскоре представилась.

Между тем, не предполагая еще новых изменений плана, П. С. Потемкин продолжал ободрять армян и уверять их в скором оказании военной помощи¹⁷³. Ибрагим-хану он отправил грозное повеление, «чтобы он меликов более угнетать не дерзал»¹⁷⁴. Мелики же в ожидании прихода русских войск держали наготове до 5 тыс. вооруженных воинов. Это был весьма значительный отряд, если принять во внимание, что в Карабахе и Карадаге было армян «несколько более 10 тысяч домов»¹⁷⁵. Мелики просили П. С. Потемкина занять Гянджу и «прибрежные места», пока их не захватили турки, и хотя бы два полка прислать в Грузию; тогда они начнут действовать¹⁷⁶. В августе на имя императрицы и князя Г. А. Потемкина поступили послания от ереванских армян, доставленные в Петербург Степаном Саакяном. В личном письме к П. С. Потемкину 1 августа 1784 г. эчмиадзинский католикос Лука выражал надежду на избавление от «зверобразных гонителей».

Ответа на послания не поступало, и это приводило армян в недоумение, так как ранее они получили много обнадеживающих писем архиепископа Иосифа¹⁷⁷.

Русское правительство ожидало мирного разрешения армянского вопроса. В конце 1783 г. один из претендентов на шахский престол Али Мурад-хан захватил Исфаган, получив тем самым перевес над другими ханами. Русские власти поспешили установить с ним связь. Консул Тумановский направил к нему из Решта своего посланца армянина Папова. Несмотря на успех миссии, Тумановский получил «жестокий выговор» за самостоятельные действия¹⁷⁸.

Вскоре после Папова в Исфаган с поздравительным письмом П. С. Потемкина прибыл армянин Токатлов. В ответном письме, скрепленном печатями четырнадцати других ханов и доставленном послом Мухаммед-ханом, Али Мурад-хан выражал желание пребывать в тесном союзе с Россией¹⁷⁹. Более

¹⁶⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 3, л. 24—24 об.

¹⁶⁵ Там же, ч. 1, л. 13.

¹⁶⁶ Там же, ч. 4, лл. 7—8.

¹⁶⁷ Там же, лл. 24—25.

¹⁶⁸ Там же, лл. 22—23 об.

¹⁶⁹ Там же, ч. 5, л. 23.

¹⁷⁰ Там же, ч. 4, лл. 1—2.

¹⁷¹ Там же, л. 21.

¹⁷² «Русская старина», т. XVI, 1876, стр. 53.

¹⁷³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 6, л. 39—39 об.

¹⁷⁴ Там же, ч. 5, лл. 28—29.

¹⁷⁵ Там же, л. 36—36 об.

¹⁷⁶ Там же, ч. 6, лл. 9—11.

¹⁷⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 270, лл. 7—9.

¹⁷⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 7, лл. 8, 115—16.

¹⁷⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 25, л. 4 об.

подробные заявления о союзе и торговле были сделаны послом словесно. Затем это «объявление» посла в письменном виде было поднесено императрице. В нем подчеркивалось, что с Россией торговля особенно желательна, что французскому королю хан отказал в договоре, только с Россией он ищет «твердого союза»¹⁸⁰.

Перед русским правительством встал вопрос об использовании благоприятно сложившейся ситуации. «Владеющий сердцем Персидской земли хан Али Мурад ищет союза с Россией, — писал Потемкин императрице. — При поманке его шахством можно отделать добровольно Армению персидскую»¹⁸¹. Эта идея казалась легко воплощаемой в жизнь. В предстоящих переговорах вопросу о восстановлении Армении было отведено первое место.

«Что дела персидские славно идут, тому радуюсь»¹⁸², — писала в ответ 15 апреля императрица. Оптимистически настроился и Г. А. Потемкин. «При таком полезном для России расположении сего владельца, — писал он Екатерине 17 мая 1784 г., — не оставлю я, всемилостивейшая государыня, по поводу письма его к генерал-поручику Потемкину подать ему некоторую надежду к достижению толь лестного для него предмета. Я не сомневаюсь, что приобретение сие поставит он выше всякой цены, и благоденствующая под державой в. и. в. Россия получит новые выгоды и приращения»¹⁸³.

Тогда же в мае Г. А. Потемкин писал Безбородко: «Великие можно приобрести из сего пользы и миролюбно устроить край Армянский и ту часть, которая составить должна Албанию, также и царство Ираклиеву... а между тем ответы сделаю, подающие нечто для него приятное, и то больше состоять будет в советах, препроводя хорошим подарком»¹⁸⁴.

Еще более радужные надежды возникли у Безбородко. 31 мая он писал члену Коллегии иностранных дел П. В. Бакунину, что князь Потемкин признал переговоры за «самый надежнейший способ» к окончанию всех русско-персидских дел через заключение договора¹⁸⁵. 7 июня генерал-поручик Потемкин напомнил князю, что иранский посол Мухаммед-хан дожидается решения. Он, писал П. С. Потемкин, исполнит все, что «ваша светлость от него требовать будете»¹⁸⁶. 22 июня князь Потемкин запросил наконец императрицу, что ей будет угодно отвечать на письмо Али Мурад-хана. Он напомнил при

этом о страданиях Армении, как бы побуждая к скорейшему ответу¹⁸⁷.

30 июля П. С. Потемкин сообщил, что посланник долговременным пребыванием «весьма огорчается»¹⁸⁸. Через месяц он писал, что посланник Али Мурад-хана уже «в крайнем унынии и недоверчивости долговременным здесь пребыванием»¹⁸⁹.

Русское правительство все еще дождалось окончательного исхода борьбы между Али Мурад-ханом исфаганским и Ага Мухаммед-ханом астрабадским за гегемонию в Иране. «Известное дело еще остается в молчании... — писал Безбородко П. В. Завадовскому 11 июля, — но буде сие удастся, тогда уже и я более веры и надежды на политику иметь стану, нежели доселе, быв всегда уверен, что без пушек и мушкетов ничего доброго и великого не сделаешь»¹⁹⁰.

Безбородко высказывался за то, чтобы, не упуская времени, признать Али Мурад-хана шахом. По его мнению, предложения хана вели к осуществлению намерений России в отношении Ирана, к тому, чтобы «обеспечить и границы наши и владычество берегами Каспийского моря, открыть новые ветви торговли и основать новые царства и области, кои России будут служить барьером против всех на нее с той стороны покушений»¹⁹¹.

Не столь горячо отнесся к предложению Али Мурад-хана руководитель восточной политики России. Г. А. Потемкин выжидал действительного укрепления власти хана и проверял его ориентацию. Некоторые факты свидетельствовали о том, что хан ориентируется на Россию. Так, в ответ на предложение турецкого правительства о принятии общих мер против России и Грузии, хан заявил, что от царя Ираклия и от России он ничего вредного для себя не ждет¹⁹². Предложение турецкого правительства было сделано в ответ на запрос Али Мурад-хана о сношениях его с азербайджанскими ханами. Посланец Порты, настроенный против России и Грузии, находился при Али Мурад-хане.

Создание Армянского царства руководители русской политики мотивировали интересами самого Ирана. В инструктивном письме Г. А. Потемкина полковнику Томаре, направленному наконец осенью 1784 г. к Али Мурад-хану, эта мотивировка была выражена следующим образом: «Соединение раздельных частей под единую державу есть средство к восстановлению цветущего там состояния. Вы можете искусно кос-

¹⁸⁰ Там же, л. 6—6 об.

¹⁸¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, л. 32, лл. 110—111.

¹⁸² «Русская старина», т. XVI, 1876, стр. 53.

¹⁸³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, л. 25, лл. 2—3.

¹⁸⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, л. 37, лл. 63—64.

¹⁸⁵ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, М., 1879, стр. 53—54.

¹⁸⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 6, л. 1—1 об.

¹⁸⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 29, лл. 56—57 об.

¹⁸⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 7, лл. 7, 71 об.

¹⁸⁹ Там же, ч. 8, л. 46.

¹⁹⁰ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, стр. 56.

¹⁹¹ Сб. РИО, т. 26, 1879, стр. 469.

¹⁹² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 2, лл. 18—20.

подробные заявления о союзе и торговле были сделаны послом словесно. Затем это «объявление» посла в письменном виде было поднесено императрице. В нем подчеркивалось, что с Россией торговля особенно желательна, что французскому королю хан отказал в договоре, только с Россией он ищет «твердого союза»¹⁸⁰.

Перед русским правительством встал вопрос об использовании благоприятно сложившейся ситуации. «Владеющий сердцем Персидской земли хан Али Мурад ищет союза с Россией, — писал Потемкин императрице. — При поманке его шахством можно отделить добровольно Армению персидскую»¹⁸¹. Эта идея казалась легко воплощаемой в жизнь. В предстоящих переговорах вопросу о восстановлении Армении было отведено первое место.

«Что дела персидские славно идут, тому радуюсь»¹⁸², — писала в ответ 15 апреля императрица. Оптимистически настроился и Г. А. Потемкин. «При таком полезном для России расположении сего владельца, — писал он Екатерине 17 мая 1784 г., — не оставлю я, всемилостивейшая государыня, по поводу письма его к генерал-поручику Потемкину подать ему некоторую надежду к достижению толь лестного для него предмета. Я не сомневаюсь, что приобретение сие поставит он выше всякой цены, и благоденствующая под державой в. и. в. Россия получит новые выгоды и приращения»¹⁸³.

Тогда же в мае Г. А. Потемкин писал Безбородко: «Великие можно приобрести из сего пользы и миролюбно устроить край Армянский и ту часть, которая составить должна Албанию, также и царство Ираклиеву... а между тем ответы сделаю, подающие нечто для него приятное, и то больше состоять будет в советах, препроводя хорошим подарком»¹⁸⁴.

Еще более радужные надежды возникли у Безбородко. 31 мая он писал члену Коллегии иностранных дел П. В. Бакунину, что князь Потемкин признал переговоры за «самый надежнейший способ» к окончанию всех русско-персидских дел через заключение договора¹⁸⁵. 7 июня генерал-поручик Потемкин напомнил князю, что иранский посол Мухаммед-хан дожидается решения. Он, писал П. С. Потемкин, исполнит все, что «ваша светлость от него требовать будете»¹⁸⁶. 22 июня князь Потемкин запросил наконец императрицу, что ей будет угодно отвечать на письмо Али Мурад-хана. Он напомнил при

¹⁸⁰ Там же, л. 6—6 об.

¹⁸¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, лл. 110—111.

¹⁸² «Русская старина», т. XVI, 1876, стр. 53.

¹⁸³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 25, лл. 2—3.

¹⁸⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 37, лл. 63—64.

¹⁸⁵ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, М., 1879, стр. 53—54.

¹⁸⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 6, л. 1—1 об.

этом о страданиях Армении, как бы побуждая к скорейшему ответу¹⁸⁷.

30 июля П. С. Потемкин сообщил, что посланник долговременным пребыванием «весьма огорчается»¹⁸⁸. Через месяц он писал, что посланник Али Мурад-хана уже «в крайнем унынии и недоверчивости долговременным здесь пребыванием»¹⁸⁹.

Русское правительство все еще дожидалось окончательного исхода борьбы между Али Мурад-ханом исфаганским и Ага Мухаммед-ханом астрабадским за гегемонию в Иране. «Известное дело еще остается в молчании... — писал Безбородко П. В. Завадовскому 11 июля, — но буде сие удастся, тогда уже и я более веры и надежды на политику иметь стану, нежели доселе, быв всегда уверен, что без пушек и мушкетов ничего доброго и великого не сделаешь»¹⁹⁰.

Безбородко высказывался за то, чтобы, не упуская времени, признать Али Мурад-хана шахом. По его мнению, предложения хана вели к осуществлению намерений России в отношении Ирана, к тому, чтобы «обеспечить и границы наши и владычество берегами Каспийского моря, открыть новые ветви торговли и основать новые царства и области, кои России будут служить барьером против всех на нее с той стороны покушений»¹⁹¹.

Не столь горячо отнесся к предложению Али Мурад-хана руководитель восточной политики России Г. А. Потемкин. Он ожидал действительного укрепления власти хана и проверял его ориентацию. Некоторые факты свидетельствовали о том, что хан ориентируется на Россию. Так, в ответ на предложение турецкого правительства о принятии общих мер против России и Грузии, хан заявил, что от царя Ираклия и от России он ничего вредного для себя не ждет¹⁹². Предложение турецкого правительства было сделано в ответ на запрос Али Мурад-хана о сношениях его с азербайджанскими ханами. Посланец Порты, настроенный против России и Грузии, находился при Али Мурад-хане.

Создание Армянского царства руководители русской политики мотивировали интересами самого Ирана. В инструктивном письме Г. А. Потемкина полковнику Томаре, направленном наконец осенью 1784 г. к Али Мурад-хану, эта мотивировка была выражена следующим образом: «Соединение раздельных частей под единую державу есть средство к восстановлению цветущего там состояния. Вы можете искусно кос-

¹⁸⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 29, лл. 56—57 об.

¹⁸⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 7, лл. 7, 71 об.

¹⁸⁹ Там же, ч. 8, л. 46.

¹⁹⁰ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, стр. 56.

¹⁹¹ Сб. РИО, т. 26, 1879, стр. 469.

¹⁹² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 2, лл. 18—20.

нуться тут самолюбия сего владельца. Шахское достоинство есть лестно. Но притом нужно изъяснить ему всю надобность составления сей монархии из самих персиян. Такое соединение будет твердо и прочно, когда, напротив того, разность народов, всегда готовых к свержению ига, не умножает силы государственные, но паче разделяет и ослабляет оные. Сие говорю я об Армении и других окрестных провинциях; ибо что надлежит до Грузии, то об ней ни слова: участь ее уже решена»¹⁹³. Под «другими окрестными провинциями», очевидно, подразумевался Азербайджан.

Помимо того, создание Армянского царства было бы в интересах самого Ирана еще и по той причине, что оно явилось бы буферным государством между ним и Турцией.

Нельзя не отметить, что в своих разъяснениях (от 30 сентября) к этой инструкции Безбородко несколько вышел за начертанные ею пределы, расширив границы приобретений. Поэтому, приступая к наставлениям, он сделал оговорку: просит принять их как исходящие от частного лица, а не как наставления «по месту и званию даемые». Он предлагал получить согласие хана на добровольную уступку царствам Грузии и Армении и тех грузинских и армянских земель, которые могут быть завоеваны Али Мурад-ханом в случае войны с турками, и заключить оборонительный союз против Турции¹⁹⁴. Конкретизируя указания Потемкина, Безбородко предлагал потребовать признания присоединения к России «Дербента и прочих мест, кои нам нужны и на коих присоединение мы решились». Кроме того, «чтобы и о тех землях, кои назначаются к составлению области или царства Албанского, сделано было ясное постановление»¹⁹⁵.

Указания, данные полковнику Томаре Г. А. Потемкиным и Безбородко, свидетельствовали о стремлении русского правительства использовать удобный момент для решения исторической задачи утверждения России на побережье Каспия и освобождения народов Закавказья от ирано-турецкого ига, не только сохраняя дружественные отношения с Ираном, но даже и с его помощью.

1 января 1785 г. Мухаммед-хан и Томара выехали с Кавказской линии в Тбилиси. В письме к хану, в титул которого было вставлено «восстанавливающему единство Персии», П. С. Потемкин принесли извинения за слишком продолжительную (почти годовую) задержку посланца, объясняя ее дальностью расстояния, что было далеко не убедительно.

В дальнейшем появились новые задержки. Началось с то-

¹⁹³ См.: Н. Ф. Дубровин, *История войны и владычества русских на Кавказе*, т. II, СПб., 1886, стр. 171—172.

¹⁹⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 25, лл. 8—9 об. (первый вариант).

¹⁹⁵ Там же, лл. 10—11 (второй вариант).

го, что на иранской границе посланцы не были пропущены курдами; при этом жизнь Томары находилась под угрозой¹⁹⁶. Это покушение не было простым разбойничеством. Как писал царь Ираклий послу Чавчавадзе (март 1785 г.), посланцы были предупреждены нахичеванским ханом (через владения которого они направлялись в Иран), что курды по повелению турецкого паши подстерегают русского посла и хотят его убить. Тогда, изменив маршрут, Томара и Мухаммед-хан направились через Ереван¹⁹⁷.

Вскоре, однако, дальнейшее продвижение под охраной конвоя, предоставленного ереванским ханом, вовсе прекратилось. Протурецки настроенный Ахмед-хан хойский оказал посланцам ласковый прием, но дальше их не пропустил. К тому же отпал и самый повод к путешествию: Али Мурад-хана уже не было в живых, он умер неожиданно еще 7 февраля. Исфганом завладел брат покойного Джафар-хан. Пламя междоусобий вспыхнуло в Персии с новой силой.

Полковник Томара свидетельствовал, что Али Мурад-хан искал у России не только помощи для утверждения на шахском престоле, но и защиты против турок, и «за сие в поставлении торговом, не полагая меры выгодам России, а в политическом отступался от всех провинций, бывших прежде в российском владении, и сверх оных от Карадага, Карабага, Нахичеванской и Ереванской областей»¹⁹⁸. Планы бескровного решения армянского вопроса в 80-х годах рухнули.

Усиление Ага Мухаммед-хана и выступление Ушурмы на Северном Кавказе, а также продолжавшееся ухудшение русско-турецких отношений заставили русское правительство прекратить приготовления к походу в Закавказье, уже в четвертый раз возобновившиеся в 1785 г., считая и сборы к походу А. В. Суворова на рубеже 80-х годов. Основное внимание обратилось к положению в Западной Грузии.

Положение в Западной Грузии после Кючук-Кайнарджийского мира осложнилось. Как уже говорилось, по 23-й статье этого договора Турция отказалась от сбора дани «отроками и отроковицами»¹⁹⁹ и от всякого рода податей и обязалась возратить грузинам все замки и укрепления, прежде им принадлежавшие. Однако в соответствии с этой статьей турки не

¹⁹⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 2, л. 11; ч. 1, лл. 9—10; ч. 4, л. 25.

¹⁹⁷ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 185, лл. 242—243.

¹⁹⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, лл. 127—132 об. Записка о миссии полковника В. С. Томары, 1785 г. (без подписи; несомненное авторство В. С. Томары устанавливается по содержанию).

¹⁹⁹ По данным Г. П. Буткова, из Западной Грузии в Ахалцихе ежегодно доставлялась следующая дань: из Имеретии и из Абхазии — по 40 мальчиков и по 40 девочек, из Гурии — 23 мальчика и 23 девочки, из Мегрелии — 60 тыс. сажен тонкого льняного полотна (ЦГВИА, ф. 414, оп. 1/194, д. 434, лл. 427—428).

изгонялись полностью из Западной Грузии. Места, еще оставшиеся в их владении, турки стали превращать в крепости, спеша укрепить свои позиции на всем восточном побережье Черного моря. Но аннулирование пункта о «верховенстве» было только вопросом времени. Тем упорнее поэтому турецкая дипломатия и «друзья» турок стремились дать движению обратный ход с помощью грузинских феодалов. Крупный имеретинский дипломат конца XVIII — начала XIX века князь Зураб Церетели в одной из своих записок (8 июля 1785 г.) определенно указывал, что слабая сама по себе Турция обладала Грузией, лишь возбуждая несогласие среди князей²⁰⁰

Встревоженный турецкой активностью на границах Имеретии, царь Соломон I осенью 1781 г. обратился к России с просьбой о покровительстве²⁰¹. Но русское правительство уклонилось от выполнения этой просьбы, хотя и не отказалось от дипломатических представлений турецкому правительству по грузинским делам. Так, 30 декабря 1782 г. послу в Константинополе Я. И. Булгакову было велено «чинить сильное заступление» по делам царей Соломона и Ираклия²⁰².

Предусматривая окончательное разрешение крымского вопроса, Г. А. Потемкин установил с начала 80-х годов более близкие связи с царем Соломоном. Соломон первый из грузинских владетелей получил самую высокую награду империи — орден Андрея Первозванного. Выражая (в декабре 1782 г.) благодарность за награду, царь напомнил Г. А. Потемкину, что занятие турками Поти и Батуми прекратило удобное сообщение Грузии с Россией. По его мнению, недопущение турок на побережье Западной Грузии соответствует интересам и Грузии, и России²⁰³. Екатерина II писала Г. А. Потемкину (17 февраля 1783 г.), что русскому правительству вполне желательно, чтобы «примеру царя картalinского мог подражать и царь имеретинский Соломон... но некоторая его зависимость от Порты Оттоманской убеждает нас удержаться с произведением того в действо»²⁰⁴.

Неоднократно уже упоминалось, что установление покровительства России над феодальными владениями Закавказья вызывалось нуждами политики, направленной на создание в Закавказье прочного барьера для защиты Российской империи. Огромные усилия русской дипломатии были направлены поэтому на устранение феодальной розни между отдельными грузинскими владетелями. Большое количество документов свидетельствует об этой, несомненно прогрессивной стороне

русской политики. Между Ираклием и Соломоном в начале 80-х годов была явная вражда. Соломон, опасаясь усиления Ираклия, препятствовал централизации его власти в Грузии. Он поддерживал мятежного царевича Александра Бакарови-ча и картлийских феодалов. Благодаря вмешательству русской дипломатии примирение царей было достигнуто. «Мы и царь Ираклий по повелению российской императрицы согласены союзниками»²⁰⁵, — писал царь Соломон П. С. Потемкину 15 февраля 1783 г.

Соглашение между царями не было, однако, прочным. С поступлением Ираклия под покровительство России опасения Соломона увеличились. Поводов для нарушения мира — больших и малых — было достаточно. Мегрелия и Гурия вели постоянную борьбу с Имеретией, призывая на помощь турок. Сближение с Россией давало царю Соломону надежду на подчинение этих владений и объединение их с Имеретией. Соломон просил, чтоб каждому из них было дано высочайшее повеление всем вместе «пресечь неприятелю дорогу»²⁰⁶.

Темой устных и письменных переговоров с Соломоном было не только сохранение мира с Ираклием, но и поступление под покровительство России. Г. А. Потемкин предполагал, что царь Соломон относится «с великой завистью к счастью царя Ираклия»²⁰⁷. В одном из писем к П. С. Потемкину (23 августа 1783 г.) Соломон благодарил за «сердечное письмо» и за совет «воспользоваться равной участью с царем Ираклием». «Мы всю жизнь свою и всю страну нашу посвящаем всероссийской державе и всею кровию своей жертвовать готовы»²⁰⁸, — писал Соломон. 13 октября 1783 г. князь Потемкин сообщил Екатерине о возобновлении царем Соломоном просьбы о «верховой протекции», и что в связи с этим П. С. Потемкину поручено продолжать с Соломоном переписку и «стараться содержать его в непрерывном к России расположении, дабы при первой удобности оным воспользоваться»²⁰⁹.

В это время и турки предприняли шаги к «преклонению» Соломона на свою сторону. Сообщая 7 сентября 1783 г. об этом, генерал-поручик Потемкин просил Г. А. Потемкина дать указания, какие условия в соглашении с Соломоном допускает политика в отношении Порты²¹⁰. Мнение Г. А. Потемкина по этому вопросу известно из письма его к Безбородко от 5 сен-

²⁰⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 11.

²⁰¹ Там же, л. 192—192 об. Письмо Соломона I П. С. Потемкину, 22 (?) июля 1783 г.

²⁰² ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 29, л. 31—31 об. Письмо Г. А. Потемкина Екатерине II, 5 августа 1783 г.

²⁰³ Там же, л. 36—36 об.

²⁰⁴ Там же, л. 33—33 об.

²¹⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 260—260 об.

²⁰⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 5, л. 85.

²⁰¹ Там же, ч. 1, л. 52—52 об.

²⁰² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36/611, л. 33.

²⁰³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 6, л. л. 60—61, 62—65, 67—67 об.

²⁰⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 28, л. 21.

тября. Безбородко предлагал немедленно заключить с Имеретией договор о покровительстве. Потемкин возражал, он считал пока «сей шаг скользким»²¹¹.

Безбородко, очевидно, согласился с мнением Потемкина, так как в своей известной записке (1784 г.) высказал ту же точку зрения: «Царь имеретинский теперь же бы последовал примеру Ираклия, если бы не претила нам подчиненность его Порте, в которую, по недалновидному ли знанию или небрежению предместников наших, ясно заключен он самим Кайнарджийским трактатом»²¹². Из этого следует, что в планах восточной политики России Западная Грузия заняла теперь гораздо более важное место, чем в момент заключения Кючук-Кайнарджийского договора. «Небрежение предместников наших», как критически говорил Безбородко, было, однако, вынужденным: ценой этого «небрежения» была куплена независимость Крыма. Казалось бы, что члену Коллегии иностранных дел Безбородко этот факт должен был быть известен. Идя на уступки в крымском вопросе, турецкое правительство одновременно старалось укрепить свои позиции на Кавказе. Пункт о «верховенстве» над Западной Грузией формально укреплял эти позиции, фактически же был не более как иллюзией, приемом искусной дипломатии.

Осенью 1783 г. в Кутаиси прибыло турецкое посольство с подарками и письмами к царю и феодалам. Соломон был болен²¹³. Чтобы предупредить междоусобие, неизбежное в случае его смерти, и назначить ему преемника еще при жизни, а также для того чтобы парализовать деятельность турецких агентов, П. С. Потемкин уже собирался командировать в Кутаиси Бурнашева. Но 16 ноября в Тбилиси прибыл духовник царя Соломона с извещением о том, что Соломон пошел на уступки царю Ираклию: признал наследником престола его одиннадцатилетнего внука, своего племянника Давида Арчиловича. Ираклий со своей стороны обязался не вмешиваться в дела Имеретии, не поддерживать князей Дадияни и Гურიели, не принимать «переметчиков и преступников» из Имеретии. Вопрос о наследнике престола был, таким образом, улажен. Позиции Ираклия в Имеретии усилились, позиции России тоже. Выезд Бурнашева в Имеретию был отложен. В ожидании смерти стойкий в приверженности к России Соломон I потребовал от своих подвластных клятвы верности России и принятия ее покровительства.

Не торопясь с заключением договора с Соломоном, русская дипломатия тем не менее продолжала укреплять царя в этом

²¹¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, л. 310, ч. 1, л. 73.

²¹² Сб. РИО, т. 26, 1879, стр. 469.

²¹³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, л. 286, ч. 1, лл. 320—321.

намерении. Решено было получить «в запас» от Соломона прошение о принятии в «подданство» России, подписанное и феодалами Имеретии, с тем чтобы реализовать его при первом удобном случае²¹⁴. Эта миссия была поручена полковнику В. С. Томаре, доставившему в Тбилиси ратификационную грамоту Георгиевского договора. Из наставлений, данных В. С. Томаре, видно, что русское правительство опасалось, как бы в случае смерти Соломона не нарушилась «вся связь дел, которую политические обстоятельства ныне окончить воспрепятствуют»²¹⁵, т. е. не разрушилась бы подготовка обстановки для принятия Имеретии под покровительство России.

Переговоры полковника Томары с Соломоном I проходили в драматической обстановке. Царь не решился подать прошение «в запас», так как в этом случае помощь откладывалась на будущее. А между тем следовало ожидать, что подача прошения о русском подданстве от владетеля, считавшегося состоявшим под покровительством Турции, первым делом вызвала бы усиление агрессивности турок против Соломона. Рассчитывать, что прошение, исходящее не только от царя, но и от большой группы феодалов, останется тайной для турецкого правительства, было, конечно, невозможно.

Все же «просительное письмо» императрице от Соломона, царевичей и феодалов было дано²¹⁶. Только князь Дадияни, владетель Мегрелии, не поставил своей подписи, так как был против признания Давида Арчиловича, внука Ираклия, наследником царства. Основное содержание «просительного письма» касалось обид, причиняемых в последнее время турками. Имеретины просили защитить их и принять под покровительство с сохранением имеретинским князем их прав²¹⁷. Однако послание было возвращено. П. С. Потемкин выразил желание, чтобы в нем было меньше жалоб на турок, с которыми теперь мир, и чтобы была приложена печать князя Дадияни²¹⁸.

«Просительное письмо» было составлено (4 марта 1784 г.) под впечатлением участвовавших в нападении турок. Еще до этого Соломон жаловался, что турки вовсе не считаются с договором, о соблюдении которого так заботилась Россия. Если они пребывают в мире, писал он П. С. Потемкину 3 февраля 1784 г., то не должны врываться в грузинские владения, грабить, уводить в плен и убивать жителей²¹⁹.

²¹⁴ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VIII, 1872, стр. 218. Письмо Г. А. Потемкина Екатерине II, конец 1783 г. (в публикации ошибочно — 1788 г.).

²¹⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, лл. 344—345.

²¹⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 3, лл. 57—58. Сообщение В. С. Томары П. С. Потемкину, 6 марта 1784 г.

²¹⁷ Там же, лл. 60—61.

²¹⁸ Там же, л. 62.

²¹⁹ Там же, л. 27.

Пока «просительное письмо» путешествовало на Кавказскую линию, Соломон выздоровел и совершил удачную экспедицию в Аджару, бывшее грузинское владение, захваченное и омусульманенное Турцией. Сообщая С. Д. Бурнашеву о своем успехе, Соломон писал (11 марта), что, если бы владельцы Аджары не предупредили о походе, «мы бы всю сторону по берегу Черного моря очистили»²²⁰.

Экспедиция в Аджару была последним выступлением Соломона против турок, с которыми он непримиримо боролся всю жизнь. 23 апреля 1784 г. Соломон I умер. За три дня до смерти он отправил П. С. Потемкину исправленный текст прошения о «подданстве». Прощение было представлено Екатерине II при письме Г. А. Потемкина от 3 июня вместе с сообщением о смерти царя²²¹.

Соломон не оставил завещания, подтверждавшего право на престол его племянника Давида Арчиловича, внука Ираклия²²². Народ, не зная, кого считать царем, присягал сразу всем наследникам: двум Давидам и, кроме того, Георгию, внуку Соломона, страдавшему идиотизмом. В Имеретии наступило «замешательство».

Торопя полковника Бурнашева с отъездом в Кутаиси, П. С. Потемкин писал (в мае), что уже дважды посылал ему распоряжение о выезде и что он чрезвычайно огорчен известием о прибытии в Кутаиси турецкого посланца. Постыдно будет допустить турок опять внедриться в Имеретию²²³. Тогда же П. С. Потемкин писал и владельцам Дадияни и Гуриели и многим знатым феодалам, убеждая «сохранять единодушие и согласие, яко единые средства сохранить целостность своей земли»²²⁴.

Новый царь Давид Георгиевич, избранный 27 апреля, тотчас же известил П. С. Потемкина о своем избрании и просил советов и указаний относительно подачи им просьбы о покровительстве²²⁵. Поспешность царя была проявлена под давлением крупных владельцев — сторонников России, которые обусловили его избрание тем, что он принесет присягу на вечное подданство России²²⁶.

Но по вопросу о принятии покровительства России среди имеретинских феодалов вовсе не было единодушия. «Все находится здесь во власти великого беспокойства и все воору-

жены, — писал в своем донесении от 13 июня 1784 г. С. Д. Бурнашев. — За молодым князем Давидом ходят толпы вооруженных, но бедных и незначительных людей или таких, у которых было отнято имение покойным царем. Знатные ходят, окруженные вооруженными отрядами. В деревнях беспокойства. Недавно в одном селении был бунт, крестьяне убили своего начальника»²²⁷. Это донесение С. Д. Бурнашева давало яркую картину феодальной неурядицы и обострения классовых борьбы.

Примирение враждующих партий состоялось благодаря «уступчивости» Ираклия, которую нельзя, однако, рассматривать иначе, как дипломатический маневр. Ираклий согласился отказаться от борьбы против Давида Георгиевича при условии, что его внук Давид Арчилович будет признан наследником престола и по достижении совершеннолетия займет его. Царь Давид согласился. Ираклий тогда же (май 1784 г.) писал П. С. Потемкину, что, отказываясь от защиты прав своего внука на занятие имеретинского престола, он надеялся «сделать угодное России»²²⁸. Он напоминал, что Давид Георгиевич был избран вопреки завещанию царя Соломона²²⁹. Русская власть оценила уступчивость Ираклия. Он «пожертвовал выгодами своими общему спокойствию: признал царем старшего Давида», — писал 3 июня Г. А. Потемкин Екатерине, отмечая, впрочем, что уступка сделана лишь до совершеннолетия внука²³⁰.

Католикос Максим и полковник Бурнашев взяли от царя Давида и враждующих феодалов письменные обязательства соблюдать мир. Документы были засвидетельствованы С. Д. Бурнашевым. Царь обязался соблюдать интересы своих феодалов, «ничего им не уменьшать», а феодалы — сохранять при этом условия верности царю²³¹.

С. Д. Бурнашев, сумевший предупредить междоусобие в Имеретии, вызвал, однако, неудовольствие П. С. Потемкина, во-первых, тем, что допустил устроить себе слишком торжественную встречу²³², во-вторых, тем, что в беседах с феодалами внушал им мысль о политической зависимости Имеретии от Турции, и, наконец, тем, что подпись Бурнашева фигурировала в официальных документах, представленных им от царя

²²⁰ Там же, ч. 4, л. 10.

²²¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 72, лл. 15—16.

²²² Имеющиеся по этому вопросу документы противоречивы.

²²³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 5, л. 92.

²²⁴ Там же, л. 38. Донесение П. С. Потемкина Г. А. Потемкину, 16 мая 1784 г.

²²⁵ Там же, лл. 39—40.

²²⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 5, л. 81 об. Записка Зураба Церетели 8 июля 1785 г.

²²⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 6, л. 44—44 об.

²²⁸ Там же, ч. 5, лл. 52—53 об.

²²⁹ Там же, лл. 111—112.

²³⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 72, лл. 15—16.

²³¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 7, лл. 27—29. Грамота царя Давида и акт, подписанный феодалами, 1784 г.

²³² С. Д. Бурнашев и католикос Максим были встречены самим царем, феодалами, духовенством, народом за три с лишним километра от места прибытия.

и вельмож²³³. Таким образом, причина неудовольствия обуславливалась политикой, направленной на устранение поводов для раздражения Турции и на сохранение мира с ней.

Оправдываясь, Бурнашев писал (16 июля) о том, что беседы его о 23-й статье Кючук-Кайнарджийского мира были вызваны резкостью ответа имеретин на письмо Сулейман-паши ахалцихского, который предъявил права Турции на Имеретию. Имеретины в своем ответе заявляли, что они — российские подданные и «не имеют никакой обязанности относиться к Порте».

По словам Бурнашева, он лишь осторожно внушал этого не делать²³⁴. Эпизод с ответным письмом Сулейман-паше чрезвычайно интересен и важен для характеристики русско-имеретинских и турецко-имеретинских отношений в первой половине 80-х годов.

В начале октября 1784 г. имеретинское посольство (католикос Максим, сардар князь Зураб Церетели и верховный судья Давид Квинихидзе) выехало в Петербург с грамотой о принятии Имеретии под покровительство России. Никаких заявлений о приверженности к султану турецкие посланцы от Имеретии не получали. Турки направили свои усилия на разжигание феодальной розни и подготовку войны.

Верность западнотурецких князей была, однако, весьма сомнительна: владетель Гуриели уже советовал царю обратиться к эрзурумскому паше²³⁵. Владетель Мегрелии Каций Даддани, просивший о принятии его под покровительство России²³⁶, действовал на два фронта. Он был связан с турками, послал им аманатов и доставил пропитание отряду, вторгшемуся в Гурию.

Находившиеся в Турции грузинские князья-соперники, претенденты на имеретинский престол — Кайхосро Абашидзе и Эристави агитировали в пользу Турции. Они обещали султану Абдул-Хамиду возобновление дани людьми — мальчиками и девочками²³⁷.

Той же осенью фирман султана возвестил о назначении царем Имеретии князя Кайхосро Абашидзе, родственного дому Багратионов. Великий везир призвал всех имеретин к едино-

²³³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 6, л. 49.

²³⁴ Там же, ч. 7, л. 62—62 об.

²³⁵ Там же, ч. 8, л. 61—61 об. Донесение С. Д. Бурнашева П. С. Потемкину, 28 августа 1784 г.

²³⁶ Там же, лл. 10—11 об.

²³⁷ Там же, ч. 7, л. 46—46 об. (показание конфидента, возвратившегося из Синопа, июль 1784 г.); там же, ч. 8, л. 10—10 об. (показание конфидента, посланного Ираклием II в Стамбул и пробывшего там несколько месяцев в тюрьме, 25 июня 1784 г.). Чтобы соперничество Эристави и Абашидзе не мешало планам Порты, один из соперников был убит (АВПР, ф. «Константинопольская миссия», оп. 955, д. 242, л. 128).

душному признанию нового царя, угрожая в противном случае приходом турецких войск²³⁸.

Военное командование на Кавказской линии и русские дипломаты в Константинополе были смущены действиями турок и запрашивали точных инструкций. Если раньше предписывалось избегать всего, что имело касательство к «правам» турок в Закавказье, то как поступить в отношении Западной Грузии, зависевшей от Турции?

Посол Булгаков не знал, как ему «выхлопотаться из 23-го артикула, которого конец очень ясен и нехорош»²³⁹. Ход событий вел уже к аннулированию формулы, которой заканчивалась эта статья: «А так как помянутые народы состоят в подданстве Высокой Порты, то Россия не должна ни вмешиваться в их дела, ни наносить им вред».

Опасаясь, что турки займут Имеретию, П. С. Потемкин распорядился создать войско из кабардинцев и чеченцев. «Весьма нужно его (царя. — О. М.) чем-либо подкрепить», — писал он 30 ноября 1784 г. главнокомандующему²⁴⁰.

Всячески стремясь сохранить тяготение Грузии к России в столь тяжелых для нее обстоятельствах, верховная власть постоянно напоминала о своей готовности защищать Грузию и поддерживала надежды щедрыми подарками и грамотами. В конце зимы 1784 г. царям Ираклию и Давиду были присланы грамоты Екатерины II, выражавшей им свое благоволение. Царице Дареджан, склонявшей своего брата Даддани к «подданству», была поднесена жемчужная звезда ордена святой Екатерины при письме князя Потемкина²⁴¹. П. С. Потемкин и С. Д. Бурнашев добивались личного свидания царя Ираклия с новым имеретинским царем с целью примирения. Свидание, трижды назначавшееся, не могло состояться главным образом из-за крайнего недоверия царя Давида к Ираклию²⁴².

Находившееся в России имеретинское посольство, стремясь поднять собственный престиж в глазах русского правительства, прилагало усилия к устранению «замешательства» в Имеретии. Член посольства Зураб Церетели в письме к брату Папуне Церетели, предводителю оппозиции, просил воздерживаться от выступлений против царя Давида Георгиевича, не следовать примеру вельмож, которые соблазняются турецкими «кесами»²⁴³. Он представил Г. А. Потемкину 8 июля 1785 г.

²³⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 9, лл. 2—5; см. также: Джебдет-паша, *Описание событий в Грузии и Черкесии*. Пер. с турецк., — «Русский архив», 1888, кн. 3, стр. 376.

²³⁹ Сб. РИО, т. 47, 1885, стр. 134—135.

²⁴⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 9, л. 56—56 об.

²⁴¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 3, л. 19.

²⁴² Там же, ч. 7, л. 20—20 об.; ч. 9, лл. 34—35; ч. 11, л. 47—47 об.

²⁴³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 5, лл. 78—79.

**РЕВАНШИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ,
РУССКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И РАССТАНОВКА СИЛ В ЗАКАВКАЗЬЕ
НАКАНУНЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
1787—1791 гг.**

обстоятельную записку, где развивал мысли об экономических и политических выгодах, которые Россия получит, приняв Имеретию под свое покровительство²⁴⁴.

Осенью турецкий посланец Селим-ага в третий раз появился в Кутаиси, предлагая царю от султана признание его царского достоинства. А между тем имеретинское посольство в России все еще не получало ответа на просьбу о принятии под покровительство. Конечно, не «зловредные слухи» были причиной этого, а общее направление русской политики в Западной Грузии: не давать формальных поводов для объявления войны. Екатерина II ограничилась любезным приемом послов на аудиенции, состоявшейся еще за год до этого (24 декабря 1784 г.), подарками и предложением ожидать решения.

Это ожидание не вознаградило имеретинское посольство. Соблюдая условия 23-й статьи Кючук-Кайнарджийского договора, подтвердившей «верховенство» Турции над Западной Грузией, русское правительство отклонило прошение имеретинских царей о принятии под покровительство. Это была явная сторона политики, формальная верность договору. Скрытой стороной той же политики было укрепление и развитие связей путем частой переписки с грузинскими деятелями, награждений, подарков, уверений в обязательной помощи и требования прощения о покровительстве «в запас». Таким образом, 23-я статья Кючук-Кайнарджийского договора нарушалась обеими сторонами.

При этом Турция свои действия основывала на сомнительном «праве» завоевания, тогда как деятельности русской дипломатии благоприятствовало взаимное тяготение грузинского и русского народов.

²⁴⁴ Там же, лл. 81—88.

1. Турция в роли «защитницы» Ирана

На переход Восточной Грузии под протекторат России турецкое правительство ответило тайными и явными призывами ко всем азербайджанским и дагестанским владетелям объединиться против России, не пускать ее ни в персидские, ни в турецкие владения и уничтожить дороги через Кавказские горы. Султан выступил в роли «защитника» Персии.

Сооружение дороги через Главный Кавказский хребет (1783—1784 гг.) особенно беспокоило Сулейман-пашу ахалцихского. По строительным масштабам того времени, при низком уровне техники и неудобствах транспорта и снабжения, это сооружение, потребовавшее огромного самоотверженного труда, поражало современников и вместе с тем вызывало страх феодалов, неуверенных в прочности своего положения. «Проклятые русские, — писал ахалцихский Сулейман-паша карабахскому Ибрагим-хану, — проложили путь через Кавказ... теперь пойдут артиллерия и войска, впадут в Персию и Турцию и все поглотят»¹.

По окончании строительства дороги командующий П. С. Потемкин поспешил отправиться в Тбилиси (в сентябре) в связи с сообщениями о волнениях в Закавказье, вызванных турецкой пропагандой.

Многочисленные донесения платных и бесплатных конфидентов Потемкиных, находившихся буквально во всех уголках Закавказья и Дагестана, свидетельствовали об энергичном натиске турецкой пропаганды и о военных приготовлениях турок. Все говорило о том, что Турция открывала в Закавказье новый фронт.

Летом 1783 г. в Потю появился трехбунчужный паша с 10 тыс. солдат. В конце того же года были назначены командующие вой-

¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, л. 331, ч. 3, л. 67—67 об.

сками в Трапезунд, Эрзурум и Ахалцихе, позднее — в Карс. Пограничные с Грузией паши вооружались; им внушили, что русские войска перешли Кавказские горы, чтобы отторгнуть Грузию от Турции². Ахалцихский, эрзурумский, кареский и баязетский паши вошли в сношения с Ереваном и другими азербайджанскими ханами, приглашая их к совместному нападению на царя Ираклия³. Сообщения о военных приготовлениях турок поступали со всех сторон. 18 апреля 1784 г. консул в Энзели Тумановский писал астраханскому губернатору Жукову: в Эрзуруме и Баязете собрано большое войско, командующий этими войсками находится в сношениях с азербайджанскими ханами и дагестанскими владетелями, он призывает их помочь Турции войсками, обещая участникам жалованье по 200 руб. в год⁴.

Отношения царя Ираклия с пашами соседних турецких пашалыков обострились. Последние негодовали на Ираклия за сближение с Россией; они заговорили с ним вызывающим и недоброежелательным тоном. Константинополь будоражили слухи о воинственных предприятиях русских и грузин⁵. В такой обстановке у Г. А. Потемкина появилась мысль совершить инкогнито поездку в Константинополь, чтобы путем личного контакта с руководителями турецкой внешней политики положить конец провокационным слухам и кривотолкам. Но такой контакт не состоялся. Я. И. Булгаков удержал Потемкина от поездки. «Прибытие ваше сюда, — писал он ему 15(26) марта 1784 г., — не может быть утаено и произведет суматоху в народе, коей и поныне еще Сераль и Порта опасаются...»⁶. Возможно, что Потемкин стремился к скорейшему и кардинальному разрешению с турецким правительством кавказско-иранского вопроса «без помех» от других.

Летом 1783 г. Ахалцихе стал сборным пунктом лезгинских отрядов. Они прокрадывались туда отдельными партиями по верховью Куры. Здесь получали деньги и инструкции. Участвовавшие нападения отрядов лезгин на Восточную Грузию после вступления ее под покровительство России не были случайными — эти отряды нанимал Сулейман-паша ахалцихский⁷. В феодальных войнах Закавказья лезгины играли до некото-

² Там же, ч. 1, лл. 27—28.

³ Там же, ч. 2, лл. 45—46.

⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 330, лл. 2—3.

⁵ Сб. РИО, т. 47, 1885, стр. 81—82, 83—90. Реляция Я. И. Булгакова от 15(26) сентября 1783 г. и «Журнал константинопольских происшествий», сентябрь 1783 г.

⁶ «Русский архив», № 11—12, 1866, стлб. 1574.

⁷ Сулейман-паша был по происхождению грузин, грузинкой (гурийкой) была и одна из его жен. В его владение входили 24 княжества, которые принадлежали князьям-грузинам, омусульманенным при завоевании Самцхе-Саатабаго (XVI в.).

рой степени ту же роль, что швейцарские и тирольские горцы в средневековой Западной Европе.

В то же самое время Сулейман-паша посылал царю заверения в сохранении прежних к нему чувств по причине дружеского расположения Ираклия ко двору турецкому и «условию» с ним⁸. Это был прямой намек на договор Ираклия с Турцией 1776 г. В ответ на изданный после заключения конвенции о Крыме (1784 г.) фирман султана с повелением не вредить Грузии паша сделал султану противоположное заявление: вредить нужно для того, чтобы не допускать усиления Грузии. После этого султан предоставил Сулейман-паше свободу действий вопреки договору с Россией⁹.

Турция начала антирусскую пропаганду и в самом Иране. Она искала дружбы Али Мурад-хана исфаганского. Чтобы расположить хана к туркам, султан разрешил, например, восстановить в Багдаде разоренную турками персидскую мечеть и отпустил на это несколько тысяч туманов¹⁰. Этот акт необычайной для турок веротерпимости был продиктован, конечно, политическими обстоятельствами. Как мы уже знаем, попытки турецкого правительства внушить Али Мурад-хану антирусскую и антигрузинскую политику были безуспешны.

«Ваша светлость изволите видеть, — писал 1 января 1784 г. П. С. Потемкин князю Потемкину, — что турки ищут со всех сторон рассыпать искры, могущие, по мнению их, произвести в здешних краях общее пламя». Порта проявляет «крайнее тщание» возбудить здешние народы¹¹. Эмиссары во главе с Халиль-эфенди, присланные по повелению султана в Закавказье осенью 1783 г., в апреле следующего года возвратились в Ахалцихе¹². Целью миссии было заключение союза Турции с азербайджанскими и дагестанскими владетелями против Грузии и России. Сулейман-паша ахалцихский рассылал воззвания, призывая всех правоверных к войне против русских¹³. Вместе с письмами турецкого правительства пашой рассылались и копии русской ноты, извещавшей Порту о принятии царя Ираклия под протекторат России с обязательством императрицы защищать его владения от всех врагов¹⁴. В глазах турок этот документ служил доказательством агрессивных замыслов России.

Халиль-эфенди, посетив Дагестан, Ширван и Карабах, направился затем в Ереван. Князь Андроникашвили, правитель

⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 5, лл. 209, 210—211.

⁹ Там же, д. 350, ч. 5, л. 68 об.

¹⁰ Там же, д. 350, ч. 2, лл. 18 об. — 20.

¹¹ Там же, д. 331, ч. 1, л. 3.

¹² Там же, ч. 5, л. 80.

¹³ Там же, ч. 6, л. 31—31 об.; ч. 3, л. 68—68 об.

¹⁴ Там же, ч. 3, л. 66—66 об.

Гянджи, назначенный Ираклием, известил последнего о маршруте турецкого гостя и предложил отобрать у него письма. Ираклий не разрешил. «Весьма благоразумно поступил царь, — писал П. С. Потемкин по этому поводу Бурнашеву (апрель 1784 г.), — воспретя отнять письма от Халиль-эфенди, турецкого эмиссара. Таковые письма достают скрытым образом, а не насильно, и двор наш не потерпел бы насилия сделанного»¹⁵. Турецкий эмиссар, посетив ханов, возвратился к Ибрагим-хану в Шушу, ставшую его штаб-квартирой. За ним следили. Царь Ираклий писал Бурнашеву 19 апреля, что он послал в Шушу людей, чтобы «украсть письма»¹⁶. О деятельности этой миссии Потемкин получил точную информацию от уцмня кайтагского Амир Гамзы.

Заклучить военный союз и организовать военное выступление эмиссару Халиль-эфенди не удалось благодаря мерам, принятым при содействии самих дагестанских феодалов. В январе 1784 г. в Шуше у Ибрагим-хана собралось войско до 8 тыс. человек. Вооруженные отряды привели сын хунзахского владетеля, племянник уцмня кайтагского, сын шамхала тарковского, Али-султан дженгутайский, несколько старшин из Чечни, соблазнившись подарками и деньгами от Сулейман-паши¹⁷.

Узнав об этом собрании, П. С. Потемкин тогда же послал дагестанским владетелям письма с просьбой вызвать их сыновей и племянников от Ибрагим-хана и не допускать ухода их в Ахалцихе¹⁸. Это было исполнено.

В феврале уцмий кайтагский Амир Гамза представил письмо к нему от Сулейман-паши относительно набора войск. Паша просил прислать 300 человек, обещая давать по 60 руб. жалованья, халат и все, «что ограблено будет в Грузии». Кроме того, он предлагал прислать человека за получением давно уже не выдававшегося жалованья уцмию. Письма подобного содержания были направлены также шамхалу Муртазали тарковскому, Умма-хану аварскому, Мухаммед-хану казикумухскому, Али-султану дженгутайскому и другим владетелям Дагестана — всего 24 письма. 5 марта П. С. Потемкин отослал эти письма Г. А. Потемкину-Таврическому¹⁹.

Умма-хан аварский, доставив П. С. Потемкину письмо, присланное ему Сулейман-пашой, предлагал свои услуги. Шамхал тарковский Муртазали, как бы в ответ на послание из Ахалцихе, прислал грамоту о принятии его под покровительство России.

Итак, сыновья и племянники дагестанских феодалов откликнулись на призывы турецкого эмиссара сбором вооруженных людей, а сами владетели (их отцы и дяди) на обращение к ним русского командования ответили уверениями в усердии и преданности. Возможно, что феодалы хотели угодить и той и другой стороне.

Чтобы ослабить антигрузинскую феодальную коалицию, П. С. Потемкин тогда же разослал извещение о заключении между Россией и Турцией конвенции о Крыме. Посланные им офицеры возвратились нагруженные письмами владетелей, выражавших желание быть верными России и готовыми служить ей. 30 мая и эта корреспонденция была направлена Г. А. Потемкину²⁰.

О непопулярности антирусской пропаганды в Закавказье со стороны Турции и о боязни ее свидетельствовал факт широкого распространения слухов о деятельности миссии Халиль-эфенди, несмотря на тайну, которой она была окружена. О происках турок в Закавказье русское командование получало сведения со всех сторон.

Вступая в сношения с иранскими ханами, Турция обратила особое внимание на Ереван. Военно-стратегическое значение Ереванской крепости, самой сильной в Закавказье, было очень велико. В прошлом Турция делала неоднократные попытки овладеть крепостью — этим ключом к Восточному Закавказью. Важно было и экономическое значение Еревана для Грузии. Одной из задач Халиль-эфенди было организовать выступление Еревана против Грузии. Через С. Д. Бурнашева П. С. Потемкин в феврале 1784 г. советовал Ираклию следить за поведением нового ереванского хана, о двуличии которого он знал от многих своих азербайджанских конфиденентов. Он советовал также Ираклию занять Ереван²¹ и запрашивать Г. А. Потемкина, должно ли препятствовать туркам завладеть этой крепостью. Турки уже предпринимали к этому шаги. В Ереван прибыли послы от пашей Ахалцихе, Карса, Эрзурума и Баязета, якобы для выражения соболезнования ереванскому Уламали-хану по случаю смерти его отца. На самом же деле их задачей были переговоры о передаче крепости туркам за определенную денежную сумму.

Вскоре (летом 1784 г.) Уламали-хан был убит вместе с братом после годичного жестокого управления. Ему наследовал его двенадцатилетний сын Мухаммед. Приход к власти несовершеннолетнего хана, мать которого была грузинкой, означал усиление в Ереване влияния царя Ираклия. Опасаясь перехода крепости в руки Ираклия, Сулейман-паша ахалцих-

¹⁵ Там же, ч. 4, л. 33.

¹⁶ Там же, ч. 5, л. 23.

¹⁷ Там же, ч. 1, лл. 79—80 («Записка» Ираклия II, январь 1784 г.).

¹⁸ Там же, лл. 81—83.

¹⁹ Там же, ч. 3, л. 4.

²⁰ Там же, ч. 5, лл. 93, 94—97.

²¹ Там же, ч. 2, л. 39—39 об.

ский содействовал соглашению между Ахмед-султаном, одним из наиболее влиятельных феодалов Еревана, и Ахмед-ханом хойским о захвате крепости²². Тогда же в Ереван были посланы фирман султана Абдул-Хамида и письма турецких пашей, призывавших жителей Еревана к войне с царем Ираклием и русскими. В Эрзурум были доставлены от Порты деньги, а ахалцихскому, баязетскому и карсскому пашам посланы приказы собирать войска для «защиты» Еревана от царя Ираклия²³.

Турция взяла на себя роль «защитницы» Ирана и ислама. В султанском фирмане ереванскому хану шла речь о единстве мусульман, о том, что «тифлисский царь» старается склонить азербайджанских ханов к России и тем «злодейски погубить». В фирмане упоминалось о назначении Ахмед-хана хойского командующим войсками и о рассылке прочим ханам фирманов с приглашением вовремя извещать «наших пашей и визирей», чтобы они могли подать помощь²⁴. Сулейман-паша сообщал ереванскому хану, что всем пашам велено спешить на помощь Еревану²⁵. Карсский паша угрожал Ираклию разорением его владений, если он не оставит дружбу с русскими царями²⁶.

Захват турками Ереванской крепости был бы слишком большим ударом для русско-грузинской политики. Ни царь Ираклий, ни русская дипломатия допустить этого не могли. В Ереване шла борьба между сторонниками Ираклия и его противниками, искавшими поддержку у Турции. Ираклий направил к Еревану двухтысячный отряд. Ереванцы поспешили уверить царя в своей преданности. Мухаммед-хан ереванский тогда же (в августе 1784 г.) написал Сулейман-паше, что будет служить царю Ираклию²⁷. К приезду П. С. Потемкина в Тбилиси ереванский вопрос был временно улажен.

1784 год был отмечен усиленной активностью Турции в Закавказье. Осенью сюда прибыло из Константинополя новое многочисленное посольство (около 60 человек) во главе с Ибрагим-эфенди. На этот раз оно доставило ханам не только фирманы и письма, но и богатые подарки от султана Абдул-Хамида. В публично оглашавшемся фирмане Абдул-Хамид призывал мусульман к «священной войне», к защите Ирана и Дагестана и к объединению для отражения «российского предприятия»²⁸.

Посольство Ибрагим-эфенди явилось якобы ответом на призывы Азербайджана и Дагестана о помощи, дошедшие до султана через Халиль-эфенди. Однако факт обращения дагестанских и азербайджанских владетелей, в том числе и Фатали-хана, за помощью к Турции вызывает величайшее сомнение. Слухи об этом обращении исходили главным образом от злейших врагов Фатали-хана — уцмий кайтагского Амир Гамзы и Умма-хана аварского, которые при этом советовали русскому командованию занять Дербент, Баку, Шемаху и владения Фатали-хана, а также просили не препятствовать их борьбе против него. Информации же подобного рода, поступившие от конфидента Яковлева и консула Скилича из Энзели, потому не вызывают доверия, что вся их деятельность оказалась сомнительного свойства²⁹. Царь Ираклий, будучи соперником Фатали-хана, все же не допускал мысли о сближении его с турками: «Мне кажется оное невозможным»³⁰, — писал он П. С. Потемкину 16 июля 1784 г., по-видимому, отказавшись от предположений, высказанных им весной прошлого года.

Результатом пребывания турецкого посольства Ибрагим-эфенди (осень 1784 — весна 1785 г.) в Закавказье явилось не только усиление волнений, но и заключение (весной 1785 г.) военного союза между Ахалцихе и азербайджанскими и дагестанскими владетелями — ширванским, нухинским, карабахским, хойским, а также джарскими старшинами, Баматом бойнакским и некоторыми другими. Договор был закреплен клятвой. Депутаты от союзных ханов вместе с Ибрагим-эфенди направились в Константинополь. Эта подробная информация была дана П. С. Потемкину С. Д. Бурнашевым в донесении от 22 апреля³¹.

Объединенного выступления союзников против Грузии и России, однако, не произошло, так как русский поход в Закавказье, слухи о котором послужили поводом к заключению союза, не состоялся. Союз же вскоре распался.

Султанское правительство ошиблось в своих расчетах на азербайджанских ханов, в особенности на Фатали-хана, поддержка которого могла бы обеспечить успех губительной для Грузии политики. Подкупы не привели азербайджанских ханов в русло этой политики. Чувства ненависти к России, возбуждавшиеся турецкой пропагандой, не имели прочных оснований. «Усердие» феодалов к турецким интересам не было надежным. Азербайджанские ханы, хотя и воевали постоянно друг с другом, но от дружбы с Турцией уклонялись³².

²² Письмо мирзы Гургена Ираклию II, лето 1784 г., — там же, ч. 8, л. 8.

²³ Там же, л. 11.

²⁴ Фирман султана Абдул-Хамида ереванскому Мухаммед-хану, август 1784 г., — там же, лл. 54—55.

²⁵ Там же, л. 56.

²⁶ Там же, л. 57.

²⁷ Там же, л. 51.

²⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 2, л. 4 об.

²⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 6, л. 8; д. 331, ч. 5, л. 80; д. 350, ч. 5, лл. 24—25 об.; д. 331, ч. 4, л. 2—2 об.; д. 331, ч. 7, л. 74—74 об.

³⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 7, л. 35.

³¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 5, лл. 63—64.

Ибрагим-хан карабахский и Ахмед-хан хойский продолжали сношения с турками. Конечно, не симпатия к султану и единство интересов были причинами двуличной политики Ибрагим-хана — дело шло о сохранении ханской власти. По словам Ираклия, Ибрагим-хан ранее всегда был против сближения с Турцией³². Теперь оба хана стали орудиями турецкой политики. Поскольку деятельность турецкой агентуры обычно не встречала в Азербайджане сочувствия, привлечение в турецкий стан двух крупных азербайджанских ханов могло бы рассматриваться как значительный успех турецкой пропаганды, если бы приверженность этих ханов к Турции не вызвала сомнения. Все же историк Джевдет-паша называет Ахмед-хана приверженцем Высокой Порты³³. Именно через него действовала Турция в Ереване. В 1785 г. он выдал свою тридцатилетнюю дочь за тринадцатилетнего Мухаммед-хана эриванского. Казалось, Ереван ускользал от царя Ираклия. «Нет сомнения, — писал С. Д. Бурнашев П. С. Потемкину 31 июля, — что Еривань с сего времени подвластна будет более Ахмед-хану, нежели царю Ираклию, куда могущая рука возвратит ему оную»³⁴ (г. е. до тех пор, пока Россия не выступит против хана).

Ахмед-хан хойский имел поддержку нахичеванского хана, враждебного Ираклию, и был другом Ага Мухаммед-хана Каджара. После взятия им в 1785 г. Тебриза он был особенно опасным соперником. В феврале 1786 г. Ахмед-хан был убит своим племянником.

Для борьбы с Россией и Грузией Турции нужен был единый фронт. Традиционным лозунгом к такому единству был призыв мусульман к «священной войне» против неверных. На этот раз (в марте 1785 г.) знамя «священной войны» поднял на Северном Кавказе имам Ушурма (шейх Мансур). С ним установил связь Умма-хан аварский, готовивший выступление против Грузии. Еще раньше (в феврале) он писал Ушурме о подарках, привезенных ему Ибрагим-эфенди от султана. По повелению султана Умма-хан побуждал Ушурму действовать и обещал сам прибыть к нему³⁵. Вместе с Ушурмой действовали и казикумухские феодалы и другие дагестанцы. По свидетельству историка Джевдет-паши, «пот религиозного рвения» выступил на челе дагестанцев по получении фирманов и подарков султана, и они поклялись извести тифлисского хана,

видя в нем главную опасность, надвигающуюся со стороны России³⁶.

План захватить дорогу через Кавказские горы и Кизляр, оттеснить назад Кавказскую линию потерпел, однако, полное крушение. В конце 1786 г. Ушурма, преследуемый русскими войсками, скрылся в ущельях Западного Кавказа и здесь волновал закубанцев, найдя свой последний приют у анапского паши³⁷.

В то время как летом 1785 г. Ушурма водил чеченцев на Кизляр, а феодалы и подчиненные Ираклию мусульманские провинции волновались, в Восточной Грузии бесчинствовали лезгинские феодалы. В 1785 г. разорение Грузии лезгинами приняло систематический и организованный характер.

Уже осенью 1784 г. генерал-поручик Потемкин потребовал от Сулейман-паши прекращения лезгинских набегов. В ответ паша указал на то, что не имеет власти над лезгинами: «Они иной с нами нации суть». В беседе с русским офицером, присланным от П. С. Потемкина, паша выразил свое крайнее неудовольствие царем Ираклием, паша выразил свое крайнее неудовольствие царем Ираклием за то, что тот якобы обманул его, так как прежде неоднократно «обнадеживал покориться Порте». Затем Сулейман-паша сделал крайне удивившее русскую власть предложение вместе свергнуть Ираклия и поставить царем князя Александра Бакарова. По мнению паши, это легко будет сделать, так как царевич Александр находится в России. «Не можно с здравым рассудком таковые делать изъяснения»³⁸, — заметил по этому поводу П. С. Потемкин в письме Г. А. Потемкину от 26 ноября.

Русское командование сделало попытку договориться и с влиятельным эрзурумским пашой Гаджи Али-беем, направив к нему летом 1785 г. специальное лицо, поручика Теслана. Результаты этой миссии в делах архива Потемкина не отразились. По более раннему сообщению С. Д. Бурнашева от 22 апреля 1785 г., Гаджи Али-бей заверял Ираклия в своей дружбе и просил царя сообщать ему о поступках Сулейман-паши ахалцихского³⁹.

«Дружелюбно настроенный» Гаджи Али-бей, однако, вскоре доставил в Ахалцихе семь пушек, сделанных «по-европейски». Но снабдить пушками также и хойского Ахмед-хана он не успел: ему помешала смерть, как доносил 31 июля П. С. Потемкину С. Д. Бурнашев⁴⁰. Готовя выступление против царя

³² Джевдет-паша, *Описание событий в Грузии и Черкесии...*, — «Русский архив», кн. 1, 1888, стр. 385.

³⁷ Н. А. Смирнов, *Шейх Мансур и его турецкие вдохновители*, — «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 19—39; его же, *Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках*, М., 1958, стр. 135—162.

³⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 9, л. 26—26 об.

³⁹ Там же, д. 350, ч. 5, л. 64 об.

⁴⁰ Там же, ч. 9, л. 108.

³² Письмо Ираклия II П. С. Потемкину от 16 июля 1784 г., — ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 7, л. 35.

³³ Джевдет-паша, *Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 года по 1202 год Хиджры (1775—1784)*, — «Русский архив», кн. 1, 1888, стр. 381.

³⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 9, л. 108.

³⁵ Там же, д. 350, ч. 3, л. 36—36 об.

Ираклия, Порта назначила в том же 1785 г. Сулейман-пашу сераскером, а его сына — пашой.

Начало больших карательных экспедиций против Грузии было положено весной 1785 г. нападением лезгино-турецкого отряда в 3 тыс. человек на русско-грузинский отряд, охранявший у Сурами подступы к Картли. Нападавшие были разгромлены. Это, по словам С. Д. Бурнашева, «ожитворило весь народ» — таковы были моральные последствия этой победы⁴¹.

Приготовления феодалов Южного Дагестана во главе с Умма-ханом аварским для нападения на Грузию велись уже давно под прикрытием слухов о том, что они направлены против Фатали-хана.

На новое требование русского командования удержать лезгин от нападения Сулейман-паша ответил, что он «с россиянами никакого сношения иметь не хочет, а имеет дело с царем Ираклием»⁴². Выступление было оплачено: султанские деньги турецким приспешникам развозил Гарай-бек, родственник казикумухского хана, обосновавшийся в Турции на пенсии султанского правительства.

Царь принял меры защиты: у него собрались 8 тыс. вооруженных; у Бурнашева были под ружьем 1059 человек. Лезгин собралось около 20 тыс., из них только половина были конные, остальные, по словам донесения Бурнашева П. С. Потемкину от 15 сентября, «крайне худое войско», без ружей, терпели крайнюю нужду в продовольствии⁴³.

Нападение Умма-хана в 20-х числах сентября на Ахталский завод в Борчалу и серебряные рудники произошло неожиданно, так как Умма-хан сначала предпринял ложное движение на Тбилиси, на подступах к которому расположились грузино-русские отряды, а затем вторгся в Борчалу. Крепость, старинная церковь, завод и рудники были разрушены до основания, забраны пленные и добыча. Разрушение завода и рудников было бы сильнейшим ударом по экономике Грузии, если бы через год завод не был восстановлен. 5 ноября 1786 г. Бурнашев сообщил П. С. Потемкину, что для охраны завода он выделил две роты солдат с орудием⁴⁴.

Чтобы «пресечь дальнейшее разорение Грузии», генерал-поручик Потемкин, по указанию Г. А. Потемкина, возобновил сношения с Умма-ханом, а также разослал своих офицеров к владельцам Закавказья с напоминанием о том, что Грузия находится под покровительством России. Сношения с Умма-ханом были оплачены ценными подарками, как это видно из со-

⁴¹ Там же, ч. 5, л. 57—57 об.

⁴² Донесение С. Д. Бурнашева от 19 августа, — там же, ч. 9, л. 15 об.

⁴³ Там же, лл. 106—107.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 12, лл. 17—18 об.

общения П. С. Потемкина Г. А. Потемкину-Таврическому 2 октября 1785 г.⁴⁵.

Теперь Умма-хан аварский очутился в очень выгодном положении: его одаривали с обеих сторон — и с русской, и с турецкой. П. С. Потемкин считал (донесение Г. А. Потемкину от 20 декабря 1785 г.), что отвлечь Умма-хана от турок «есть средство задарить более, нежели, сколько турки дали; нет сомнения в том, что он отнюдь туркам не предан, но, видя слабость царя и пользуясь подарками от Солейман-паша присланными, и добычей в Грузии, поступил на оное»⁴⁶. С царем Ираклием Умма-хан вступил в денежную сделку: за 10 тыс. единовременной выдачи и 5 тыс. ежегодного «жалования» он отказался от «наказания» Грузии по приказу султана, а П. С. Потемкину сообщил: «С царем Ираклием ссоры кончаю»⁴⁷.

Турция была материально заинтересована в набегах лезгин на Грузию. На основании сведений из турецких источников в известном труде Цинкейзена сообщается, что в первом полугодии 1786 г. было продано в Константинополе не менее 3200 грузин⁴⁸. Заинтересованность Турции в этой отрасли государственной торговли отчасти выразилась в том упорстве, с каким она отстаивала свои «права» на протекторат над Восточной Грузией и на «верховенство» над Черкесией и Западной Грузией.

Царь Ираклий, его посол Чавчавадзе и полковник Бурнашев продолжали настаивать на усилении военной помощи. «Откровенно скажу, — писал Ираклий П. С. Потемкину 14 октября 1785 г., — ежели войском и деньгами не поможете, то мы подвержены великой крайности. Непременно требуем и просим помощи в октябре, которую вы должны исполнить, а то разорится отечество наше»⁴⁹. П. С. Потемкин, который постоянно получал ответы на свои запросы с большим опозданием, направил к князю Потемкину не только письмо Ираклия, но и его посланца архимандрита Гайоза (секретаря Ираклия) для личных переговоров.

Гарсеван Чавчавадзе писал Г. А. Потемкину в ноябре того же года, что одному царю не совладать с нападающими на него, так как Грузия «растерзана почти внутренними злодеями»⁵⁰, т. е. враждовавшими с Ираклием картлийскими феодалами.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 9, л. 105.

⁴⁶ Там же, ч. 11, л. 44—44 об. Подчеркнуто нами. — О. М.

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 2, лл. 7 и 112.

⁴⁸ J. W. Zinkeisen, *Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*, T. VI, Gotha, 1859, S. 570.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 1, л. 15.

⁵⁰ Там же.

Царь Ираклий и русское правительство считали, что Турция стремится разорить Грузию для того, чтобы лишить русские войска продовольствия и чтобы соседние области «удалить от искания покровительства России»⁵¹, как писал Г. А. Потемкин императрице в октябре 1785 г. При заключении договора о покровительстве полагали навсегда разрешить лезгинский вопрос и обеспечить жителям спокойствие. Но для этого необходимо было «достаточное число» войск, а не два батальона, посланных в Грузию. Г. А. Потемкин еще в письме Екатерине II от 29 сентября 1784 г. выражал опасение, что малое количество войск еще более может усилить «дерзость»⁵². Так и случилось. Получая просьбы о присылке войск, русское командование было в большом затруднении: посылать было некого. Все горские народы взбунтовались, дороге сейчас поправлять некому, а по неисправленной дороге артиллерию и обозы пропустить нельзя, писал 15 августа 1785 г. временно командовавший Кавказским корпусом генерал Леонтьев С. Д. Бурнашеву «Не худо, думаю, — советует Леонтьев, — пропустить вам слух для ободрения народа, что войска наши собираются и скоро выступят к вам»⁵³.

Почему же русское правительство не посылало дополнительные войска в Грузию? Во-первых, увеличение войск могло бы вызвать «без времени» войну с турками, которой старались избежать, так как к ней совершенно не были готовы. Во-вторых, причиной были трудности в доставке войск в Грузию и в снабжении их. Первые встречи с турками показали превосходство военной организации русских и слабость турок. Но двух батальонов (менее 2 тыс. солдат), стоявших в Грузии, было недостаточно для полной ликвидации разбойничьего нашествия на Грузию, предпринятого Турцией.

Защищая Грузию от нападения обычном конных отрядов лезгин, полковник Бурнашев постоянно перемещал свои пехотные части с одного места на другое. Отсутствие конных войск было большим недостатком в этой утомительной борьбе. 7 августа 1785 г. в донесении генералу Леонтьеву Бурнашев выражал желание иметь хоть сколько-нибудь конных войск. Еще раньше, 10 октября 1784 г., П. С. Потемкин, побывав в Тбилиси, просил Г. А. Потемкина-Таврического о замене изнуренных батальонов новым полком⁵⁴.

Из 24 орудий, подлежащих доставке в Грузию по Георг

⁵¹ Там же, д. 72, л. 166—167 об.

⁵² «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VIII, Одесса, 1872, стр. 210—211.

⁵³ «Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева. бывшего в Грузии с 1783 по 1787 год». Собрал и издал С. П. Бурнашев, под ред. проф. А. А. Цагарели, СПб., 1901, стр. 30.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, л. 350, ч. 9, л. 113—113 об.; л. 331, ч. 8, л. 72.

гневскому договору, лишь 14 орудий были подвезены с помощью осетин к границам Грузии, и то только через пять лет после заключения договора⁵⁵.

Далеко не благополучно обстояло дело и со снабжением войск Кавказской линии снарядами и порохом. Генерал-поручик Потемкин информировал Г. А. Потемкина 9 сентября 1785 г.: «Предписал подвинуть два полка к Моздоку в том виде, чтобы слух движения по крайней мере ободрил грузин и разглашен был между нападающими на Грузию... Пороху отпустить царю грузинскому, как ваша светлость усмотреть изволите, я приказал, наблюдая токмо, чтобы не оскудеть в оном самим»⁵⁶.

Плохо обстояло дело и с командным составом. Генералов и способных офицеров было мало. Помимо того, мощност Кавказского корпуса была ослаблена тем, что его войска были разбросаны на огромной территории. Численный состав корпуса, согласно рапорту П. С. Потемкина (1 октября 1785 г.), равнялся 13 841 человеку, исключая больных, которых числилось 771 человек⁵⁷. Войска были утомлены, амуниция пришла в ветхость, не хватало продовольствия. Денег из России давно не получали.

Продовольственный кризис сыграл немалую роль в доставке дополнительных войск в Грузию. Конечно, если бы провиант заготавливался по вольным рыночным ценам, как предлагал весной 1783 г. П. С. Потемкину царь Ираклий, прокормление войск было бы лучше обеспечено. Царь вполне основательно предполагал, что с прибытием войск в Грузию хлеб в цене повысится. Он предложил поэтому определенную таксу на хлеб и вообще на продовольствие для войск, исходя при этом из интересов хлебопашцев, а не казны. Ираклий считал, что такая политика побудит крестьян везти хлеб на рынок, не утаивая хлебных запасов, а кроме того, будет побуждать к увеличению посевов. Заставлять же крестьян принудительными мерами отдавать хлеб, по мнению царя, было несовместимо с милостями императрицы грузинскому народу⁵⁸.

Эта разумная продовольственная политика встретила, однако, возражение со стороны русского правительства. Русское командование настояло на том, чтобы провиант заготавливался по ценам, положенным по штатам, как было обусловлено договором о протекторате. По штатной цене четверть муки стоила 1 р. 20 к., а по рыночной цене, предложенной Ираклием, — 3 р. 75 к. Генерал-поручику Потемкину столь боль-

⁵⁵ Ведомость, представленная генерал-аншефом Текелли Г. А. Потемкину от 9 сентября 1788 г. — ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 481, л. 231.

⁵⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 9, л. 8—8 об.

⁵⁷ Там же, лл. 125—126.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, лл. 90—91.

шая разница показала недопустимой. Он настаивал на том, чтобы царь «вразумился» тем параграфом трактата, который говорит о штатных ценах⁵⁹.

В дальнейшем, 9 февраля 1786 г., главнокомандующий Потемкин предписал заготовлять провиант по ценам согласно предложению царя Ираклия, платежа не уменьшать⁶⁰. 23 марта он писал провиантмейстеру Козлянинову: «Каждый земледелец охотно повезет к вам остатки своего запаса, если будет уверен, что продаст сходною ценою без затруднения и остановки и получит за то чистые деньги. Старайтесь подать сии мысли и утвердить их в оных непременно своим поведением»⁶¹.

Планируя в 1790 г. поход русских войск в Азию, Г. А. Потемкин предполагал содействие флота, между прочим, и с той целью, чтобы подвозить продовольствие, иначе «опыт доказал, что нечем будет кормить; иметь же флот — иным образом диверсия будет»⁶². То же положение сохранилось и в середине 90-х годов. И тогда командовавший войсками на Кавказской линии Гудович находил невозможным послать в Грузию дополнительные войска по причине недостатка продовольствия⁶³.

Все же, как показывает переписка между П. С. и Г. А. Потемкиными, от дополнительной переброски войск в Грузию с улучшением положения на линии не отказывались⁶⁴.

Переписка Ираклия с Чавчавадзе с особой убедительностью свидетельствовала об обострении положения в царстве Картли-Кахетии. Чавчавадзе видел выход в установлении более тесных связей с Россией через пожалование Г. А. Потемкину владения в Грузии (в районе горной дороги) и брак его с дочерью Ираклия Анастасией. Сближение с Россией, по мнению Чавчавадзе, приведет к появлению благоустроенных городов, учреждению в них различных фабрик, развитию купечества, возникновению художеств — все к пользе Грузии. «К неисцелимой болезни должно изыскивать и сильные лекарства»⁶⁵, — убеждал он Ираклия.

В эти осенние и зимние месяцы 1785—1786 гг. между царем Ираклием и его послом шла оживленная переписка не только по вопросу о получении помощи из России, но и по вопросам внутреннего положения Грузии и о причинах ее бедствий. Только часть этих писем имеется в архиве Потемкина,

⁵⁹ Письмо П. С. Потемкина В. С. Томаре от 3 июня 1783 г., — ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 93—93 об.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 399, л. 16 об.

⁶¹ Там же, л. 25.

⁶² ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 16, л. 135—135 об.

⁶³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36/611, л. 203.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 2, лл. 1—2.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 5, лл. 132—138, цит. л. 136.

но и она дает представление о настроениях и надеждах грузинских деятелей, о планах устранения беспорядков внутренней жизни. Если лица, стоявшие у власти, обменивались письмами о «неисцелимой» болезни, требующей «сильных лекарств», то ясно, что положение Грузии в конце XVIII в. было в высшей степени тяжелым. Это подтверждают и многие лица, изучавшие положение в Грузии в 70-х годах, — Львов, Языков, академик Гюльденштедт.

В конце 1785 г. генерал-поручику Потемкину был послан ордер оповестить «все народы» о прибытии на линию князя Г. А. Потемкина. Войска получили приказ готовиться к инспекторскому смотру, велено было собрать сведения о Каспийской флотилии⁶⁶. Ждали приезда в течение многих месяцев. Генерал-поручик Потемкин писал 25 марта 1786 г. командующему Каспийской флотилией Шишкину: «Хотя он новых предписаний не имеет, но на основании прежних думает, что его светлость «предполагает учинить знаменитый подвиг»⁶⁷. Но Г. А. Потемкин не приехал и никакого «подвига» не совершил. Возможно, что слух о его приезде был распушен для устрашения врагов вследствие недостатка более действенных средств.

2. Русско-иранские отношения в 80-х годах

После смерти Али Мурад-хана русская дипломатия снова взялась за изучение обстановки в Иране⁶⁸. «Точнейшее познание сил и состояния знатнейших владельцев теперь необходимо... — писал главнокомандующий Г. А. Потемкин П. С. Потемкину 8 мая 1785 г. — Я рекомендую вам ласкать отлично хана астрабадского, если он усилился, не потерял еще преимуществ, одержанного чрез разбитие войск Али Мурад-хановых. Но если кто другой успел превзойти его, то и тому послать стороною внушать, чтоб приберг к е. и. в-ву. Я не поставлю произведения сего трудными. Али Мурад-хан умер, но желание шахства не умрет ни в ком»⁶⁹. На этом «желании» русская дипломатия и строила свои планы, выжидая случая, чтобы войти в переговоры с более сильным кандидатом.

В истории с Али Мурад-ханом русское правительство действовало в высшей степени осторожно и выжидательно, не форсируя событий и не навязывая своих решений. Еще более

⁶⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 11, л. 4.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 336, ч. 2, л. 56.

⁶⁸ Наставление П. С. Потемкина командированному в Персию армянину Якову Токотлову, май 1785 г., — ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 5, л. 76—76 об.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 10, л. 173.

сдержанной была политика по отношению к другому кандидату на шахский престол — Ага Мухаммед-хану Каджару. Сношения начались первоначально с обострения отношений, что несомненно было вызвано сомнительным поведением капитана Войновича, действовавшего вопреки данным ему инструкциям. Но на оскорбление, нанесенное Ага Мухаммед-ханом командиру эскадры Войновичу, ответили оскорблением посла Ага Мухаммед-хана, который прибыл в Петербург просить мира и дружбы. Посол был выслан со «внушением».

Взаимные чувства обиды постепенно, однако, сгладились. Хан продолжал искать дружбы России и после поступления Восточной Грузии под покровительство России.

18 апреля 1784 г. консул Тумановский сообщил из Энзели астраханскому губернатору Жукову, что Ага Мухаммед-хан весьма ныне благосклонен и расположен к русским купцам⁷⁰. Русское правительство не спешило, однако, с выражением ответных чувств, так как в это время Ага Мухаммед-хан терпел поражения в борьбе с Али Мурад-ханом. Русское правительство особенно интересовало вопрос: не имеет ли хан связей с турками. На это последовал категорический отрицательный ответ от прибывшего в 1784 г. в Астрахань посла от хана. Он заявил, что примирить Персию и Турцию так же невозможно, как соединить огонь с водой.

После смерти Али Мурад-хана Ага Мухаммед-хан овладел Ширазом и Тегераном, а затем изгнал своих братьев Муртазу Али и Мустафу из Мазандерана. Братья просили помощи у России и были обнадежены обещанием милостей⁷¹. Но с милостями не спешили. Через несколько месяцев (31 марта 1786 г.) П. С. Потемкин запросил Г. А. Потемкина, что же делать ему с посланцем от братьев. Если он вернется, не получив определенного ответа, ему угрожает казнь⁷².

Отсутствие ответа не означало, однако, отсутствия видов русской дипломатии в отношении этих ханов. Г. А. Потемкин писал императрице в октябре 1785 г., что они пользуются любовью народа и соседних туркмен, что их «усердие» может быть полезно России. Он считал, что в случае дальнейшего усиления Ага Мухаммед-хана следует способствовать примирению братьев. Если Ага Мухаммед-хан не пойдет на меры, предполагаемые Россией в отношении Персии, то его братья могли бы быть употреблены против него⁷³.

В ожидании войны с Турцией русская дипломатия стала проявлять больше внимания своим отношениям с Ага Мухаммед-ханом. Звезда этого хана поднималась все выше. В 1786 г.

он взял Исфаган и затем Гилян, упорная борьба против которого с переменным успехом продолжалась уже несколько лет. Гедает-хан гилянский, не получивший поддержки России, был в конце концов предательски убит.

После взятия Исфагана Ага Мухаммед-хан более явно искал дружбы с Россией. Послав князю Потемкину извещение о победе, он сообщил при этом, что освободил в Исфагане грузина Аллавердия, заключенного при Зендах. Таким образом он давал понять, что при Каджарах политика в отношении Грузии будет иной. Он уверял Г. А. Потемкина: «Зависимые мне в Персии народы ничего противного с Россией не имеют... пишу письмо сие для утверждения моей с вашей светлостью дружбы»⁷⁴. Хан выражал желание развивать без помех торговлю с Россией.

В ответном письме в декабре 1786 г. Г. А. Потемкин выразил желание «ненарушимой связи между обоими государствами» и дал понять, что освобождение грузина принял за знак расположения к России⁷⁵. Поведение хана «подает повод надеяться всегда доброго с ним согласия»⁷⁶, писал Г. А. Потемкин генерал-поручику Потемкину. Выражал он удовлетворение приходом к власти Ага Мухаммед-хана и по другим поводам. Завоевание Гиляна ставило торговлю России с Ираном всецело в зависимость от политики Ага Мухаммед-хана. Не удивительно поэтому, что в начале 1787 г. к хану было отправлено поздравление от обоих Потемкиных с ценным подарком.

Вместе с посланцем Потемкиных отправился и посланец царя Ираклия — князь Заза Сологашвили. Усиление хана не могло не беспокоить Грузию. Ираклий уже установил контакт с Ага Мухаммед-ханом через князя Захария Цицишвили, которого он посылал к Ага Мухаммед-хану с подарком и уверениями в дружбе. Через Цицишвили Ага Мухаммед-хан просил Ираклия содействовать заключению союза его с Россией. В благодарность за посредничество Ираклию была предложена дружба и территориальное вознаграждение за счет Северного Азербайджана⁷⁷. Ага Мухаммед-хан явно стремился к разжиганию вражды и ослаблению обоих соперников: Ираклия и Фатали-хана, непримиримого противника Каджара.

На поздравление Потемкиных хан ответил дружественными письмами и посольством Мирзы Мамед Аги к императрице. Он писал П. С. Потемкину (в июле 1787 г.), что дружбу с Россией считает благом⁷⁸. Это благо он не отделял, однако,

⁷⁰ Там же, л. 22—22 об.

⁷¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 399, лл. 105 об. — 106.

⁷² Там же, л. 105.

⁷³ Донесение С. Д. Бурнашева П. С. Потемкину от 9 апреля 1787 г., — ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 175 об.

⁷⁴ Там же, л. 311.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 330, лл. 2, 3 об.

⁷¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, лл. 107—108 об.

⁷² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 2, л. 71.

⁷³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, лл. 152—153 об.

от верховных прав на Восточное Закавказье. На «предполагаемые о Персии» меры он не подавал никаких надежд, что стало ясно с приездом его посланника. По этой причине в Петербург посланник не был пропущен. «Как поступки Аги Мухаммед-хана и его посланного мало обещают добра, то нужно приласкать нам более Муртазали Кули-хана, брата его, усердием и привязанностью к России отличающегося»⁷⁹, — писал Г. А. Потемкин генерал-поручику Потемкину 19 августа 1787 г. Вместе с тем он приказал отрядить два фрегата к дербентским берегам на случай нужды в них Муртазали-хана, который, получив убежище в России, терпеливо и настойчиво ожидал помощи против Ага Мухаммед-хана

3. Расстановка сил в Закавказье накануне русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

Перед войной 1787—1791 гг. в Закавказье происходили большие изменения в расстановке сил, обусловленные стремлением его народов принять покровительство России. Эти изменения до некоторой степени ослабляли противоречивость во внутренних отношениях закавказских владетелей и благоприятствовали общим интересам России и народов Закавказья. Неизбежно надвигавшийся кризис (война с Турцией) поставил вопрос о роли Закавказья в этой войне. Посылать дополнительные войска и открывать в Закавказье театр военных действий — это не соответствовало реальным возможностям русского государства в то время. Флот еще не был достроен, удобных путей сообщения с Закавказьем не существовало, продовольствия не хватало даже для небольших военных частей, расположенных в Грузии. К тому же и финансовые возможности Российской империи, несмотря на ее обширность, были слишком далеки от благополучия.

В ожидании войны русское правительство выдвинуло план концентрации военных сил на своем правом фланге, полагая на левом применить главным образом политические средства, а именно привлечение кавказских владетелей под покровительство России. К реализации этого плана принимались самые энергичные меры. Верховная власть, утверждая 26 августа 1786 г. проекты Потемкина («Положение о горских народах» и проект организации «земского войска»), прямо указывала, что делает это, «приняв за благо способы, вами начертанные, к примирению кавказских народов и к утверждению их верности и привязанности к нам...»⁸⁰. Императрица наде-

лила Потемкина чрезвычайными полномочиями, «по сродному нам человеколюбию», как говорилось в ее рескрипте от 15 октября 1786 г., «на сношение, переписку, трактование со всеми окрестными там владельцами и правителями и на употребление деятельных мер, каковых слава наша, польза службы нашей и благо народов, к покрову нашему притекающих, востребуют»⁸¹. Но «челолюбие» и прочие высокие чувства, о которых так часто заявлялось в рескриптах императрицы, лишь прикрывали соображения более реального и практического свойства, как, например, стремление к утверждению русского влияния в Закавказье и в Передней Азии.

«Имея полную мочь от е. и. в. на принятие народов тамошних под державу и в службу ее величества, — писал Потемкин послу Булгакову 13 декабря того же года, — и на заключение с ними постановлений, спешу я произвести в действо сии предположения, обеспечивающие Грузию от бедствий, коими она прежде была подвержена, предохраняющие от набегов границы наши и утверждающие всегдашнюю того края от России зависимость»⁸². «Земское войско», или милиция горских народов, учреждалось не только для отпора туркам местными силами, но и для того, чтобы, как писал Г. А. Потемкин императрице в апреле 1786 г., тем самым «народы тамошние удобнее обуздать от набегов на Грузию»⁸³.

Сообщая генерал-поручику Потемкину 19 октября 1786 г. о ежегодном отпуске 50 тыс. руб. на содержание «земского войска», Г. А. Потемкин с полной ясностью определил цели организации: «Дабы таким образом, имея их в своей зависимости, учинить полезным государству, особливо тут уважен Ум-хан аварской»⁸⁴. То же было сказано и об ежегодном отпуске 60 тыс. руб. на организацию «грузинского войска»: «Нанимать и тех и других мне, а не царю, чтобы они были в пользу Грузии, но в повелениях наших»⁸⁵.

По-видимому, верховное командование осознало ошибочность проводившейся до сих пор политики, направленной на установление гегемонии Грузии в Закавказье без усиления военных средств. Ничтожность сил, посланных в Грузию, лишь увеличила «дерзость» нападавших на нее. Еще в 1784 г., по получении отчета о поездке генерал-поручика Потемкина в Грузию, Г. А. Потемкин предположил этот результат.

Новый план имел в виду укрепление обороны Закавказья, в противоположность плану 70-х годов, когда спешили вовлечь Грузию в войну с Турцией. Выдвижение нового плана было

⁸¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, л. 31, лл. 6—7.

⁸² «Русский архив», 1865, стлб. 407—410. Подчеркнуто нами. — О. М.

⁸³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 72, л. 202.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 399, лл. 87—88.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, лл. 32, 176.

⁷⁹ Там же, л. 476 об.

⁸⁰ Сб. РИО, т. 27, 1880, стр. 374.

подказано не только состоянием собственных материальных ресурсов, но и стремлением истощенных взаимной борьбой феодальных владений получить покровительство России. Это стремление усиливалось по мере нарастания внешней опасности со стороны Турции; оно было необходимым условием для того, чтобы новый план мог привести к положительным результатам.

В то время, когда Турция открыто силилась поднять весь Кавказ против России и Грузии, когда на Северном Кавказе уже действовал имам Ушурма, а в Закавказье сеяло раздор турецкое посольство Ибрагим-эфенди, Фатали-хан дербентский и кубинский стал особенно настойчиво стремиться к осуществлению общей с Россией политики и к установлению прочного мира с царем Ираклием. Общность коренных жизненных интересов двух близких народов — азербайджанцев и грузин, нередко объединявшихся перед лицом внешних врагов, помогла преодолеть взаимное недоверие и побудила стремиться к сближению и миру.

Из переписки Г. А. Потемкина за вторую половину 1785 г. видно, что Фатали-хану теперь уделялось особое внимание. Будучи в Петербурге, П. С. Потемкин лично передал письма Фатали-хана князю Потемкину, а по возвращении на линию отправил в Петербург его посланца Гаджи Ибрагим-бека. Сообщая об этом хану 9 декабря 1785 г., П. С. Потемкин выразил желание возобновить с ним дружеские отношения и предложил прислать верного человека «для личного объяснения»⁸⁶.

Русская дипломатия стремилась примирить Фатали-хана с царем Ираклием, используя для этого все усиливавшуюся заинтересованность хана в поддержке России. После смерти Али Мурад-хана, на уступчивость которого в кавказских вопросах такие большие надежды возлагала Россия, отпала надобность препятствовать действиям Фатали-хана в Южном Азербайджане. Его главный здесь соперник — Ахмед-хан хойский, проводивший протурецкую политику и успевший при участии Ибрагим-хана из Карабаха и урмийского хана Ахмеда взять в 1785 г. Тебриз, был, как уже говорилось, в следующем году убит своим племянником. Теперь русская политика, направленная на сближение с Фатали-ханом, могла в конечном счете привести к столкновению с Ага Мухаммед-ханом. Но в Петербурге этого избегали, так же как и чрезмерного усиления Фатали-хана. Тем не менее война угрожала. Дальновидный Фатали-хан уже давно заметил на южном горизонте Закавказья тень «каджарской опасности» и готовил Азербайджан на борьбу с ней.

Г. А. Потемкин выделял Фатали-хана из числа других ха-

нов. Он писал Екатерине II, что Фатали-хан особенно достоин внимания «по связям политическим с прочими ханами и по владению, довольно обширному. Самое его честолюбие могло бы иногда быть полезно для службы вашего величества, если только употребить оное будет благоугодно»⁸⁷. Подобного же мнения о Фатали-хане был и П. С. Потемкин, полагавший, что Фатали-хан «не отречется отдать Баку и Дербент», если при покровительстве России сможет «достичь обладания Персией»⁸⁸.

Осенью 1786 г. от Фатали-хана прибыло на линию посольство мирзы Садыка. Фатали-хан писал, что полученное им от Потемкина письмо дает ему повод «продолжать услуги ее величеству сугубо», что он никогда не выступал против России и имеет «не слабую возможность» быть полезным ей в отношении Турции, Дагестана и соседних ханств, «не для приобретения себе корысти, но для прославления своего имени»⁸⁹.

Мирза Садык представил П. С. Потемкину интересную записку, дающую представление о политическом искусстве Фатали-хана⁹⁰. Демонстрируя свое могущество и убеждая в выгодах сближения с ним, хан пытался прельстить русскую дипломатию возможностями завоеваний в Иране. В ответ на это хану был передан через мирзу Садыка присяжный лист для оформления поступления под покровительство, о котором он так часто напоминал, и выражено желание о размещении русских гарнизонов в Баку и Дербенте.

Между тем на пути примирения царя Ираклия с Фатали-ханом произошли новые сдвиги. Ираклий предложил Фатали-хану мир и союз. Посланный им тбилисский купец Степан Евангулов заезжал и к П. С. Потемкину за письмом к хану. Потемкин убедительно упрашивал Фатали-хана примириться с царем Ираклием для общей пользы. «Польза сия тем ощутительна, — писал он 6 декабря 1786 г., — что как царь грузинский Ираклий, так и вы, почтенный хан, имеете ближайшее соседство с владельцем, который ищет всех, ложно лстя, дружбой обманывать»⁹¹.

Под «владельцем» подразумевался, конечно, Ага Мухаммед-хан, утвердившийся к этому времени в Гиляне и овладевший уже всем Ираном, за исключением Хорасана. Перед лицом могущественного завоевателя интересы Грузии, Азербайджана и России были общими.

⁸⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/104, д. 72, л. 18 об.

⁸⁸ Там же, л. 228—228 об.

⁸⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, л. 184—184 об.

⁹⁰ Там же, лл. 186—187.

⁹¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 4, лл. 255—256 об. На обратном пути Степан Евангулов был убит, и ответные письма Фатали-хана к Ираклию и П. С. Потемкину доставлены не были (ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 99).

⁸⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 11, л. 51.

В марте следующего года в Тбилиси прибыл новый посланец от Фатали-хана — мирза Рагим. Фатали-хан писал Ираклию о желании вступить с ним в союз. Об этом же он писал и П. С. Потемкину⁹². Ответ был отправлен с известным грузинским дипломатом Гурген-беком, и тогда же, в марте 1787 г., союз между Картли-Кахетским царством и Кубинским ханством был заключен. Почти тридцать лет враждовали Фатали-хан и царь Ираклий, поднимая друг на друга азербайджанских и дагестанских феодалов. Общий интерес борьбы с внешней агрессией заставил их прекратить вражду.

Теперь союз обязывал Фатали-хана действовать в пользу Ираклия, отвлекать силы других ханов от нападения на Грузию. Вместе с тем он развязывал руки Фатали-хану для борьбы с Ага Мухаммед-ханом в Южном Азербайджане, так как гарантировал его от нападений с тыла. Союз играл положительную роль и в армянском вопросе, являя собой серьезную угрозу Ибрагим-хану карабахскому и помогая царю Ираклию в борьбе с ним. Он подавал надежду и в разрешении гянджинского вопроса с большей выгодой для интересов Грузии.

Союз имел значение для установления равновесия в самом Закавказье. Он укреплял позиции России в Закавказье, облегчая борьбу как с турецкой, так и каджарской опасностями. Этот азербайджано-грузинский союз должен был стать точкой опоры русской политики в Закавказье.

Готовясь к встрече с турками, русское правительство возлагало особые надежды на сохранение спокойствия в Закавказье с помощью Фатали-хана. «Потщитесь, ваше превосходительство, царей Ираклия грузинского и Давида имеретинского соединить союзом. Общими силами с присоединением Фет Али-хана в состоянии они будут одержать преимущество над врагами нашими»⁹³, — писал Г. А. Потемкин 26 августа 1787 г. командующему на Кавказской линии генералу Текелли⁹⁴. Теперь сам главнокомандующий вступил в переписку с Фатали-ханом. «Я надеюсь, — писал он ему 25 августа 1787 г., — что в рассуждении Грузии и прочих подвластных России народов не оставите вы поступать так, как истинному доброхоту надлежит. Сим окажете вы услугу ее императорскому величеству»⁹⁵.

Положительные результаты азербайджано-грузинского союза сказались очень скоро. Когда однажды дагестанские и азербайджанские феодалы получили от султана подарки и

фирманы⁹⁶, Фатали-хан доставил присланный ему фирман генерал-поручику Потемкину и просил предупредить всех владельцев, чтоб они не делали попыток напасть на Грузию.

Письма об этом были направлены ко всем дагестанским владельцам. Что же касается азербайджанских владельцев, то генерал-поручик Потемкин, опасаясь нарушить суверенитет Ирана, запросил о них (12 августа 1787 г.) Г. А. Потемкина⁹⁷. Такой союзнический акт наиболее влиятельного владельца Фатали-хана в отношении Грузии означал крах попыток Турции поднять феодалов Закавказья против царя Ираклия. Не случайно никто из феодалов не использовал для нападения на Картли-Кахетию даже такой, казалось, благоприятный момент, как русско-турецкая война.

Турция вновь выступила на «защиту» Еревана против царя Ираклия, она хотела овладеть — это уже не в первый раз — важнейшей крепостью Восточного Закавказья. В фирмане от июня 1787 г. на имя нового Хусейн Кули-хана хойского было заявлено: «По безначалию, тифлисский вали (Ираклий II. — О. М.) призвал россиян для разорения Адрибиджана и наших земель. Однако ж позабыл, что мы имеем право защищать государство, не имеющие своего государя, и отдать Ерань (Ереван. — О. М.) на расхищение никогда не согласимся, а потому приказали мы баязетскому, ванскому и мушинскому начальникам — когда вам потребны будут войска — давать оные; если же тифлисскому вали воздумается перейти через свои границы, то Мустафе, арзрумскому паше, приказано помогать»⁹⁸. Генерал-поручик Потемкин запросил 19 июля 1787 г. инструкции свыше: как поступать, если турки действительно подойдут к Еревану, ведь объявления войны еще не было?⁹⁹

В ожидании войны России с Турцией феодалы Дагестана начали искать покровительства России. 21 февраля 1787 г. посольство от крупнейшего в Дагестане владения — шамхальства Тарковского прибыло в штаб П. С. Потемкина с заявлением нового Мухаммед-хана о принятии в «подданство». Решение о принятии покровительства было вынесено на собрании старейшин. Посольство отправилось в Петербург. Акту вручения грамоты о покровительстве русская власть хотела придать «вид великолепия». Проект церемониала был послан на утверждение князя Потемкина. Но царскую грамоту, присланную из Петербурга со специально командированным лицом, вручить не удалось из-за отсутствия хана, занятого междоусобной войной. Генерал-поручик Потемкин был смущен. Отсутствующий шамхал в доказательство своей преданности и верности

⁹² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, лл. 123—125.

⁹³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 461, ч. 1, лл. 514 об. — 515.

⁹⁴ Генерал-поручик П. С. Потемкин был в это время отозван на европейский фронт войны с Турцией.

⁹⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 461, ч. 1, л. 510.

⁹⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 76 об.

⁹⁷ Там же, ч. 2, лл. 11—12.

⁹⁸ Там же, ч. 1, л. 355—355 об.

⁹⁹ Там же, л. 351.

сти прислал в августе 1787 г. П. С. Потемкину письмо, полученное им от великого везира Юсуфа, призывавшего к нападению на Грузию и обещавшего помощь султана¹⁰⁰.

Через несколько месяцев шамхал затребовал грамоту, но она была уже отправлена в Астрахань. В феврале 1788 г. он вновь просил доставить ему грамоту, чтобы удостовериться в ее существовании¹⁰¹. Вскоре он умер. Его преемник принял подданство в 1792 г.

Теперь, когда Турция самым очевидным образом шла на разрыв с Россией и так настойчиво предъявляла свои права на Закавказье, русское правительство не находило более нужным считаться с ее дипломатическими запросами в отношении Закавказья. Обстановка здесь была сложной. Несмотря на уверения в усердии и преданности русскому престолу, закавказские и дагестанские владельцы не сразу выразили готовность принять покровительство России. Россия была великой державой, но идеологические связи с единоверной Турцией и власть султана-халифа тяготели над массами реакционных феодалов. Распространение слухов о «великих награждениях от Порты» также удерживало дагестанских владельцев от подачи просьб о российском протекторате, который, со своей стороны, привлекал их тем, что, казалось, лишал царя Ираклия перевеса над ними. Ханы выжидали, и П. С. Потемкин 13 апреля сообщил князю Г. А. Потемкину, что счел нужным повторно обратиться к некоторым из них¹⁰².

В начале июня Фатали-хан прислал с мирзой Садыком заявление о принятии его в «подданство» со всеми его областями¹⁰³. Этот шаг, сделанный на пороге войны с Турцией, о неизбежности которой Фатали-хан не мог не знать, свидетельствовал о его решительном отказе от сближения с турками и от содействия им.

Фатали-хан писал, что он передает себя в зависимость, подобно царю Ираклию, и напоминал П. С. Потемкину, что тот обещал снискать ему за верность и усердие «монаршее благоволение и награждение паче грузинского царя Ираклия»¹⁰⁴. «Фет Али-хан дербентский идет в подданство, — писал 14 августа Г. А. Потемкин Безбородко, — сие открывает новые способы, но нужно, чтоб было время, хотя мало созреть»¹⁰⁵. Под «новыми способами» разумелись, очевидно, средства достиже-

ния мира в Закавказье. Время же нужно было для проверки прочности этого явно обрадовавшего русских дипломатов намерения хана.

По приказанию Г. А. Потемкина к хану был немедленно отправлен нарочный с письмом, обнадеживающим в получении царских милостей. Посол же его был задержан до получения новых известий из Дагестана. 15 января 1788 г. Потемкин сообщил императрице, что эти известия подтвердили действительную приверженность хана к России. Своими военными действиями он ослабил силу Умма-хана аварского, «страшного для Грузии по сделанному от него разорениям». Он намерен идти против Ибрагим-хана шушинского, «через что мною могут поправиться дела царя карталинского»¹⁰⁶. Таким образом, приверженность Фатали-хана к России проверялась его действиями в пользу Грузии. В марте того же года мирза Садык был направлен в Петербург¹⁰⁷.

Одним из первых прибыл к Потемкину также посланец Умма-хана аварского. Кроме благодарности за письмо и за подарок, он привез от хана также проект прошения о покровительстве для предварительного просмотра.

В свое время в связи с организацией «земского войска» хану было назначено ежегодное пособие в 6 тыс. руб. и послан перстень стоимостью 2 тыс. руб. «Весьма нужно побудить сего хана к подержанию себя под державу ее императорского величества», — писал Г. А. Потемкин 25 декабря 1786 г. генерал-поручику Потемкину¹⁰⁸. Прапорщик Филатов, посланный к хану, застал его в нерешительности: к какой стороне примкнуть? Хан только что получил от султана 8 тыс. червонных, богато украшенную саблю и соболью шубу. Щедрые дары, привезенные Филатовым от русских властей, хан, однако, оставил у себя и отправил со своим посланцем просьбу о принятии его в «подданство»¹⁰⁹.

Умма-хан просил генерал-поручика Потемкина быть посредником в его споре с Ираклием из-за уплаты «жалованья» 5 тыс. червонных, но тот отказался. Тогда Умма-хан снова стал готовиться к походу на Грузию и попытался привлечь дагестанцев-кумыков. Потемкин послал кумыкам «запретительное письмо»¹¹⁰. Он упрекнул затем Ираклия за обострение отношений. Объяснив причину прекращения уплаты «жалованья» (отказ Умма-хана дать аманатов), Ираклий с возмущением писал, что грузины не деньги должны собирать для хана, а го-

¹⁰⁰ Там же, ч. 2, л. 62—62 об.

¹⁰¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 481, 1788, л. 61—61 об.

¹⁰² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 150.

¹⁰³ Прощение Фатали-хана, письма его к П. С. и Г. А. Потемкиным и донесения П. С. Потемкина князю Потемкину от 8 и 13 июня 1787 г., — там же, лл. 290—293 об., 307.

¹⁰⁴ Там же, л. 293 об.

¹⁰⁵ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VIII, 1872, стр. 203.

¹⁰⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, л. 47—47 об.

¹⁰⁷ Там же, л. 68.

¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 699, лл. 106—107.

¹⁰⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 388.

¹¹⁰ Там же, л. 11 об.

говить «ружейные пули и острые сабли», чтобы тем его встретить¹¹¹.

Даже казикамухский хан, турецкая ориентация которого была для русского командования очевидна, теперь тоже стал выражать «дружественные» чувства к России. 6 мая 1787 г. он прислал П. С. Потемкину учтливое письмо и пленного русского гренадера, обещая прислать и остальных пленных. 28 августа генерал-поручик Потемкин отправил князю Г. А. Потемкину прошение хана о принятии его в «подданство»¹¹².

Еще раньше, в начале января 1787 г., выразил желание принять «подданство» и усердный осведомитель русского командования, уцмий кайтагский¹¹³. Ему была послана для образца копия присяжного листа шамхала тарковского. Хотя уцмий и продолжал уверять в своей готовности к услугам и в июне сообщил П. С. Потемкину, что посланец от него скоро прибудет¹¹⁴, тем не менее прошения о подданстве он так и не прислал.

Установка на заключение соглашений с дагестанскими, а затем и с азербайджанскими ханами не относилась, однако, к Ибрагим-хану карабахскому. Армянский вопрос препятствовал сближению. Прощение хана о подданстве уже второй год дожидалось в Петербурге ответа, который никак не поступал, несмотря на почести, оказанные в Петербурге карабахскому послу Мусе-хану. Русская дипломатия предпочитала неопределенность в отношениях с ханом, опасаясь за участь армян, его подданных. Защищать интересы хана, как покровительствоемого российской императрицей, в случае согласия на его прошение, вовсе не соответствовало видам политики, направленной на восстановление независимой Армении. Предпочитали поэтому сдерживать активность хана в отношении армян, удлиняя хану сроки ожидания.

Смерть в феврале 1786 г. хойского Ахмед-хана, политического единомышленника Ибрагим-хана, ослабила позиции последнего и, наоборот, укрепила положение Ираклия. Весной того же года Ибрагим-хану угрожала коалиция, составившаяся из Фатали-хана, ширванского и шекинского ханов¹¹⁵. Поводом для раздора между Фатали-ханом и Ибрагим-ханом по-прежнему являлась Гянджа. Поход на Карабах собирался уже четвертый раз. Ибрагим-хан снова просил помощи у Ираклия. Азербайджанские ханы, воюя друг с другом и враждуя с Ираклием, однако, постоянно обращались к нему или за по-

мощью или за посредничеством. В этот раз помощь Ибрагиму не была оказана: его политика в отношении царя Ираклия была вероломной. Ибрагим-хан сделал попытку отделаться от совместничества Ираклия по управлению Гянджой. Но царь не мог допустить усиления Ибрагима в Гяндже. «Тифлис потерпит от этого великий убыток по купечеству», — писал полковник С. Д. Бурнашев П. С. Потемкину 1 июня 1786 г., характеризуя обстановку в Азербайджане¹¹⁶. Ибрагим-хан стал притеснять купцов из Тбилиси и требовать высоких пошлин. Тогда же он сделал попытку вытеснить Ираклия и из Еревана. Но организованный им заговор против Мухаммед-хана был своевременно раскрыт.

Агентура Ираклия имела обширные связи. Его посланцы постоянно посещали ханов и владельцев. Теперь, после смерти Ахмед-хана хойского, Ираклий особенно стремился улучшить свои позиции в Южном Азербайджане. Летом 1786 г. его доверенное лицо, посланное в Хой, возвратилось с посланцами хойского, урмийского и тебризского ханов. Все они теперь были настроены против Ибрагим-хана, обвиняли его в коварстве и в сношениях с турками. Тогда же приехал с ними и посланец ереванского хана с данью. В разговоре Ираклия с ними главное место занимал вопрос о противодействии турецким проискам. Эта «конференция» представителей южно-азербайджанских ханов летом 1786 г. с Ираклием свидетельствовала о большом дипломатическом искусстве последнего.

Отношения Ибрагим-хана и Ираклия в конце 1786 г. носили уже явно враждебный характер. В начале следующего года царь Ираклий, имевший под ружьем до 6 тыс. человек, предлагал С. Д. Бурнашеву совершить совместный поход на Карабах. Бурнашев уклонился под тем предлогом, что Карабах являлся иранским владением¹¹⁷.

В борьбе с Ибрагим-ханом царь опирался на армян. Его политика в отношении армян стала активной. Мелики Апо и Манжмун, враждовавшие с Ибрагим-ханом все эти годы, открыто восстали против него. Укрепившись в своих замках, они просили у Ираклия разрешения на переселение в Грузию. Согласие царя означало открытую войну с Ибрагим-ханом. Армяне из Гянджи тоже задумали переселение в Грузию в количестве 2500 дворов под начальством мелика Мисаила. Их депутаты заявили в Тбилиси, что если гянджинским армянам дадут земли в Грузии, они переселятся под власть царя Ираклия. Обо всем этом Бурнашев известил П. С. Потемкина 14 сентября 1787 г.¹¹⁸.

¹¹¹ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XXIII, д. 13, ч. 20, лл. 239—240. Письмо переведено 8 августа 1787 г.

¹¹² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 2, лл. 45, 51.

¹¹³ Там же, ч. 1, лл. 6—7.

¹¹⁴ Там же, л. 296.

¹¹⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 2, л. 224.

¹¹⁶ Там же, л. 253.

¹¹⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 57 об.

¹¹⁸ Там же, ч. 2, лл. 100—102 об.

В июне 1787 г. Ираклию доставили письмо, написанное Ибрагим-ханом султану, свидетельствовавшее о деятельных сношениях этого хана с турками. «Законный наш государь! — писал Ибрагим-хан, иранский подданный, султану. — Если нас подкрепите, то врагов нашего закона поставим вверх ногами»¹¹⁹. Хан призывал турок в Закавказье. Для собственных выгод он готов был содействовать видам Порты на Ереван, Гянджу и «побережные места».

Генерал-поручик Потемкин тем же летом, перед войной, уверял царя, что ни Турция, ни ахалцихский паша не осмелятся оскорбить Россию нападением на Грузию¹²⁰. Но вряд ли он сам был уверен в этом, раз запрашивал Г. А. Потемкина, как поступить в том случае, если турецкое войско подойдет к Еревану, чтобы отнять его у царя Ираклия.

Для ослабления напряжения в Закавказье руководители русской дипломатии прибегли к переговорам Ираклия с пашой ахалцихским Сулейманом. Г. А. Потемкин писал императрице, что с ее соизволения царь Ираклий для выигрывания времени примирился с пашой ахалцихским¹²¹. Что касается османского правительства, то в предвидении войны с Россией оно, опасаясь партизанских нападений грузин, пыталось нейтрализовать Грузию. Не рассчитывая более на успех своей антирусской и антигрузинской политики в Азербайджане после тех неудач, которые она здесь потерпела, Турция вступила в переговоры с царем Ираклием о мире и дружбе. Эта турецкая «дружба» имела своей главной целью разрыв связей Кардли-Кахетии с Россией, изгнание русских из Закавказья и затем полное подчинение Восточной Грузии Турции. Уверенное в крушении этих видов, русское правительство не только не опасалось мирных переговоров Ираклия с Турцией, но, как видим, само наводило на них. Документы, сохранившиеся в архиве Потемкина, дают отчетливое представление о позиции Ираклия во время этих переговоров. Для него вопрос заключался только в том, чтобы обезвредить турок до прихода русской помощи.

Приступая к переговорам с Ираклием, султан разослал эрзурумскому, ванскому, баязетскому, карсскому и ахалцихскому пашам фирманы, призывающие их быть хорошими соседями царя Ираклия. По этому случаю паша со своей стороны обратился к царю с дружественными письмами. Особенно красноречивым было письмо недавно назначенного сераскером эрзурумского Баттал-паши, сына знаменитого Джаникли-паши. «Слышно от проезжающих, — писал Баттал-паша

Ираклию, — что желание ваше есть снискать опять покровительство одного государя (султана. — О. М.), а сие и послужит к лучшему». Это выражение дает повод думать, что инициатива переговоров исходила от Ираклия. Баттал-паша номинально Ираклию о его «благоденствии» под покровительством султана, уверял, что причина несчастий Грузинского царства — в обличении с русскими, и даже угрожал войной в случае непринятия покровительства султана¹²².

Переpravляя 31 июля 1786 г. письмо Баттал-паши П. С. Потемкину, Ираклий просил увеличить количество войск, уверяя, что недостатка в провианте не будет¹²³. Он писал, что только крайность принудила его начать переговоры, что состояние его страны уже не дозволяет ему «терпение иметь в медленных милостях и помощи»¹²⁴.

Сулейман-паша предъявлял царю Ираклию следующие требования: 1) настоять на выводе русских войск; если же этого сделать нельзя, то не требовать их увеличения; 2) пожалованную артиллерию в Грузию не ввозить; 3) русские войска, стоящие в Грузии, в поход с собой к границам не водить. За это Сулейман обязывался не содержать в Ахалцихе ни одного лезгина, доставить Ираклию утвердительную грамоту на неприкосновенность владения Гянджой и Ереваном и удерживать горские народы от нападений на Грузию. В письме Сулейман-паши говорилось, что если царь вовсе отклонится от союза с Россией, то его ждут «великие за то награждения» от Порты, он получит в управление «многие окрестные земли»¹²⁵.

Ясно, что, если Турция предлагала утвердить за Ираклием обладание Гянджой и Ереваном, которые были подвластны Ирану, и дать ему в управление многие «окрестные», т. е. азербайджанские земли, она тем самым простирала свою власть и на Азербайджан. Вести переговоры в предложенном направлении Ираклий отказался, несмотря на угрозы вызвать кару султана. Тогда Сулейман-паша предложил заключить сепаратное соглашение о взаимном ненападении.

Русская дипломатия была готова помочь сепаратистским устремлениям паши. «Хорошо было бы, если Сулейман-паша к независимости бы приступил»¹²⁶. — писала императрица 26 июля Г. А. Потемкину. Паша был извещен о возможности получить поддержку с русской стороны для приобретения независимости от Порты. Но миссия к Сулейман-паше «по отвлечению его от турок» оказалась неудачной, как писал Потемкин Екатерине 8 сентября 1786 г. Паша заявил, что если

¹¹⁹ Там же, ч. 1, лл. 101, 357.

¹²⁰ Там же, ч. 1, л. 326—326 об.

¹²¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, л. 32, л. 21 об.

¹²² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, л. 20, ч. 3, л. 37—37 об.

¹²³ Там же, лл. 39—40.

¹²⁴ Там же, ч. 1, л. 24 об.

¹²⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, л. 366, ч. 2, лл. 248—251.

¹²⁶ Сб. РИО, т. 27, 1880, стр. 372.

будет война и победит Россия, то он покорится ей, и тогда покажет «все фирманы, к нему посланные», но до того никаких переговоров вести не может¹²⁷.

В связи с переговорами Ираклий направил к П. С. Потемкину своего дипломата, князя Сулхана Туманишвили, который был у Потемкина при заключении Георгиевского договора и о котором он так лестно отзывался императрице. Туманишвили должен был ознакомить Потемкина с предложениями паши о сепаратном соглашении. Первое предложение — о выводе русских войск сначала было отклонено, как подлежащее компетенции верховного правительства. Но потом оказалось, что без пункта о войсках составить соглашение невозможно.

Турецко-грузинские переговоры по «сепаратному условию» закончились к октябрю. Выработанное соглашение имело в виду интересы обороны и безопасности обеих сторон. Царь Ираклий должен был в мирное время (т. е. когда нет войны между Россией и Турцией) не держать более 3 тыс. русских войска и не воевать с пашой; в случае обиды он мог защищаться своими и русскими войсками. Сулейман-паша обязался: 1) не позволять лезгинам и дагестанцам нападать на Грузию, брать в плен грузин и торговать ими; 2) не вести с соседними владетелями переговоров против царя Ираклия; 3) не разрешать сбора турецких войск на границах Грузии¹²⁸.

Вопрос о выводе русских войск особенно интересовал великого везира. В этом пункте царь сделал уступку. Он писал великому везиру (сентябрь 1786 г.), что в его договор с Сулейман-пашой включено условие: «Чтоб сверх пожалованных нам всемилостивейше трех тысяч российских войск не вводить более в отечество наше к унятию злодеев»¹²⁹. Это вызвало некоторое неудовольствие Г. А. Потемкина, который отметил первый пункт договора как превышающий права Ираклия. «Хотя царь в пункте числа войск поступил далее, нежели мог, но как сие уважение не заслуживает, то и можно извинить его неосторожность, от торопливости происшедшую», — писал Потемкин Екатерине II 10 декабря 1786 г.¹³⁰

Сулейман-паша, однако, неожиданно вернул проект договора и дал понять, что грузинский вопрос через месяц получит «совершенный конец». Паша, конечно, намекал на военное разрешение этого вопроса, очевидно, желая запугать Ираклия и принудить его к новым уступкам. Секретарь Сулеймана тайно уведомил царя: паша недоволен тем, что царь не отправил прошения султану; мира с Грузией не будет, пока русские

войска там находятся¹³¹. Турция начала добиваться полного разрыва Грузии с Россией.

В конце октября 1786 г. Сулейман-паша предъявил царю новые агрессивные требования: дать двух аманатов в удостоверение преданности Ираклия Порте и отозвать из Петербурга двух царевичей, сыновей Ираклия¹³². Обстановка при дворе царя обострилась. Ближайшее окружение царя настаивало на принятии условий паши. В результате новых переговоров царь все же согласился дать аманатов. Решение об этом было принято на заседании большого Совета 16 декабря. Царь считал, что он должен договориться с турками, ибо, как он писал П. С. Потемкину, «видим явную погибель царства нашего»¹³³.

Сулейман-паша был прекрасно осведомлен обо всем происходящем в Тбилиси, «зная все сокровенности царского дома чрез князей ему прибежных, коих здесь весьма немало»¹³⁴. Одно из писем Сулеймана к царице Дареджан довольно определенно рисует ту большую роль, которую играла в переговорах с ахалцихским пашой эта властная женщина, стремившаяся к разделению царства на уделы и к обеспечению царского престола за своими собственными детьми, помимо законного наследника Георгия, ее пасынка. «Насилу теперь между братом моим и мной, по вашему посредству, примирение последовало, — писал Сулейман-паша царице Дареджан 28 февраля 1787 г., — князь Кайхосро Абашидзе уведомил меня, сколь великое вы имели желание помирить нас, и единственно по вашему старанию восстановлено между нами согласие... Старайтесь о мире, а милостей и казны требуйте от меня, старайтесь о мире, когда любите ваших детей»¹³⁵. Предположение полковника Бурнашева (донесение П. С. Потемкину от 9 апреля) о единомыслии Дареджан с турками не лишено оснований¹³⁶.

Окончательные условия ратификации договора были изложены в письме Сулейман-паши от мая 1787 г.: удалить чужеземные (т. е. русские) войска, уничтожить новую дорогу в Россию, не заключать союзов с другими государствами и прислать султану заявление о своей преданности¹³⁷.

Ответ Ираклия был отрицательным. Ираклий напомнил Сулейман-паше (июнь 1787 г.), что русские войска защищают

¹³¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 2, лл. 30—33.

¹³² Сб. РИО, т. 47, 1885, стр. 193—194.

¹³³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 27—27 об.

¹³⁴ Донесение С. Д. Бурнашева П. С. Потемкину от 29 декабря 1786 г., — там же, лл. 21—23 об.

¹³⁵ Там же, л. 177. Подчеркнуто нами. — О. М.

¹³⁶ Там же, л. 175 об.

¹³⁷ Там же, л. 317.

¹²⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 72, л. 222 об.

¹²⁸ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 59—60.

¹²⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 1, л. 26—26 об.

¹³⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, л. 21 об. См. также письмо Я. И. Булгакову, — Сб. РИО, т. 47, 1885, стр. 192.

его от беспокойства со стороны соседей, которых паша сам поднимал против Грузии¹³⁸. Но паша продолжал настаивать и просить о присылке письма для султана. Он крайне сожалел, что султанский посланец Гаджи Измаил-паша уезжает, не получив этого письма. Грузинские князья в Ахалцихе поддерживали просьбу пашы¹³⁹. Но царь остался непреклонным.

Тянувшиеся больше года переговоры с турками закончились в июле 1787 г. Остался в силе сепаратный оборонительный договор с ахалцихским пашой о ненападении и взаимопомощи.

Утверждая «дружбу с турками», царь Ираклий продолжал по-прежнему напоминать русскому командованию о присылке войск «по силе трактата», о чем свидетельствуют его письма за летние месяцы 1787 г.¹⁴⁰. Политика Ираклия в отношении турок была двойственной. Но это был ответ на такую же политику, проводившуюся Сулейман-пашой. Последний стремился объединить Умма-хана аварского с Ибрагим-ханом карабахским для общих действий против Ираклия, чтоб «помощников и доброжелателей России» искоренить, а царя Ираклия лишить престола¹⁴¹.

В это же время Турция открыто участвовала в междоусобной войне, происходившей в Имеретии между двумя Давидами — царем и царевичем, внуком Ираклия. Царевичу было сообщено из Ахалцихе, что ему присланы из Стамбула милостивый фирман, шуба и деньги, что к нему прибудет вспомогательное войско¹⁴². Потерпев поражение, царевич скрылся в Ахалцихе.

Положение в Имеретии осложнилось еще и усилением классовой борьбы. С. Д. Бурнашев писал П. С. Потемкину (19 августа 1785 г.): «Мужики своевольничают, не слушают ни дворян, ни царя и не дают никакой подати государю своему, отчего его светлость в крайней бедности, часто бывает без хлеба и вина»¹⁴³. Через год в Имеретии произошло серьезное крестьянское восстание: до 4 тыс. крестьян поднялось против помещиков. Когда царь запросил о причинах возмущения, то «мужики прислали 20 старшин, кои прямо объявили его светлости, что если он не согласится уволить их совершенно от подданства дворянам, то они изберут другого себе царя»¹⁴⁴.

¹³⁸ Там же, л. 320.

¹³⁹ Там же, ч. 2, л. 28.

¹⁴⁰ Там же, ч. 1, лл. 372—373, 374—375, 376—379.

¹⁴¹ Письмо Сулейман-пашы Ибрагим-хану, 1787 г., — ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 185, лл. 141—142.

¹⁴² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 2, л. 8.

¹⁴³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 9, л. 14.

¹⁴⁴ Из донесения С. Д. Бурнашева П. С. Потемкину от 24 августа 1786 г., — ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 4, лл. 77—78.

Между тем имеретинское посольство все еще находилось на линии, в Моздоке. Прошло уже три года со времени отъезда его из Имеретии. Наконец оно было отпущено, но без ответа. «Если я покажусь в отечество мое без покровительства монархини, — писал католикос Максим Г. А. Потемкину (март 1787 г.), — то царь и народ царства нашего отчаянными останутся», турки их истребят. Католикос решил не возвращаться, пока Имеретия не будет принята под покровительство России¹⁴⁵.

Отсутствие ответа на прошение имеретин вовсе не свидетельствовало о том, что в планах России вопрос об Имеретии не был предусмотрен или что о ней просто забыли. Намечая накануне неминуемой войны с Турцией условия будущего мира, императрица в качестве второго пункта поставила условие об Имеретии. Оно заключалось «в исторжении из рук турецких Имеретии и в положении через то ближайшей и удобнейшей обороны границ между Черного и Каспийского моря»¹⁴⁶. Но нарушения мира с Турцией через оказание военной помощи Имеретии русское правительство всячески избегало.

Положение царя Давида становилось все более критическим: «Одним нам противустоять султану сверх сил наших», — писал он П. С. Потемкину в конце марта 1786 г.¹⁴⁷ Царь настаивал на оказании помощи и просил принять Имеретию под покровительство России. Летом 1787 г. в Россию направили нового имеретинского посла Бессариона Габашвили — знаменитого поэта Бесики.

На пороге войны с Турцией внутреннее положение в Закавказье осложнилось очередными волнениями в Гяндже и Ереване. Ираклий потребовал изгнания из Гянджи Джават-хана, ставленника Ибрагим-хана. Гянджа отказалась выполнить это требование. Царь объявил поход. В мусульманских владениях Казах и Шамшадилу, подвластных Ираклию, также произошли большие волнения: жители этих владений задумали переселение в Гянджу. Они были усмирены царем с помощью русских солдат. Однако 1500 семейств из Казаха все же ушли в Гянджу, затем туда же переселились еще 3200 дворов из Шамшадилу.

В середине августа грузинский отряд и русский батальон выступили из Тбилиси к Гяндже. Многие дагестанские старшины прислали царю письма с уверениями в дружбе и в готовности служить ему. Походу благоприятствовало то обстоятельство, что Умма-хан аварский был болен и не мог выступить против Ираклия, а Фатали-хан, союзник царя, выступил про-

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 2, лл. 27—28 об.

¹⁴⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2374, л. 437.

¹⁴⁷ Там же, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 2, л. 52.

тив Ибрагим-хана вместе с нухинским ханом. Затем, когда русские и грузины раскинули лагерь уже в трех верстах от Гянджи, явились посланцы от дербентского и нухинского ханов и предложили от их имени оставить Джават-хана гянджинского в покое. Эта просьба была связана с тем, что Фатали-хан, получив известие о намерении Умма-хана разорить его владения, должен был спешить туда¹⁴⁸. По этой причине поход кубинского и нухинского ханов против Ибрагим-хана был прекращен. Предоставлять же решение судьбы Гянджи лишь одному царю Фатали-хан, по-видимому, не хотел.

Переговоры с Джават-ханом гянджинским окончились неожиданно. 13 сентября пришел приказ генерал-поручика Потемкина о немедленном выводе русских батальонов из Грузии. С. Д. Бурнашев даже не сообщил сразу царю об этом приказе, чтобы не вызвать смутнения. После этого он задержался еще на три дня «по сильным убеждениям от его высочества», чтобы не срывать переговоры и не «уничтожить избавления меликов»¹⁴⁹. Царь отправил курьера к П. С. Потемкину с просьбой оставить батальоны в Грузии до весны. Но Потемкин не согласился: он сдал командование генерал-аншефу Текелли, уезжает в Петербург и поэтому никакого распоряжения сделать не может¹⁵⁰.

Решение о выводе батальонов было подсказано ходом грузино-турецких переговоров в связи с настойчивыми требованиями Турции об этом. Это был правильный политический шаг, направленный на ослабление натиска турок на Грузию. «Царь без наших войск меньше будет иметь к себе прицепок»¹⁵¹, — писал главнокомандующий Г. А. Потемкин, давая 19 августа распоряжение П. С. Потемкину о выводе войска.

Тем же мотивом — облегчить положение Грузии — объяснил Потемкин вывод войска и в докладе императрице от 22 августа: без наших батальонов «Ираклию удобнее будет себя обезопасить через сношение с пашой ахалцихским»¹⁵².

«Его высочество неотступно убеждал меня остаться еще пять дней, чтобы вывести меликов, но я не мог согласиться»¹⁵³, — писал Бурнашев 20 сентября П. С. Потемкину.

9 октября егерские батальоны полковника Бурнашева прибыли во Владикавказ. Между Гянджой и Картли-Кახетией снова установились компромиссные отношения. Ушедшие от царя его подданные казахи и шамшадильцы вернулись к не-

му. Армяне остались на своих местах и договорились с Ибрагим-ханом.

Вывод русских батальонов из Грузии, уничтожение крепости Владикавказ¹⁵⁴, отозвание грузинского посла Чавчавадзе из России и слухи о движении русских войск под командованием князя Потемкина на Константинополь, распускавшиеся по его же приказу, — все эти меры полностью себя оправдали. Фронт в Закавказье не был открыт; основное внимание турок было обращено на европейскую территорию. По сведениям, доставленным грузинской разведкой главнокомандующему Потемкину при рапорте генерала Текелли от 10 марта 1788 г., все турецкие войска из пашалыков Ахалцихского, Карсского, Эрзурумского и других уведены «к стороне Царьграда», «все сии земли находятся без защиты», только в крепостях на Черноморском побережье остались небольшие гарнизоны¹⁵⁵. Что касается предположений турецких властей, что горские феодалы окажут поддержку их антирусским и антигрузинским планам, то все надежды на это оказались несбыточными: «все горские народы, за всеми обольщениями, остаются при своих местах»¹⁵⁶, — доносил 1 ноября 1788 г. командующий на Кавказской линии генерал-аншеф П. А. Текелли.

¹⁵⁴ Крепость была восстановлена в 1793—1795 гг.

¹⁵⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 481, л. 81.

¹⁵⁶ Там же, л. 207.

¹⁴⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 2, л. 59—59 об.

¹⁴⁹ Донесение С. Д. Бурнашева П. С. Потемкину от 14 сентября, — там же, лл. 100—102 об.

¹⁵⁰ Там же, лл. 79—79 об., 78.

¹⁵¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 461, ч. 1, л. 476 об.

¹⁵² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2378, лл. 482 об. — 483.

¹⁵³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 2, лл. 107—108.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ РУССКО-ТУРЕЦКОГО КОНФЛИКТА КОНЦА 80-х ГОДОВ. ЯССКИЙ МИР

1. Обострение англо-русских отношений в 80-х годах. «Греческий проект» и реакция европейской печати на «завоевательные планы» России

С середины 60-х до середины 80-х годов, особенно в критические годы колониальных войн, Англия неоднократно обращалась к России с предложением союза и даже просьбами о помощи (например, о предоставлении в ее распоряжение солдат для войны в Америке). История этих почти двадцатилетних безрезультатных попыток охарактеризована в одном из писем английского дипломата, посла в Петербурге, Джемса Гарриса (1778—1783).

Англия, писал Гаррис в 1782 г., надеялась на помощь России. «Опыт, однако, скоро доказал Англии, на каком песчаном основании воздвигались эти надежды. Обращений наших за помощью сначала избегали, потом их отклоняли и наконец их стали отвергать без всякой церемонии. Наши предложения насчет союза для приобретений этих пособий, ценой соответствующих вознаграждений, обыкновенно подвергались той же участи; и мы неизменно встречали равнодушие, холодность и даже нечто еще худшее там, где не без оснований рассчитывали найти если не открытые, то по крайней мере невидимые дружбу и поддержку»¹.

Испытав горечь первых неудач, английский посол утешал себя тем, что Англия отразила или подчинила всех своих врагов без содействия России и что, может быть, придет время, когда Россия «будет иметь величайшую нужду в нас, какой мы никогда не имели в ней»². Тем не менее Гаррис признавал, что Россия — желательный союзник: она велика, недоступна для врагов и обладает такими разнообразными ре-

курсами, что ее независимость и процветание вполне обеспечены.

Уклоняясь от союза с Англией, но поддерживая с ней дружественные отношения, русская дипломатия в то же время принимала меры к ослаблению агрессивности Англии на морских торговых путях и к усилению собственного авторитета в международных делах. На лживые речи английского посла и на обращение английского короля Георга III к Екатерине II (5 ноября 1779 г.) с просьбой о морской демонстрации в его пользу³ русская дипломатия ответила декларацией вооруженного морского нейтралитета 27 февраля (9 марта) 1780 г.

Россия стала на путь защиты свободы мореплавания нейтральных держав и регулирования его нормами международного права. Эта «приятная» для Гарриса новость была сообщена ему первому через его «друга» Г. А. Потемкина. Как известно, находясь в войне с Францией и Голландией, Англия беспощадно расправлялась с судами нейтральных держав, нанося ущерб торговым интересам последних, в том числе и России. «С какой наглостью английские арматоры бросаются на все встречающиеся им корабли и с каким насильственным самодовольством оные перехватывают, разграбливают во время глубокого в Европе покоя, без всякого почтения к разным флагам, без всякого предведомления об английском с Францией разрыве, о том имел я честь уведомлять неоднократно», — доносил русский посол А. С. Мусин-Пушкин из Лондона в 1778 г.⁴

Вооруженный морской нейтралитет, объединивший приморские государства Европы с Россией, явился серьезным ударом по господству Англии на морях. Огромное значение этого акта для международных отношений было отмечено современниками⁵.

Англия предложила России даже захваченный ею у испан-

³ «Русский архив», 1874, кн. 2, стр. 181—182.

⁴ Цит. по: В. Бильбасов, *Россия и Англия в XVIII в.*, — «Русская старина», 1893, кн. 10, стр. 17.

⁵ J. G. Büsch, *Grundriss einer Geschichte des merkwürdigsten Welthandel neuer Zeit*, Hamburg, 1783. Вопрос об авторстве знаменитой декларации до сих пор окончательно не решен. Изабелла де Мадариага (Isabel de Madariaga) в недавно изданной (1962 г.) в Лондоне обширной монографии («Britain, Russia and the armed neutrality of 1780», 496 p.) решает его в пользу Екатерины II. Полностью согласиться с этим нельзя. Роль Г. А. Потемкина требует дополнительного освещения. Посол Гаррис писал в Лондон, что князь Потемкин получил 40 тыс. ф. ст. якобы за помощь, оказанную при заключении вооруженного нейтралитета, как было сказано об этом в указе. «Он сам настоял на помещении этой крупной лжи, во избежание на будущее время подозрений в том, что он был нами подкуплен» (Письмо Гарриса Стормонту от 13 марта 1781 г., — «Русский архив», 1874, кн. 2, стр. 763—764). Было ли это сообщение «ложью»?

¹ «Русский архив», 1874, кн. 2, стлб. 860—861.

² J. Harris, *First earl of Malmesbury, diaries and correspondence*, vol. 1. London, 1844, pp. 196—197.

цев остров Минорку в Средиземном море⁶. Гаррис писал Стормунту 13(24) декабря 1780 г., что обладание островом «подавало бы постоянный повод к вражде и ненависти между Россией и Францией» и таким образом расстроило бы «Лигу нейтралитета» (т. е. вооруженный морской нейтралитет) и повело бы к тому, что Россия стала бы нуждаться в Англии. К удивлению Гарриса, предложение Англии было отклонено, хотя сам же Потемкин в «дружеских беседах» подсказывал ему это предложение⁷.

Пытаясь достичь цели обходными путями, английская дипломатия решила поддержать, казалось, серьезно занимавшую императрицу идею изгнания турок из Европы и основания Греческой империи. «Нам нечего больше ожидать от этого двора при обыкновенном ходе переговоров... — писал Гаррис 24 мая 1779 г. статс-секретарю Уэймоуту. — Если его величеству встретится необходимость в помощи отсюда, единственное средство достигнуть этой цели состоит в поддержании этой романтической идеи. Теперь они так ей преданы, что подобный образ действий, искусно веденный, упрочит за нами значение при этом дворе; а так как этот план, как бы ни был он серьезно обдуман, тотчас же окажется неприменимым к делу, то нам нечего опасаться зайти слишком далеко в деле, для нас неприятном»⁸.

«Романтическая идея», которую хотел использовать Гаррис, в действительности была лишь приемом макиавеллистической политики, направленной в данном случае к безболезненному разрешению крымского вопроса и к обезвреживанию Австрии. Английская дипломатия начала содействовать австро-русскому сближению. Это сближение соответствовало интересам ее политики конца 70-х годов, так как могло повести к ухудшению отношений между Австрией и ее союзницей Францией, с которой Англия была в состоянии войны. Оно могло бы способствовать разрыву и русско-прусского союза. Причину своих неудач в переговорах с Россией Англия усматривала во влиянии прусской политики при петербургском дворе. Она преувеличивала это влияние и поэтому с особенной неприязнью относилась к руководителю внешней политики России Н. И. Панину, защитнику прусско-русского союза. В австро-русском сближении английская дипломатия видела средство уничтожения прусского влияния.

27 декабря 1779 г. Гаррис писал английскому послу в Вене Роберту Кейту о величайшей выгоде тройственного союза «с обеими императрицами». «Это еще весьма отдаленный план,

и я сообщаю его под глубочайшим секретом. Мне, конечно, не нужно упоминать, до какой степени необходима строящая тайна насчет этой политической спекуляции»⁹.

Австро-русский союз рассматривался английской дипломатией как переход к англо-русскому союзу. «Будем стараться изо всех сил, дорогой сэр, чтобы и нас допустили к участию в этом союзе»¹⁰, — писал Гаррис коллеге в Вене Кейту 10 января 1781 г., т. е. на другой день после того как австрийский посланник в Петербурге граф Людвиг Кобенцль под величайшим секретом предложил начать переговоры о союзе. Англия стремилась подойти ближе к делам континента, чтобы лишить русскую политику ее руководящей роли.

После Тешинского мира (1779 г.), устранившего при участии России и Франции австро-прусский конфликт из-за баварского наследства, Австрия взяла решительный курс на сближение с Россией, политика которой была направлена на поддержание равновесия между германскими государствами.

В инструкции (24 сентября 1779 г.) австрийского государственного канцлера Кауница новому послу в Петербурге Людвигу Кобенцлю высказывались мысли о естественности союза между Австрией и Россией и общем интересе борьбы с Пруссией¹¹. Инициатива сближения исходила от австрийской дипломатии. В начале июня 1780 г. любитель путешествий граф Фалькенштейн (Иосиф II) прибыл в Могилев на Днепре для свидания с Екатериной II, обозревавшей свои белорусские владения. Эта встреча как первый симптом сближения Австрии и России, по-видимому, вызвала в лондонских дипломатических кругах чувство удовлетворения. Из Лондона писали Гаррису об Иосифе II «с жаром благодарности»¹².

В июне следующего года во время путешествия графа Фалькенштейна в Нидерланды, в Брюсселе состоялась его тайная встреча с герцогом Глостерским, младшим братом английского короля Георга III¹³. Фридрих II предложил своему министру иностранных дел Финкенштейну обратить внимание прусских послов в Лондоне и Петербурге на широту секретных связей между Англией и Австрией¹⁴.

Переписка Иосифа с матерью, императрицей Марией-Терезией

⁹ Там же, стр. 185.

¹⁰ Там же, стр. 741.

¹¹ A. Beer, *Die Orientalische Politik Oesterreichs seit 1774*, Wien, 1883, S. 43.

¹² «Русский архив», 1874, кн. 2, стр. 391.

¹³ E. F. Hanfstaengl, *Amerika und Europa von Marlborough bis Mirabeau*, München, 1930, S. 102. Автор указывает, что в литературе впервые сообщается об этой встрече.

¹⁴ «Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen», Bd 46, Berlin, 1939, S. 22.

⁶ По Версальскому миру 1763 г. был возвращен Испанию.

⁷ «Русский архив», 1874, кн. 2, стр. 438—439.

⁸ Там же, стр. 155—156.

резией¹⁵, дает живое представление о той игре, какую затеяли теперь обе дипломатии, австрийская и русская, не доверявшие друг другу и нуждавшиеся одна в другой. Об этом свидетельствует и переписка Иосифа и Екатерины¹⁶, а также переписка других австрийских и русских дипломатов.

«Дружба» Екатерины с Иосифом была сугубо дипломатической. Иосиф преследовал цели борьбы с Пруссией, Екатерина стремилась облегчить присоединение Крыма. Неожиданное «дружелюбие» Австрии, казалось, больше гарантировало безболезненное разрешение крымского вопроса, чем сомнительная позиция Фридриха II, союзника России. Политические интересы толкали руководителей политики обоих государств к сближению. Под влиянием маниакальной идеи ослабления Пруссии и установления гегемонии Австрии в Германии канцлер Кауниц особенно энергично побуждал своего императора и петербургского посла к расторжению близости между Пруссией и Россией и к восстановлению «старой сердечной дружбы императорских дворов»¹⁷.

В правящих кругах Петербурга вокруг этого вопроса шла борьба с активным участием иностранных дипломатий. Защитники системы «северного аккорда», базировавшейся на союзе с Пруссией, Н. И. Панин и его партия потерпели поражение, за которым последовала отставка, а затем вскоре и смерть Панина. Таким образом, не восточные интересы, а яростное соперничество Габсбургского и Гогенцоллернского домов из-за гегемонии в Германии сыграло первенствующую роль в «сближении» Австрии с Россией в начале 80-х годов. Об остроте австро-прусского антагонизма свидетельствовала реакция Фридриха II на австро-русское сближение: оно выводило его из равновесия и побуждало к агрессивным шагам в Константинополе. Фридрих стремился к изоляции Австрии: предлагал союзу Турции, России и Пруссии (1779 г.), пытался также разорвать и австро-французский союз, проектировал тройственный союз Пруссии, Англии и России (1782 г.)¹⁸.

Вслед за потерей иллюзий о недопущении австро-русского союза прусская дипломатия устремила свое внимание на Данциг и Торн в надежде здесь получить компенсацию. Это повело, как и антирусская политика в Константинополе, к даль-

нейшему ухудшению прусско-русских отношений, что было в интересах английской политики.

Австро-русский союзный оборонительный договор, заключенный весной 1781 г., имел необычную форму собственноручных писем Иосифа и Екатерины¹⁹. Для Австрии главным в договоре было то, что он гарантировал владения Австрии по Прагматической санкции Карла VI (1713 г.). Для России основное содержание союзного договора заключалось во взаимном обязательстве военной помощи в случае нападения Турции. Эта статья была включена по настоянию Екатерины. Она была нужна России, которая намеревалась занять Крым, но совершенно невыгодна для Австрии, которой Турция не угрожала.

Форма договора в виде личных писем монархов свидетельствовала о том, что он не имел той силы, какую имели договоры с Австрией 1726 и 1746 гг. и уж ни в коем случае не носил характера военного союза, каким его иногда считают. Это был «сговор дружбы и расположения», весьма сомнительных с обеих сторон. На союз с Австрией, союзницей Франции, пошли как на меру, вызываемую нуждами момента, помня о враждебных позициях этих держав в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Союз гарантировал от выступления Австрии против России.

Заключение австро-русского договора вызвало волну враждебных слухов о завоевательных планах России и Австрии. Опасаясь отрицательного влияния этих слухов на отношения Австрии с Францией и Турцией, Иосиф предложил Екатерине (20 мая 1781 г.) заявить публично, что союз, «по поводу которого уже постарались с таким коварством и недоброжелательством поднять тревогу в целой Европе», не состоялся²⁰.

Иосиф II уверял своего посла в Париже Мерси-Аржанто (18 февраля 1782 г.), что сближение с Россией выгодно прежде всего тем, что поможет навсегда ослабить могущество Пруссии. При заключении-де союза у него не было ни малейшей мысли о разрушении Османской империи²¹. Екатерина II рескриптом от 5 марта 1782 г. предписала послу в Константинополе Я. И. Булгакову принять меры к успокоению Порты, в то же время давая понять султанскому правительству, «что ничье посредство не может убедить нас уступить единый шаг из того, к чему мы право имеем»²². Намек о праве относился к Крыму.

Весной 1782 г. в Крыму началось поддержанное Турцией восстание против хана Шагин Гирея, ставленника России. Мо-

¹⁵ A. Arneth, *Maria Theresia und Joseph II, Ihre Correspondenz sammt Briefen an seinem Bruder Leopold*, Bd III, 1778—1780, Wien, 1868.

¹⁶ A. Arneth, *Joseph II und Katharina von Russland, Ihr Briefwechsel*, Wien, 1869. Публикация неполная, как и публикация русского перевода писем («Русский архив», 1880, кн. 1, стр. 210—355).

¹⁷ A. Beer, *Die orientalische Politik Oesterreichs*, S. 45 (записка Кауница Иосифу II, 23 апреля 1780 г.); E. Peters, *Die Orientpolitik Friedrichs des Grossen nach Frieden von Teschen (1779—1786)*, Halle, 1914, S. 19.

¹⁸ E. Peters, *Die Orientpolitik Friedrichs des Grossen...*, S. 26—27.

¹⁹ Ф. Мартенс, т. II. *Трактаты с Австрией*, стр. 96, 107—116.

²⁰ «Русский архив», 1880, кн. 1, стр. 247.

²¹ «Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince Kaunitz», t. I, Paris, 1889, p. 87.

²² Сб. РИО, т. 47, 1885, стр. 20.

мент решительных действий в Крыму приближался. 15 июня императрица отправила императору Иосифу II письмо с сообщением о волнениях в Крыму и с напоминанием о его союзных обязательствах²³. Иосиф ответил восторженным письмом, в котором выражал полную готовность содействовать планам Екатерины, не подозревая, однако, что в эти планы входит присоединение Крыма²⁴.

Следующим шагом в дипломатической подготовке крымской акции было письмо Екатерины II к Иосифу от 10(21) сентября. В этом письме императрица сообщала об ультиматуме, предъявленном ею Турции, и высказала свои соображения по вопросу о вознаграждении по принципу равенства, обусловленного их союзным договором²⁵. Это письмо, а также некоторые другие неофициальные высказывания императрицы и Г. А. Потемкина, касавшиеся весьма модной тогда темы изгнания турок из Европы, и послужили источником возникновения мифа о «греческом проекте» как вполне реальном плане установления господства России над Европой.

Неизученность дипломатической истории присоединения Крыма к России послужила причиной господства в историографии восточного вопроса ошибочного утверждения о том, что в 80-х годах XVIII в. был создан русский план завоевания Константинополя. В исторической литературе нашего времени уже было высказано мнение о неосновательности этого утверждения²⁶.

В русско-турецких отношениях так называемый греческий проект сыграл огромную отрицательную роль. Подобно апокрифическому завещанию Петра I, он оказался в руках западных «друзей» Турции и Ирана особенно эффективным средством устрашения их «видами» России.

Международная обстановка при разрешении крымского вопроса угрожала немалыми трудностями. Однако сами европейские державы благодаря антагонизму их интересов невольно способствовали преодолению этих трудностей. Во многом благоприятствовало разрешению крымского вопроса австро-прусское соперничество. Не случайно Екатерина писала 10 января 1790 г. Г. А. Потемкину, что Иосиф II «не один раз на деле доказал доброхотство к интересам нашим, шествовав доселе по видам нашим»²⁷.

Другая немецкая союзница России — Пруссия надеялась при содействии России усилиться за счет Польши. В ответ

на антирусские происки французской дипломатии в Берлине Фридрих II остался, по выражению Екатерины, «спокойным зрителем». Правда, это спокойствие было относительным. Дипломатическая переписка Фридриха II за 70—80-е годы свидетельствовала об общей нервозности. Так, в 1781 г. в письмах к своему послу в Петербурге Гёрцу Фридрих упоминал о «projet de l'Empire Grec» и то возмущался безудержной фантазией бывшей немецкой принцессы, то выражал желание выполнить ее «план», то колебался в признании его реальности. «Ce n'est pas par des medailles qu'on fait des conquêtes et qu'on crée des pouvaux empires» («Не медалями совершаются завоевания и создаются новые империи»), — писал он, очевидно, по поводу сообщения Гёрца о медали в честь новорожденного внука Екатерины Константина как будущего правителя Греческой империи. Фридрих указывал послу на отсутствие в России практических мероприятий по выполнению столь грандиозных замыслов, на скудость материальных средств для их выполнения, на непопулярность «плана» в русском обществе²⁸. Вместе с тем он считал, что противоречия между Австрией и Россией настолько велики, что первые же попытки реализации их «проекта» рассорят союзников навсегда и это было бы в интересах прусской политики. Подобные соображения относились, однако, к более или менее отдаленному будущему. В настоящий же момент прусский король предпринял некоторые шаги к тому, чтобы русское правительство ограничило свои «планы» занятием татарских провинций²⁹. В общем он не протестовал против присоединения Крыма, надеясь с помощью России завладеть Данцигом и Торном.

Использовать крымский вопрос в своих интересах пыталась и Англия, стремившаяся к союзу с Россией. Антирусский демарш французского посла в Лондоне в связи со слухами о «планах» Екатерины не только не встретил там сочувствия, но, наоборот, о нем было сообщено в Петербург³⁰. Король писал (7 августа 1783 г.) новому главе кабинета Фоксу, что он «совершенно прав (very right)», ставя в известность Гарриса обо всех высказываниях французского посла по турецким делам в настоящем³¹. Поддержание враждебности между Францией и Россией являлось постоянным правилом английской политики. Оно было достаточно эффективно. «Французская нота — доказательство их наглости... Кто, кроме их, бу-

²⁸ «Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen...», Bd 46, S. 233, 195.

²⁹ Fr. Raumer, *Europa vom Ende des Siebenjährigen bis zum Ende des Amerikanisch Krieges*, Bd 3, Leipzig, 1939, S. 555—557.

³⁰ A. Gerhard, *England und der Aufstieg Russlands*, München und Berlin, 1933, S. 173.

³¹ «The Correspondence of king George The Third», vol. VI, London, 1928, p. 430.

²³ A. Arneth, *Joseph II und Katharina von Russland...*, S. 134—135.

²⁴ *Ibid.*, S. 136.

²⁵ *Ibid.*, S. 143—157; «Русский архив», 1880, кн. I, стр. 281—291.

²⁶ См. О. П. Маркова, *О происхождении так называемого греческого проекта*, — «История СССР», 1958, № 4, стр. 52—78.

²⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 7, л. 7.

дет так бесстыден, чтобы подыгать Англию против нас?»³², — писал Г. А. Потемкин Безбородко в 1783 г.

В то же время, усилив беспокойство Франции слухами о русско-австрийских «планах», Англия тем самым побудила ее к скорейшему заключению мира, который к тому же развязывал руки Франции для противодействия России на Востоке.

Несомненно, с этой же целью ограничения восточных успехов России, Англия и сама предприняла некоторые шаги в Константинополе. Английскому послу Энсли было предписано статс-секретарем Фоксом советовать турецким министрам признать присоединение Крыма³³. Преемник Фокса лорд Темпл предписал Энсли отклонять турок от войны с Россией³⁴. Англия продолжала добиваться не только тесного общения с Россией, но и союза.

Франция, не встретив поддержки антирусским выступлениям ни в Берлине, ни в Лондоне, ни в Вене, также в конце концов заняла примирительную позицию и дала соответствующие инструкции своим послам. Вместе с австрийским интернунцием Гербертом французский посол граф Сен-При активно способствовал подписанию турками конвенции 8 января 1784 г. об уступке Крыма. Франция также стремилась предупредить таким образом дальнейшие шаги России на Востоке, которые, как она предполагала, могли последовать в случае неуступчивости турок.

После присоединения Крыма основная ближайшая задача восточной политики России заключалась в том, чтобы закрепить обладание Крымским полуостровом. В России надеялись на установление прочного мира. «Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской. Взойди на трофеи, не обогранные кровью, и прикажи историкам заготовить больше чернил и бумаги», — писал императрице 5 августа 1783 г. Г. А. Потемкин, получивший титул князя Таврического³⁵. Оптимизм этого высказывания оказался, однако, преждевременным.

Первоначально Порта не протестовала, будучи отвлечена заключением 10(21) июня 1783 г. торгового договора с Россией. Но затем она заняла позицию крайне неуступчивую и стала угрожать войной. По этой причине известие о конвенции с Турцией (8 января 1784 г.), устранившей войну, было

³² ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XI, д. 913, лл. 1 об., 2 об.

³³ M. S. Anderson, *The Great power and the russian annexation of the Crimea, 1783—84*, — «The Slavonic and East-European review», vol. XXXV, 1958, № 88, р. 26. Автор ссылается на архивные документы — письма Фокса к Энсли от 21 сентября и 12 октября 1783 г.

³⁴ Конференциальная записка от 5 января 1784 г., — АВВР, ф. «Внутренние коллежские дела», оп. 169/6, д. «Конференциальные записки» за 1784 год, лл. 4—8 об.

³⁵ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. I, д. А 26-е, л. 64 об.

встречено в России с чувством всеобщего удовлетворения. «Я только то скажу, — писал Безбородко послу Булгакову 6 февраля 1784 г., — что день подписания ратификации был похож на самый величайший праздник, где бы торжествован был мир после долговременной и сильной войны»³⁶.

На ближайший момент расчеты русской дипломатии оправдали себя полностью. Присоединение Крыма без войны с Турцией являлось, безусловно, большим успехом русской дипломатии³⁷. Шум, поднятый вокруг «греческого проекта», отвлек внимание дипломатов, прежде всего Австрии и Франции, от мероприятий направленных на присоединение Крыма. В этом отношении ценно признание Иосифа II в письме к Мерси-Аржанто от 31 июля 1783 г.: «Занятие Крыма, Кубани и острова Тамани было для меня такой же неожиданностью, такой же новостью, как и для остальной Европы; ее величество императрица не извещала меня до тех пор, пока дело не совершилось»³⁸.

Теперь «греческий проект» потерял свое значение. Необходимость русской дипломатии в нем отпала с разрешением крымского вопроса, ради которого он и был пущен в ход. Но он сослужил службу враждебной России дипломатии в дальнейшем.

Большой шум, поднятый во второй половине 80-х и в начале 90-х годов в европейской печати вокруг «русских планов» уничтожения Османской империи, свидетельствовал о не прекращавшейся враждебной кампании против России. Поездка императрицы весной 1787 г. в Крым явилась удобным поводом для раздувания слухов о враждебных туркам замыслах России. Еще задолго до этой поездки по ее поводу происходили специальные совещания английского посла в Константинополе Энсли с членами дивана; газетные сообщения о ней переводились на турецкий язык.

Сообщения печати об огромных завоевательных замыслах России, начавшие появляться в связи с разрешением крымского вопроса, продолжались и в дальнейшем. В 1784 г. в Лондоне вышел труд, посвященный описанию современного положения Османской империи: ее ресурсов, внутренней и внешней политики, недостатков ее государственного организма³⁹. Автор Эли Абеси, грек по происхождению, турок по воспитанию, на-

³⁶ Сб. РИО, т. 26, 1879, стр. 451.

³⁷ По своим историческим последствиям присоединение Крыма имело большое положительное значение как для России, так и для народов Кавказа. При занятии Крыма русскими войсками были освобождены от рабства несколько тысяч грузин с их семьями (А. Чагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 14).

³⁸ «Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince Kaunitz», t. I, Paris, 1889, p. 195.

³⁹ В нашем распоряжении был французский перевод: E. Abesci, *Etat actuel de l'Empire Ottoman*, t. 1—2, Paris, 1792.

ходил на службе в секретариате великого везира в царствование султана Мустафы III. Он много путешествовал, владел многими языками, в том числе и английским, бывал инкогнито в Лондоне, где и подвел итог своим путешествиям, издав книгу.

Нетрудно заметить, что труд Абеши относится к числу тех, цель которых — вводить в заблуждение политические круги и общественное мнение любой страны в интересах той державы, агентом которой состоит автор.

Прежде всего Абеши преувеличивает близость между Францией и Турцией, а вместе с тем и влияние Франции на политику Турции. На самом деле 70—80-е годы, по преимуществу описываемые автором, были временем возникновения враждебного отношения турок к Франции как к главной виновнице неудачной войны. Выкрики на улицах Константинополя по адресу французского посла («христианская собака») не свидетельствовали о дружественных чувствах.

В то же время Абеши почти сводит на нет влияние английского посла при дворе султана, объясняя это тем, что усиление морского преимущества Англии якобы ущемляло гордость Турции, которая склонна была считать себя самой могущественной державой в мире. За этими наивными высказываниями скрывалась большая политика: получалось, что за воинственные антирусские настроения Порты ответственной была одна лишь Франция.

Но, очевидно, главным назначением книги было вызвать страх перед Россией и недоверие к ее кавказской политике. Восхваляя Ираклия II как реформатора и полководца, автор предполагает заключение какого-то мифического тайного договора, по которому Ираклий якобы уступал Грузию России при условии оказать ему помощь в овладении шахским престолом, что Абеши считал вполне осуществимым⁴⁰.

Внешнюю политику России Абеши рисует как исключительно завоевательную, направленную на захват Константинополя. Турция смотрит поэтому на Россию как на своего смертельного врага. Политика же Турции направлена на сохранение политического равновесия в Европе, которому угрожает Россия. Автор вполне раскрывает свою близость к английской политике, когда утверждает, что могущество России выросло до такой степени, что если другие государства не объединятся против нее, то она раздавит (*l'ecraser*) Турцию. Не будет ничего удивительного, если Турция, имея такую перспективу пред собой, пойдет на уступки и заключит с Россией договор о добровольном оставлении европейской территории.

Подобные утверждения отвечали требованиям Англии, ко-

торая страшилась возможности решения спорных вопросов между Россией и Турцией мирным путем.

Интерес к проблемам Ближнего Востока был особенно возбужден вышедшей в 1785 г. перепиской Вольтера с Екатериной⁴¹. Русская императрица выступила перед европейским общественным мнением в роли освободительницы Европы от турок и созидательницы Греческой империи. Через четыре года после опубликования переписки Екатерина II сама раскрыла ее истинные мотивы, заключавшиеся в том, чтобы создать в Европе благоприятное мнение о деятельности русской императрицы. Поводом к этому послужило недовольство в высших кругах духовенства перепиской императрицы с «безбожником»⁴².

7 января 1787 г. Екатерина II выехала из Петербурга в Крым. Кроме многочисленной свиты ее сопровождали французский, австрийский и английский послы. А. В. Храповицкий вел журнал путешествия. В Киеве задержались почти на четыре месяца, до открытия навигации. У Херсона состоялась встреча с графом Фалькенштейном, на этот раз прибывшим на свидание по приглашению императрицы помимо своего желания. Дальнейшее путешествие было совместным. Пребывание в Крыму продолжалось около трех недель — до начала июня. Император, взволнованный известием о восстании в Нидерландах, поспешил домой; Екатерина выехала в Москву. Путешествию была придана широкая гласность. Отчеты о путешествии печатались в «Санктпетербургских ведомостях» и «Московских ведомостях».

Вероятнее всего, что к поездке в Крым Екатерину побудило желание лично удостовериться в правильности критических суждений о Крыме и о деятельности Потемкина противников присоединения. Об этом свидетельствуют письма императрицы к главнокомандующим: московскому — П. Д. Еропкину и петербургскому — Я. А. Брюсу, а также записи в дневнике ее личного секретаря А. Храповицкого. Эти материалы дают некоторое понятие о той борьбе в дворянских кругах, которой сопровождалось присоединение Крыма.

Манифест, изданный по возвращении из путешествия, вновь указывал на пользу приобретения. На юге открывались блестящие перспективы новой торговли по морю с югом Европы и с Востоком.

Несомненно также, что, назначая в Крыму встречу с Иосифом II и устраивая смотр севастопольскому флоту, Екатери-

⁴¹ «Recueil de lettres de M. de Voltaire et de l'empereur de Russie», [Kehl], 1785.

⁴² «Собственноручные письма и записки Екатерины II к А. В. Храповицкому. 1783—1793 гг.», М., 1872, стр. 50.

⁴⁰ E. Abesci, *Etat actuel de l'Empire Ottoman*, t. I, pp. 227—228.

на хотела этой демонстрацией удержать Турцию от разрыва, которым та угрожала.

Но каковы бы ни были мотивы, побудившие совершить столь далекое и дорого стоившее государству путешествие, оно сослужило плохую службу русскому правительству, так как помогло английской и прусской дипломатии спровоцировать Порту на войну⁴³.

Описание путешествия, по-видимому, впервые появилось в Лондоне, на это указано в издании его перевода на немецкий язык⁴⁴.

В 1788 г. в Лондоне же вышел труд известного французского прогрессивного писателя, знатока Востока, Вольнея «Соображения о современной войне турок»⁴⁵. Книга привлекла внимание широкой общественности к проблеме раздела Турции, якобы проектируемого Россией и Австрией, и вызвала большой шум и многочисленные отклики в печати. Изгнание турок из Европы Вольней рассматривал как акт прогрессивный и не сомневался в том, что Россия сможет его исполнить. К книге была приложена изяшно изданная карта предполагаемого автором раздела Турции. Украшавший карту рисунок в виде обелиска с двуглавым орлом, к когтям которого упал полумесяц, был снабжен надписью «Carte relative au partage eventuel de la Turquie».

Книга Вольнея вызвала отклики в печати и новое обсуждение раздела.

Прежде всего последовало резкое выступление Пейссоннеля, бывшего французского консула в Смирне (Измир). В течение многих лет Пейссоннель изучал условия левантской и черноморской торговли: он не сомневался в существовании русских планов завоевания Константинополя, запугивал балканских славян рабством, которое якобы принесет им Россия, и восхвалял турок как лучших союзников Франции. Рассматривая связи с Турцией с экономической стороны, он предупреждал: завоевание Константинополя невыгодно России, так как оно разрушит черноморскую торговлю, которая обещает большие выгоды России и Франции⁴⁶. Выгоды этой торговли Пейссоннель рассматривал в специальном труде, изданном в

⁴³ На это тогда же указал в своем историческом очерке о черноморской торговле современник описываемых событий, первый французский купец, обосновавшийся в Херсоне, Антуан Анобли. См. А. Antoine Anoble, *Essai historique sur le commerce et la navigation de la mer Noire*, Paris, 1805, pp. 176—180.

⁴⁴ «Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II. Aus dem Englischen übersetzt», Koblenz, 1799.

⁴⁵ De Volney, *Considérations sur la guerre actuelle des turcs*, Londres, 1788.

⁴⁶ M. de Peyssonnel, *Examen du livre intitulé «Considérations sur la guerre actuelle des turcs, par M. de Volney...»*, Amsterdam, 1788.

Париже в связи с заключением франко-русского торгового договора⁴⁷.

В том же 1788 г. (в октябре) книга Вольнея с извлечениями из Пейссоннеля появилась и на немецком языке в Лейпциге. Переводчик, он же и автор сопроводительного текста, встал на защиту турок⁴⁸. В книге был помещен также отрывок из произведения французского посла в Константинополе графа Шуазель-Гуффье «Voyage pittoresque de la Grèce» (1782 г.).

В приведенном отрывке «О новых греках и их возможном освобождении от ига османов» (стр. 147—180) Шуазель-Гуффье, горячий поклонник классической древности, с гневом обрушивался на варварство и невежество турок и критиковал плохую организацию помощи грекам со стороны России во время первой русско-турецкой войны.

В Берлине газеты печатали о русско-турецких делах «разные лжи», как отмечал в своем дневнике сопровождавший императрицу в Крым ее секретарь Храповицкий⁴⁹. Вышедшая в 1789 г. анонимно и без обозначения места издания в нескольких книжках портативного формата «Политическая и анекдотическая переписка о делах Европы, в частности Германии, с 1780 года до настоящего времени»⁵⁰ пересказывала газетные корреспонденции из разных городов Европы. Завоевательным планам России в Крыму, на Кавказе, на Балканах уделялось при этом особенное внимание. Корреспонденции начинались письмами о могилевском свидании Екатерины с Иосифом.

Получило большую известность и анонимное произведение, трактовавшее «Об опасности для политического равновесия Европы», вышедшее якобы в Стокгольме. Глава IV этого произведения специально посвящена «восточной системе» России, направленной, по мнению автора, на завоевание Константинополя⁵¹. Английский капитан Сазерленд, сторонник Питта, изучавший положение в Турции, также выступил в печати в 1790 г. на защиту Турции против завоевательных планов Екатерины. Ненависть к России автор совместил с исключи-

⁴⁷ M. de Peyssonnel, *Traité sur le commerce de la mer Noire*, t. 1—2, Paris, 1787.

⁴⁸ «Über den gegenwärtigen Türkenkrieg, aus dem Französischen des Herrn von Volney. Angehängt sind eine interessante Schriefft des französischen Gesandten bei der Pforte und ein Auszug aus Peissonnells Prüfung der Volneyschen Behauptungen», Leipzig, 1788.

⁴⁹ А. Храповицкий, *Дневник 1782—1793*, М., 1901, стр. 30.

⁵⁰ «Correspondance politique et anécdotique sur les affaires de l'Europe, particulièrement sur celles de l'Allemagne, depuis 1780 jusqu'à présent», vol. I—V, 1789.

⁵¹ «Du péril de la balance politique de l'Europe ou exposé des causes qui l'on altérées dans le Nord depuis l'avènement de Catherine II au trône de Russie», Stockholm, 1790.

тельным интересом к природным богатствам Турции и к выгодам торговли с ней⁵².

Призывал к борьбе с Россией и другой сторонник Питта. В своем «исследовании» русских планов он пугал «духом завоеваний», которым якобы охвачена Россия, стремящаяся завладеть не только Черным морем и Константинополем, но протягивающая руку также в Индию и Египет⁵³.

Нами дано лишь частичное представление о том шуме, который был поднят в печати 80-х годов вокруг «русских планов уничтожения Османской империи».

Печать, как дружественная, так и враждебная, укрепляла мнение о России как стране завоевателей; она трактовала план раздела Османской империи, который в недалеком будущем станет известным под именем «греческого проекта», как реальный план русской дипломатии. Миф о предполагаемом Россией завоевании Константинополя уже был создан. Русское правительство само способствовало созданию этого мифа, распространяя слухи о своих завоевательных замыслах. «...Я истощил все способы к наведению страха в турках и уверен, что сие немалое произведет действие», — писал Г. А. Потемкин Екатерине II в письме от 25 февраля 1790 г.⁵⁴

Убедившись в невозможности направить русскую политику соответственно своим видам, Англия перешла во второй половине 80-х годов к открытой борьбе против России. Питт Младший, выразитель агрессивных устремлений английской буржуазии, с парламентской трибуны бросал заявления о захватнических планах России в отношении Константинополя, о видах ее на Египет, об угрозе Индии.

«Если мы не можем рассматривать русских как друзей, то в наших интересах довести их как наших врагов до возможно большей слабости... Россия должна быть отодвинута на соответствующее ей место», — так определял задачи Англии в отношении России в своих донесениях 1790 г. английский посол в Петербурге Чарльз Уитворт (Витворт)⁵⁵. Неприязненные чувства к России подогревались эгонистическими опасениями английских коммерческих кругов перед уменьшением торговых выгод и появлением конкуренции на торговых путях.

«Последняя война России с Портой (война 1768—1774 гг. — О. М.) ясно показала, как мало остальная Европа знала силы и ресурсы этого государства», — писал Уитворт, пораженный

⁵² Captain Sutherland, *A tour up the straits Gibraltar to Constantinople*, London, 1790.

⁵³ «A Enquiry into the justice and expediency of prescribing bounds to the Russian empire», London, 1791.

⁵⁴ АВГР, ф. «Секретные мнения Коллегии ин. дел, 1782—1790», д. 585, л. 140.

⁵⁵ D. Gerhard, *England und der Aufstieg Russlands*, München und Berlin, 1933, S. 321—322.

быстрым экономическим и политическим ростом России в течение всего лишь нескольких десятков лет⁵⁶. Официальные статистические данные, использованные в труде Уитворта, свидетельствуют об успешном развитии торговли Англии с Россией и взаимных выгодах этой торговли.

Несмотря на то что Россия больше продавала, чем покупала, все же, по мнению Уитворта, «коммерческий баланс» был в пользу Англии, а не России. Происходило это от того, что Англия получала из России сырье, способствовавшее росту ее промышленности и флота, а следовательно, и ее могущества⁵⁷. Россия же ввозила на свой рынок из Англии готовые изделия.

Промышленный переворот в Англии конца XVIII в. побуждал английских предпринимателей и дипломатов уделять особое внимание внешним рынкам сбыта и сырья, а английских теоретиков-экономистов — активно пропагандировать принцип свободной торговли: *laissez faire, laissez passer*.

Между тем успешно начатое после Кючук-Кайнарджийского мира хозяйственное освоение юга России уменьшало шансы английских купцов на выгоды торговли с Россией и тревожило английских предпринимателей. На заводах и фабриках, учреждавшихся на юге, стали изготавливаться изделия, которые до того доставлялись из Англии. Так, например, в связи со строительством Черноморского флота и портов на Черном море в Херсоне был основан частный металлургический завод (Струговщикова). Была учреждена фабрика тонких сукон, изготавливавшихся, в частности, для торговли с Турцией, потреблявшей английское сукно. С этой целью проектировалось разведение в южных степях тонкорунных овец, шерсть которых до сих пор доставлялась из Испании. С французским фабрикантом Перноном был заключен в 1786 г. контракт на доставку этой шерсти. На юге производились разведки месторождений каменного угля. По Днепру сплавлялся лес, который закупала в России Франция для постройки своего флота. Черноморский порт был открыт для торговых кораблей всех стран, ввозные пошлины уменьшены. Конечно, вся эта деятельность находилась еще в начальной стадии, требовала правительственной поддержки, но она обещала богатые плоды в будущем.

Развитие русской торговли на Черном море и хозяйственный рост юга России угрожали английским предпринимателям конкуренцией на турецком рынке. Этот рынок был особенно выгоден. Обладая природными богатствами, Турция не заводила ни фабрик, ни заводов для переработки своего ценного сырья. То и другое она предоставляла иностранцам. От

⁵⁶ Ch. Whitworth, *Commerce de la Grande-Bretagne et tableaux de ses importations et exportations progressives, depuis l'année 1773*, trad. de l'anglais, 1777, pp. XXII—XXIII.

⁵⁷ *Ibid.*, p. V.

стала аграрная страна не оказывала сопротивления иностранному капиталу, входившему в сделки с корыстными феодальными верхами. Усиленное строительство русского флота также возбуждало тревогу в Лондоне.

Все эти обстоятельства, а также рост международного престижа России, особенно после принятия декларации о морском вооруженном нейтралитете, отказ русского правительства от помощи Англии в американской войне, от возобновления ее прежних коммерческих привилегий (торговый договор с Англией не был возобновлен в 1786 г.) — все это побуждало Англию стремиться к ослаблению России. Но более всего побуждало к этому сближение Франции с Россией. Англо-французское соперничество сыграло немалую роль в провоцировании русско-турецких войн последних десятилетий XVIII в.

2. Англо-французское соперничество и франко-русское сближение (80-е годы)

Призрак франко-русского сближения пугал английскую дипломатию с самого начала века. После заключения между Россией и Францией торгового договора (11 января 1787 г.) более реальная возможность дальнейшего сближения устрашала. Чтобы воспрепятствовать франко-русскому союзу, английское правительство решилось на прямую и открытую угрозу России, когда в 1787 г. Версальский двор сделал России предложение «о установлении теснейшей связи»⁵⁸.

Оскорбленное дерзким тоном депеши статс-секретаря Кармартена, русское правительство, однако, воздержалось от резкого ответа, ожидая дальнейшего выяснения позиций Англии и Франции. В протоколе очередного заседания Совета при императрице (13 декабря 1787 г.) было сказано: «Еще теперь не время возразить сию нелепость, а по обстоятельствам настоящих дел Совет мыслит, чтобы, не давая никакого ответа великобританскому двору, продлить в том время, доколе от Франции не познаем всю точность предлагаемого нам союза и, удостоверившись о наших пользах, расположить по оным удобнее будет нашу отповедь; между тем поспеют и от нашего министра из Лондона ожидаемые донесения к вящему объяснению мысли двора английского, которому вся приличность была, **страшась нашего сближения с Францией**, учинить взамену того с своей стороны полезнейшие делам нашим предложения»⁵⁹.

⁵⁸ Заседание Совета императрицы от 13 декабря 1787 г., — «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 1, стлб. 516—517.

⁵⁹ «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 1, стлб. 517. Подчеркнуто нами. — О. М.

По окончании войны в Америке Англия вновь утвердила свои позиции в Европе главным образом благодаря сближению с Пруссией (в 1785 г. — вступление в Лигу немецких князей; осенью 1787 г. — конвенция по голландским делам; летом 1788 г. — союзный договор и в августе этого же года — тройственный союз Англии, Пруссии и Голландии). В результате интервенции прусских войск в Нидерланды (1787 г.) партия патриотов Южной Голландии (в будущем — Бельгии), не получившая поддержки Франции, которую та была обязана доставить в силу договора 10 ноября 1785 г., была разгромлена. Престижу Франции был нанесен жестокий удар. События на Востоке, т. е. нападение Турции на Россию, удержали Францию от оказания помощи Бельгии в ее борьбе против Оранского дома⁶⁰. Взаимосвязь восточной и западной политики держав наглядно проявилась в этих событиях. Дальнейшее ослабление Франции и России было главной целью тройственного союза⁶¹.

Положение левантийской торговли Франции стало внушать опасения, так как прогресс этой торговли, жизненно необходимой для французской промышленности, в 80-х годах прекратился⁶². Хотя Франция все еще господствовала на рынках Турции, но уже появились симптомы утери этого господства. Заглядывая в будущее, Франция стала энергичнее добиваться у Турции открытия Черного моря для своего флага и более настойчиво искать сближения с Россией.

11 января 1787 г. был заключен Договор дружбы и торговли России с Францией. О «дружественных» чувствах, с какими заключался договор, свидетельствует одна из записок Екатерины II Безбородко, написанная в декабре 1786 г.: «Третий день у меня лежит полномочие на французский коммерческий трактат, руки не поднимаются оное подписать, вспомя последний ответ Сегюра о персидских письмах»⁶³. Императрица, конечно, имела в виду объяснения, данные французским послом Сегюром об антирусской деятельности графа Феррьер-Совбефа в Иране. Сегюр указал на то, что французский эмиссар самовольно нарушил функции простого наблюдателя и что у французского правительства были более серьезные основания для жалоб на деятельность русских агентов в Архипелаге⁶⁴.

⁶⁰ J. Holland Rose, *The Mission of William Grenville to the Hague and Versailles in 1787*, — «The English historical review», vol. XXIV, 1909, p. 292.

⁶¹ В нидерландских событиях особо важную роль сыграл английский посол Джеймс Гаррис, взявший здесь реванш за неудачу в России (A. Cobban, *Ambassadors and secret agents. The diplomacy of the First Earl of Malmesbury at the Haage*, 1954).

⁶² P. Masson, *Histoire du commerce français dans le Levant au XVIII siècle*, Paris, 1911, pp. 490—491, 653.

⁶³ Сб. РИО, т. 42, 1885, стр. 273.

⁶⁴ Ségur, *Mémoires ou souvenirs et anecdotes*, t. 2, 3 éd., Paris, 1827, p. 363.

Назначение Сегюра послом в Петербург совпало с поездкой Феррьер-Совбефа на Восток.

Известная авантюра графа Феррьер-Совбефа в Персии (1784—1785) чуть было не расстроила русско-французские переговоры. Обычно в литературе антирусское выступление Феррьер-Совбефа рассматривается как враждебный акт французского правительства, упускается из внимания авантюризм выступления и заинтересованность английской дипломатии в этой аванюре. Мы не имеем возможности останавливаться полностью на рассмотрении этого вопроса⁶⁵.

Русская печать отмечала радостные настроения во Франции, вызванные заключением договора. В «Московских ведомостях» писали, что когда большой министр Верженн получил известие о заключении договора, то якобы сказал лечившему его врачу: «Сие известие приятнее для меня всех ваших лекарств»⁶⁶.

В России неохотно шли на союз с Францией: в ней по-прежнему видели главного врага и соперника в делах, касающихся Турции, Швеции и Польши. Официальная и личная переписка русских дипломатов и политических деятелей об этом говорит достаточно убедительно. Отдельные французские добровольцы участвовали на стороне турок в военных действиях. Этот факт вызвал такой гнев русской императрицы, что, позабыв о взятой на себя перед Западной Европой роли гуманной и просвещенной правительницы, она велела Г. А. Потемкину отправлять французов, которые будут попадать в плен, прямо «в Сибирь северную, дабы у них отбить охоту ездить учить и наставлять турков»⁶⁷.

⁶⁵ «Mémoires historiques, politiques et géographiques de voyages du comte de Ferrières-Sauveboeuf, faits en Turquie, en Perse et en Arabie depuis 1782 jusqu'en 1788», t. 1—2, Paris, 1790. Отрицательная критика этих мемуаров была дана в «Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot», t. XV, Paris, 1790 (новое изд., 1831, стр. 105—107).

Большой материал о «миссии» Феррьер-Совбефа можно почерпнуть из следующих источников: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258 на 113 листах, лл. 98—103 («1784. Бумаги французского эмиссара в Персии Феррьерера»); АВПР, ф. «Сношения России с Персией», оп. 77/5, д. 8, 1744—1801, лл. 98—126 («Копия секретных бумаг, касавшихся до известного французца Феррьерера, эмиссара французского в Персии»); ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 5, л. 64 (письмо посла Гарсевана Чавчавадзе князю Потемкину от 30 мая 1785 г.); ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 9, л. 43—43 об. (рапорт П. С. Потемкина П. С. Потемкину от 15 сентября 1785 г.); ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 32, лл. 152—153 (реляция Г. А. Потемкина Екатерине II, октябрь 1785 г.); об. РИО, т. 47, 1885, стр. 145 (указ Екатерины II послу Булгакову от 15 ноября 1785 г.); «Архив князя Воронцова», кн. IX, 1876, стр. 168—169 (письмо С. Р. Воронцова А. Р. Воронцову 10 (21) апреля 1790 г.). См. также: Ségur, *Mémoires...*, pp. 362—363, 389; J. Zinkeisen, *Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*, T. VI, Gotha, 1859, S. 560.

⁶⁶ «Московские ведомости», 1787, № 23, стр. 221.

⁶⁷ Письмо Екатерины II Г. А. Потемкину от 16 октября 1787 г., — «Русская старина», т. XVI, 1876, стр. 254.

До русско-турецкой войны французские военные специалисты, инженеры, техники нередко совершали поездки в Турцию и получали здесь работу по своей специальности. В 1784 г. инженер Лафит и его помощники осматрели на Черном море кавказское и европейское побережья, измерили глубину гаваней, сняли планы, указали необходимый ремонт укреплений⁶⁸. Крепости Очаков и Анапа, которые потом пришлось брать русским войскам, были укреплены французами. Русское правительство протестовало, французское — издавало запрещения. В конце 1787 г. оно вовсе отозвало свою военную миссию из Константинополя.

4 сентября 1788 г. на заседании Совета при императрице была зачитана депеша из Парижа: французское правительство отказало Швеции в субсидии, послало полномочия послу Сегюру на подписание союзного договора⁶⁹. Сближение Англии с Пруссией ускорило разрешение спорного вопроса о франко-русском союзе. 18 сентября Совет постановил: «Король прусский усилил себя союзниками, и нам следует таковых находить. Франция явила к тому склонность»⁷⁰. Французский проект договора о дружбе и оборонительном союзе предполагал взаимную помощь во всех случаях кроме настоящей войны России со Швецией и Турцией и возможной войны Франции с Англией. Отдельной секретной статьей обе стороны давали, однако, обязательство о немедленной взаимной помощи в том случае, если Англия «из ненависти к настоящему союзу» нападет на одну из договаривающихся сторон⁷¹.

Однако ни четверного союза (Россия — Австрия — Франция — Испания), ни союза с Францией заключить не удалось. Привлечению Испании к союзу помешали происки англо-прусской дипломатии. Заключению же союза с Францией в конечном счете помешала буржуазная революция во Франции.

Успешно начавшаяся австро-франко-русская кооперация в южном море скрывала в себе вполне реальную угрозу подрыва тиранического господства Англии на морях⁷². Торговая деятельность в Херсоне привлекла внимание всего торгового мира Европы. Возрождавшийся французский флот мог теперь доставлять нужные ему строительные материалы, пеньку, железо из черноморских портов по Черному морю, минуя преграды, чинимые его транспорту со стороны Англии. Этого английские

⁶⁸ АВПР, ф. «Константинопольская миссия», д. 242, лл. 315—317; L. Pingaud, *Choiseul-Gouffier. La France en Orient sous Louis XVI*, Paris, 1879, pp. 98—99.

⁶⁹ «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 1, стлб. 604.

⁷⁰ Там же, стлб. 611.

⁷¹ «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France...», IX, *Russie*, t. 2, Paris, 1890, pp. 441, 464—466.

⁷² H. Halm, *Habsburgischer Osthandel im 18 Jahrhundert*, München, 1954.

предприниматели никак не хотели допустить. Английский посол в Петербурге Чарльз Уитворт постоянно утверждал, что черноморская торговля «совершенно в выгоду наших натуральных врагов»⁷³, т. е. французов. Мнение это приобрело особое значение после вступления Франции на путь сближения с Россией — заключения торгового договора (11 января 1787 г.) и начавшихся попыток к заключению союза. Английский капитал не без основания усматривал угрозу своим планам установления мирового господства в усилении не только Франции, но и России. Посол Уитворт доказывал своему правительству, что «непосредственный интерес» Англии «требует того, чтобы остановить успехи сего государства к полдню»⁷⁴. Он был уверен, что расширение русского государства на юг, «всякое приращение в силе и власти, оным бы приобретаемой, падет на жребий наших неприятелей»⁷⁵, т. е. будет на пользу Франции. Таким образом, сокрушение черноморской торговли России становилось важнейшей задачей английской политики. Война, по английской традиции — чужими руками, была наилучшим средством к этому, тем более что «те источники, из коих почерпались доселе средства к содержанию войны»⁷⁶, находились в руках Англии. Обстановка на Ближнем Востоке благоприятствовала этим планам английской политики.

3. Дипломатическая борьба в Константинополе по грузинскому вопросу и развязывание войны

В Константинополе шли споры. Россия ставила вопрос о разорении Восточной Грузии набегами лезгин и наказании за это ахалцихского Сулейман-паши. «Сие завело нас в сильные у Порты домогательства. Но турки с дня на день проводят. Я думаю, однако ж, что скоро дойдет нам что-либо сильное в том крае произвесть и что, хотя не столь жестокая, но война, однако ж, будет»⁷⁷, — писал 24 октября 1785 г. член Коллегии иностранных дел А. А. Безбородко русскому послу в Лондоне С. Р. Воронцову. Следовательно, уже осенью 1785 г., после нападения аварского Умма-хана на Грузию, война с Турцией из-за Грузии уже казалась возможной.

15 ноября 1785 г. императрица предложила Булгакову добиваться у Порты созыва конференции и на ней представить мемориал с требованием удаления и наказания паши, а даль-

⁷³ Письмо Уитворта статс-секретарю Гренвиллю, май 1791 г., — ЦГАДА, ф. Воронцовых, 1261, оп. 1, д. 1075, л. 8.

⁷⁴ Там же, л. 8 об.

⁷⁵ Письмо Уитворта герцогу Лидсу от 22 апреля 1791 г., — ЦГАДА, ф. Воронцовых, 1261, оп. 1, д. 1065, л. 45 об.

⁷⁶ Там же, л. 34.

⁷⁷ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, 1879, стр. 97.

нейшие изъяснения прекратить⁷⁸. 8 января 1786 г. Булгаков подал соответствующий мемориал. Но султанское правительство с ответом не спешило. Оно не хотело наказывать ахалцихского пашу, в котором видело преграду продвижению России в Азию⁷⁹.

Прошло пять месяцев со времени подачи мемориала. Булгаков предполагал, что министры скрывают от султана серьезность положения. Тогда из Петербурга предложили Булгакову (указ 15 июля) выразить турецкому правительству готовность взять на себя ходатайство перед императрицей о том, чтобы она согласилась довольствоваться строгим запрещением паше «подкреплять лезгин и с ними или кем бы то ни было другими касаться пределов подданного нашего, царя карталинского, нападать на его владения и приключать грабительства и разорения»⁸⁰.

Наконец через шесть месяцев последовал отрицательный ответ Порты, задевший русскую императрицу еще более, чем вторжение лезгин в Грузию. В указе Булгакову от 8 августа 1786 г. по этому поводу говорилось, «что тут содействовали вредные советы и внушения держав, славе и величию нашим завистующих и ищущих полагать преграды в событии намерений наших»⁸¹. Булгакову было предложено «изъяснить турецкому министерству всю непристойность изречений ответного их мемориала и особливо о царе карталинском, которого мы приняли однажды в подданство наше со всеми его народами и областями... отвергая с холодностью всякие нелепые со стороны турецкой толкования о землях царя карталинского и тому подобном». О непристойности этого турецкого ответа Булгаков должен был говорить с французским послом и решительно дать ему знать, «что дело, касающееся до принятия царя Ираклия с его владениями под державу нашу, есть из числа тех, в коих мы не потерпим ни малейшей перемены или уменьшения, что потому всякое в сем артикуле со стороны Порты беспокойство, препятствие, наипаче же присвоение помянутых областей будет неминуемым поводом к восстановлению войны»⁸². Отсюда ясно, что в ответе Порты говорилось о каких-то правах Турции на обладание Грузией. Россия полным ходом повела подготовку к войне.

Но война не вспыхнула. Усилия французского посла Шуазель-Гуффье привели к компромиссу: Порта отправила Сулейман-паше запрещение лезгинам производить грабительские на-

⁷⁸ Сб. РИО, т. 47, 1885, стр. 143.

⁷⁹ Об этом дает представление докладная записка Булгакова от 1(12) июня 1786 г. (См. сб. РИО, т. 47, 1885, стр. 164—168).

⁸⁰ Там же, стр. 168—170.

⁸¹ Там же, стр. 170—173.

⁸² Там же, стр. 170—173, цит. стр. 172.

беги в Грузии. В султанском фирмане указывалось: «Тифлиский хан (царь Ираклий. — О. М.) должен пользоваться всем вниманием, какого требует доброе соседство и верная привязанность»⁸³. Конечно, этот фирман не удовлетворял полностью русских требований, однако русская дипломатия сделала вид, что удовлетворена, и острота момента сгладилась, хотя и ненадолго.

13 декабря Г. А. Потемкин известил Булгакова, что ему, Потемкину, даны полномочия силой защищать право России, что войска в полном движении и «одна только скорость исполнения может удержать действие оружия»⁸⁴. Булгакову предписывалось потребовать созыва конференции, на которой Порта должна дать удовлетворение по следующим пунктам: 1) не «обеспокоивать» границы царя Ираклия как подданного России; 2) отослать за Дунай русских беглецов-запорожцев и других, которых Порта держала на границе; 3) немедленно закончить варнское дело (о назначении консула) и соляное; 4) наказать закубанцев за их грабительства.

Следующим предписанием Г. А. Потемкина (от 25 декабря) Булгакову предлагалось «наисильнейше» домогаться у Порты, чтобы ахалцихский паша оставил царя Ираклия в полной тишине и спокойствии⁸⁵.

Но султанское правительство не обращало внимания на предупреждения. Оно продолжало с еще большей настойчивостью добиваться от Ираклия установления вассальных отношений. Россия воевать не хотела; она прилагала все усилия к тому, чтобы преодолеть упорство турок и мирным дипломатическим путем решить спорные вопросы. Но настойчивые требования русского посла о прекращении домогательств Порты в отношении Грузии встречали «великие непреодолимости».

Донесения С. А. Лашкарева (Лашкаришвили), дипломатического чиновника, командированного Г. А. Потемкиным в конце 1786 г. для частных разговоров с турецкими сановниками, живо рисуют отношение султанского правительства к грузинскому вопросу. Порта убеждена в неоспоримости своих прав на Восточную Грузию; она не протестовала и не протестует против установления протектората России над Грузией лишь по той причине, что якобы искренне хочет жить с Россией в дружбе и мире. Реис-эфенди полностью отрицает причастность Порты к нападениям лезгин на Грузию. Министр

внутренних дел (кяхья-бей) Хаирн-эфенди утверждает, что у Порты имеются документальные доказательства принадлежности Грузии Турции, «от самих грузинских царей письменные в том обязательства за их печатью, да и от нынешнего царя Ираклия тоже есть в архиве и, ежели я хочу, — писал Лашкарев, — то он, отыскав, мне оные покажет». В доказательство миролюбия Порты Хаирн-эфенди ссылался на повеление, данное ахалцихскому паше, чтоб он «отныне находился впредь с Грузией на дружеской ноге»⁸⁶.

Смысл всех этих заявлений сводился к тому, что Порта только из «дружбы» к России отказывалась от своих «прав» на Грузию. Что касается ахалцихского паши Сулеймана, то султанское правительство не видело оснований для его удаления: нападают на Грузию лезгины, а лезгины — народ вольный, от Порты независимый.

Все же результатом бесед Лашкарева и Булгакова с турецкими министрами явилось обещание турецкого правительства послать дополнительный фирман Сулейман-паше относительно лезгин. «Грузинские дела завязываются серьезно, — писал А. А. Безбородко С. Р. Воронцову 4 апреля 1787 г. — Турки не хотят нигде упустить, не наименовав царя Ираклия своим вассалом, стараются возмутить побережных персидских ханов...»⁸⁷.

Упорство турок и новые агрессивные акты в Валахии, Молдавии, на Кубани, несмотря на уступчивость со стороны России (в конце концов русские дипломаты согласны были удовлетвориться посылкой дополнительного фирмана к паше), свидетельствовали о том, что Турция действовала не без поддержки со стороны и что борьба России с ней из-за Грузии принимала характер борьбы, происходившей на международной арене.

Донесения Булгакова рисовали состояние Турции расстроенным и слабым; султан Абдул-Хамид не хочет войны, но не умеет ее избежать, «все зависеть может от посторонних обстоятельств»⁸⁸. Этими «посторонними обстоятельствами» могли быть только внушения враждебных России держав. Делегацией от 8 (19) августа 1789 г. посол в Венеции А. С. Мордвинов информировал вице-канцлера И. А. Остермана, со слов венецианского баила, о «жестоких объяснениях» реис-эфенди с английским и прусским послами. Реис-эфенди упрекал послов за то, что они склонили Порту к объявлению войны. В другой депеше сообщалось: неожиданное заключение русско-шведского мира (1790 г.) усилило негодование Порты против англий-

⁸³ Сб. РИО, т. 47, 1885, стр. 186. «Сущность повеления, данного чидирскому губернатору Сулейман-паше, 8 августа 1786 г.», перев. с франц. Шуазель-Гуффье советовал Булгакову не обращать внимания на мелочи, т. е. на упоминание в фирмане о «верной привязанности» Ираклия к султану (там же, стр. 184—185).

⁸⁴ Там же, стр. 191—193.

⁸⁵ Там же, стр. 194—195.

⁸⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 431, л. 7 об.

⁸⁷ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, 1879, стр. 125.

⁸⁸ Сб. РИО, т. 27, 1880, стр. 393.

ского и прусского послов, уверявших в победах шведов и движении их на Петербург⁸⁹.

Кроме России и Австрии в ахалцихский вопрос были втянуты Англия, Франция, Пруссия, Швеция, Польша, получившие от Порты копии мемориала Булгакова от 8 января 1786 г. и ответы на него Турции. Это означало, что дальнейшее укрепление позиций России в Закавказье становится исторически неизбежным, поскольку Грузия и вообще Закавказье оказались вовлеченными в борьбу интересов держав на международной арене. Попытки создать «барьер» в Закавказье оказались несостоятельными, и политическая судьба феодальных владений Закавказья уже в 80-х годах была предreshена.

В рескриптах на имя Г. А. Потемкина неизменно указывалось, что Порта действует под внушением недоброжелательно относящихся к России государств. В рескрипте от 19 августа 1787 г. категорически заявлялось, что Российская держава считает беспорочным свое право верховной власти «над царями карталинскими и их областями, после многих, толь сильных домогательств у Порты по сему пункту, да и после **повторенных неоднократно изъяснений другим дворам**, что право наше над сими владетелями поставляем превыше всякого сомнения; податься на малейшую уступку по сему артикулу было бы прямо вопреки достоинству нашему и поводом для турков к новым затеям»⁹⁰. Русское правительство больше не настаивало на формальном признании Турцией Георгиевского договора, оно требовало лишь, чтобы Порта не называла царя Ираклия своим подданным, так как свое право над ним верховная власть России ставила все же «превыше всякого сомнения».

В новом конфликте с Турцией вопрос о Восточной Грузии занимал первое место в ряду причин, вызвавших войну⁹¹.

По донесению прусского посла в Константинополе Дица Фридриху II от 9 августа 1787 г., Порта, в ответ на его совет пойти на уступки, заявила о готовности к соглашению по всем пунктам, кроме Грузии⁹². На непримиримость Порты в вопросе о Грузии указывала и турецкая историография. Историк Джебдет-паша писал: «Гюрджистанский вопрос» был главной причиной войны. Порта не хотела «признать за русскими присваиваемое ими право покровительства в отношении к Эреклияху. Так как спор этот не прекращался, то и отдан он был, наконец, на разрешение действию острых мечей»⁹³.

⁸⁹ «Архив Мордвиновых», т. I, СПб., 1901, стр. 153, 159.

⁹⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 2, 1787, лл. 1—8. Подчеркнуто нами. — О. М.

⁹¹ Записка графа А. А. Безбородко о причинах разрыва мира России с Турцией (1787 г.). — сб. РИО, т. 26, 1879, стр. 530—536.

⁹² L. Ranke, *Die deutschen Mächte und der Fürstenbund*, 2 Aufl., Leipzig, 1871, S. 298.

⁹³ Джебдет-паша, *Описание событий в Грузии и Черкессии по отношению к Оттоманской Порте (1775—1784)*, — «Русский архив», 1888, кн. 1, стр. 391.

Дипломатическая борьба закончилась, началась война. Современник категорически утверждает: чтобы отомстить за союз Франции и России, Англия побудила турок объявить России войну⁹⁴.

Из донесения посла Булгакова от 1 (12) мая 1786 г. известно, что подготовкой войны на Кавказе руководил капудан-паша (начальник морских сил Османской империи). Его ближайшим советником был английский посол Энсли⁹⁵. Последний старался уверить Булгакова в том, что он оклеветан в его глазах, несправедливо обвинен в антирусских шагах при дворе султана. Однако современники свидетельствуют, что Энсли начал готовить Турцию к войне с Россией тотчас же по присоединении Крыма. Он же редактировал протестующий ответ султанского правительства на манифест Екатерины II о присоединении Крыма⁹⁶.

Как уже отмечалось, Турция начала снабжать артиллерийскими орудиями пограничных с Закавказьем пашей, закупая военное снаряжение в Англии. Сообщения об этих военных закупках все чаще и чаще появлялись на страницах русской печати 80-х годов. Отметим, кстати, что Англия снабжала пушками не только турецкие арсеналы, но одновременно и русский черноморский флот⁹⁷.

В числе подготовительных мер к войне нужно считать и почти полную смену правительственных лиц в начале 1786 г. начиная с убитого миролюбивого великого везира. О гибели его Булгаков выражал сожаление как о потере просвещенного человека большого ума и способностей. Конечно, эта смена не коснулась воинственного адмирала (капудан-паши) Гази-Гасана. «Московские ведомости» писали: «Теперь все посты турецкого министерства заняты единомышленниками капитан-паши». Он всем диваном управляет и теперешняя политика Порты — его «творение»⁹⁸. Напомним, что подобная же смена правительства происходила при участии иностранного элемента и перед русско-турецкой войной 1736—1739 гг.

Посол Энсли инструктировал турок по части укрепления черноморских берегов и составил для великого везира план управления Египтом. «Английский посол почти ума лишился, судя по его поведению, которое не может принести пользы ни его двору, ни туркам, ни ему самому и никому другому»⁹⁹.

⁹⁴ J. Castéra, *Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie*, t. 3, Paris, an VIII, p. 345.

⁹⁵ Сб. РИО, т. 47, 1885, стр. 160—162.

⁹⁶ W. Eton, *A Survey of the Turkish Empire*, London, 1798, pp. 88—89; M. de Salabery, *Histoire de l'Empire Ottoman, depuis sa fondation jusqu'à la paix d'Jassy, en 1792*, t. IV, Paris—Londres, 1817, pp. 95, 102.

⁹⁷ Сб. РИО, т. 27, 1880, стр. 519—520.

⁹⁸ «Московские ведомости», 1786, № 23, стр. 240.

⁹⁹ Сб. РИО, т. 47, 1885, стр. 176.

писал Булгаков императрице (в сентябре 1786 г.). Позднее он сообщал, что Энсли возбуждает против России прусского, голландского и шведского послов¹⁰⁰. Граф Монморен, руководитель внешней политики Франции, в разговорах с английскими дипломатами в Париже возмущался поведением Энсли¹⁰¹.

Антирусская деятельность в Константинополе этого английского дипломата стала предметом объяснений между петербургским и лондонским кабинетами¹⁰². Екатерина II писала Г. А. Потемкину (6 ноября 1787 г.): «Французские каверзы по двадцатипятилетним опытам мне довольно известны. Но ныне спознали мы и английские»¹⁰³. Считая деятельность Энсли серьезным препятствием для установления дружбы с Англией, императрица требовала отозвания его как «ослушника», поскольку из Лондона уверяли императрицу, что антирусские выступления Энсли носят частный характер. Тогда же и А. А. Безбородко писал близкому ему С. Р. Воронцову: «Нельзя никак усумниться, что сей шалун довершил то, что наши старые учителя и приятели начали»¹⁰⁴, подразумевая под «приятелями» французов.

Инструктаж турецких моряков теперь перешел к англичанам. Уведомляя в 1790 г. Безбородко о появлении турецкого флота в Черном море, Г. А. Потемкин писал: «При капитан-паше два англичанина учителя»¹⁰⁵.

В 80-х годах политика России была твердо направлена на удержание Турции от войны, когда же война разгорелась — на скорейшее заключение мира. Убеждая турок в выгоде мира с Россией и угрожая плохими последствиями неуступчивости, Г. А. Потемкин давал отправленному в 1790 г. для переговоров с турками полковнику Бароцци следующее наставление: «Не будет им нужды тогда слушать советов мнимых друзей, которые их доят как корову. Франция сосет их по торговле и завладела почти всем продуктом; теперь явилась Швеция у них на жалованье... Все указывают на Россию, что она опасна, а между тем Индию разобрали с ее богатствами под носом у турок по своим рукам и уже сокровища оттоль все везутся вокруг земли морем, которые ходили через их владения прежде и обогащали жителей. Желали некоторые выманить у них „Суез“, чтоб тут сделать антрепо для коммерции индийской, а при том прибрать египетский торг, а может и землю.

Были охотники и на порт в Кандии, таких друзей много, которые, по половице, в душу вьют, на словах ласкаются, а в карман лезут... Ежели хотят миру, его сделать можно скоро, без конгрессов, в которых кроме плутовства ничего нет»¹⁰⁶.

Во время войны Г. А. Потемкин обдумывал даже возможность союза с Турцией, но мысли об этом не встретили одобрения: такой союз подорвал бы авторитет России у народов, угнетенных турками¹⁰⁷. Не раз Потемкин, говоря о политике в отношении Турции, выражал сожаление о ее жалостном нынешнем положении. Русские дипломаты постоянно убеждали турок не верить внушениям их «доброжелателей». «Но что делать? Ничто не помогает. Слепление султана или, может быть, его рок ведут к потере. Варвары и тиранцы ожесточенные не внемлют ни чему», — писал Потемкин императрице 15 января 1791 г.¹⁰⁸.

В подобном ослеплении турецкое правительство находилось даже в конце неудачной войны.

В России, как уже говорилось, стремились избежать войны, так как к ней не были готовы. «...Нужно, чтоб было время, хотя мало созреть», — писал Г. А. Потемкин Безбородко 14 августа 1787 г. «Не можно ли прямым образом спросить у дворов Прусского, Английского и Шведского, — продолжал Потемкин, — что значит, что их министры прямо противу нас идут в Цареграде, и требовать повеления их министрам, чтоб они укротились»¹⁰⁹. Но «укрощать» уже было поздно: 13 августа была объявлена война, а 16-го русский посол Булгаков был заключен в Семибашенный замок.

Предвидя, что после присоединения ганноверского курфюрста (английского короля) к Лиге немецких князей произойдет англо-прусское сближение и чтобы не допустить его, Г. А. Потемкин проектировал союз с Пруссией. Об этом свидетельствует его переписка с Екатериной II и Безбородко. Однако единства среди русских дипломатов по этому вопросу не было. Непримиру настроенная в отношении Пруссии, в особенности после смерти Фридриха II, Екатерина заключила в 1788 г. дополнительную конвенцию с Австрией о препятствовании Пруссии «на Польшу устремляться». В следующем году она вновь уступила «домогательствам» Австрии и возобновила безформалитета союзный договор с ней. Эти шаги благоприятст-

¹⁰⁰ Там же, стр. 199.

¹⁰¹ Oskar Browning, ed., *Despatches from Paris*, vol. 2 (1788—1790), London, 1910, p. 6.

¹⁰² «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 1, стлб. 473.

¹⁰³ Сб. РИО, т. 27, 1880, стр. 447.

¹⁰⁴ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, М., 1879, стр. 134—135.

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, л. 3, лл. 185—186.

¹⁰⁶ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VIII, 1872, стр. 195—197.

¹⁰⁷ Рескрипт Г. А. Потемкину от 6 марта 1790 г., — ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, л. 7, 1790, л. 105; Письмо Екатерины II к Г. А. Потемкину от 19 марта 1790 г., — Сб. РИО, т. 42, 1885, стр. 65—66.

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. I, д. А—26, л. 52 об.

¹⁰⁹ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VIII, 1872, стр. 203.

вовали видам английской политики, так как повысили антирусскую воинственность Пруссии. По мнению Г. А. Потемкина, венский двор стремится «сцепить» Россию с Пруссией. «Нужно крайне помириться здесь»¹¹⁰, — писал Потемкин Екатерине II 8 июня 1788 г. А 15 июня он добавлял: «Я крайне скорблю о поставленном условии с цесарем»¹¹¹. Неожиданно начавшаяся война поколебала основной принцип русской дипломатии: воздержание от союзов. Теперь готовы были многих «ласкать», по выражению царских дипломатов, проводивших макиавеллистическую политику, — и Польшу, и Англию¹¹². От союза с Польшей, однако, отказались, чтобы не увеличивать беспокойства Пруссии. Король продолжал добиваться присоединения к Пруссии Данцига и Торна, гарантом независимости которых была Россия. По мнению русских дипломатов, Фридрих-Вильгельм II охотно бы согласился «на раздробление селимовой посессии» (Турции), если бы Россия пошла на уступки ему в Польше¹¹³.

Союз Пруссии с Турцией (январь 1790 г.) не был прочен. Не было прочно и сближение Пруссии с Англией, так как торговое соперничество в Польше продолжалось. Тем не менее антирусская настроенность английского кабинета была непоколебима. На предложение союза и торгового договора он ответил отказом¹¹⁴. Сделать Питта Младшего «орудием для пользы» России не удалось: он стремился к войне, а не к миру. Не удалось, однако, и английским министрам продиктовать России мир с Турцией на условиях *status quo*. Проект английского ультиматума, посланный через Берлин, был поспешно затребован обратно (апрель 1791 г.). Собственная же буржуазия, заинтересованная в непрерывной торговле, воспрепятствовала предъявлению ультиматума.

4. Положение в Закавказье во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

Итак, последняя в XVIII в. война между Россией и Турцией началась главным образом из-за Грузии. Но сама Грузия в войне не участвовала, как и вообще все Закавказье. Выжидательная позиция дагестанских и азербайджанских феодалов во время войны свидетельствовала о том, что проявления их

¹¹⁰ «Русская старина», т. XVI, 1876, стр. 468.

¹¹¹ Там же, стр. 470.

¹¹² Письмо Г. А. Потемкина А. А. Безбородко от 22 августа 1787 г., — ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 37, л. 34—34 об.

¹¹³ Сб. РИО, т. 42, 1885, стр. 121.

¹¹⁴ Реляция С. Р. Воронцова от 2(13) февраля 1790 г., — ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 7, 1790, лл. 85—93.

недружелюбия после поступления Грузии под протекторат России были вызваны не враждебным отношением к России и не чувствами симпатии к Турции, а прежде всего страхом перед установлением гегемонии Грузии в Закавказье.

Тем не менее внутреннее положение в Грузии — и в Восточной, и в Западной — продолжало ухудшаться. По донесению С. Д. Бурнашева (от 16 июня 1787 г.), торговые связи «пресеклись, к немалому Грузии убытку»¹¹⁵. Со всех сторон шли слухи о готовящемся нападении на Грузию сначала турок, а затем персов. Между тем в Картли-Кахетии не было ни собственного постоянного войска, ни денег для привлечения наемных сил.

Царь Ираклий неоднократно настаивал перед русским командованием на предоставлении ему военной помощи «по силе трактата», а не только «переписками с соседями»¹¹⁶. Если бы Грузия не находилась под покровительством России, «мы бы вас и не беспокоили»¹¹⁷, — писал Ираклий командующему П. А. Текелли 22 ноября 1787 г.

Отпуская в апреле 1788 г. в Грузию Картли-Кахетского посла князя Гарсевана Чавчавадзе, Г. А. Потемкин отправил с ним Ираклию дружественное письмо. Это письмо давало представление о тактике верховного командования в отношении Грузии во время войны. Все силы турок теперь устремлены к европейским границам России и на Тавриду. Когда это «покушение» будет отражено, царь Ираклий получит через князя Туманова подробное уведомление о том, что будет сделано для «пользы Грузии» (князь Туманишвили находился при Потемкине). В заключение письма Потемкин сообщал, что Австрия объявила Турции войну, а это еще более «должно понудить Порту к оставлению Грузии в покое»¹¹⁸.

Полного покоя со стороны Турции, однако, не было. После усиленных домогательств Сулейман-паши ахалцихского и некоторой части грузинских феодалов, а также членов царской семьи Ираклий II согласился на новые переговоры с Турцией. 2 сентября 1788 г. в 60 км от Тбилиси состоялось первое свидание царя с уполномоченным паши (сам паша заболел). Турецкое правительство с новой силой возобновило требования полного прекращения связей Картли-Кахетии с Россией и фактического признания власти султана. Оно потребовало: уничтожить дорогу через Кавказские горы, разрешить постройку у Дарьяльской ущелья турецкой крепости, прекратить всякую переписку с русскими властями и не допускать прихода войск

¹¹⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 331.

¹¹⁶ Там же, лл. 372—373, 376—378; д. 20, ч. 1, лл. 1, 4.

¹¹⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 417, л. 114—114 об.

¹¹⁸ «Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1774—1788 гг.», СПб., 1893, стр. 273.

из России, дать заложниками царевичей (сына Мириана и внука Давида), отказаться от завоеваний в Азербайджане, т. е. от Гянджи и Еревана, уничтожить золотые и серебряные рудники. Как и следовало ожидать, все эти условия были категорически отвергнуты.

Вскоре султанскому правительству пришлось сбавить тон: военные действия на европейском фронте разворачивались не в пользу Турции. 20 декабря прибыл в Тбилиси султанский посланец Ибрагим-бек с подарками, деньгами и султанской грамотой. Порта приняла во внимание отказы царя; теперь она хотела только мира и дружбы и двух заложников. Царь отказался от своего прежнего требования получить возмещение убытков, причиненных лезгинами, но настоял на том, чтобы все лезгины, находившиеся в Ахалцихе, были оттуда высланы. Заложниками были даны не царевичи, а князья Нико Орбелиани и Теймураз Цицишвили.

Нам неизвестны окончательные условия соглашения между царем и султаном, но факт установления мира был налицо. Очевидно, Турция не только стремилась к подчинению Грузии, но и хотела обезопасить себя от нападений с ее стороны.

Русское правительство не было информировано о новых грузино-турецких переговорах и установлении «дружбы». Генерал Текелли 29 марта 1789 г. писал Г. А. Потемкину, что узнал об этом со стороны, так как, несмотря на непрерывную переписку с царем, «не удостоен был от его высочества сведением о происшествиях в Грузии, а паче о настоящем положении таможенных дел»¹¹⁹.

Установлением «дружбы» с Турцией Ираклий получил свободу действий в Азербайджане и Иране, где он, как уже нам известно, надеялся выступить в союзе с Фатали-ханом. В декабре 1788 г. предместье Гянджи было занято царевичем Вахтангом. В начале следующего года Гянджа вновь покорилась Ираклию¹²⁰.

Фатали-хан стремился теснее сблизиться с Россией и всячески подчеркивал, что он должен быть в дружбе не только с Ираклием, «но и со всеми верными престолу ее величества»¹²¹.

Г. А. Потемкин ходатайствовал перед императрицей по просьбе Фатали-хана об утверждении его «королем» в Азербайджане, т. е. верховным правителем, которому другие ханы стали бы подчиняться. Это желание хана следует рассматривать как выражение государственной политики, направленной

¹¹⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 516, лл. 79, 80—82 (приложение экстракта из документа о грузино-турецких переговорах).

¹²⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 516, л. 82.

¹²¹ Письмо Фатали-хана генералу П. А. Текелли, апрель 1788 г., — ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 481, л. 100 об.

на объединение азербайджанских земель. «До времени помянуть его сим можно, — писал Г. А. Потемкин Безбородко в марте 1788 г. — Посланный его человек умной. Приласкайте его»¹²². Возможно что это высказывание свидетельствует о неполном доверии к хану.

В надежде на поддержку России Фатали-хан и царь Ираклий строили далеко идущие планы в отношении Ирана. Не случайно в Тбилиси содержался в большом почете некий Назарели-хан, внук Надир-шаха, кандидат на шахский престол¹²³. Ближайшие же планы заключались в борьбе против Карабаха и надвигавшейся «каджарской опасности», т. е. против усиления власти Ага Мухаммед-хана и захвата им Южного Азербайджана¹²⁴.

В январе 1789 г. на берегу р. Шамхор (во владениях Гянджи) состоялась дружественная встреча Фатали-хана и шекинского Мамед-хана с Ираклием. На этой встрече был окончательно решен вопрос о походе в Карабах¹²⁵, выработан план согласованных действий в Южном Азербайджане и разделены сферы влияния: Ираклию — Закавказье, Фатали-хану — Южный Азербайджан. Ираклий пошел на некоторые уступки. Он отказался, например, от власти над азербайджанским владением Шамшадилу в пользу гянджинского хана. «Каджарская опасность» должна была бы еще более сплотить союзников. Но смерть Фатали-хана в марте того же года в Баку этому помешала¹²⁶. Генерал Текелли писал (30 мая) Г. А. Потемкину, что близкие хана скрывали его смерть более месяца, «дабы жадные и сильные соседи не расстроили владения, по наследству сыну принадлежащего»¹²⁷. Насильственное объединение владений путем завоеваний оказалось недолговечным. В условиях господства натурального хозяйства и политической раздробленности экономического фундамента для сколько-нибудь прочного объединения не существовало. Общественных сил, на которые могла бы опираться политика централизма, также не было. Вследствие слабого развития городов торгово-ремесленные круги не были объединены в организации, заинтересованные в установлении прочной и сильной власти. Феодалы завоеванных владений постоянно противодействовали завоевателю. Крестьянские массы, истомленные войнами и поборами, жаждали покоя и мира прежде всего и не интересовались

¹²² ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 37, л. 69.

¹²³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 516, л. 69.

¹²⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 481, л. 162—162 об.

¹²⁵ «Histoire de la Géorgie», pt. II, livr. 2 (Вахушти), p. 254.

¹²⁶ Искандер-бек Ганджинский, *Жизнь Фет-Али-хана Кубинского*, — газ. «Кавказ», 1847, № 49; Абас-Кули-Ага-Куден Бакиханов, *Гюлистан — ирам (Райский цветник)*, Баку, 1926, стр. 138—139.

¹²⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 516, л. 103—103 об.

управлением страны. В результате наследнику Фатали-хана — его сыну Ахмед-хану — удержать завоевания отца не удалось.

Фатали-хан так и не дождался принятия его под покровительство России. Слишком долго проверяли его верность союзу с Ираклием, которая в глазах русского правительства служила доказательством приверженности к России.

Проектировавшийся поход Ираклия и Фатали-хана против Карабаха не состоялся. Одним из поводов для намечавшегося выступления Ираклия было положение карабахских армян и, в частности, гроза, разразившаяся над ними летом 1787 г.¹²⁸ Все мелики были арестованы Ибрагим-ханом, их подвергли жестоким пыткам, требуя признаний в сношениях с русскими властями; полученные ими от русского правительства письма и подарки были отобраны. Ганзасарский патриарх Иоани умер от нервного потрясения, все его имение было взято, церковная утварь разграблена. В конце концов хан отпустил меликов, взяв с каждого из них по 15 тыс. руб. Спасая свою жизнь, многие сторонники сближения с Россией вынуждены были бежать под защиту Ираклия и отсюда умолять о помощи. Необходимость разрешения задачи, выдвинутой ходом исторического процесса, с еще большей настоятельностью проявилась в дальнейшем развитии событий.

«Каджарская опасность» заставляла более настойчиво искать покровительства России и дагестанских ханов. Самый влиятельный из них, аварский Умма-хан, нетерпеливо требовал ответа на свою просьбу о принятии под покровительство, поданную, как уже говорилось, в конце 1786 г. В одном из писем генералу Текелли он с запальчивостью спрашивал, где находится его посланник, отправленный к императрице два года тому назад. Хан угрожал обратиться за покровительством к другой державе, если покровительство России ему не будет дано. 7 сентября 1788 г. Текелли сообщил об этом Потемкину¹²⁹. Но хан так и не получил ответа: его политика в отношении Восточной Грузии все еще проверялась.

В конце 80-х годов в Западной Грузии наметилось некоторое сплочение прогрессивных сил. Русское правительство покинуло незадачливого царя Давида Георгиевича и перестало возражать против планов Ираклия возвести на престол царевича Давида Арчиловича. Теперь этот план поддерживал и возвратившийся из России посол, влиятельный князь Зураб Церетели. Прогрессивный деятель Грузии секретарь царя Ираклия Соломон Лионидзе тоже энергично действовал в пользу молодого Давида. Большинство имеретин было недовольно

своим царем и желало возвращения царевича. Участие царя Ираклия в имеретинских событиях тщательно скрывалось от турецкого правительства, как скрывалась и роль в них русской дипломатии. Группа имеретинских знатных феодалов обратилась к Ираклию с предложением объединить Западную и Восточную Грузию в одно царство. Ираклий созвал совещание, которое продолжалось три дня. Предложение было отклонено под предлогом, что объединение вызвало бы войну с Турцией¹³⁰.

В 1789 г. Давид Арчилович стал наконец имеретинским царем под именем Соломона II. Полномочия посла Габашвили были продлены. После смерти Бесики его брат Симон представил прибывшему на мирный конгресс в Яссы А. А. Безбородко копии бумаг, врученных его братом князю Потемкину¹³¹.

В ходе войны, особенно во второй ее половине, турки возлагали большие надежды на горцев Западного Кавказа. В течение 80-х годов Турция не оставляла попыток укрепить здесь свои позиции. В конце 1783 г. в Суджук-Кале (Новороссийск) прибыли три военных судна и более тысячи турецких солдат. Было доставлено несколько пушек и много ружей для раздачи народу. Турки предполагали начать постройку крепости на Кубани. Замысел не удался вследствие противодействия самого населения: никто не мог указать удобного места якобы по причине зимнего времени¹³². Попытки подобного рода делались и раньше и с таким же результатом. По словам донесения правителя из Тамани крымскому хану Шагин Гирею (1779 г.), народ, чувствуя недоброе, не хотел строить крепости для турок¹³³.

Эти факты важны для понимания истинного характера отношений между Турцией и горами Западного Кавказа. «Турки сами боятся черкес, они сидят в своих крепостях так точно, как в тюрьме, не смея ниже на полверсты отдалиться от крепости», — писал из Карасубазара 16 сентября 1785 г. генерал Каховский Г. А. Потемкину, утверждая, что черкесы ловили и продавали турок¹³⁴. Если черкесы оказывали поддержку туркам, то только из страха перед ними. Обычно же они сами беспощадно расправлялись с турками.

Генерал Текелли писал в конце 1788 г., что черкесы «турков не только не уважают, но во многих местах не дают им пристанища и пропитания»¹³⁵.

¹²⁸ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашина, *История Грузии...*, стр. 440.

¹³¹ Письмо Симона Габашвили А. А. Безбородко от 3 декабря 1791 г., Яссы. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36/611, лл. 41—42, 44—46.

¹³² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 1, л. 61.

¹³³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 41, ч. 2, лл. 29 об. — 30 об.

¹³⁴ ЦГАДА, ф. «Государственный архив», р. XV, д. 185, л. 18.

¹³⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 516, л. 32 об.

¹²⁸ Донесение С. Д. Бурнашева Потемкину от 8 июля. — ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 353.

¹²⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 481, л. 194—194 об.

Фирманы нового султана Селима III (1789 и 1790 гг.), объявляя об открытии военных действий на Кубани, безрезультатно призывали всех мусульман к объединению и к повинности имаму Ушурме.

Не соблазнялись горцы и «денежным содержанием» от султана¹³⁶. Поражение турецкого корпуса Баттал-паши на берегах Кубани 30 сентября 1790 г. явилось общим поражением турецкого влияния не только на Кубани, но и в горах Кавказа.

После побед на европейском фронте русское командование предполагало довершить разгром турок, действуя «со всевозможной живостью наступательно» в Азии¹³⁷. При этом важнейшее значение придавалось взятию Анапы. «Ожидаю, что бог даст у Анапы, ибо сей удар важнее всех будет», — писал в 1791 г. Г. А. Потемкин императрице¹³⁸. «Вот ключ, отворивший двери к большим ударам», — сообщал он же 9 июля, по получении известия о взятии Анапы (22 июня 1791 г.)¹³⁹. Новые военные действия у азиатских берегов предполагалось производить соединенными Таврическим и Кавказским корпусами при содействии Черноморского флота, состоявшего в это время уже из 73 крупных единиц¹⁴⁰.

Все эти высказывания свидетельствовали о намерениях русского правительства по окончании войны на европейском фронте перейти к кавказским делам. Но открытие нового фронта в Западной Европе отодвинуло кавказские проекты на задний план.

5. Ясский мир 9 января 1792 г. (29 декабря 1791 г.)

Поражение Турции в войне с Россией возбуждало у передовых деятелей Закавказья надежды на улучшение внешнеполитического положения их стран. Эти надежды сбылись в незначительной степени. Стремясь закончить тяжелую войну и заключить мир, царское правительство отступило от первоначальных позиций и проявило большую уступчивость по отношению к требованиям Турции.

Определенную роль в этом сыграло и то, что требования разбитой Турции поддерживались Англией. Все усилия враждебной дипломатии были направлены на то, чтобы не допустить России до полной реализации ее побед. Поэтому кавказский вопрос не был поставлен на обсуждение мирной кон-

ференции во всем его объеме, хотя первоначальные проекты мирного договора выдвигали этот вопрос на первый план.

О принципах и установках русской политики при заключении мирного договора с Турцией не раз заявлялось верховной властью: в вопросе о Грузии в них не шли ни на какие уступки. Мнения членов Коллегии иностранных дел не были столь категоричны. Об этом с полной очевидностью свидетельствовала записка вице-канцлера И. А. Остермана и А. А. Безбородко, рассматривавшаяся на заседаниях Совета при императрице 14—16 декабря 1788 г. при обсуждении проекта мирного договора с Турцией. С еще большей наглядностью это расхождение установок проявилось при заключении мира в Яссах, уже после смерти Потемкина.

В записке, рассмотренной на вышеупомянутых заседаниях Совета, Остерман и Безбородко писали: «Самый затруднительный пункт споров с Портой есть дело о части Грузии, владимой царем Ираклием. Сей владетель был вассал персидский, в 1776 году вступил в покровительство Порты, но в 1783 г. заключенным договором признал над собой верховную власть российских императоров. Порта привязывала к артикулу сему верховную важность, так что все употребленные с здешней стороны старания недовольны были ее отвратить от оногo... Если Порта настоять будет на сей пункт, как непременно для нее, то неужели для оногo разорвать мирные переговоры?»¹⁴¹. Безбородко и Остерман считали, что следует пойти на уступки и упомянуть в мирном договоре лишь о том, что в отношении царя Ираклия и Азербайджана положение остается таким, каким установлено по Кючук-Кайнарджийскому договору. Но аннулирование вопроса о Закавказье, к чему собственно сводилось предложение Безбородко, вовсе не соответствовало основной линии восточной политики России 80-х годов.

Авторы записки признавали, что пункт о протекторате России над Грузией есть самый затруднительный из всех пунктов мирного договора. И если Порта придавала ему такую важность, то это значило, что она сама претендовала на «верховенство» над Грузией, на что не раз указывала в ходе дискуссий по грузинскому вопросу. Об этом же свидетельствовали и ее требования в отношении азербайджанских границ.

Статья о Грузии занимала во всех проектах условий мирного договора одно из самых значительных мест, демонстрируя твердую решимость правительства не делать Турции по этому пункту никаких уступок. С особенной категоричностью об этом заявлено в рескрипте Потемкину от 30 июня 1789 г. «Второй пункт, касающийся до Грузии, еще более затрудни-

¹⁴¹ «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 1, слб. 645—646.

¹³⁶ П. П. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа*, ч. II, СПб., 1869, стр. 216, 230, 241, 266; АКАК, т. II, 1868, стр. 1033—1034.

¹³⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 22, лл. 53—56.

¹³⁸ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 21, л. 153.

¹³⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 22, л. 4.

¹⁴⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 21, л. 145.

тельным нам представляется, — писала Екатерина II. — Известно крайнее в оном упрямство, основанное на присылке депутата от царя карталинского и на мнимом его покорении Порте; но в сем случае мы не можем оказать ни уважения, ни податливости, когда собственное наше достоинство, трактатом торжественным с помянутым владетелем постановленным, завязано»¹⁴². Екатерина II выражала уверенность, что Потемкин в этом вопросе проявит «усердное старание».

Рескрипт напоминал об известном плане прусского министра Герцберга. Герцберг проектировал отдать Валахию и Молдавию Австрии взамен Галиции, от которой Австрия отказывалась в пользу Польши. Польша за «услуги» прусской дипломатии отдавала Пруссии Данциг и Торн с частью смежных земель. Россия получала Очаков и Бессарабию и в то же время давала гарантию на неприкосновенность турецких владений на правом берегу Дуная и отказывалась от права верховенства над Грузией. Вопрос о Грузии план Герцберга рассматривал исключительно с точки зрения интересов Турции.

Король прусский, по саркастическому замечанию Екатерины, получил бы «вещественнейшее приращение, не обнаружив меча... Собственному вашему проницанию судить оставляем, может ли быть удобоприемлем план сей...»¹⁴³.

Намечая в 1789 г. условия будущего мира с Турцией, русская дипломатия уже не обходила молчанием вопрос о Восточной Грузии, как это было при заключении Кючук-Кайнарджийского мира. Теперь русские позиции в грузинском вопросе подвинулись далеко вперед и укрепились. Но вопрос о присоединении Грузии по-прежнему, как и в 70-х годах, не выдвигался. Давая 11 декабря 1789 г. А. А. Безбородко распоряжение послать князю Потемкину условия мира и полномочия, Екатерина писала о Грузии: «Мы с Грузией имеем трактат. Мы не ведаем, имеет ли Порта с нею трактат же; но буде Порта запретит ахалцихскому паше и ей подвластным народам войски вводить в Грузию и Грузию войсками угнетать и разорять, то мы обещаем ей в Грузию войски не вводить, и буде Порта с ней, яко христианским народом, будет обходиться дружно, то мы не будем иметь причины Грузии покровительствовать, Грузия же истари принадлежала не ей, не нам, а Персии, а сбор христианами Кайнарджийским трактатом уничтожен»¹⁴⁴.

Такая филантропическая постановка вопроса, конечно, была фальшью. В планах реалистической русской политики 80-х годов самое главное было закрепление за Россией обла-

дания Черным и Каспийским морями с помощью народов Закавказья.

Г. А. Потемкин, энергично подготовлявший мирные переговоры и предполагавший вести их лично, осуществить этого не смог. 5(16) октября 1791 г. он скончался на 52 году жизни от болезни, причины которой неясны; его имя вошло в историю, окутанное паутиной лжи и клеветы. По получении сообщения о смерти Потемкина европейские дипломаты заявили через своих драгоманов Порте, что «сие происшествие принимают за доброе предзнаменование к миру». Даже недолголюбивший Потемкина А. А. Безбородко, сообщивший в октябре 1791 г. об этом факте своему другу Завадовскому, определил поведение послов как «непристойность»¹⁴⁵.

Связи с Кавказом во время войны были ослаблены, но не прерваны и поддерживались через кавказских посланцев, находившихся в ставке главнокомандующего Потемкина (вместе со служителями их было 149 человек, согласно списку, представленному в Коллегию иностранных дел в октябре 1791 г.¹⁴⁶). А. А. Безбородко, который после смерти Потемкина вел в Яссах мирные переговоры, писал Платону Зубову: «Я было думал дней несколько отдохнуть, уставши от письма; но вместо того, персидские и горские посольства, к покойному князю прибывшие, более меня замучили, нежели турецкая негодница»¹⁴⁷. Безбородко постарался поскорее отделаться от посланцев, не проявляя интереса к ним с точки зрения «государственных польз», личных же выгод в общении с ними он не усматривал. Послы были отпущены по домам, не получив удовлетворения по своим просьбам и заявлениям.

Непримиримая позиция Турции по грузинскому вопросу во время мирных переговоров в Яссах побудила русских дипломатов отказаться от полной его постановки. «Меня затрудняет проект о Грузии. Он ничего не значит. Я был мнения, чтобы его не упоминать, а самому после с собой решиться, по здравому рассудку и пользе», — писал Безбородко 18 ноября 1791 г. члену Коллегии иностранных дел А. И. Маркову¹⁴⁸. Пункт о Грузии требовал от турецкого правительства отказа от всяких на нее притязаний.

Пожелания царя Ираклия, выраженные им еще в 1788 г., не обсуждались на мирной конференции, как и пожелания имеретинских дипломатов о том, чтобы исконные грузинские земли Самцхе-Саатабаго и Адчари были возвращены Грузии и, кроме того, чтобы было включено в договор обязательство

¹⁴² ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 6, л. 34.

¹⁴³ Там же, лл. 38 об. — 39.

¹⁴⁴ Сб. РИО, т. 42, 1885, стр. 53.

¹⁴⁵ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, 1879, стр. 218.

¹⁴⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 93, л. 16—16 об.

¹⁴⁷ Письмо А. А. Безбородко П. А. Зубову от 9 декабря 1791 г., — Сб. РИО, т. 29, 1889, стр. 183.

¹⁴⁸ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, М., 1879, стр. 230.

Турции оставить Грузию «со всех сторон в покое, не нарушая оного никакими происками, не вмешиваясь притом в дела Адрибежана», и возместить причиненные турками убытки¹⁴⁹.

В 1791 г. по предложению нового ахалцихского пашы Ираклий обратился к султану с письмом. Он надеялся побудить Порту к отказу от поддержки лезгин. Об этом он сам информировал Потемкина. По мнению Ираклия, от его писем Порты не имела никакой пользы, но Грузию они предохраняли от «безвременной опасности»¹⁵⁰. Мнимую приверженность Ираклия к султану Порты все же использовала при заключении мирного договора.

27 сентября 1791 г. имеретинский католикос Максим обратился к Г. А. Потемкину с просьбой не забыть Имеретию и Абхазию при заключении мирного договора¹⁵¹. Записки, представленные имеретинскими послами Габашвили, напоминали о том же.

Напомнил о Грузии и царь Ираклий, представив русскому правительству экземпляр союзного договора (1790 г.) между Картли-Кахетией, Имеретией, Мегрелией и Гурией. Грузины обязались объединенно бороться с общими врагами. Ираклий брал на себя верховное попечение о царе Соломоне, своим внуке, «какое прилично отцу попечительному». Соломон же давал обязательство заботиться о благоденствии Ираклия¹⁵². Договор конкретно свидетельствовал о сближении между Восточной и Западной Грузией; этого сближения постоянно добивалась русская дипломатия.

Ясский мирный договор 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) принес Грузии подтверждение Кючук-Кайнарджийского мира (ст. 2) и обязательство Порты подтвердить фирманами ахалцихскому и другим пограничным пашам, чтобы «ни тайно, ни явно ни под каким видом не оскорбляли и не беспокоили земель жителей, владеемых царем карталинским» (ст. 5). Порты обязалась также возвратить пленных и «невольников» (ст. 8)¹⁵³. Все эти обязательства устранили вмешательство Турции во внутренние дела грузинских царств и княжеств. Подтверждение Кючук-Кайнарджийского договора означало, однако, сохранение «верховенства» Турции над Западной Грузией.

Ясский мирный договор косвенно признавал права Порты и над «закубанцами». Об этом свидетельствовала его 6-я ста-

тья. Именно Порты обязалась обуздать и воздерживать «народы» на левом берегу Кубани от нападений и хищничества на правом берегу. Тем самым как бы подтверждалось признание прав Турции над народом Адыгеи (Черкесии), что имело значение для развития дальнейших притязаний Турции на северо-восточное побережье Черного моря.

Итак, после Кючук-Кайнарджийского мира и особенно после присоединения Крыма Турция совершенно определенно, пользуясь ослаблением верховной власти Ирана, предъявила права на все Закавказье, от Черного моря до Каспийского. Она посылала в Закавказье деньги и фирманы султана. Она призывала к войне с Россией и Грузией. Она сделала попытку договориться с царем Ираклием. Но политика Турции в Закавказье потерпела полное поражение не от русских войск, но прежде всего от самих народов Закавказья. Турция не смогла взять на Кавказе реванш за Крым, к чему она явно стремилась. В этом сыграл положительную роль и покровительственный договор (1783 г.). Турция не двинула своих войск в Закавказье, что должно было случиться, если бы Россия стояла в стороне. Во время же войны Россия отвлекла турецкие войска на европейский фронт.

Ясский мир все же был шагом на пути освободительной борьбы народов Закавказья. Он не гарантировал их от повторных притязаний Порты на «покровительство» им, а также от поддержки этих притязаний враждебными России державами. Но он сохранял надежды народов Закавказья на избавление от ирано-турецкого порабощения с помощью России, надежды, неизменно поддерживавшиеся русским правительством с соблюдением, однако, осторожности в отношении Турции.

¹⁴⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 1, лл. 1, 4. Такая же записка Ираклия II от 6 мая 1788 г. была представлена и в Коллегию иностранных дел.

¹⁵⁰ Оригиналы и переводы пяти писем Ираклия II Г. А. Потемкину, июль-июль 1791 г., — ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 99, лл. 7—23.

¹⁵¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 1, л. 42—42 об.

¹⁵² А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 67—70.

¹⁵³ Т. Юзефович, *Договоры России с Востоком...*, стр. 41—49.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО
И ПОЛИТИКА РОССИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

в конце XVIII в.

1. Международная обстановка
в первой половине 90-х годов

Кавказская программа русской политики 80-х годов не была завершена. По окончании русско-турецкой войны центр тяжести внешней политики России вновь переместился на Запад. В 90-х годах русская дипломатия возвратилась к прошлым политическим комбинациям — к англо-русско-австрийской дружбе и к враждебным отношениям с Францией. Переписка Воронцовых, Куракиных, Безбородко, Кочубея, Панина, Заводовского и других с достаточной ясностью показывает, как намечался и устанавливался новый курс русской политики, курс приспособления ее к английским интересам. В конце 80-х — начале 90-х годов Англия не достигла поставленной цели — ослабления России и подчинения ее интересам своей политики. В дальнейшем такая позиция могла бы оказаться для нее катастрофической: назревала гигантская борьба с революционной Францией, выступившей на арену соперничества с удесятенными силами. Не уверенная в своих силах, Англия поспешила перейти на старые позиции «дружбы» с Россией.

Внимание руководителей внешней политики России в эти годы было поглощено борьбой против буржуазной французской революции и новыми разделами Польши при участии германских государств. Кавказские интересы отступили теперь на задний план. По мере нарастания англо-французского соперничества на внешнюю политику России постепенно стала оказывать все большее влияние новая дворянская группировка. Так называемые англомены уже не придавали столь большого значения восточной политике России. Материальные интересы многих из них были связаны с северными, но не с южными морями.

Распространение «англомании» в русских правительственных и дипломатических кругах, а также среди дворян-помещиков —

чрезвычайно интересная страница в истории внешней политики России. Еще почти не изученная, она тем не менее особенно поучительна. Политико-экономическая программа англоменов совпала с интересами Англии. Англомены хотели «иметь систему» с Англией на море, а с Австрией на суше. Это означало вести борьбу против вооруженного морского нейтралитета, не идти ни на какие компромиссы с Францией и стремиться к поддержке политического равновесия в Европе через союз с Австрией. Все это было в интересах Англии и сулило материальную выгоду русским англоменам как поставщикам сырья на европейский, главным образом английский, рынок через посредство английских купцов. Так, сырьевые ресурсы семьи Воронцовых (отца — Романа Илларионовича и его сыновей Александра и Семена) располагались по всему северу и центру России. Хлеб, соль, лес, железо, медь и другие продовольственные и промышленные товары — предметы торговли с заграницей — доставлялись в Петербург из множества пунктов. У семьи Воронцовых были вотчины в Вологодской, Владимирской, Костромской, Воронежской, Московской, Саратовской, Пензенской, Симбирской, Новгородской, Уфимской губерниях, ей принадлежало Кексгольмское имение, водочные заводы, мельница и полотняная фабрика в Костромской губернии; на откуп ей были отданы медеплавильные заводы на Урале и пермский медный завод; семья владела китовым промыслом на севере¹. До уничтожения монополий (1762 г.) Воронцовы вместе с Куракиными держали в своих руках монополию на всю торговлю с восточным берегом Каспийского моря; а вместе с Мельгуновым — на торговлю с Ираном шелком, мареной, нефтью, солью.

Уже одно это делает понятным кровную заинтересованность семьи Воронцовых в процветании балтийской торговли, а также и средиземноморской, производившейся через Балтийское море и находившейся в руках английских торговцев и предпринимателей. По словам английского наблюдателя-современника, большая часть русского дворянства была связана коммерческими интересами с Англией².

О размерах англо-русской торговли по Балтийскому морю красноречиво свидетельствуют цифры английского источника, опубликованного в конце 80-х годов XVIII в. Англия вывозила из России ежегодно 82 420 тыс. фунтов железа, 3168 тыс. бревен, 65 300 тыс. фунтов пеньки, 28 400 тыс. фунтов льна,

¹ В. З. Джинчардзе и Ф. А. Остайкович, *Обзор хозяйственно-имущественных материалов фонда Воронцовых, хранящегося в ЦГАДА*, — «Исторические записки», т. XXXVII, М., 1951, стр. 252—279.

² [Robert Wilson], *A sketch of the military and political power of Russia*. 4 ed., London, 1817, p. 19.

41 624 тыс. фунтов сала и другие товары. Из Англии в Россию ввозилось олово, свинец, шерсть, мануфактура. Общая сумма английского ввоза в Россию достигала миллиона фунтов стерлингов, а сумма вывоза — более трех миллионов. В конце 80-х годов торговые связи с Россией обслуживали 1100 судов и 22 тыс. английских моряков³. Главным портом этой торговли был Петербург.

Об оживленном характере английской торговли с Россией свидетельствовал С. Р. Воронцов. «Аглицкая здесь с Россией торгующая компания в толь почтенном и цветущем состоянии находится, — писал он А. А. Безбородко 8(19) августа 1785 г., — что есть первая из всех после Ост-индской богатством, важностью и кредитом контор, ее составляющих. Многие члены из оной в Нижней каморе заседают (палате общин. — О. М.)»⁴. Год спустя С. Р. Воронцов писал брату, что, по словам премьер-министра Фокса, Англия погибнет, если разорвет с Россией, а первый лорд Адмиралтейства Гоу говорил ему, что весь торговый и военный флот Англии нуждается в материалах из России, что добрая часть английских мануфактур поддерживается русским сырьем⁵. Англия фактически монополизировала всю внешнюю торговлю России.

Заинтересованность значительной группы английских купцов в торговле с Россией была причиной того, что Питт Младший не смог в 1791 г. объявить войну России и вынужден был воздержаться от предъявления непревзойденного по дерзости ультиматума: чтобы Россия отказалась от своих побед над Турцией и довольствовалась *status quo*.

Англоманы, после смерти Екатерины постепенно захватившие руководство внешней политикой России, выступали за пассивные действия в восточном вопросе. Семен Романович Воронцов, посол в Лондоне, главный и наиболее влиятельный выразитель взглядов русских англоманов, оказал особенно сильное влияние на восточную политику России после Екатерины II. Следующее поколение русских дипломатов — Н. П. Панин, Ф. В. Ростопчин, В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, А. Я. Италинский, князь Адам Чарторыйжский, граф Андрей Разумовский и другие находились под воздействием его идей, преклоняясь перед его авторитетом.

В восточном вопросе С. Р. Воронцов явно шел на поводу английской дипломатии. Несомненно, в связи с неудачами чер-

³ Antony Brough, *A view of the importance of the trade between Great Britain and Russia*, London, 1789, pp. 8, 15, 16.

⁴ «Русский архив», 1879, кн. 1, стр. 93.

⁵ «Архив князя Воронцова», кн. IX, 1876, стр. 50—51. Интересные архивные данные об этой торговле 80-х годов приведены в статье В. З. Джинчарадзе «Из истории русско-английских культурных отношений» («Вестник истории мировой культуры», 1960, № 6, стр. 65—67).

номорской политики 80-х годов у английской дипломатии возникла идея о необходимости сохранения Турции в ослабленном войнами состоянии, как наиболее выгодном для интересов английского капитала. В 90-х годах, с активизацией политики республиканской Франции на Ближнем Востоке, эта идея нашла стойких защитников среди русских англоманов. В одном из позднейших писем к Н. П. Панину (28 мая 1801 г.) С. Р. Воронцов писал, что ослабевшая Турция — наилучший наш сосед, она нам необходима⁶.

С. Р. Воронцов не считал обладание Черным морем для России необходимым. Он писал, что и без Черного моря Россия была достаточно цветущей и что он готов был бы отдать «тридцать Крымов за Гельсингфорс и Свеаборг, без которых Петербург никогда не обеспечен от неожиданного удара»⁷.

Подобные же взгляды высказывались и относительно кавказской политики России. «Я не понимаю интереса, который можно было бы иметь, поддерживая этих грузин», — писал С. Р. Воронцов 16(27) августа 1786 г. По его мнению, эта поддержка не выгодна России ни с военной, ни с финансовой стороны, так как Грузия, во-первых, слишком далека от России, а во-вторых, отделена от нее горами, более трудными для прохода, чем Альпы. «Незначительные силы, туда посылаемые, всегда будут терпеть там поражение, это ободрит турок, и мы приучим их больше нас не бояться»⁸.

Ясно, что такие высказывания противоречили задачам активной политики России на Востоке.

После провала попытки говорить с Россией языком ультиматумов Англия стала на путь сближения с ней. Вместе с Пруссией она согласилась уступить России территорию между Бугом и Днестром. Тогда же Англия предложила возобновить торговый договор. Предложение было принято: 14(25) января 1793 г. был заключен предварительный договор, а в 1797 г. — окончательный, возобновивший условия договора 1766 г.

Следующим успехом английской политики явилось создание в 1793 г. мощной коалиции против Франции. В эту коалицию вошла и Россия, но она заняла выжидательную позицию. Конвенция, заключенная ею 14(25) марта с Англией⁹, носила оборонительный характер. Воздержание России от прямого вмешательства в коалиционную войну с революционной Францией следует объяснить верностью старому принципу сохранения самостоятельности. Кроме того, не было и полного доверия к

⁶ «Русский архив», кн. 3, 1879, стр. 450.

⁷ «Архив князя Воронцова», кн. IX, 1879, стр. 173—174.

⁸ Там же, стр. 70.

⁹ Ф. Мартенс, т. IX (X). *Трактаты с Англией*, стр. 310, 354—361.

Англии. Об этом убедительно свидетельствует секретная инструкция Екатерины II М. И. Кутузову, направленному в 1793 г. в качестве чрезвычайного посла в Константинополь. Русское правительство предполагало, что последние приобретения России в Польше вызовут зависть Англии и что посол Энсли, «человек беспокойный, лживый и корыстолюбивый», направит свои усилия на то, чтобы восстановить Турцию против России. Поэтому М. И. Кутузов должен был принять меры к тому, чтобы «обратить в ничто его вредные замашки и уронить его доверие у министерства турецкого»¹⁰.

Огромный политический успех Англии состоял в том, что России пришлось отступить от принципов вооруженного морского нейтралитета. В силу конвенции 1793 г. Россия послала свою эскадру в помощь Англии для прекращения торговых сношений Франции с другими странами. Англомены в России торжествовали. «Вся наша публика очень обрадовалась сближению нашему с Англией, и тут-то прямо открылась разность, с какой все от мала до велика приемлют участие в связи самой естественной»¹¹, — писал 6 апреля 1793 г. Безбородко С. Р. Воронцову. Ненависть к революционной Франции скрепила узы крепостников России с Англией.

Австрия и Англия вместе направляли усилия на то, чтобы втянуть Россию с ее армиями в активную борьбу против Наполеона. Англомены им помогали. Как всегда, в делах соперничества с Францией английская дипломатия действовала через Австрию. 15(26) сентября 1793 г. В. П. Кочубей писал из Вены С. Р. Воронцову, что крайне доволен его политической запиской. Он показал записку послу в Вене графу Разумовскому, и тот о ней того же мнения. Разумовский «дела ведет так, как желать можно для продолжения системы твердого и натурального союза»¹², т. е. союза с Англией и Австрией. В жертву этому «натуральному союзу» были принесены интересы Польши. Ее судьба решалась в связи с организацией войны против Франции: за участие в войне расплачивались польскими территориями.

Австро-прусский союзный договор (7 февраля 1792 г.) не был надежен по причине неудач в войне с Францией и разногласий, вызванных вопросом о возможных приобретениях в Польше в связи с австрийским проектом обмена Южных Нидерландов (Бельгия) на Баварию. Соперники искали союза с Россией. Царская дипломатия первоначально предпочла сближение с Пруссией, которое ознаменовалось новым (вторым) разделом Польши (договор 12 января 1793 г.).

Негодующая Австрия стала настойчивей искать взаимопонимания с Россией. Оно нашлось на почве окончательного (третьего) раздела Польши (договор 3 января 1795 г.). По просьбе австрийской дипломатии Пруссии было сообщено о разделе через несколько месяцев. Сообщение «произвело потрясающее впечатление»¹³. Расхождение между обоими немецкими государствами по вопросу о равенстве в дележе обострилось до граней войны. Пруссия заключила с Францией Базельский мир (2 апреля 1795 г.), но вскоре выразила желание о возобновлении переговоров с Россией по польскому вопросу.

Почти одновременно произошло сближение Англии и России, выразившееся в заключении между ними союзного договора 7(18) февраля 1795 г.¹⁴. Этот договор определял участие союзников в войне с Францией (поставки солдат, пушек, эскадр) и участие Англии в войне России с Турцией в случае нападения последней на Россию. 9 марта Безбородко писал А. Р. Воронцову, что Англия по этому договору «согласилась уже дать нам беспредельную гарантию на настоящие наши владения и на те даже, которые мы после приобрести можем...»¹⁵. Совершенно ясно, что такую готовность Англии гарантировать все, даже будущие приобретения России, надо рассматривать как аванс, выдаваемый Англией России на Востоке, чтобы побудить ее посылать свои армии для войны против Франции на Западе.

9(20) мая 1795 г., продолжая подготовку войны против Франции, Англия заключила договор с Австрией¹⁶ об австрийских солдатах и английских субсидиях. Наконец, вся эта цепь договоров увенчалась договором о тройственном союзе Англии, Австрии и России, заключенным в Петербурге 17(28) сентября 1795 г.¹⁷.

Вслед за тем последовало присоединение Пруссии к австро-русской конвенции о Польше — договор 13(24) октября 1795 г.¹⁸. Таким образом, препятствие для активного участия России в войне против Франции было устранено: Пруссия не угрожала тылу. Но объявления Россией войны Франции все же не последовало. Хотя Воронцовы, Безбородко, сама Екатерина II и все ее вельможи-крепостники и горели ненавистью к Французской революции, но соображения реальной политики удерживали русское правительство от вступления в войну.

¹³ Ф. Мартенс, т. II. *Трактаты с Австрией*, стр. 243—248, 263.

¹⁴ Ф. Мартенс, т. IX (X). *Трактаты с Англией*, стр. 368—383.

¹⁵ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, М., 1879, стр. 340.

¹⁶ G. Martens, *Recueil des principaux traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de commerce, des limites d'échange etc.*, t. VI, 1795—1799, Gottin-gue, 1829, pp. 79—87.

¹⁷ Ф. Мартенс, т. II. *Трактаты с Австрией*, стр. 252—261.

¹⁸ Там же, стр. 266—271.

¹⁰ «М. И. Кутузов. Документы», т. I, М., 1950, стр. 200.

¹¹ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, 1879, стр. 270.

¹² «Архив князя Воронцова», кн. XIV, 1879, стр. 17.

Русские армии полководцев Румянцева, Суворова, Репнина подошли к западным границам и остановились в ожидании решительных выступлений Англии, Пруссии и Австрии. Они дожидались их целый год, до самого дня смерти Екатерины II (6 ноября 1796 г.) — смерти одного из тех дипломатов, которые избегали направлять свои действия для пользы и «по прихоти других», но сами стремились превращать других в «орудие для пользы» своей политики.

Вступивший на престол Павел I отозвал войска от границы и возвестил всем державам о своем желании иметь мир. К этому принудили его крестьянские волнения и катастрофическое внутреннее положение страны.

Если англо-французское соперничество, как уже говорилось в начале данного исследования, в течение всего XVIII в. было той осью, вокруг которой вращалась международная жизнь, то для конца века это соперничество приобрело совершенно особое значение. Пришедшая к власти французская буржуазия отвечала на англо-австро-русское сближение так же, как прежде отвечало правительство королевской Франции, — усилением антирусской деятельности на Ближнем и Среднем Востоке.

Уже в начале 1793 г. французский эмиссар Декорш был направлен в Константинополь, чтобы добиться официального признания Французской республики и заключения союза. Французское буржуазное правительство проектировало выступление Турции, Грузии и Крыма против России, уверяло турок во внутренней слабости России, предлагало свою помощь. Инструкции французским агентам энергично требовали поднимать, пользуясь «доверчивостью» русских, восстания, разрушить порт в Херсоне, сжечь флот в Севастополе, беспокоить Россию со стороны Каспийского моря и т. д.¹⁹

Донесения русских послов из Генуи, Венеции, Константинополя, сообщения из Вены рисовали обстановку на Ближнем Востоке угрожающей: Турция готовится к нападению на Россию вместе с Францией и Швецией. Русское правительство начало принимать меры к приведению армии и Черноморского флота в боевую готовность. Посылая в Константинополь чрезвычайным послом М. И. Кутузова, оно дало ему секретное предписание «отвращать Порту от Франции»²⁰. Шаги, предпринятые в этом же направлении Англией, имели своим результатом назначение в Лондон осенью того же 1793 года турецкого посла Юсуф Акяг-эфенди, чтобы подготовить почву для союза Англии с Турцией²¹.

¹⁹ E. de Marcère, *Une ambassade à Constantinople. La politique orientale de la révolution française*, t. I, Paris, 1927, pp. 65—73, 81, 91, 92, 136.

²⁰ «М. И. Кутузов, Документы», т. I, стр. 195—203.

²¹ Там же, стр. 236; АВПР, ф. «Константинопольская миссия», д. 1045/2, л. 62.

В августе 1794 г. военный суд в Петербурге приговорил к смертной казни за шпионаж в пользу Франции капитан-лейтенанта Черноморского флота Огюста Монтегю²². В 1795 г. Комитетом общественного спасения было принято (хотя и не реализовано) предложение бригадного генерала Наполеона Бонапарта о командировании его в Константинополь для обучения турок артиллерийскому искусству, якобы мало известному в русской армии²³.

В том же году посол Директории Вернинак подал Порте мемориал с предложением заключить союз между Францией, Турцией и Швецией против России и Австрии. Тогда же последовало официальное признание Портой Французской республики. В конце 1795 г. Вернинак направил в Тегеран миссию натуралистов Оливье и Брюгьера. Задачи миссии — выяснение условий для заключения торгового договора с Францией и турецко-иранского союза против России²⁴. Миссия встретила в Иране холодный прием, так как не имела полномочий от центрального правительства.

Победы Наполеона в Италии подняли престиж Франции на Среднем и Ближнем Востоке, усилив вместе с тем чувства беспокойства и страха. В 1797 г. Вернинаку удалось наконец добиться назначения турецкого посла в Париж²⁵.

2. «Каджарская угроза» Восточному Закавказью и политика России

Атмосфера беспокойства и страха все более распространялась в 90-х годах и на Среднем Востоке. Ага Мухаммед-хан Каджар, «темная и отталкивающая фигура на фоне хаотических времен», все ближе и ближе подходил к цели — к шахскому престолу. Честолюбие Ага Мухаммед-хана было, по словам его биографа, выше личных видов хана: он стремился к восстановлению могущества Ирана и его величия²⁶. Однако избранный им путь тирании не приблизил его к этой цели.

К началу 90-х годов почти весь Иран уже находился под властью Ага Мухаммед-хана. В 1791 г. он провозгласил себя шахом, отложив коронавание на более поздний срок. В 1792 г. Ага Мухаммед окончательно изгнал из Гиляна своих двух братьев; в 1793 г. покончил со своим главным противником,

²² «Голос минувшего», 1916, № 10, стр. 72—80. Екатерина II заменила смертную казнь вечными каторжными работами; Александр I назначил ссылку (1802 г.).

²³ «Correspondance de Napoléon Ier», t. I, Paris, 1861, p. 84.

²⁴ А. Р. Иоаннисян, *Французское посольство в Иран в 1796 г.*, — «Советское востоковедение», 1956, т. I, стр. 162—172.

²⁵ M. Herbet, *Une ambassade turque sous le Directoire*, Paris, 1902.

²⁶ E. Pakravan, *Agha Mohammed Ghadjar. Essai biographique*, Teheran, 1953, p. 2.

ширазским Лютф Али-ханом²⁷. Оставалось только напомнить ханствам Северного Азербайджана и Картли-Кახетскому царству об их вассальных отношениях.

Интересы торговли побуждали русское и иранское правительства, несмотря на политическое противоречие, касавшееся суверенитета в Восточном Закавказье, поддерживать отношения друг с другом. Оба правительства надеялись, по-видимому, на мирное разрешение этого противоречия. Весной 1786 г. главным поверенным в делах с Персией («для укрепления связи между двумя государствами»²⁸) был назначен С. Л. Лашкарев (Лашкаришвили). Но направлен Лашкарев был не в Тегеран, а в Константинополь. Его задачей было узнать «настоящую связь тамошних дел с Портой», как писал 13 декабря Г. А. Потемкин послу Булгакову²⁹. Перед войной с Турцией ирано-турецкие отношения особенно беспокоили русское правительство.

Командир каспийской флотилии капитан Шишкин уверял (в рапорте от 27 августа 1791 г.) командующего на Кавказской линии Гудовича, что недоброжелательства хана к России он не наблюдал уже в течение семи лет³⁰.

В апреле 1791 г., по получении «приятнейшего послания» от фельдмаршала Потемкина, Ага Мухаммед-хан писал императрице, что он желал бы, чтобы слава «о дружестве» Ирана и России «промчалась во все концы вселенной»³¹. В 1793 г. на совете у хана было постановлено не прерывать «древних связей с Россией»³². Активизируя свою политику в Закавказье, хан, по-видимому, более всего опасался обострения отношений с Турцией. В Константинополь направился его посол с извещением о намерении хана восстановить господство Ирана в Восточной Грузии. «Грузия с древних времен состояла в подданстве Персии, а ныне находится под властью турецкой», — говорил посол, предлагая не препятствовать намерению хана и признать его шахское достоинство³³.

5 ноября 1793 г. М. И. Кутузов сообщил в Петербург, что Порта приняла заявление хана к сведению, признать же его шахом обещала после того, как он завоюет Грузию³⁴.

²⁷ Для войны с ним Ага Мухаммед-хан получил подкрепление от Остиндской компании: караван с оружием, состоявший из 60 верблюдов и 40 мулов (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36—611, л. 191).

²⁸ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», оп. 77/5, д. 2, 1722—1796 гг., лл. 133—135.

²⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 399, л. 98.

³⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 93, л. 27—27 об.

³¹ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», оп. 77/5, д. 2, 1722—1796 гг., лл. 198—200.

³² П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год*, ч. II, СПб., 1869, стр. 329.

³³ Там же.

³⁴ «М. И. Кутузов. Документы», т. I, стр. 247.

На неизбежность агрессии иранского шаха в Закавказье неоднократно с конца 80-х годов указывал русскому правительству Ираклий II³⁵. 28 июня 1791 г. он сообщил Г. А. Потемкину дошедшее до него известие о том, что движение на Азербайджан Ага Мухаммед-хан предпримет с согласия Порты, которая якобы уступала ему власть над Кавказом, и что поэтому он «взял предосторожности» со стороны Порты: направил султану послание, чтобы предохранить Грузию от «безвременной опасности»³⁶. Очень возможно, что это послание и послужило основанием для вышеупомянутого предложения Ага Мухаммед-хана султану отказаться от власти над Восточной Грузией. В сближении с Турцией слабая Грузия искала противовеса наступлению на нее Ирана, противоречия с которым, главным образом из-за Гянджи и Еревана, были непримиримы. Организовать же защиту царства собственными силами Ираклий II не мог из-за отсутствия внутреннего единства: Ага Мухаммед-хан имел союзников в самой Грузии в лице картлийских феодалов, стоявших в постоянной оппозиции Ираклию. Не подлежит сомнению, что нередко нападения лезгин на Грузию организовывались грузинами — выходцами из Картлии, проживавшими в Ахалцихе, «каковых предателей в Карталинии весьма немало»³⁷. Внутренняя слабость царства еще более усилилась, когда в 1792 г. Ираклий по настоянию своей многочисленной семьи разделил его на уделы.

30 мая 1793 г. Совет при императрице вынес наконец постановление, правда довольно неопределенного характера: оказать Грузии «деятельное пособие, поколику возможно, не заходя в большие издержки и хлопоты»³⁸. Поводом послужило ознакомление Совета с письмами Ираклия к сыну Мириану, находившемуся при петербургском дворе, в которых Ираклий выражал желание, чтобы Ага Мухаммед-хану было дано «восчувствовать», что Грузия находится «под покровительством великой монархии»³⁹.

Обращает на себя внимание формулировка постановления: оказать пособие, исходя из того, что дела царя с Ага Мухаммед-ханом «суть совсем посторонние для Порты Оттоманской».

В течение всего XVIII в. политика России в Закавказье и Иране проводилась с оглядкой на позицию Турции. В миролюбии Порты далеко не были уверены. В первые годы после Ясского мира политика Турции на Кавказе была активно враждебна. Турция призывала кабардинцев к выступлению

³⁵ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 66.

³⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 99, л. 7—7 об.

³⁷ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, лл. 22—23; Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, *История Грузии...*, стр. 440.

³⁸ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 80—81.

³⁹ Там же, стр. 76—78.

против России⁴⁰. Вступление в 1792 г. тарковского шамхала и дербентского хана под покровительство России вызвало негодующий, требующий разрыва с Россией фирман султана Селима III к дагестанским владетелям⁴¹. Чрезвычайное посольство в Константинополь М. И. Кутузова пыталось наладить дружественные связи. В начале 1794 г. Суворов дал секретные распоряжения Гудовичу на случай военных действий с Турцией. Тогда же Гудович представил проекты десяти крепостей, которые строились им или предполагались к постройке. Турки поспешно восстанавливали крепость Анапу. Обстановка осложнялась волнениями среди донских казаков, которых переселяли на Кавказскую линию (1792—1795 гг.).

Русское правительство усматривало большую опасность со стороны Турции. В 1793 г. была отклонена просьба Имеретии о принятии под покровительство России. В 1795 г. было отказано в разрешении на приезд имеретинского посла из опасения, чтобы этот приезд не был «поводом к новым с турками хлопотам»⁴². Были отпущены огромные ассигнования на усиление черноморского флота⁴³. Союзные договоры с Австрией и Англией начала 1795 г. обязывали эти страны помочь России в случае выступления против нее Турции.

В Петербурге надеялись, что Ага Мухаммед-хан, проявлявший лояльность по отношению к русскому купечеству, не осмелится нападать на владение, покровительствуемое Россией. К тому же в Петербурге не имели отчетливого представления об изменении политической обстановки в Иране. Императрица жаловалась Потемкину (22 января 1791 г.), что из Америки и Сибири скорей приходят вести, чем с Кавказа⁴⁴. Во время войны Потемкин успокаивал ее победами русских войск над турками, но при этом руководитель восточной политики упустил из внимания «каджарскую опасность».

Эта «каджарская опасность» заставила враждующих владетелей Закавказья думать о защите общими силами. Ираклий II и Ибрагим-хан карабахский примирились. Умма-хан аварский поддерживал антикаджарскую политику Ибрагим-хана, своего родственника. Уже с начала 1792 г. он находился со своим войском в Карабахе⁴⁵.

Ага Мухаммед-хан не внушал симпатий ни народам, ни владетелям. Возможность его появления в Закавказье вызвала повсеместный ужас. Как уже говорилось, шамхал тарковский в 1792 г. принял покровительство России и принес присягу верности. Ханы дербентский и бакинский последовали было его примеру, но присяги верности не принесли, изъявив доброжелательство в отношении Ага Мухаммед-хана. Тальышский хан принял покровительство России в 1795 г.

7 мая 1792 г. Гудович запросил императрицу, как быть, если Ага Мухаммед-хан начнет выступать открыто враждебно против России. Прямого ответа на этот вопрос он не получил. Постановление Совета от 28 мая в связи с этим запросом продиктовано мыслью о невозможности открытого проявления враждебности со стороны хана. Совет одобрил политику Гудовича в отношении закавказских владетелей; он рекомендовал усилить привлечение их к согласованным общим действиям, обещать милости императрицы и даже снабжение артиллерией и боевыми припасами. В части, касающейся Ага Мухаммед-хана, говорилось, что «непристойно было с нашей стороны делать какой-либо шаг или вызов к нему», если с его стороны еще «нет явного оказательства вражды к России». Велено было, если хан обратится к Гудовичу, «принять ласково, показывая ему вид доброхотства», отворачивать его от замыслов, клонящихся на «порабощение подавляющих России ханов», вселять «благонамеренность» и т. д.⁴⁶

Случилось так, что еще до получения вышеупомянутого постановления Гудович вызвал недовольство хана, отказав в приеме его посланцев, не имевших официальных полномочий. Посланцы отправились за полномочиями, но более у Гудовича не появлялись.

В начале 1795 г. враждебные намерения Ага Мухаммед-хана уже не подлежали сомнению. Посол царя Ираклия в Петербурге Чавчавадзе просил русское правительство о посылке в Грузию войск пяти-шести полков; в июле он обратился к императрице, напоминая об обязательствах по договору о покровительстве⁴⁷. Царица Дареджан со своей стороны умоляла Екатерину II о помощи «множеству христианского народа»⁴⁸.

Смятение, охватившее Закавказье, коснулось наконец и Петербурга. Указом от 4 сентября 1795 г. генералу Гудовичу было предписано оказать помощь царю Ираклию двумя батальонами пехоты с артиллерией (смотря по обстоятельствам, и еще двумя батальонами), остерегаясь, однако, того, чтобы

⁴⁰ «Выписка персидских дел, содержащая донесения генерала Гудовича», — АВПР, ф. «Сношения России с Персией», оп. 77/1, д. 6/н, 1791—1796 гг., л. 28.

⁴¹ Там же, л. 32 об.

⁴² «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 2, стлб. 778.

⁴³ «Архив Мордвиновых», т. 1, стр. 236—240.

⁴⁴ «Русская старина», т. XVII, 1876, декабрь, стр. 646.

⁴⁵ Рапорт генерал-майора Савельева И. В. Гудовичу от 25 марта 1792 г., — ЦГАДА, ф. Воронцовых, д. 1095 на двух листах. Ибрагим-хан, значительно усилившийся после смерти Фатали-хана, подчинил себе ряд ханств и назначил в Тебризе своего правителя (Ахмед-бек Джеваншир, *О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 г.*, Шуша, 1901, стр. 21—22).

⁴⁶ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 85—89; «Архив Государственного совета», т. 1, ч. 2, стлб. 797—799.

⁴⁷ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 89—91, 272.

⁴⁸ Там же, стр. 91.

не были они «напрасной жертвой в отдаленности». По-видимому, верховная власть все еще не допускала возможности нападения на Грузию. Одновременно Екатерина II рекомендовала Гудовичу осторожно и деликатно склонить Ага Мухаммед-хана к принятию плана, который обсуждался в переговорах с Али Мурад-ханом, — добровольно отказаться от владений в Закавказье⁴⁹.

Поход Ага Мухаммед-хана в Закавказье начался весной 1795 г. Гянджа и Ереван подчинились хану без сопротивления. Эчмиадзин также признал его власть, заплатив огромную контрибуцию. Но подчинить Карабах не удалось. После четырехмесячной осады крепости Шуши осада была снята, так как партизанские действия населения совершенно расстраивали тыл иранского войска. Ага Мухаммед-хан направился затем в Грузию.

13 сентября Гудович писал князю Платону Зубову, что Грузия находится в опасном положении, так как должных мер защиты не принято, войск собрано мало⁵⁰. Гудович еще не знал, что накануне, 12 сентября, войска Ага Мухаммед-хана уже захватили Тбилиси. Силы нападающих и защищающихся были поразительно неравными. После задержки на один день, вызванной упорным сопротивлением грузинского отряда во главе с царем Ираклием, персы ворвались в город. Несколько тысяч человек было убито, до 10 тыс. уведено в плен. Лучшие строения разрушены.

Это нашествие персов было для Грузии тяжелым бедствием, подорвавшим и без того слабые ресурсы Картли-Кахетского царства. Страна еще более обезлюдела. Посол Кочубей писал 1 (12) января 1796 г. фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому, что в Грузии было захвачено так много пленных, что их продавали по 20—15 пиастров за человека⁵¹.

Историк М. Броссе предполагает, что поводом для вторжения персов, помимо неповиновения Ираклия, явилась карательная экспедиция грузин против Гянджи, предпринятая во время осады иранцами Шуши. Эта экспедиция чрезвычайно раздражила «евнуха», т. е. Ага Мухаммед-хана. К тому же и Джават-хан гянджинский побуждал к походу против Картли⁵². Сам же Ираклий еще 29 августа писал Чавчавадзе, что Ага Мухаммед-хан предпринимает поход для того, чтобы от-

нять у него Гянджу и Ереван, которыми он владеет уже сорок пять лет и которые приведены под покровительство России⁵³.

После разорения Тбилиси Ага Мухаммед-хан неожиданно отошел в направлении на Муганскую степь (в нижнее течение Куры, между Баку и Сальянами). Он предложил Ираклию мир и союз при условии подчинения Ирану⁵⁴. Гудович советовал царю продлить время переговорами в ожидании обещанной помощи. Часть войска и артиллерии уже были переправлены за Терек, чтобы слухом о движении русских войск предупредить новое нападение. Ираклий согласился приступить к обсуждению условий союза с ханом, если тот сначала освободит пленных⁵⁵. В вопросе об иранском господстве в Грузии он был непримирим.

Не столь непреклонной была позиция некоторых членов его семьи. В «Истории Османского государства» Цинкайзен сообщает интересный факт: младший сын Ираклия Александр получил разрешение Ага Мухаммед-хана на возвращение в Тбилиси. Он признал Ага Мухаммед-хана своим сувереном и дал клятву верности не только за себя, но и за своего отца, а также обязался платить дань⁵⁶. Трудно сказать, было ли это приемом, рассчитанным на то, чтобы выиграть время в ожидании прихода русских войск в Грузию, или выражением несогласия царевича Александра с прорусской ориентацией его отца.

После получения в Петербурге рапорта Гудовича от 28 сентября о нападении Ага Мухаммед-хана на Тбилиси⁵⁷ Совет при императрице 18 октября постановил изгнать персов из Закавказья, совершить и «дальнейший поход», если генерал Гудович найдет нужным, не причиняя, однако, «тревоги Порте Оттоманской»⁵⁸. Царице Дареджан было послано императрицей «утешительное письмо».

Теперь, в ожидании вторичного нашествия Ага Мухаммед-хана, русское правительство заторопилось с оказанием помощи Грузии. Туда спешно были отправлены из Моздока два егерских батальона под начальством полковника Сырохнева. 22 декабря этот отряд прибыл в Мухрани, совершив переход с артиллерией через Главный Кавказский хребет, что в зим-

⁴⁹ А. Сагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 92—94.

⁵⁰ Письмо Ираклия III генералу Гудовичу от 17 сентября 1795 г., — там же, стр. 107.

⁵¹ Н. Дубровин, *История войны и владычества русских на Кавказе*, т. III, СПб., 1886, стр. 50.

⁵² J. W. Zinkeisen, *Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*, T. VII, Gotha, 1863, S. 217. Этот факт требует проверки.

⁵³ А. Сагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 109—113.

⁵⁴ Там же, стр. 113—114.

них условиях и при бездорожье того времени было настоящим подвигом⁵⁹. Другой отряд русских войск такой же численности под командованием генерал-майора Савельева был направлен глубокой осенью из Кизляра в Дагестан. Его задачей было поддержать и усилить сопротивление горцев иранским захватчикам.

Кавказ бурлил. Ага Мухаммед-хан рассылал во все концы Азербайджана и Дагестана своих гонцов, требуя от жителей подчинения и угрожая мщением. Русское командование также рассылало своих агентов, призывая кавказские народы к общей борьбе с завоевателем. Азербайджанские ханы металась между двух огней. Случалось так, что русский и персидский посланцы сталкивались у какого-нибудь хана. Так, Шейх Алихан кубинский и дербентский, приняв одновременно того и другого посланцев, сказал: «Вот какие приказания делаются с разных сторон, сам не знаю, что делать»⁶⁰. Другой русский офицер, посланный к шамхалу тарковскому, столкнулся здесь с посланцем Ага Мухаммед-хана, который требовал от шамхала принять участие в походе на Грузию. Одни ханы готовили Ага Мухаммед-хану подарки, другие бежали с семьями в горы, но большинство просило у русского правительства скорейшей помощи войсками и деньгами.

Резко отрицательное отношение к Ага Мухаммед-хану проявили шамхал тарковский, уцмий кайтагский и султан джентугайский. Уже в середине октября 1795 г. они приняли решение сопротивляться хану, призвав к тому же и других владетелей, а также обратиться за помощью к России. Но колебавшийся вначале дербентский шейх Алихан заявил, что он не пропустит в свое владение русские войска⁶¹. Такую же позицию занял и бакинский хан. Эти ханы знали, что по плану русского правительства Дербент и Баку должны были войти в состав Российской империи.

Грузинские деятели энергично настаивали на скорейшем наступлении русских против Ирана. Князь Чавчавадзе писал И. А. Остерману 25 ноября 1795 г.: «Будет плохо, если сейчас же не последует помощи царю Ираклию, чтобы идти ему против разорителя, так как Ага Мухаммед-хан причинил обиду великой России разорением Грузии»⁶². Настаивая на присылке дополнительной помощи, грузинские и азербайджанские правители думали, однако, не только о том, чтобы отомстить

⁵⁹ Извлечение из дел Георгиевского архива, — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6696, т. XIX, лл. 100—101.

⁶⁰ Там же, лл. 98—100.

⁶¹ Р. М. Магомедов, *Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков*, Махачкала, 1957, стр. 362. Позже он просил помощи у Ага Мухаммед-хана, затем — у Турции, но получил отказы.

⁶² А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 114—115.

внешнему врагу за разорение, но и о расправе со своими внутренними врагами.

Самый больной вопрос внутренних отношений в Закавказье — вопрос о подчинении Гянджи — теперь вновь обострился. «Гянджа есть общий наш враг... нужно сему делу нам положить конец»⁶³, — писал Ибрагим-хан весной 1796 г. Ираклию, выступив для расправы с Джават-ханом гянджинским. В Грузии придерживались того же мнения. Гянджа была осаждена еще в феврале царевичем Александром, но его отряд разошелся по домам из-за отсутствия хлеба. В марте осаждал Гянджу Ибрагим-хан. Но только слух о приближении Ираклия с войском побудил гянджинцев искать мира. Они дали аманатов и согласились платить дань.

Между тем русское правительство приняло решение о войне с Ираном. Неожиданный уход Ага Мухаммед-хана в Хорасан для умирения своих подданных и начавшееся разложение в его войсках в связи с массовыми заболеваниями, казалось, благоприятствовали принятому решению. Очевидец писал царю Ираклию, что Ага Мухаммед-хан скрылся как беглец, оставив в Муганской степи около 700 больных, из которых многие умерли. Жители Карабаха сумели захватить у хана множество верблюдов, лошадей и мулов⁶⁴. Генерал Гудович объяснял уход Ага Мухаммед-хана появлением в Дагестане отряда генерала Савельева: хан заявил, что с русскими воевать он не будет⁶⁵.

Общее командование походом было поручено графу Валериану Зубову, брату фаворита императрицы Платона Зубова. Это назначение, как и самый поход, вызвало критику со стороны современников⁶⁶. Недаром А. В. Суворов отказался возглавить поход. Участвующие в походе войска состояли из трех корпусов: Главного, Кавказского и корпуса генерал-поручика Булгакова. Кроме того, действовали несколько отрядов: в Дагестане (отряд Савельева), в Грузии (отряд Сырохнева), отряды в Баку и на Саре. Общая численность войск достигала 20 954 человек, в том числе свыше 11 тыс. пехоты, 9 тыс. конницы; артиллерия (пушки, мортиры «единоноги») насчитывала 103 единицы⁶⁷.

Цель похода заключалась прежде всего в защите интересов русско-иранской и русско-индийской торговли. Для этого требовалось изгнать Ага Мухаммед-хана из всех прикаспийских

⁶³ Там же, стр. 156.

⁶⁴ Там же, стр. 154—155.

⁶⁵ Рапорт генерала Гудовича от 20 марта, — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36—611, лл. 239—243.

⁶⁶ «Русский архив», 1879, кн. 1, стр. 393—397; сб. РИО, т. 29, 1889, стр. 316.

⁶⁷ «Ведомость о числе войск действительно под ружьем состоящих», 1 ноября 1796 г., — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36/611, лл. 195—196 об.

провинций, построить укрепление в Астрабадском заливе и занять русскими войсками Дербент и Баку. Кроме того, проектировалось восстановить царя Ираклия во всех его владениях.

Данная Зубову (19 февраля 1796 г.) подробная инструкция рекомендовала ему, действуя ласками и уговорами, привлечь владетелей к России, проявляя при этом снисходительность и справедливость; «строптивных» же направлять в Астрахань⁶⁸. Предполагалось провозгласить в Иране шахом Муртаза Кули-хана. В борьбе со своим братом Ага Мухаммед-ханом он уже давно установил связи с Россией и нашел в ней убежище⁶⁹. Инструкция рекомендовала укреплять связь между Картли-Кахетией и Имеретией, однако с соблюдением осторожности, чтобы не вызвать у султанского правительства подозрения «в присвоении власти над царем имеретинским».

Поход русских войск в Иран в 1796 г. носил двойственный характер: и освободительный, и завоевательный. Русские власти не считались с тем, что обстановка в Иране изменилась по сравнению с началом 80-х годов, когда Суворов действовал в Астрахани. Теперь, после укрепления единовластия в Иране, выполнение такой программы возможно было только путем кровопролитной войны. То, что в Петербурге на это решились, свидетельствовало о том, что в глазах русского правительства укрепление позиций на Востоке было важнее активного участия в первой антифранцузской коалиции на Западе, в которую вступила Россия.

Поход в Закавказье начался в апреле 1796 г. Войска двинулись из Кизляра, прошли через шамхальство Тарковское. Были взяты Дербент, Баку, Шемаха, Гянджа. Только при благожелательном отношении населения возможен был такой быстрый успех. Ханы один за другим изъявляли свою приверженность к России. По донесению Кочубея, позиции царя Ираклия укрепились «вообще всеми грузинами, на защите отечества их единодушно сторону его принявшими»⁷⁰.

Русская политика была явно направлена на установление гегемонии Грузии в Закавказье. Князь Платон Зубов красноречиво убеждал царя Ираклия (письмо от 30 апреля) в необ-

⁶⁸ Там же, д. 2799. См. также Н. Дубровин, *История войны и владычества русских на Кавказе*, т. III, стр. 70—80. «Строптивным», например, оказался шейх Али-хан дербентский. Он был препровожден в ставку Зубова для пребывания под присмотром, но бежал.

⁶⁹ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», оп. 77/6, д. 488, ч. 2, 1794—1799 гг., лл. 555—556. О Муртаза Кули-хане, его сношениях с Россией с 1785 г. имеется большой архивный материал. Надежды хана на получение шахского престола не осуществились; в октябре 1800 г. он умер в Астрахани, через несколько месяцев после получения разрешения и денег для отъезда на родину.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 299, л. 134. Эта информация Кочубея из Константинополя не была точной.

ходимости уничтожить уделы в Грузии для того, чтобы владычество Ираклия распространилось до «Аракса и пределов Порты Оттоманской»⁷¹. На этом письме была наложена резолюция Екатерины II: «Быть по сему». При единовластии, писал другой Зубов (Валерьян) послу Чавчавадзе 10 октября того же 1796 г., «Грузинское царство, конечно, восстанет и учинится достаточным само по себе к превозможению над всяким своим неприятелем»⁷². Екатерина II не скрывала, что от усиления Грузии она ждет пользы для России. Она предписывала Зубову присоединить к Грузии Гянджу и Ереван; тогда Грузия, усилившись, и без помощи России сможет производить поиски, «весьма для нас полезные при случае войны с турками»⁷³.

Прошлое показало, что политика, направленная на установление гегемонии Грузии в Закавказье, не содействовала укреплению мира между владетельными феодалами Закавказья. Наоборот, она лишь вела к обострению обстановки в Азербайджане и Дагестане не в пользу России, что видно из переписки братьев Зубовых⁷⁴ и донесения премьер-майора Вердеревского, посылавшегося осенью 1796 г. П. Зубовым к Ираклию. Через Вердеревского Ираклий заявил Зубову, что восстановить единовластие и уничтожить уделы он не в силах и предоставляет это воле ее императорского величества⁷⁵.

Смерть Екатерины II (6 ноября 1796 г.) повлияла на ход событий. Поход в Иран был прекращен. Те же причины, которые вызвали отозвание русских армий после смерти Екатерины с западных границ — тяжелое финансовое положение государства и обострение классовых отношений в стране, — вызвали и прекращение похода в Иран. Но, возможно, была еще причина и политического характера: подозрительное отношение к персидскому походу Англии, союзницы России⁷⁶.

Поход 1796 г. в истории русско-кавказских отношений не остался бесследным. Как и персидский поход Петра I, он был прекращен после достигнутых успехов. «Каджарская угроза» была отодвинута; авторитет России, как защитницы народов Закавказья, поднялся еще выше. Но умиротворения в группировки закавказских феодалов он не внес: борьба между феодалами различных политических ориентаций усилилась.

⁷¹ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 140—142.

⁷² Там же, стр. 147—149.

⁷³ Рескрипт от 19 февраля, — АВПР, ф. «Сношения России с Персией», оп. 77/5, д. 2, 1722—1796 гг., л. 333 об.

⁷⁴ Государственный исторический музей (Москва), 1873, ф. 818, д. 6, стр. 79—82; «Русский архив», 1880, кн. 1, стр. 878.

⁷⁵ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 152.

⁷⁶ D. M. Lang, *The last years of the Georgian monarchy, 1658—1832*, New York, 1957, p. 223.

По приказу императора Павла I Валерьян Зубов сдал командование генералу Гудовичу. Павел I решительно отказался от завоевательных устремлений своей матери. В рескрипте Гудовичу от 5 января 1797 г. он рекомендовал «в ожидании, покуда время и обстоятельства восспособствуют, подробную на тамошний край устроить систему», удерживать в повиновении народы, прилегающие к Кавказской линии, «лаской», без отягощения и притеснения. С царем Ираклием «соблюдать всякое пристойное сношение» и удерживать его в добром согласии и единодушии с другими владельцами, «к России более приверженными», чтобы они сами соединенными силами могли обороняться от врагов, а «мы колико можно меньше имели надобности вступаться за них вооруженной рукой». Дело, писал Павел, должно быть доведено до такой степени, «чтобы из сих к России благожелательных владельцев составилось федеративное государство, зависящее от нас, яко верховного их государя и покровителя, который тем менее для них тягостен будет, поколику мы ни в образ их правления мешаться, ниже от них дани или иные повинности, кроме верности единой к нам, требовать не намерены»⁷⁷.

В рескрипте предписывалось внушать Ага Мухаммед-хану, что, только оставив в покое Грузию и Азербайджан, он сможет снискать «доброхотство» русской власти. Что касается Турции, то следовало не вызывать ее подозрений в том, что Россия ищет поводов к ссоре.

Кавказская политика, провозглашенная рескриптом Павла I, была не нова: те же принципы лежали и в основе политики 80-х годов: воздержание от вмешательства во внутренние дела, установление мира между феодалами. Новым было лишь то, что русское правительство объявляло опорой своей политики в Закавказье федерацию тяготевших к России владений, а не только одну Грузию, и заявляло о временном характере предлагавшейся им политики: «...покуда время и обстоятельства восспособствуют, подробную на тамошний край устроить систему». Новым было и то, что Павел I явно уклонялся от обязанностей активной защиты, о чем свидетельствовало отозвание войск из Закавказья. Приказ о выводе войск, в том числе и батальонов Сырохнева из Грузии, ставил Азербайджан и Грузию в положение еще худшее, чем то, которое было до прихода туда русских войск. Ведь Ага Мухаммед-хан не был разбит. Об активной помощи населения русским войскам ему было известно. Чего в таком случае могли ожидать народы Закавказья от завоевателя, вызывавшего всеобщую ненависть своей жестокостью?

И Ага Мухаммед-хан не замедлил вновь начать наступ-

ление в Закавказье. Деятельному и решительному Ибрагим-хану карабахскому он велел передать, что если Ибрагим-хан хочет остаться в живых, то пусть передаст ханство своему сыну, а сам отправляется в Мекку на богомолье⁷⁸. От царя Ираклия Ага Мухаммед-хан снова потребовал покорности, в противном случае угрожая тем, «что царь сам может себе представить». В фирмане (от 9 июня 1797 г.), содержащем эту угрозу, Ага Мухаммед-хан изобразил прекращение похода русских войск как проявление страха перед ним⁷⁹.

Положение в Закавказье становилось критическим. Ага Мухаммед-хан опять направился к крепости Шуше. Ибрагим-хан, не получив подкреплений русским войском, переправил свою семью в горы и оставил крепость. Но угроза вторичного нашествия Ага Мухаммед-хана на Грузию неожиданно миновала.

Через четыре дня по занятии Шуши Ага Мухаммед-хан был убит в результате заговора, возникшего в его собственном окружении.

Сообщая послу Чавчавадзе о гибели Ага Мухаммед-хана, Ираклий велел ему просить о разрешении использовать находившиеся в Грузии войска для наказания джарских лезгин и возвращения Гянджинской и Ереванской областей, вновь отторгнутых Ага Мухаммед-ханом. «Нынешнее время, — писал Ираклий, — есть самое лучшее и случай удобнейший, воспользоваться которым не должно упускать»⁸⁰.

Выполняя это распоряжение, Чавчавадзе представил 11 июня Павлу I еще одно ходатайство об оставлении батальонов в Грузии⁸¹. При этом он напомнил о существовании между Россией и Грузией договора о протекторате и заверил в том, что войско останется в Грузии только с целью обороны, что для внешних походов оно не будет использовано, что царь «будет изыскивать средства жить с соседями его мирно, дружелюбно и согласно», что только в случае «по какому-либо злоумышлению» его подданных войско могло бы «послужить к укрошению». В той же ноте содержалась просьба Ираклия об утверждении его сына Георгия наследником и об извещении об этом грузинского народа через особо присланное лицо.

С этим же лицом царь просил прислать и руководство для исправления местного судопроизводства соответственно российским узаконениям. Царь предлагал принять в распоряжение русской власти крепости в Картли и Кахетии и со своей стороны просил русское правительство: 1) наладить в

⁷⁸ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 163.

⁷⁹ Там же, стр. 164—165.

⁸⁰ Там же, стр. 171.

⁸¹ Там же, стр. 165—168.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 51/162, лл. 62 об. — 64 об.

Грузии горное производство — добычу золота, серебра и других металлов. Рудники бездействовали из-за отсутствия знающих людей и способов для их разработки. Была выражена надежда на поступление части доходов от рудников в пользу царя; 2) дать позволение чеканить на грузинской монете (на одной стороне которой были изображены портрет Ираклия и герб Грузии) портрет российского императора; 3) дать повеление о свободном пропуске в Россию лиц царской фамилии в случае желанья их поступить там на службу; 4) дать взаймы ссуду на содержание собственного войска, так как царская казна захвачена Ага Мухаммед-ханом.

Эта нота свидетельствовала о полном внутреннем неблагополучии царства Картли-Кахетии. Свидетельствовала она и о том, что перед концом своей жизни Ираклий стоял на прежней точке зрения необходимости укрепления связей с Россией.

С наступлением осени генерал Гудович начал вывод войск из Грузии. Последние части, которые должны были выступить 14 сентября, несколько задержались из-за отсутствия транспорта и обнаружившихся побегов нижних чинов. Как свидетельствует архивный документ, в Грузии осталось около 300 беглых солдат, женившихся на грузинках⁸².

Какова же была в это время позиция Турции, постоянно так тревожившая русское правительство? Из Константинополя продолжали поступать сообщения о том, что Порты хочет дружбы с Россией, что она решила укрепить пограничные с Ираном крепости и увеличить их гарнизоны⁸³. Но в России турецкому дружелюбию не доверяли. Отправляя Зубова в поход в Закавказье, Екатерина предупреждала его, что между Портой и Персией существует договоренность, так как Ага Мухаммед-хан нигде турецких границ не касается, а паши: диарбекирский, баязетский, карсский, эрзурумский — удовлетворяют все его требования и доставляют продовольствие. Что касается приготовлений, которые Порты делает на своих границах с Персией якобы для их защиты (доставка артиллерии, припасов и т. д.), то эти приготовления вполне могут быть обращены на содействие хану против России.

Это недоверие к Турции было обусловлено тем, что пограничные турецкие паши поддерживали сношения с Ага Мухаммед-ханом и открыто выражали ему свое сочувствие. После разгрома Тбилиси ахалцихский, эрзурумский и багдадский

⁸² А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 174; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6165, ч. 1, л. 55.

⁸³ Такое сообщение, например, было зачитано на заседании Совета при императрице 19 ноября 1795 г. («Архив Государственного Совета», т. I, ч. I, стлб. 1017).

паши прислали хану свои поздравления и подарки. Ахалцихский паша выразил недружелюбие в отношении Грузии еще и тем, что, нарушив закон гостеприимства, он объявил до 300 грузин, первоначально нашедших у него убежище, своими пленными.

Тем не менее посол в Константинополе В. П. Кочубей доносил в январе и июле 1796 г. графу Румянцеву-Задунайскому, что Порты соблюдает нейтралитет, дружбе Ага Мухаммед-хана не доверяет и от помощи ему уклоняется⁸⁴. Нейтралитет Порты, возможно, явился отчасти результатом англо-русской общей политики в Константинополе. Еще 9 февраля 1795 г. Безбородко писал о Турции С. Р. Воронцову: «Кажется, что с той стороны и вида нет к разрыву; связь же наша с Англией еще и более тому способствовать будет»⁸⁵.

Поход русских войск побудил Ага Мухаммед-хана просить помощи у султана. Он пытался запугать турок намерением русских покорить Персию и потом идти на Константинополь. Но Порты не поверила в существование такой опасности для Ирана. Все же она усилила гарнизон в Эрзуруме; сераскером был назначен бывший верховный везир Юсуф-паша⁸⁶. Последний установил «пересылки» с Ага Мухаммед-ханом, стал поднимать горских феодалов против России — в общем, действовал не считаясь с нейтралитетом Турции⁸⁷.

Попытки Ага Мухаммед-хана через дружественных ему ахалцихского и багдадского пашей получить помощь Турции были отклонены⁸⁸. По сведению Кочубея, в январе 1796 г. в Константинополе находилось пять депутатов от лезгин; они запрашивали, как им быть в связи с походом русских войск. Ответ получили уклончивый⁸⁹. Ираклий в письме к Чавчавадзе утверждал, что ответ был определенный: Порты с Россией ныне находится в тесной дружбе и перервать ее не намерена⁹⁰.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 299, лл. 83—111.

⁸⁵ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, 1879, стр. 332.

⁸⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 299, лл. 124—124 об., 132 об. Реляция В. П. Кочубея Екатерине II от 15 (26) июня и 15 (26) сентября 1796 г.

⁸⁷ П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа*, ч. II, стр. 404—405, 407.

⁸⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 299, лл. 60—60 об., 61—62.

⁸⁹ Реляция В. П. Кочубея Екатерине II от 15 (26) января 1796 г., — там же, л. 72.

⁹⁰ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 157. 1 января 1797 г. в Константинополь прибыло иранское посольство с предложением союза и совместных действий против России. Как сообщает прусский посол Бильфельд, а также русский посол в письме С. Р. Воронцову (от 9 января), это посольство было принято более чем холодно и было вынуждено возвратиться с отрицательным ответом (J. W. Zinkeisen, *Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*, T. VII, S. 213—214; «Архив князя Воронцова», кн. XVIII, 1880, стр. 127).

3. Международная обстановка во второй половине 90-х годов. Активизация политики России в Восточной Грузии

С усилением агрессивности держав, заинтересованных в укреплении своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке, значение международного фактора в русско-кавказских отношениях все возрастало. «Мы никогда не признавали господства русских над этой территорией или христианскими провинциями к югу от Кавказа»⁹¹, — говорил английский политический деятель, дипломат и путешественник (XIX в.) о Черкесии и Закавказье. Это откровенное признание проливает свет на кавказскую политику Англии.

При восшествии на престол Павел I оповестил Европу о новом «миролюбивом» курсе русской политики. Он отказался от завоевательных планов своей матери, чтобы дать отдохновение своей стране, которая в течение сорока лет находилась «в несчастном положении истощать свое народонаселение». Но вместе с тем Павел I заявил, что он остается верен своим союзникам и «чувствует нужду противиться всеми возможными мерами неистовой французской республике»⁹². Следовательно, миролюбивые намерения Павла I имели двойственный характер. Все же приготовления к заграничному походу были прерваны, рекрутский набор отменен, эскадра возвращена, война с Ираном прекратилась, построение крепостей на иранских границах было отменено.

Стремление Павла к миру выходило за пределы его страны: он хотел дать «отдохновение» от войны всей Европе, и это привело его к новой войне. Уклоняясь от помощи Австрии, о которой умолял его Франц II, Павел I не уклонился от попытки Наполеона через своего посла в Берлине Кальяра восстановить отношения с Россией. Не только «миролюбие», но и соображения реальной политики руководили им: способствуя миру, не допустить дальнейшего ослабления германских владений, гарантом которых был русский император по Тешенскому мирному договору (1779 г.).

Фельдмаршалу Н. В. Репнину, который должен был отправиться в Берлин с миссией миротворца, были даны соответствующие указания не только в отношении Австрии и Пруссии, но и Франции⁹³. Стремление к миру было пресечено в самом начале: Англия не могла допустить примирения России с Фран-

⁹¹ H. D. Seymour, *Russia on the Black Sea and Sea Azof*, 3 ed., London, 1855, p. VIII.

⁹² Д. А. Милютин, *История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование имп. Павла I*, т. I, СПб., 1857, стр. 10.

⁹³ Рескрипт от 19 апреля 1797 г., — там же, т. III, приложение, стр. 56—57.

цией. При дворе Павла противодействовали русско-французским переговорам. В Берлин был направлен чрезвычайным послом Н. П. Панин, англоман и яростный противник французской революции. Этим назначением срыв переговоров был обеспечен, и несомненно, что в выборе посла сыграла свою роль английская интрига. При переговорах с Кальяром Н. П. Панин руководствовался «просвещенными советами» С. Р. Воронцова и находившегося в Берлине лорда Элджина. Н. П. Панин писал Воронцову, что общество Элджина «было потребностью моего сердца, я привык находить в нем те же чувства, мнения и деловые принципы»⁹⁴. Усилия Панина направились не на примирение, а на обострение борьбы, на то, чтобы втянуть и Пруссию в борьбу с Францией.

Захват Наполеоном Ионических островов, утвержденный франко-австрийским миром в Кампо-Формио (6 октября 1797 г.), а перед этим арест русского консула на острове Корфу усилили антифранцузские настроения в русских кругах. Наполеон теперь находился у границ Турции. Ходили слухи о происках французоз в Италии и Польше, о планах восстановления Польши и т. д. Уже в первой половине 1796 г. в России были крайне уstraшены слухами, исходившими из неизвестных источников, о подготовке Франции к нападению на черноморские берега. Поводом к этим слухам были деятельные приготовления Наполеона к египетской экспедиции, о цели которых тогда еще никто не знал. Павел I привел фронт в боевую готовность и укрепил черноморское побережье. Весной 1798 г. в ожидании появления французоз Россия предложила свой флот Турции для ее защиты⁹⁵.

В сношениях с «миротворцем» Павлом I английская дипломатия воспользовалась своим новым орудием — теорией поддержки ослабленной Турции якобы в интересах сохранения мира и политического равновесия Европы. Это помогло Англии привлечь Павла I к «защите» Турции против Наполеона и на этой почве объединиться с Россией. Таким образом, готовясь к борьбе не на жизнь, а на смерть с Наполеоном, Англия стала союзником России вдвойне: и на Западе, и на Востоке.

Захват 1(12) июня 1798 г. Наполеоном острова Мальты, (он сдался без боя) решил наконец вопрос о войне. К занятию столь важного для позиций России на Ближнем Востоке стратегического пункта Павел I не мог отнестись равнодушно. Еще осенью 1797 г. он принял Мальтийский иоаннитский орден под особое свое покровительство, а уже с 30 августа 1798 г. этот орден перешел в подданство России. Великий магистр ордена — Павел I выступил на защиту ордена с оружием в ру-

⁹⁴ «Архив князя Воронцова», кн. XI, 1877, стр. 26.

⁹⁵ Д. А. Милютин, *История войны между Россией и Францией...*, т. I, стр. 54.

ках. Дело, конечно, было не в романтике и не в особенностях психики Павла I, а в реальных интересах России. Захват Мальты усиливал позиции Франции в Средиземном море и тем самым мог угрожать Константинополю и проливам. Поэтому Павел I смотрел на захват Мальты как на агрессивный шаг в отношении России.

Французский министр иностранных дел Талейран и поверенный в Константинополе Рюффен прилагали все усилия, чтобы уверить Порту в том, что французская экспедиция в Египет означает вторжение не в Османскую провинцию, а лишь в провинцию, отторгшуюся от Порты; что французы хотят покончить с разбоями в странах Леванта и обеспечить торговые пути. Египетская экспедиция не имеет де другой цели, как прекратить своеволие беев, чтобы навсегда освободить Порту от их ярма и уничтожить влияние англичан⁹⁶.

Турецкое правительство колебалось. Но побуждаемое англо-русской дипломатией, оно все же пошло на разрыв с Францией и 23 августа (2 сентября) объявило ей войну. На основании предварительного русско-турецкого соглашения от 19 августа того же года, русский флот под командованием Ф. Ф. Ушакова пришел на помощь Турции. Ионические острова были заняты русскими войсками. В интересах дальнейшей борьбы за Египет и Мальту между Россией и Турцией 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) был заключен оборонительный союз сроком на восемь лет — союз небывалый в летописях русско-турецких отношений. Проливы стали открытыми для русских военных судов. Англия тотчас же (5 января) присоединилась к этому союзу. Победы Ф. Ф. Ушакова (зятие Ионических островов зимой 1798—1799 гг., успехи войск Суворова в Италии в 1799 г.) прославили русское оружие во всей Европе. В 1798 и 1799 гг. русские войска спасали «друзей» в разных частях Европы: в Голландии, Австрии, Неаполе, Италии, Турции⁹⁷.

⁹⁶ Н. Dehérain, *La vie de Pierre Ruffin, orientaliste et diplomate, 1742—1824*, t. I, Paris, 1929, p. 127.

⁹⁷ В упоминавшейся уже нами монографии А. М. Станиславской «Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807)», основанной на большом документальном материале, картина международных отношений представлена в несколько искаженном виде. Англо-французское соперничество в монографии не заняло соответствующего его значению места. На первый план выдвинуты франко-русские противоречия, о природе которых ясного представления не дано. Оборонный характер политики России в Средиземном море в ожидании, казалось, неминуемого нападения Франции на причерноморские владения России вовсе игнорируется; агрессивность же этой политики, ее завоевательные замыслы чрезвычайно раздуты. В самом деле, как согласовать эту агрессивность в районе Средиземноморья с одновременным, по утверждению А. М. Станиславской, миролюбием России на Босфоре и в Константинополе? Как правильно замечает автор, Россия в это время не преследовала завоевательных целей в отношении проливов и Константинополя, поскольку они были ей не по силам.

Захватнические виды Австрии на Италию, Англии на Египет, оскорбительное отношение к русским войскам, посланным на помощь Англии и Австрии, вызвали сильнейшее негодование русских кругов и самого Павла I.

После 18-го брюмера во Франции, или установления единовластия Наполеона, русские антиякобинские круги стали допускать мысль о возможности общих действий с Францией, к которым Россия так настойчиво стремилась в начале века. Отзывая русские войска из Австрии, Павел I писал Суворову 27 декабря 1799 г.: «Во Франции перемена, которой оборота терпеливо и не изнурая себя мне ожидать должно»⁹⁸. Декларацией 16 августа 1800 г. были восстановлены правила морского нейтралитета. Все порты Балтийского и Северного морей закрылись для Англии. К этому времени на стороне России были все малые государства Европы. После взятия англичанами Мальты (сентябрь 1800 г.) последовало эмбарго на английские суда, товары и полный разрыв отношений между Россией, Англией и Австрией (декларация 23 октября 1800 г.).

С середины 1800 г. сношения Павла с Наполеоном через Берлин (при посредстве министра Гаугвица, французского посла Бернонвиля и русского посла Крюденера) систематически развивались и перешли в прямые переговоры. 5 марта 1801 г. в Париж приехал с полномочиями для заключения мирного договора или даже (смотря по обстоятельствам) союза С. А. Колычев⁹⁹. Поручение переговоров этому спесивому и бестактному вельможе и к тому же англomanу заранее обрело их на провал. Несомненно, что выбор был сделан в результате интриги. Генерал Дюрок, уполномоченный Наполеона, направился в Петербург с проектом индийской экспедиции. Подобный же проект разрабатывался и в Петербурге. В рескрипте от 13 января 1801 г., данном Павлом I Орлову-Денисову, атаману казачьего войска, которому поручалась организация похода, говорилось, что нужно атаковать англичан там, «где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают. Заведения их в Индии — самое лучшее для сего»¹⁰⁰.

Павел I настаивал на скорейшем возвращении Египта его законному владельцу — Турции, опасаясь захвата его англичанами. Ф. В. Ростопчин, кабинет-министр по иностранным делам, в инструкции Колычеву от 15 (27) января 1801 г. прямо указы-

⁹⁸ Д. А. Милютин, *История войны между Россией и Францией...*, т. II, стр. 479.

⁹⁹ «Русский архив», 1874, кн. 12, стр. 961—970; сб. РИО, т. 70, 1890, стр. 224—257.

¹⁰⁰ Д. А. Милютин, *История войны между Россией и Францией...*, т. III, приложения, стр. 666.

вал на то, что возвращение Египта важно в целях уничтожения видов Англии на Египет, а следовательно, и на всю торговлю Средиземного и Красного морей¹⁰¹.

Но англо-французское соперничество разрасталось. Наполеон рассчитывал при помощи Павла I закрепить Египет за собой¹⁰². Достичь этого не удалось: курс русской политики на союз с Францией был слишком большой угрозой интересам английского капитала на пути к мировому господству. Эта угроза была устранена. Внутреннее положение в России благоприятствовало ее ликвидации. Убийство Павла I 11(22) марта 1801 г. обещало перемену курса внешней политики России. Сближение Франции с Россией вновь было сорвано.

Ярко обозначившееся к концу XVIII в. стремление Франции и Англии к захвату новых важных позиций на Ближнем и Среднем Востоке за счет Турции тотчас же сильнейшим образом отразилось на политике России в Закавказье. До этого польские дела и нарастание гигантской борьбы на Западе как бы затеняли задачи кавказской политики в глазах правителей России. «Каджарская угроза», хотя и заставила русскую императрицу вспомнить об обязанностях протектора, но смерть помешала их осуществлению. Новый император Павел I фактически предоставил своего вассала его собственной трагической судьбе — положению бессильной жертвы внешних и внутренних обстоятельств. Лишь в дальнейшем, в свете больших задач международной политики, политическое и стратегическое значение Закавказья выявилось для правительства Павла I с новой силой. Захватнические виды держав-соперниц сильнейшим образом побудили его к занятию в Закавказье более прочных позиций.

Активизации закавказской политики России способствовало и внутреннее положение, сложившееся в Закавказье. Посол Ираклия II Чавчавадзе, получавший на свои обращения к русскому правительству лишь словесные обещания их рассмотреть, 31 декабря 1797 г. представил Павлу I ноту, в которой решительно настаивал на определенном письменном ответе на свои заявления¹⁰³.

¹⁰¹ Сб. РИО, т. 70, 1890, стр. 34—35. Эта инструкция Ростопчина, а также и другие документы о позиции России в египетском вопросе заставляют сомневаться в подлинности известной записки Ростопчина о разделе Турции, записки с резолюцией Павла I от 2 октября 1800 г.: «Апробую план ваш, желаю, чтобы вы приступили к исполнению оного. Дай бог, чтобы по сему было». Ведь оригинал этой записки, опубликованной в России в 1871 и 1878 гг. и в «Revue diplomatique» в 1889 г., — неизвестен. Появилась она в момент наивысшего обострения англо-русских отношений. Цель ее — полная дискредитация политики России в глазах правительства союзной с ней Турции.

¹⁰² Это ясно видно, например, из его письма к брату Иосифу от 21 января 1801 г. См.: «Correspondance de Napoléon I-er», t. VI, Paris, 1861, p. 585.

¹⁰³ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 178.

На том же настаивал он и в ноте, направленной А. Безбородко 8 декабря. Чавчавадзе обратился к русскому правительству с вопросом, существует ли между Россией и Грузией договор о протекторате. Но и на этот раз ответа не последовало. Внимание русского правительства было всецело поглощено событиями на Западе — изменением обстановки после австро-французского мира в Кампо-Формио (октябрь 1797 г.).

Ираклий II, выдающийся деятель феодальной Грузии и убежденный сторонник и друг России, умер 11(22) января 1798 г. в Телаве. Если он, несмотря на свою одаренность, любовь к родине и неутомимую деятельность, все же оказался бессильным в осуществлении планов возрождения Грузии, в создании сильной власти, то чего же можно было ожидать от его преемника Георгия XII, правителя пассивного и малоодаренного, хотя и не лишеного положительных личных качеств?

Еще не успели похоронить царя, как началось междоусобие: царевич Александр и другие отказались признать царем Георгия. Призвали на помощь шамшадильского султана, Умма-хана аварского, Ибрагим-хана шушинского, Джават-хана гянджинского и брата убитого Ага Мухаммед-хана¹⁰⁴.

Новый правитель Ирана — Баба-хан, или Фетх Али-хан, племянник Ага Мухаммед-хана, утвердившись шахом, уже 5 июня 1798 г. потребовал от царя Георгия признания зависимости Грузии от Ирана, угрожая в противном случае еще более страшным разорением чем то, которое Грузия испытала при Ага Мухаммед-хане¹⁰⁵.

Царевич Давид, наследник Георгия, полковник русской службы, пересылая 5 июля переведенный им на русский язык ханский фирман в Коллегию иностранных дел, заявил, что в случае промедления с помощью Грузии вынуждена будет против желания признать над собой власть шаха¹⁰⁶. Через две недели, 21 июля, Давид Георгиевич сообщил Лашкареву, что его отец собирается послать к Баба-хану князя Георгия Цицишвили с подарками: этого требует «политика»¹⁰⁷.

Сообщение из Грузии о намерении, хотя и вынужденном, восстановить отношения с Ираном подействовало на петербургских дипломатов явно оживляющим образом. Из посланий Георгия XII Павлу I и канцлеру Безбородко от 11 октября 1798 г. видно, что эти послания были ответными. Царь благодарил Павла I за «монаршей милостью наполненную грамоту» и просил утвердить его на царство, а сына Давида — на-

¹⁰⁴ Рапорт И. В. Гудовича Павлу I, 8 февраля 1798 г., — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36/611, л. 147 об.

¹⁰⁵ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 181—182.

¹⁰⁶ Там же, стр. 183—184.

¹⁰⁷ Там же, стр. 186—187.

следником. Кроме того, он просил прислать в Грузию «на вечное пребывание» трехтысячный корпус, а в случае нападения на Грузию — еще дополнительный семитысячный корпус¹⁰⁸. 16 декабря посол Чавчавадзе также представил ноту о возобновлении договора о протекторате. 11 февраля 1799 г. Коллегия иностранных дел дала ему положительный ответ, одновременно извещая об отправке в Грузию трех тысяч солдат с артиллерией и об отъезде туда полномочного министра П. И. Коваленского.

18 апреля 1799 г. последовала утвердительная грамота Павла I. Русско-грузинский договор о покровительстве был возобновлен. На выполнение всех формальностей, связанных с его утверждением, ушли оставшиеся месяцы 1799 г. В ноябре этого года в Грузию прибыл 46-й егерский полк под командованием генерала Лазарева, а в декабре — полномочный министр в Грузии П. И. Коваленский с утвердительной грамотой.

Формально в Грузии снова утвердилось положение, впервые установленное 15 лет тому назад (в 1783 г.); фактически же оно было иным: феодальная реакция восторжествовала. У царя Картли-Кахетии не было ни войска, ни денег, ни власти. Вместо сплоченности и единства перед лицом страшной опасности Грузия представляла собой картину распада и вражды. Факт ужасающего обезлюдения страны был налицо. Ближайшие члены семьи Ираклия (его жена Дареджан и царевичи-сыновья) своим произволом и неповиновением царской власти губили дело отца, его царство. «Каждый царевич имел своих приверженцев — тавадов и не признавал над собой ничьей власти»¹⁰⁹. Историческая ответственность за катастрофическое положение в Грузии в значительной степени лежит на феодалах.

Кроме того, последнее нападение Ага Мухаммед-хана на Грузию послужило как бы толчком к усилению в ней классовой борьбы. По свидетельству одного современника события документа, взятые Тбилиси «возбудило» всю Грузию: «подданные грабили помещиков и соседние церкви, так что и церковных уборов не оставили»¹¹⁰.

Не столь острым было положение в азербайджанских владениях, перешедших на старые позиции мнимой приверженности к Ирану, т. е. на позиции соглашения с Ираном в ответ на его угрозы. Но борьба между сторонниками разных ориентаций — русской, иранской и турецкой — все более развива-

лась. Вопрос, с кем быть дальше, к концу века уже настоятельно требовал ответа. Обездоленные народные массы жаждали избавления от вечных междоусобиц. Торгово-промышленные круги нуждались в государственном порядке. Советский азербайджанский историк Г. Б. Абдуллаев пишет, что «русская ориентация в Азербайджане, пройдя путь длительного исторического развития, в конце XVIII в. превратилась в могучую политическую силу, отображавшую коренные интересы исторического развития Азербайджана»¹¹¹.

Армяне Карабахского и Ереванского ханств продолжали хранить надежду на возрождение своей государственности, внешне мирясь с подневольным существованием под властью ханов, признавших власть Ирана. Наиболее непримиримые ушли в Грузию или в Россию. Но борьба между сторонниками разных ориентаций здесь была особенно остра. Ярким примером этой борьбы были выборы католикоса в Эчмиадзине после смерти католикоса Гукаса Карнеци в декабре 1799 г.¹¹²

Катастрофическое внутреннее положение, угрозы и требования Ирана о покорности побудили правительство Восточной Грузии стремиться к более тесному сближению с Россией. Георгий XII уполномочил 7 сентября 1798 г. посла Чавчавадзе поднять вопрос о пересмотре договора о протекторате на основании его 12-й статьи и начать переговоры о подданстве. Георгий XII предложил Павлу I принять царство Картли-Кахетию «в полную свою власть и распоряжение»¹¹³. Таким образом, еще до получения «утвердительной грамоты», в Грузии уже были предприняты шаги к ликвидации трактата, об утверждении которого они просили. Георгий XII сделал дальнейший шаг на том пути, на который встал уже Ираклий II, когда отказался от самостоятельной внешней политики Грузии, предложил русскому правительству взять в свое распоряжение крепости Картли-Кахетии и рудники, восстановить единовластие и уничтожить уделы.

Царское правительство решилось на возобновление покровительственного договора, несомненно побуждаемое к этому

¹⁰⁸ Г. Б. Абдуллаев, *Из истории северо-восточного Азербайджана в 60—70-х гг. XVIII в.*, Баку, 1958, стр. 149.

¹⁰⁹ «Смутные годы Эчмиадзинского патриаршества (1799—1809)», с публикацией писем Иосифа Аргутинского, одного из кандидатов в католикосы, — «Кавказская старина», 1873, № 4—7 и др.

Богатейшее собрание писем католикоса Гукаса хранится в Матенадаране (Государственном архиве древних армянских рукописей). По словам историка В. Р. Григоряна, описавшего это собрание (более 3500 писем), письма Гукаса — незаменимый источник для изучения взаимоотношений армян с Грузией, Азербайджаном, Ираном и Турцией в последние десятилетия XVIII в., а также и с Россией. См. В. Р. Григорян, *Ереванское ханство в конце XVIII столетия (1780—1800)*, Ереван, 1958 (автореферат кандидатской диссертации).

¹¹³ А. Цагарели, *Грамоты...*, т. II, вып. 2, стр. 287—288.

¹⁰⁸ Там же, стр. 188—190.

¹⁰⁹ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, *История Грузии...*, стр. 439.

¹¹⁰ Копия перевода прошения тифлиских жителей царю Ираклию от 16 февраля 1796 г., — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36/611, л. 224—224 об.; опубликовано в газете «Кавказ», 1854, № 23, стр. 92.

шагу угрожающей позицией Ирана. В 1798 г. Ереван вновь подчинился Ирану, дал контрибуцию и заложников. В инструкции министру Коваленскому от 16 апреля 1799 г.¹¹⁴ было дано повеление «не допускать утверждения в Грузии власти шаха». Возобновление договора о покровительстве вызвало, однако, резкие протесты Ирана и заявление о праве на обладание Грузией, сопровождавшееся требованием присылки в Иран в качестве заложника наследника, царевича Давида¹¹⁵. Чтобы не усиливать раздражения Ирана, русский министр Коваленский был отозван из Грузии. Но о претензиях Ирана постоянно напоминали его посланцы в Тбилиси, обостряя обстановку вокруг царского трона.

Отправляя 31 декабря в Россию посольство для выражения благодарности за покровительственный трактат, Георгий XII вновь дал ему полномочия на выработку акта о подданстве на основании прежних полномочий от 7 сентября¹¹⁶.

1799 год — первый год после возобновления договора о покровительстве — прошел под знаком слабой заинтересованности русского правительства закавказскими делами. Это был год небывалых в истории ближневосточной политики России тесных союзных отношений с Турцией и активного участия во 2-й антифранцузской коалиции. В конце 1799 г., с выходом из этой коалиции и ухудшением отношений с ее участниками, изменилось отношение России и к положению в Закавказье. В то время как суверенное Картли-Кахетское царство переживало конец своего существования, а правительства Великобритании и Франции развивали планы захвата Египта, российское правительство начало поспешно готовиться к занятию в Грузии новых прочных позиций с помощью самой Грузии. Это вело к установлению новых отношений между Восточной Грузией и Россией, рассмотрение которых выходит за рамки настоящего исследования.

¹¹⁴ АКАК, т. I, 1866, стр. 93—96.

¹¹⁵ Там же, стр. 96—97.

¹¹⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 2, лл. 757—759.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нарастание англо-французского торгового и колониального соперничества, которым отмечены международные отношения XVIII столетия, к концу века приняло формы гигантской борьбы. Английские предприниматели, торговцы, банкиры и правящие круги, используя островное положение своего государства, с первых же моментов выхода на международные пути (XVI в.), сделали ставку на их захват. Быстрый рост промышленного развития Англии создавал для этого благоприятные условия. В силу напряженности и остроты англо-французское соперничество стало основным фактором в развитии европейских отношений в XVIII в. Это соперничество имело большое значение как для политического положения в Закавказье, так и для политики России на Ближнем и Среднем Востоке. Капитал, «желтый дьявол», продвигался по международным путям. Отзвуки его поступи раздавались и в Закавказье.

Англо-французское соперничество в XVIII в. нашло выражение прежде всего в английской политике равновесия сил (*balance of power*), сыгравшей резко отрицательную роль в международных отношениях. Эта политика была направлена не на установление равновесия и мира между народами, а на их ослабление при помощи войн. В сферу английской политики равновесия сил включились как западные, так и восточные страны. Существовала тесная взаимосвязь восточной и западной политики держав. Константинополь был «средством» разрешения острых проблем.

Враждебное отношение Франции в XVIII в. к России также было обусловлено прежде всего англо-французским соперничеством. Эта враждебность была искусственной, так как экономические интересы России и Франции влекли их к сближению.

Английская политика в отношении России была постоянна в своей то явной, то скрытой враждебности. Нейтральность и дружелюбие этой политики в иные периоды XVIII в. были лишь маской для более эффективного достижения эгоистических целей английского капитала в его борьбе против Франции и России.

Англо-французское соперничество способствовало превращению Турции в орудие международной политики, направленное против России. Это орудие все более ослабевало в результате политики западных «друзей» Турции. Соперники препятствовали мирному урегулированию спорных вопросов между Россией и Турцией. Они противодействовали освободительным стремлениям народов Закавказья, так как поддерживали претензии Турции и Ирана не только на удержание, но и на расширение своего господства на Кавказе.

Материалы, использованные в данном исследовании, показывают, насколько постоянны были притязания Турции и Ирана на Кавказ. Они показывают и то значение, какое имело ирано-турецкое соперничество для положения в Закавказье в XVIII в.

XVIII век характеризуется ростом международного престижа России. В последней четверти века Россия уже выступала как арбитр в конфликтах европейских государств и как решающая сила. Европейские государства то стремились использовать эту силу, то боролись против нее. Для англо-французского соперничества Россия имела исключительное значение.

В XVIII в. Россия была заинтересована в сохранении Иранского государства как противовеса Турции и надеялась на мирные уступки Ирана в кавказском вопросе. Военное выступление России в середине 90-х годов, в известной мере авантюрное, было вызвано развитием агрессивных замыслов Ирана в отношении Закавказья.

Кавказская политика России была одним из звеньев ее политики в восточном вопросе. Документальная история этой политики в XVIII в. показывает, что она была направлена на достижение безопасности рубежей государства, на обеспечение свободы морских выходов и господствующего положения на Черном и Каспийском морях, а также на освобождение кавказских народов из-под ига Ирана и Турции.

Стратегическое и политическое значение Кавказа выдвигалось на первый план закавказской политики России. Интерес к экономическим ресурсам Закавказья не был определяющим в политике XVIII в. Взаимоотношения России и народов Закавказья развились в условиях скованности производительных сил Закавказья и слабо развитых еще производительных сил самой России. Капиталы России были малы, чтобы преодолеть эту скованность. Закавказская политика России была направлена на устранение феодальной розни, на укрепление и объединение феодальных владений, и с этой стороны она была безусловно прогрессивной в отличие от иранской и турецкой политики, сеявшей и укреплявшей рознь между владетелями и народами.

Таким образом, политика России в Закавказье имела ре-

листический характер, но развивалась она неравномерно. Период активной политики начала 20-х годов сменился длительным периодом пассивности, обусловленным участием России в поддержании системы так называемого политического равновесия в Европе и недостаточностью сил в это время для одновременных войн на Востоке и Западе. Политика России на Ближнем и Среднем Востоке носила в это время в высшей степени осторожный характер. Она избегала здесь преждевременной войны, в то время как народы Закавказья ожидали от России решительного военного выступления против их иноземных поработителей и призывали к нему.

История закавказских сношений России в XVIII в. свидетельствует о полной непримиримости народов Закавказья с подчинением игу Ирана и Турции. Грузинский и армянский народы постоянно (и нередко — азербайджанцы) призывали Россию к выступлению в Закавказье с оружием в руках. Их удивительная стойкость в сопротивлении чужеземному игу укреплялась не только любовью к родине, но и надеждой на получение защиты от России, реальные возможности которой они несомненно преувеличивали. Истоки этой надежды и постоянного тяготения к России коренились прежде всего в тех общих интересах, которые связывали народы Закавказья с Россией.

Вместе с тем нельзя отрицать и того факта, что агрессивность Ирана и Турции по отношению к своим подданным в Закавказье, нередко усиливавшаяся по причине сношения их с Россией, в то же время в какой-то мере сдерживалась постоянными опасениями вызвать военное выступление России.

Идея «барьера», или создания в Закавказье под протекторатом России федерации государств, освобожденных от ирано-турецкой зависимости, была основной идеей активной политики России с начала 80-х годов. Эта активность была вызвана разрешением крымского вопроса. Общая заинтересованность народов Закавказья и России в ликвидации ирано-турецкого ига, ненавистного народам Закавказья, смягчал захватнический характер политики по установлению «барьера».

В XVIII в. с притязаниями Ирана и Турции на вмешательство в дела Восточной Грузии формально было покончено (русско-грузинский договор о покровительстве 1783 г.). Но политика по созданию «барьера» в Закавказье не достигла цели по разным причинам. Первой из них была экономическая и политическая слабость феодальных владений. Помимо того что Иран и Турция поддерживали эту слабость, отрицательную роль играли и особенности, свойственные феодальному обществу: династическая вражда в грузинских царствах, феодальная борьба армянских меликов, религиозная нетерпимость среди армян — григорианцев и католиков, непрерывные

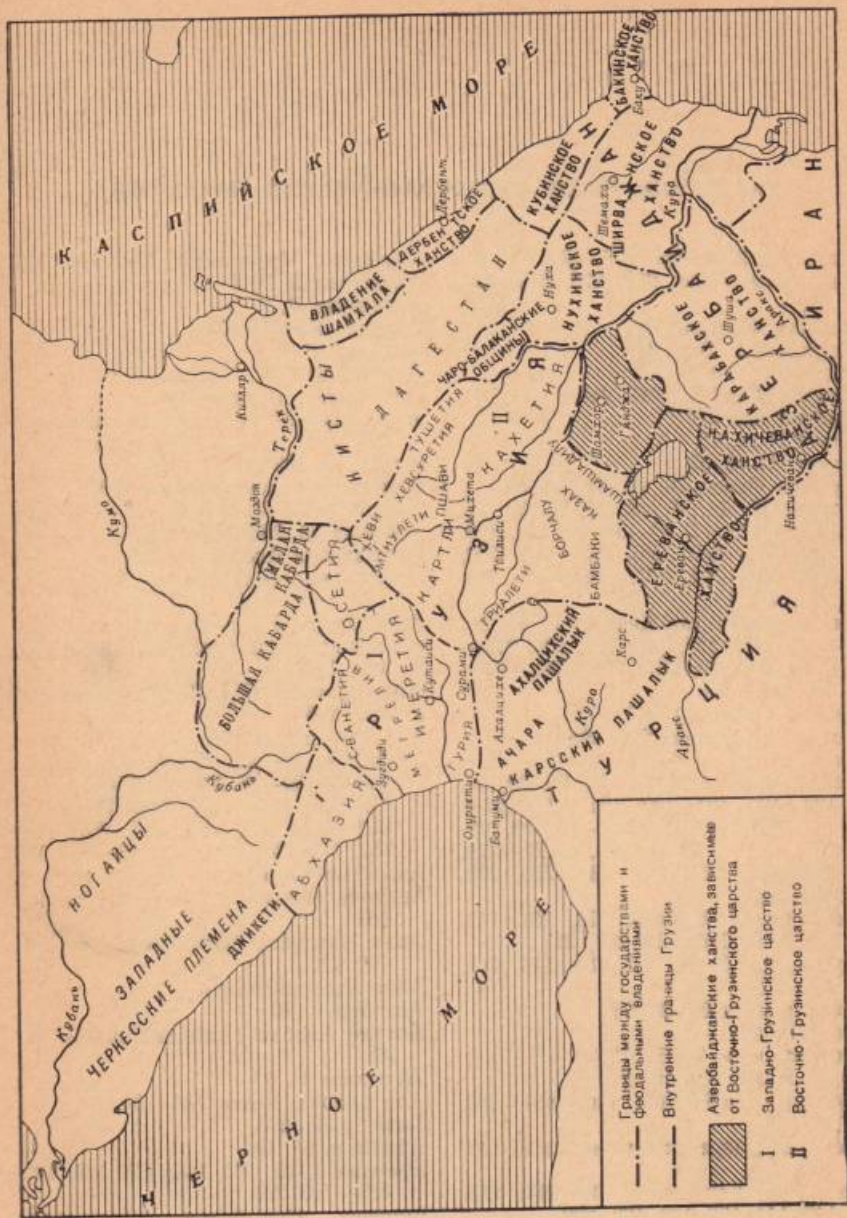
междоусобия в азербайджанских владениях, национальная рознь. «Барьер», составленный из слабых частей, не отвечал бы своему назначению: он не смог бы уничтожить трения и столкновения и ослаблять силу ударов извне.

Политика по созданию «барьера» требовала гораздо большей затраты материальных средств, чем фактически тратила Россия. Скучность материальной поддержки не компенсировалась щедростью в области моральной, т. е. средствами, рассчитанными на «уловление сердец» и поддержание «наклонности» народов Закавказья к России. Наконец, сама политика, направленная к установлению гегемонии Грузии среди феодальных владений Закавказья, не могла иметь успеха.

До русско-турецкой войны 1768—1774 гг. включительно царское правительство преувеличивало мощь военного потенциала Закавказья как союзника России в неизбежной войне с Турцией и в значительной степени предполагало «загреть жар чужими руками».

В 90-х годах интересы политики равновесия сил, или англо-французского соперничества, вновь выступили на первый план во внешней политике России и отвлекли ее к делам Запада. По этой причине просьбы о помощи, с которыми Ираклий II обращался к Екатерине II, были услышаны тогда, когда предостеречь разгром Тбилиси было уже нельзя. Прекращение русского похода 1796 г. ухудшило внутреннее положение в Закавказье и поощрило Иран на усиление агрессии. Захватнические устремления Ирана в отношении Закавказья, а главное — обострение англо-французского соперничества в зоне Восточного Средиземноморья вновь активизировали политику России в Закавказье и обусловили новую постановку грузинской проблемы на рубеже XIX в.

Раскрывая связи внутренней и внешней политики России с политикой в Закавказье, социально-экономические корни и классовую сущность последней и ее, хотя и крайне осторожный, но все же наступательный характер, мы в то же время расцениваем отдельные объективные результаты этой политики — прекращение феодальных войн и усиление национального фактора — как прогрессивные, имевшие общенародное значение. Мы выделяем роль народа в его истории и рассматриваем дружбу между народами, как крупнейший фактор исторического процесса. Этой дружбе мы и посвятили свое исследование.

Закавказье в XVIII веке

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Абашидзе Кайхосро 198, 231
 Абдул-Хамид 198, 206, 228, 229, 232, 259
 Абдулла Кёпрюлю 31
 Абдуллаев Г. Б. 6, 305
 Абдурахман-бей 175
 Абешы (Abesci E.) 245, 246
 Абхазия 191, 274
 Август II 22, 45
 Август III 47, 52
 Аврамов Семен 26, 29, 31, 36, 66
 Австрия 10, 14, 16, 19, 20, 22, 32, 34, 35, 38—45, 47, 49—57, 62, 126, 158, 238—241, 243, 245, 248, 255, 260, 263—265, 272, 277, 280—283, 286, 298, 300, 301
 Ага Мухаммед-хан Каджар 11, 73, 76, 80, 92, 95, 177, 189, 191, 208, 216—218, 220, 222, 267, 283—292, 294—297, 303, 304
 Адчари (Аджара) 196, 273
 Адыгея (Черкесия) 275, 298
 Азат-хан 132
 Азербайджан 6, 8, 75, 81, 88, 89, 92, 100, 103, 104, 120, 124, 129, 155—157, 162, 165, 172, 175—177, 182, 190, 207, 208, 217, 221, 227—229, 266, 271, 274, 284, 285, 290, 293, 294, 305
 Азербайджан Южный 129, 131, 172, 177, 180, 220, 222, 227, 267
 Азия 3, 4, 26, 81, 160, 183, 214, 219, 257, 270
 Азия Средняя 65, 88, 93
 Азов 21, 133
 Азовское море 20, 50, 153
 Акдер Нимет Курат 21
 Албания (Албанское царство) 162, 188, 190
 Александр, царевич имеретинский 108, 109
 Александр Бакарович 125, 127, 133, 143, 144, 166, 167, 193, 209
- Александр Ираклиевич 289, 291, 303
 Алексеева Е. П. 8
 Алексидзе Л. 7
 Алеппо (Халеб) 70
 Алжир 115
 Али-бей 61
 Али-Мирза, царевич 124
 Али Мурад-хан исфаганский 180, 187—189, 191, 203, 215, 220, 288
 Али-паша 132
 Али-султан дженгутайский 204
 Аллен (Allen W. D.) 11
 Америка 53, 236, 253, 286
 Амилахвари Александр 108
 Амилахвари (митрополит Афанасий) 127
 Амилахвари Гиви 114, 124, 125
 Амилахвари (Амилахоров) Е. В. 36, 127, 130
 Амир Гамза 157, 172, 178, 180, 204, 207, 226
 Анапа, крепость 163, 255, 270, 286
 Англия 4, 12—22, 26, 32, 33, 40—42, 44—48, 50—55, 57—63, 67—69, 92—94, 126, 236—239, 243, 244, 246, 250—253, 255, 256, 260, 261, 264, 270, 277—282, 286, 293, 297—302, 307
 Андрезель (Andrezel J.-P.) 43, 44
 Андроникашвили, правитель Гянджи 203
 Анна Ивановна (Иоанновна) 52, 118, 119, 122
 Анна Леопольдовна 52
 Антоний I 140
 Антуан Анобли (Antoine Anoblie A.) 248
 Антюхина В. 9
 Апо (Апов), мелик 185, 186, 227
 Аракс р. 81, 293
 Ардебиль 34, 180
 Армения 8, 25, 104, 107, 176, 178, 182, 188—190, 226
 Армения Персидская (Восточная) 161, 162, 188
 Армения Турецкая 161
 Армянское царство 161, 162, 185, 189, 190

*Имена авторов сочинений, упомянутых в сносках, в указатель не вошли.

- Арутюнян П. Т. 7
 Арчил, царь 100, 102
 Астрабад 29, 39, 74
 Астрабадский залив 73, 74, 292
 Астрахань 27, 31, 70—76, 78—96, 101, 105, 111, 114, 115, 117, 121, 124, 125, 131, 140, 158, 186, 216, 224, 292
 Африка 15
 Ахалцихе 90, 109, 125, 140, 155, 191, 202—204, 207, 209, 229, 232, 266, 285
 Ахмед II 45
 Ахмед-султан 206
 Ахмед-хан кубинский и дербентский 268
 Ахмед-хан хойский 175, 191, 206, 208, 220, 226, 227
 Ашраф, шах 34—37, 39, 44, 122
- Бавария 52, 280
 Багдад 154, 155, 203
 Багратион-Мухранский И. К. 168
 Бакар Вахтангович (он же Наваз II и Ибрагим-паша) 112—114, 123—125, 127, 130, 167
 Баку 27, 29, 34, 75, 79, 81, 83—89, 91, 93, 105—106, 111, 114, 116, 117, 122, 161, 207, 221, 289—292
 Бакунии П. В. 188
 Балканский полуостров 3
 Балтийское море 3, 8, 16, 18, 28, 42, 44, 59, 72, 87, 277, 301
 Бальмен А. Б. 163
 Бардзим, эристав 124
 Баркер, банкир 57
 Бароци, полковник 262
 Барятинский, генерал 116, 117
 Баскаков Н. И. 66, 73, 110, 111
 Басра (Бассора) 65, 155
 Баттал-паша 163, 228, 229, 270
 Баттерфилд (Butterfield H.) 57
 Батуми 192
 Бахрейские острова 64
 Баязет 202, 205
 Безбородко А. А. 147, 156, 161, 164, 188—190, 193, 194, 224, 245, 253, 256, 259, 262, 263, 267, 269, 271—273, 276, 280, 281, 297, 303
 Бекетов Н. А. 65, 142
 Белл (Bell J.) 70, 97
 Белое море 59
 Белоруссия 154
 Бельгия см. Нидерланды Южные
 Бендер-Бушир см. Бушир
 Беневини Флорио 66
 Бердзенишвили Н. А. 7
 Берлин 33, 243, 244, 249, 264, 298, 299, 301
 Берни (Bernis F.-J.) 57
- Берновиль (de Bernonville P.) 301
 Бессарабия 272
 Бестужев-Рюмин А. П. 33, 52—54, 126, 128, 129
 Бильфельд (Bielfeld), дипломат 297
 Бирон Э. И. 52
 Боголюбов Гавриил 69, 143
 Богословский М. М. 9
 Бонак (de Bonnac J.-L.) 22, 23, 28, 30, 31, 108, 109
 Бонваль (Bonnaval A.) (Ахмед-паша) 46
 Борчалу, султанат 114, 210
 Босфор 34, 300
 Брагуны, сел. 133
 Броневский С. Б. 90
 Броссе М. Ф. 288
 Брюгьер (Bruguières J.-G.) 283
 Брюс Я. А. 247
 Брюссель 239
 Булгаков С. А. 291
 Булгаков Я. И. 161, 165, 171, 192, 199, 202, 241, 245, 256—263, 284
 Бурбоны 61
 Бурнашев С. Д. 90, 162, 163, 165, 172—174, 180, 181, 186, 194, 196, 199, 204, 205, 207—209, 227, 231, 232, 234, 265
 Бутков П. Г. 80, 191
 Бухара 72, 77
 Бушир (Бендер-Бушир) 64, 69
- Вайнштейн О. Л. 9
 Валахия 259, 272
 Ван, крепость 155
 Варанда, княжество 182
 Вартапет Минас 117
 Вахтанг, царевич 266
 Вахтанг VI (Хусейн Кули-хан) 36—38, 99—119, 121, 123, 124, 143, 166
 Вахушти, историк 102—104, 108, 112
 Вейденбаум Е. Г. 159
 Вена 28, 35, 43, 56, 238, 244, 280, 282
 Венгрия 17, 49
 Венеция 20, 259, 282
 Венцлов (Венслов) Иван 69
 Вербицкий Ш. Д. 9
 Вердеревский, премьер-майор 293
 Верженн (Vergennes Ch. G.) 56, 57, 60, 254
 Вернинак (Verninac R.) 283
 Вест-Индия 41, 51, 58
 Вильгельм III 20, 24
 Вильнев (Villeneuve), дипломат 46, 49, 50
 Владикавказ, крепость 173, 234, 235
 Войнович Марк 73, 74, 216
 Вольней (Volney C.-Fr.) 249

- Волынский А. П. 24, 65, 66, 70, 97, 100—103, 106, 112
 Вормс 53
 Воронцов А. Р. 94, 95, 147, 277, 281
 Воронцов М. И. 53, 58, 126, 128, 130, 131, 134
 Воронцов С. Р. 256, 259, 262, 277—280, 297, 299
 Воронцовы 276, 277, 281
 Восток 3, 6, 20, 21, 25, 26, 41, 57, 61, 72, 92, 98, 244, 248, 253, 279, 281, 292, 299, 309
 Восток Ближний 4—6, 19, 20, 24, 56, 58, 61, 62, 101, 134, 256, 279, 282, 283, 298, 302, 307, 309
 Восток Средний 4—6, 18, 20, 24, 37, 58, 59, 61, 62, 98, 101, 103, 134, 282, 283, 298, 302, 307, 309
 Вуд (Wood A. C.) 18
 Габашвили Бессарион (Бесики) 233, 269, 274
 Габлиц Карл-Людвиг 69
 Габсбурги 17, 52
 Гаджи Али-бей 209
 Гаджи Ибрагим-бек 177, 220
 Гаджи Измаил-паша 232
 Гази Гасан 261
 Гаюз, архимандрит 168
 Гамбург 20, 65
 Ганновер 14, 32, 55
 Гарай-бек 210
 Гаррингтон см. Стенхоуп В.
 Гаррис (Harris J.) 165, 236—239, 243, 253
 Гаугвиц (Haugwitz Ch.-A.) 301
 Гвртишвили Д. В. 7
 Гедает-хан гялянский 73, 142, 217
 Георг I 22, 32
 Георг II 53
 Георг III 237, 239
 Георгиевск 159, 168
 Георгдзе Росел 124
 Георгий, царевич имеретинский 196
 Георгий, эристав 112
 Георгий XII 231, 295, 303, 305, 306
 Георгий Вахтангович 55
 Герат 120
 Герберт (Herbert), дипломат 244
 Германия 17, 32, 47, 240
 Герцберг (Herzberg E.-F.) 272
 Гёрц (Goertz J.-C.) 243
 Гибралтар 14, 15, 22, 41, 47, 62
 Гилян 27, 29, 31, 34—37, 39, 67, 76, 79, 81, 83, 84, 95, 105, 117, 121—123, 217, 221, 283
 Гиндфорд (Hundford), дипломат 54
 Гмелин С. Г. 69, 90, 157
 Голицын С. Д. 121—123
 Голландия 17, 20, 22, 33, 41, 53, 237, 253, 300
 Головкин Г. И. 103, 119
 Гой (Howe R.) 278
 Грачев В. Ф. 9
 Григорян В. В. 305
 Грузия 5, 8, 11, 12, 25, 28, 62, 75, 79, 81, 82, 88—90, 92, 100, 102, 104—116, 118, 119, 121, 124, 125, 127—144, 155, 156, 160, 164, 166, 170—177, 184, 187, 189—192, 202—246, 257—260, 264—266, 271—275, 279, 282, 284, 295, 296, 297, 303—306, 310
 Грузия Восточная 3, 81, 90, 99, 110, 116, 120, 124, 129, 130, 132, 140, 144, 145, 155, 156, 159, 161, 162, 164, 166, 168, 169, 174, 176, 179, 201, 202, 216, 228, 256, 258, 260, 265, 268, 269, 272, 284, 285, 298, 305, 306, 309
 Грузия Западная 3, 62, 83, 90, 116, 132, 136, 140, 144, 159, 162, 176, 191, 192, 194, 200, 265, 268, 269, 274
 Гудович И. В. 71, 95, 214, 284, 286—289, 291, 294, 296
 Гукас Карнеци 305
 Гурген-бек см. Ениколопашвили
 Гуриели, владетели 140, 194, 196, 198
 Гурия 83, 191, 193, 198, 274
 Гюлистан, княжество 182
 Гюльденштедт И. А. 215
 Гянджа 30, 31, 79, 104, 106, 113, 115—117, 129, 166, 167, 173, 174, 177, 179—181, 187, 204, 226—229, 233, 234, 266, 285, 288, 291—293
 Гянджинское ханство 182, 295
 Давид Арчилович см. Соломон II
 Давид Георгиевич, царевич 108, 266, 303, 306
 Давид Георгиевич, царь 197, 199, 222, 232, 233, 268
 Дагестан 8, 27, 49, 51, 75, 79, 88, 89, 102, 109, 113, 122, 125, 126, 133, 156, 157, 164, 165, 172, 178, 186, 201, 203, 204, 206, 207, 223, 225, 290, 291
 Дадзиани, владетели 140, 194, 196
 Дадзиани Каций 198
 Дания 18, 32, 33, 41, 54
 Данциг 240, 243, 264, 272
 Дареджан, царица 199, 231, 287, 289, 304
 Дария Арчиловна 118
 Дарлинг (Dierling), дипломат 23
 Дарьяльское ущелье 81, 82, 139, 265
 Дауд-бек 27, 105, 109, 110
 Дашков А. И. 23
 Дебрины, инженер 39
 Декорш (Descorche M.-L.) 282
 Делиль (Delisle J.-N.) 67
 Дербент 26, 29, 30, 34, 35, 49, 84—86, 88, 91, 105, 106, 109, 117, 122, 154, 156—160, 166, 173, 179, 180, 185, 190, 207, 221, 290, 292
 Дербентское ханство 110, 123
 Джават-хан гянджинский 233, 234, 288, 291, 303
 Джанашвили М. 164
 Джаныкли Али-паша 156, 228
 Джари, 103
 Джафар-хан 191
 Джевдет-паша 208, 260
 Джрабел, княжество 182
 Дизак, княжество 182
 Диц (Dietz G. F.) 260
 Днепр р. 21, 57, 153, 239, 251
 Долгоруков В. В. 24, 37, 39, 115, 118, 121
 Дон р. 58, 153
 Дреникин, обер-квартирмейстер 80, 94
 Дружинина Е. И. 9
 Дунай, р. 258, 272
 Дурри-эфенди 24
 Дюбуа (Dubois G.) 14, 15, 22, 66
 Дюнкерк, кр. 14
 Дюрюк (Duroc G.-Ch.) 301
 Евгений Савойский 28, 36
 Евреиновы, купцы 69
 Европа (Западная, Центральная, Южная) 3, 12, 13, 15, 17, 18, 21—23, 30—32, 39, 40, 42, 47—51, 54, 55, 58, 59, 62, 65—67, 72, 98, 203, 237, 238, 241, 242, 244, 246, 248, 249, 254, 255, 270, 276, 277, 281, 292, 298, 299, 301—303, 309, 310
 Египет 60, 61, 115, 175, 250, 261, 300—302, 306
 Екатерина I 24, 35, 37, 38, 116
 Екатерина II 58, 69, 72, 75, 94, 125, 137, 140, 141, 147, 148, 150, 152, 158, 160, 164, 165, 167, 168, 171, 175, 184, 186—188, 192, 193, 196, 197, 199, 200, 218, 221, 228—230, 234, 237, 239—245, 247, 249, 250, 252—254, 261—264, 272, 278, 280—282, 284—289, 293, 296, 310
 Екатерина Давидовна 100
 Екатеринослав 149
 Елизавета Петровна 52, 53
 Ениколопашвили (Гурген-бек) 155, 222
 Ереван (Эривань) 30, 31, 105, 109, 113, 115, 124, 129, 142, 156, 166, 167, 173, 174, 179, 181, 191, 202, 203, 205—208, 223, 227—229, 233, 266, 285, 288, 289, 293, 295, 305, 306
 Еропкин П. Д. 247
 Жуков М. М. 216
 Журавлевы, купцы 69
 Завадовский П. В. 189, 273, 276
 Закавказье 3—8, 12, 19, 21, 27, 32, 35, 37, 39, 42, 44, 45, 62, 65, 69, 70, 72—75, 79—110, 114—123, 129, 132, 134, 135, 138—146, 154, 155, 159—165, 171—176, 180, 182, 184—186, 190—192, 199, 201—207, 218—225, 228, 235, 260, 261, 264, 265, 267, 270, 271, 273, 275, 276, 283—298, 302, 306—310
 Запад см. Европа
 Зевакин Е. С. 122
 Земской, купец 69
 Зубов В. А. 292—294, 296
 Зубов П. А. 168, 273, 288, 292
 Зутис Я. Я. 9
 Ибрагим, великий везир 22, 23, 25, 27, 29, 30, 34—36, 38, 45
 Ибрагим-бей 175
 Ибрагим-бек (эфенди) 206—208, 220, 266
 Ибрагим-паша эрзурумский 109—113
 Ибрагим-хан карабахский 156, 161, 165, 175—177, 180, 182—187, 201, 204, 208, 222, 225—228, 232—235, 268, 286, 291, 295, 303
 Игумнов Илья 64, 142
 Иесе царевич (он же Али Кули-хан, затем Мустафа-паша) 113, 114, 124
 Иловайский А. И. 152
 Ильян А. И. 9
 Имеретия 83, 112, 133, 137—139, 145, 191, 193—199, 232, 233, 274, 286
 Индия 15, 20, 21, 26, 35, 58, 60, 61, 65, 67, 69, 72, 73, 90—92, 96, 98, 250, 262, 301
 Иоанн, католикос 268
 Иоанн VI 52
 Иоаннисян Р. А. 6, 7
 Иона Гедеванисшвили 164
 Ионические острова 299, 300
 Иосиф Аргутинский (Аргутян) 153, 165, 168, 182, 186, 187
 Иосиф II 239—242, 245, 247, 249
 Ирак 175
 Ираклий I 102
 Ираклий II 11, 82, 88, 90, 125, 127, 129—132, 134—145, 155—157, 160—182, 186, 189, 191—214, 220—234, 246, 257—260, 265—275, 285—297, 302—304, 310

- Иран (Персия, Персидская держава, Иранское государство, Иранская монархия, Сефевидское государство) 3—5, 8, 11, 19, 20, 23—31, 34—55, 57, 58, 64—79, 83, 85, 87, 90—109, 118—134, 141—143, 154—164, 166—206, 215—229, 242, 253, 254, 266, 267, 272, 277, 283—286, 289—293, 296—298, 303—306, 308—310
- Исаия, католикос 103
Исак-паша 114
Исмаил-бек 29, 31
Испания 13, 15, 20, 22, 40, 41, 47, 51, 52, 55, 62, 251, 255
Исфаган 24, 25, 27, 64, 66, 70, 84, 100, 103, 187, 191, 217
Италинский А. Я. 278
Италия 14, 17, 22, 53, 62, 87, 283, 299—301
- Кабарда (Кабарда Большая, Кабарда Малая), 8, 21, 62, 88, 118
Кавказ 3, 4, 11, 12, 18, 20, 27, 46, 62, 75, 78, 88, 90, 93, 125—127, 147, 154, 157—164, 176, 177, 191, 194, 201, 209, 220, 245, 261, 269, 273, 275, 285, 286, 298, 308
Кавказская губерния 148
Кавказская линия 75, 140, 153, 159, 162, 163, 177, 196, 199, 209, 214, 222, 235, 284, 286, 294
Кавказские горы (Главный Кавказский хребет, Кавказский хребет) 82, 117, 122, 139, 186, 201, 202, 209, 265, 289
Казах (Казахская область) 105, 114, 233
Казвин 30
Каир 175
Какабадзе С. Н. 82
Кальяр (Cagliar), дипломат 298, 299
Кампо-Формио 299, 303
Кампредон (Campredon J.) 28, 33, 43, 66
Канада 58
Кандагар, г. и область 24, 70
Кантемир А. Д. 52
Каплан Гирей 49
Каплишвили см. Орбелиани
Карабах (Карабаг) 30, 161, 165, 177, 179, 181—183, 185, 187, 191, 203, 220, 226, 227, 267, 268, 286, 288, 291
Карабахское ханство 182, 305
Карадаг, область 161, 187, 191
Карапет Иван 107, 116
Карл VI 15, 16, 41, 241
Карл XII 21, 51
Карл Альберт 52
- Кармартен (Carmarthen Th. O. Leeds) 252
Карс 110, 125, 155, 167, 202, 205, 235
Картерет (Carteret J. Granville) 14, 15, 18, 22, 25, 26, 28, 32, 53, 54
Картли (Картлия) 30, 99, 101—103, 108, 114, 125, 139, 143, 285, 288
Картли-Кахетия (Картли-Кахетское царство) 110, 129, 132, 145, 155, 156, 169, 170, 173, 175, 181, 188, 214, 222, 223, 234, 265, 284, 288, 292, 295, 296, 304—306
Касим-бей 175
Каспийское море (Каспий) 3, 4, 18, 20, 21, 24, 28, 31, 39, 58, 65—67, 72, 73, 96, 97, 106, 133, 137, 153, 160, 161, 189, 190, 233, 273, 275, 277, 282, 308
Кастера (Castéra J.) 261
Каткарт (Cathcart G.) 59
Кауниц (Kaunitz W.-A.) 55, 239, 240
Кафенгауз Б. Б. 9
Кахетия (Кахетское царство) 30, 102, 105, 114, 124, 125, 130
Каховский В. В. 153, 269
Качкачев, капитан 175
Квинихидзе Давид 138, 198
Кебала (Кабала), область 116
Кейт (Keith R.) 238
Керим-хан Зенд 64, 96, 131, 132, 138, 142, 143, 155, 156, 158, 166
Керманшах, область 120
Кизляр 71, 74, 75, 79, 83, 84—86, 88, 89, 91, 94, 125, 126, 135, 137, 186, 209, 290, 292
Китай 92
Клейнман Г. А. 9
Клерак де Мами (Clairac de Mame L.-A.) 108, 110, 111, 133
Кобенцль (Kobenzel L.) 238
Кобулашвили (Хвабулов) Г. Е. 137, 138
Коваленский П. И. 304, 306
Козлянинов, провиантмейстер 214
Коклев Г. А. 8
Кокс (Coxe W.) 74, 81, 83
Колычев С. А. 301
Константин см. Мухаммед Кули-хан
Константинополь (Стамбул, Царьград) 18—20, 22—25, 28, 34—36, 40, 43—46, 50, 56, 60, 61, 110, 111, 113—115, 133, 135, 136, 138, 155, 156, 158, 165, 171, 192, 199, 202, 206, 207, 232, 235, 240, 242, 245, 246, 248—250, 256, 260, 262, 263, 280, 282—284, 286, 296, 297, 300, 307
Королюк В. Д. 9
Кортуа Н. М. 7
- Корфу, о. 299
Косвен М. О. 8, 159
Кочубей В. П. 276, 278, 280, 288, 292, 297
Красногородский, полковник 126
Красное море 60
Крель (Crull I.) 20
Крепость св. Елизаветы 56
Крепость св. Креста 27, 37, 110, 111, 122, 123
Крылова Т. К. 9
Крым (царство, полуостров) 4, 10, 20, 46, 49, 57, 58, 60, 61, 73, 132, 133, 145, 152, 159, 161, 168, 171, 176, 185, 194, 203, 205, 240—249, 261, 265, 275, 279, 282
Крым Гирей 57
Крюденер (Криденер) А. И. 301
Куба (Кубинское ханство) 79, 177, 222
Кубань, р. 73, 160, 163, 176, 185, 245, 259, 269, 270, 275
Куканова Н. Г. 8
Кумыков Г. К. 8
Кура, р. 36, 37, 39, 65, 79, 81, 84, 202, 289
Куракин Б. И. 39, 41, 43
Куракины 276, 277
Курменен (Courmenin Louis D.) 19
Кутаиси 194, 196, 200
Кутузов М. И. 154, 280, 282, 284, 286
Кушева Е. Н. 8
- Ланин Р. С. 9
Ланчинский Людвиг 28, 35
Ласси П. П. 47
Лашкарев (Лашкаришвили) С. Л. 258, 259, 284, 303
Леван (Леон), царевич 140
Левант 62, 104, 300
Левашев В. Я. 29, 31, 39, 118, 121, 123, 126, 132, 133
Левиатов В. Н. 6
Леонтьев М. Н. 49
Лещинский Станислав 44, 45
Лидс см. Кармартен
Лионидзе Соломон 268
Локкарт (Lockhart L.) 45, 103
Ломбардия 47
Лондон 20, 25, 28, 41, 51, 56, 59, 67, 237, 239, 243—246, 248, 252, 262, 278, 282
Лотарингия 47
Луизиана 58
Лука, католикос 186, 187
Лысцов В. П. 8
Львов, капитан 141, 215
Лэнг (Lang D. M.) 10, 11, 12, 102, 103, 135, 293
- Любомиров П. Г. 95
Людвик XIV 14
Людвик XV 16, 45, 56, 60
Лютф Али-хан 284
- Магомедов Р. М. 8
Мадариага Изабелла (de Madariaga I.) 237
Мазандеран 29, 39, 79, 84, 86, 91, 216
Макашвили Симон 127
Маккензи (MacKenzie J.) 67
Максим, католикос 137, 197, 198, 233, 274, 295
Мальта, о. 299—301
Мамед-хан шекинский (нухинский) 267
Мангышлак 86
Манжмуи, мелик 227
Маньян (Magnan M.) 44, 120
Мария-Терезия 17, 53, 239
Марков А. И. 273
Маркс Карл 13, 16
Матюшкин М. А. 31
Мачабели, князь 111
Мачарадзе В. Г. 7
Мегрелия 83, 191, 193, 195, 274
де Медем И. Ф. 157, 158
Мельникова И. Н. 9
Меншиков А. Д. 118
Мерк Георгий 69
Мерси-Аржанто (Mercy-Argenteau F.) 241, 245
Месхиа Ш. А. 7
Мещерский, посол 31
Миклухо-Маклай Н. Д. 8
Миних Б. X. 122
Минорка, о. 14, 41, 47, 238
Мир Аббас-бек 116
Мир Махмуд (Махмуд) 27, 29, 103, 104, 109
Мирза Мамед-ага 217
Мириан, царевич 266, 285
Мисаил, мелик 227
Мисир Аббаси 179
Миссиртинов Асатур 83
Млеты, сел. 139
Могилев 239
Моздок (Моздокская линия) 75, 83, 153, 162, 233, 289
Молдавия 259, 272
Монморен (Montmorin A.-M.) 262
Монтегю (Montegue A.) 283
Морвиль (Morville Ch.-J.) 43
Мордвинов А. С. 259
Мордвинов Н. С. 149, 150
Москва 27, 100, 112, 127, 130, 131, 166, 247
Моуравов (Моуравишвили) Антон 137, 138

Муганская степь 124, 289, 291
Мурад-бей 175
Муртазали, шамхал тарковский 142, 179, 184, 204
Муртазали Кули-хан гиланский 76, 96, 216, 218, 292
Муса-султан 184, 226
Мусин-Пушкин А. С. 237
Мустафа III 57, 246
Мустафа Каджар 216
Мустафа-паша эрзурумский 113, 223
Мухаммед-хан, посол 180, 187, 188, 190, 191, 216
Мухаммед-хан ереванский 205, 206
Мухаммед-хан казикумухский 157, 172, 204, 226
Мухаммед-хан, шамхал тарковский 223
Мухаммед Кули-хан (Константин) 105, 108, 110, 112—114, 116, 117, 124,
Мухрани, сел. 289
Надир-шах 11, 50, 51, 64, 80, 96, 120, 121, 123—127, 129, 134, 154, 182, 267
Назарели-хан 267
Назыр-бек 180
Наполеон I 13, 283, 298, 299, 301
Нарочницкий А. Л. 9
Натадзе Г. Я. 82
Нахичевань (Нахичеванское ханство) 175, 191
Неаполь 300
Некрасов Г. А. 9, 40, 42
Неплюев И. И. 25, 26, 28, 34, 35, 38, 45, 54, 108, 109, 114, 134
Нерсисян М. 7
Нидерланды Южные (Бельгия) 14, 17, 62, 239, 247, 253, 280
Никифоров Л. А. 9
Нишли Мухаммед-ага 27
Новосильцев Н. Н. 278
Нуцал-хан аварский 157
Обресков А. М. 54, 129, 136
Одер, р. 16
Оливье (Olivier G.) 283
Орбеллиани Нико 266
Орбеллиани Папуна 124, 129
Орбеллиани Эраст (Каплишвили) 114
Орлеанский дом 14, 15
Орлик Григорий 46
Орлик Филипп 46
Орлов-Денисов В. П. 301
Осетия (Осетия Северная, Осетия Южная) 81, 114
Осман-бей 175
Осман-паша 114

Османская империя см. Турция
Остенде (Остендская компания) 15, 41, 47
Остерман А. И. 43, 45, 52, 119, 120
Остерман И. А. 156, 259, 271, 290
Ост-Индская компания 26, 64, 65, 70, 75, 92, 98, 134, 155, 278, 284
Оттоманская Порта см. Турция
Очаков, крепость 255, 279

Павел I 282, 294, 295, 298—304
Пайчадзе Г. Г. 7
Паллас П. С. 74, 84—87
Панах Али-хан 142
Павин Н. И. 60, 137, 138, 143—145, 154, 157, 166, 238, 240
Папава Гр. 7
Панин Н. П. 276, 278, 279, 299
Папов, посланец 187
Париж 17, 32, 33, 41, 43, 133, 135, 241, 249, 255, 262, 283, 301
Патканов К. П. 103
Пейсоннель (Peyssonnel C. C.) 108, 113, 133, 134, 248, 249
Пенклер (Penkler), дипломат 54
Пернон, фабрикант 251
Персидский залив 64, 69, 70
Персия см. Иран
Петербург 22, 29, 51, 52, 56, 59—61, 67, 112, 118, 120, 131, 134, 136—138, 140, 142, 157, 158, 167, 174, 184, 187, 198, 216, 220, 223, 225, 226, 231, 234, 236, 239, 240, 243, 247, 250, 254, 256, 257, 260, 277, 279, 283, 284, 286, 287, 289, 292, 301
Петр I 3, 4, 12, 16, 17, 20—22, 25—35, 40, 41, 44, 48, 53, 65—67, 72, 85, 95, 97, 99—102, 104—107, 109—113, 116—120, 122, 149, 242, 293
Петр II 39
Петр III 56, 58, 131, 148, 152
Петров В. П. 10
Петрушевский И. П. 6
Питт (Pitt William) 250, 264, 278
Питт Старший (Pitt W. Chatham) 26
Платов М. И. 151
Покровский М. В. 8
Покровский М. Н. 9
Польша 20—23, 46, 47, 56, 57, 60, 62, 63, 242, 254, 263, 264, 272, 280, 281, 299
Попов В. С. 150, 164
Порта см. Турция
Портер (Porter J.) 54
Потапов А. Н. 137
Потемкин П. С. 5, 70, 147, 159, 161—234
Потемкин-Таврический Г. А. 5, 10, 70, 72, 73, 84, 96, 148—238, 242, 244, 250, 254, 258, 260—274, 284—286

Поти, кр. 140, 192, 201
Пруссия 16—18, 32, 36, 40—42, 47, 49, 52—57, 129, 130, 239, 240, 242, 253, 260, 263, 264, 272, 279—282, 298, 299
Пугачев Емельян 141, 147
Пшавия 124
Пэджет (Paget A.) 19, 21
Разумовский А. К. 278, 280
Реджеб-паша 114
Рейн, р. 47, 55
Рейнерс (Reineggs J.) 165, 185
Репнин В. А. 55
Репнин Н. В. 154, 158, 172, 282, 298
Решт 27, 37, 67, 69, 72, 75, 96, 142, 187
Рико (Ricaud P.) 19
Рипперда (Ripperda J. W.) 41
Ришелье (Richelieu A.-J.) 19
Рондо (Rondeau C.) 51
Россия 3—10
Российская империя 10, 122, 126, 147, 168, 172, 192, 218, 290
Ростопчин Ф. В. 278, 301, 302
Рошфор (Rochefort), министр 59
Рулье (Rouillé A.-L.) 56, 57
Румянцев А. И. 34—36
Румянцев-Задунайский П. А. 154, 168, 282, 288, 297
Руссо (Rousseau I.-J.) 159
Рюффен (Ruffin P.-J.) 300

Саакян Степан 187
Савельев, генерал 290, 291
Садык-мирза 179, 221, 224, 225
Садык-хан 155
Сазерленд (Sutherland), публицист 249
Саксония 22, 47, 52, 57
Сальяны 79, 84, 86, 89, 91, 117, 157, 179, 180, 289
Самцхе-Саатабаго (Ахалцихский пашалык), область 145, 166, 167, 202, 235, 273
Сандерленд (Sunderland Ch.) 17
Сардиния 53
Саттон (Sutton R.) 19, 21, 22
Священная Римская империя 17
Сегюр (Ségur L.-Ph.) 253, 254
Сеймур (Seymour H. D.) 298
Селим III 270, 286
Селим-ага 200
Семенов А. 35
Семенов Л. С. 81
Сен-При (Saint-Priest F.) 244
Сен-Сафорен (Saint-Saphorin F.-L.) 22
Серебров-Джюльфинский 79

Сефевидское государство см. Иран
Сефевиды, династия 11, 24, 102, 178
Сибирь 254, 286
Силезия 52, 53, 55, 65
Симеон, католикос 134
Синельников, генерал 152
Сирия 175
Скабиневский М. 79, 81
Скиличи Д. М. 69, 77, 96, 97, 207
Скитский Б. В. 8
Смирна (Измир) 248
Смирнов Н. А. 8
Смоленск 166
Соймонов Ф. И. 96
Соколов, купец 158
Сологашвили Заза 217
Соломон I 90, 132, 133, 135, 137—141, 145, 162, 166, 170, 192—196
Соломон II (Давид Арчилович) 196, 197, 232, 268, 269, 274
Сорина Х. 9
Средиземноморье (Средиземноморье Западное, Средиземноморье Восточное) 15, 58, 61, 62, 238, 300, 310
Стамбул см. Константинополь
Станиславская А. М. 10, 59, 300
Стахийев А. С. 156
Стенхоуп (Stanhope J.) 14, 15, 26
Стенхоуп (Stanhope W. Harrington) 22
Стокгольм 46, 249
Стормонт (Stormont D.) 238
Струговщиков, секунд-майор 149, 251
Стэньян (Stanyan A.) 22, 23, 25, 26, 28, 30, 35, 36, 40, 42, 45
Суворов А. В. 72, 73, 154, 191, 282, 286, 292, 301
Суджук-Кале (Новороссийск) 269
Сулейман-бей 175
Сулейман-паша ахалцихский 179, 198, 201—206, 209, 228—232, 256—259, 265
Суляков М. 69, 80, 141
Сухотин, генерал-майор 140
Сырохнев, полковник 289, 291, 294
Талейран (Talleyrand Ch.-M.) 300
Тарки 105
Тарковское шамхальство 292
Тарле Е. В. 8
Татищев В. Н. 133
Тауншенд (Townshend Ch.) 18, 32, 40, 42, 67
Тахмасп II 29, 31, 32, 35, 37—39, 104, 107, 119, 120
Тахмасп Кули-хан см. Надир-шах
Тбилиси (Тифлис) 12, 28, 78, 81, 82, 84, 91—116, 124, 132, 137, 138, 143, 155, 162, 167, 171, 174, 175, 186,

194, 195, 201, 206, 222, 227, 231, 233, 265—267, 288, 289, 296, 304, 306, 310
Тверитинова А. С. 9
Тевриз (Тавриз) 28, 30, 31, 92, 107, 115, 131, 181, 208, 220, 286
Тегеран 216, 283, 284
Теймураз II 81, 124, 125, 127, 130, 131, 134, 135
Текелли П. А. 222, 234, 235, 265—269
Терек, р. 75, 122, 289
Терки 75, 85
Тифлис см. Тбилиси
Токотлов Яков 187
Толстой И. А. 101, 102, 105—108, 110—112
Томара В. С. 167, 170, 174, 189, 190, 191, 195
Торн 240, 243, 264, 272
Тотлебен Готлиб 139, 140, 144
Тотт (Tott F. de) 46, 60
Трапезунд (Трабзон) 202
Туманишвили (Туманов) Сулхан 174, 230, 265
Туманов Отар 129
Тумановский И. В. 69, 187, 202, 216
Туркistaniшвили (Туркистанов) Баадур 101, 106, 111, 112, 115, 117
Туркмения 79, 91
Турция (Порта, Османская империя, Оттоманская Порта) 3—5, 8, 10—12, 18—30, 33—110, 119—126, 129—138, 141—145, 154—161, 164, 167, 168, 171, 175—177, 181, 184, 185, 189—310
Тучков С. А. 94
Тэйлор (Taylor), публицист 60
Тэмпл (Temple Th. Grenville) 244
Уейч (Weich C.) 54
Уильямс (Williams), дипломат 55, 56
Уильямс (Williams B.) 25
Уитворт (Whitworth Ch.) 17, 250, 251, 256
Украина 57, 152, 154, 175
Умма-хан аварский 172, 178, 183, 204, 207, 208, 219, 225, 232—234, 256, 268, 286, 303
Уолпол (Walpole H.) 15, 33, 52
Уолпол (Walpole R.) 15, 47, 52
Учанейшвили Д. 82
Ушаков Ф. Ф. 300
Ушурма (Шейх Мансур) 191, 208, 209, 220, 270
Фадеев А. В. 9
Фалькенштейн (Иосиф II) 239, 247
Фарседан-бек 100
Фатали-хан кубинский и дербентский

141, 142, 157, 159, 172, 176—184, 207, 217, 220—226, 233, 234, 266—268, 286
Фейгина С. А. 9
Феррьер-Совбеф (Ferrières-Sauveboeuf), эмиссар 253, 254
Фетх Али-шах (Баба-хан) 303
Фехнер М. В. 8
Филатов Андрей 225
Филипп Орлеанский 14, 15
Филипп V 52
Финкенштейн (Finkenstein K. W.) 239
Финч (Finch E. D.) 51
Флери (Fleury A.-H.) 47
Фокс (Fox Ch. J.) 243, 244, 278
Франц II 298
Франция (Французская республика) 4, 12—23, 30, 32, 33, 36, 40—67, 94, 95, 98, 237—248, 251—256, 260, 262, 276—283, 298—307
Фридрих II 52—57, 239, 240, 243, 260, 263
Фридрих-Вильгельм I 32
Фридрих-Вильгельм II 264
Фундуклей, генерал 121
Хаири-эфенди 259
Халиль-эфенди 203—205, 207
Хамадан 32, 34, 120
Хаммер (Hammer J.) 19, 24, 108, 109
Хасан-бей 175
Хачен, княжество 182
Херсон 149, 247, 248, 251, 255, 282
Хива 72, 77
Хованский, фабрикант 150
Хорасан 221, 291
Хой 227
Храповицкий А. В. 247, 249
Хусейн (Гусейн), шах 29, 66, 104
Хусейн Кули-хан хойский 223
Хэнуэй (Hapway J.) 133
Царьград см. Константинополь
Церетели Зураб 192, 198, 199, 268
Церетели Папуна 199
Цинкейзен (Zinkeisen I. W.) 289
Цинцадзе Я. З. 7
Цицишвили Георгий 303
Цицишвили Теймураз 266
Цхинвал, сел. 114
Чавчавадзе Г. Р. 168, 191, 214, 235, 265, 287—290, 293, 295, 297, 303—305
Чапега, атаман 153
Чарторыжский Адам 278
Черное море 3, 4, 9, 16, 18, 20, 44, 50, 55, 58, 59, 61, 62, 87, 96, 137, 146, 192, 196, 233, 251, 253, 255, 262, 273, 275, 279, 308

Чечня 204
Чолокашвили Кайхосро 168
Чулков М. Д. 74, 75, 84
Чхеидзе Сехния 104, 108, 112

Шагин Гирей 159, 160, 241, 269
Шадури В. С. 7
Шамхор, р. 267
Шамшадилу, султанат 105, 114, 233, 267
Шанше, аристав 124
Шарлоттенбург 18, 32
Швеция 20, 21, 23, 32, 34, 41, 49, 50, 54, 57, 62, 63, 254, 255, 260, 262, 263, 282, 283
Шебунин А. Н. 9
Шейх Али-хан кубинский 290
Шека (Шекинское ханство) 79, 81, 84
Шельда, р. 14, 63
Шемаха 24—27, 30, 66, 69, 70, 79—81, 84, 90, 91, 101, 103—105, 109, 117, 123, 142, 157, 207, 292
Шервашидзе, владетели 140
Шетарди (Chétardie J.) 51—53
Шинов, генерал 121
Шираз 69, 216
Ширван (Ширванское ханство) 30, 34, 38, 79—81, 90, 102, 109, 110, 113, 125, 203
Шишкин, капитан 71, 95, 215, 284
Шлезвиг 42
Шовлен (Chauvelin B.-L.) 120

Штеттин (Щецин) 16
Шуазель-Гуффье (Choiseul-Gouffier M.-G.) 249, 257, 258
Шуазель-Пралэн (Choiseul-Praslin E.-F.) 60
Шульман Е. Б. 9
Шуша, крепость 204, 288, 295

Элджин (Elgin T) 299
Элтон (Elton J.) 67
Эмин Иосиф 134
Эндери (Андреевская деревня) 133
Энзели, порт 70, 75, 76, 83—89, 91—93, 97, 202, 207, 216
Энсли (Ainsly R.) 165, 244, 245, 261, 262, 280
Эраурум 69, 155, 202, 205, 206, 235, 297
Эривань см. Ереван
Эчмиадзин 288, 305

Юлих-Берг, герцогство 41
Юсуф Аяг-эфенди 282
Юсуф-паша ахалцихский 116
Юсуф-паша, великий везир 224, 297
Юхт А. И. 8, 74

Яблонский В. С. 69
Языков Н. Д. 143, 215
Яковл И. В. 84, 85, 96, 150
Яковлев Никита 207
Япония 92
Яссы 269, 273

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Западные державы и Россия в XVIII в.	13
1. Роль англо-французского соперничества в международных отношениях XVIII в. Принцип «равновесия сил»	13
2. Россия в борьбе за морские выходы. Русско-турецко-иранские отношения до союзного договора России с Австрией 1726 г.	16
3. Австро-русский союзный договор 1726 г. Его роль в политике «равновесия сил» и в русско-ирано-турецких отношениях (до 40-х годов XVIII в.)	40
4. Политика европейских держав в Константинополе в 40-х — начале 70-х годов. Кючук-Кайнарджийский мир (1774 г.)	50
Глава II. Экономические связи России с Закавказьем и Ираном в XVIII в.	64
1. Русско-иранская торговля и Ост-индская компания	64
2. Торговля России с Закавказьем и Ираном, ее характер и тенденции	74
Глава III. Россия, народы Закавказья, Иран и Турция в XVIII в. (до середины 70-х годов)	99
1. Россия и Закавказье в 20-х годах XVIII в. Роль Вахтанга VI	99
2. Борьба народов Закавказья против турецкой и иранской агрессии и политика России в 20—40-х годах	115
3. Положение в Грузии в 50—60-х годах. Грузинские посольства в России и закавказская политика России	127
4. Закавказье во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Значение Кючук-Кайнарджийского мира для Грузии	135
Глава IV. Закавказье в системе восточной политики России после Кючук-Кайнарджийского мира (70—80-е годы)	146
1. О новых явлениях исторического процесса России в последних десятилетиях XVIII в.	146
2. Положение в Закавказье в связи с кризисом в Иране конца 70-х годов	154
3. Цели и методы закавказской политики России в 80-х годах. Роль Г. А. Потемкина	159
4. Ираклий II. Установление протектората России над Восточной Грузией (1783 г.)	164
5. Политика России в Азербайджане, Армении и Западной Грузии	176
Глава V. Реваншистская политика Турции, русско-иранские отношения и расстановка сил в Закавказье накануне русско-турецкой войны 1787—1791 гг.	201
1. Турция в роли «защитницы» Ирана	201
2. Русско-иранские отношения в 80-х годах	215
3. Расстановка сил в Закавказье накануне русско-турецкой войны 1787—1791 гг.	218

Глава VI. Роль международного фактора в развитии русско-турецкого конфликта конца 80-х годов. Ясский мир	236
1. Обострение англо-русских отношений в 80-х годах. «Греческий проект» и реакция европейской печати на «завоевательные планы» России	236
2. Англо-французское соперничество и франко-русское сближение (80-е годы)	252
3. Дипломатическая борьба в Константинополе по грузинскому вопросу и развязывание войны	256
4. Положение в Закавказье во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг.	264
5. Ясский мир 9 января 1792 г. (29 декабря 1791 г.)	270
Глава VII. Англо-французское соперничество и политика России в Закавказье в конце XVIII в.	276
1. Международная обстановка в первой половине 90-х годов	276
2. «Калджарская угроза» Восточному Закавказью и политика России	283
3. Международная обстановка во второй половине 90-х годов. Активизация политики России в Восточной Грузии	298
Заклучение	307
Указатель имен и географических названий	312

51-1966

Ольга Петровна Маркова
Россия, Закавказье
и международные отношения
в XVIII веке

Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР

Редакторы *И. М. Дижур, Г. М. Козловская,*
Л. Н. Лазаревич
Технический редактор *Н. Д. Новичкова*
Корректоры: *М. Н. Гарбер, Л. Л. Родичев,*
П. М. Савоев

Сдано в набор 20/IX 1965 г.
Подписано к печати 27/I 1966 г.
А-01409. Формат 60X90^{1/16}.
Печ. л. 20,25. Уч.-изд. л. 21,93
Тираж 1600 экз. Изд. № 1558

Зак. № 1493. Индекс $\frac{1-6-4}{1017-65}$

Цена 1 р. 47 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Исправления

На стр. 13 в сноске 1 следует читать: К. Маркс, *Капитал*, т. I, М.,
1955, стр. 757.

На стр. 127 строка 19 перевернута.

Зак. 346.

51-1966